

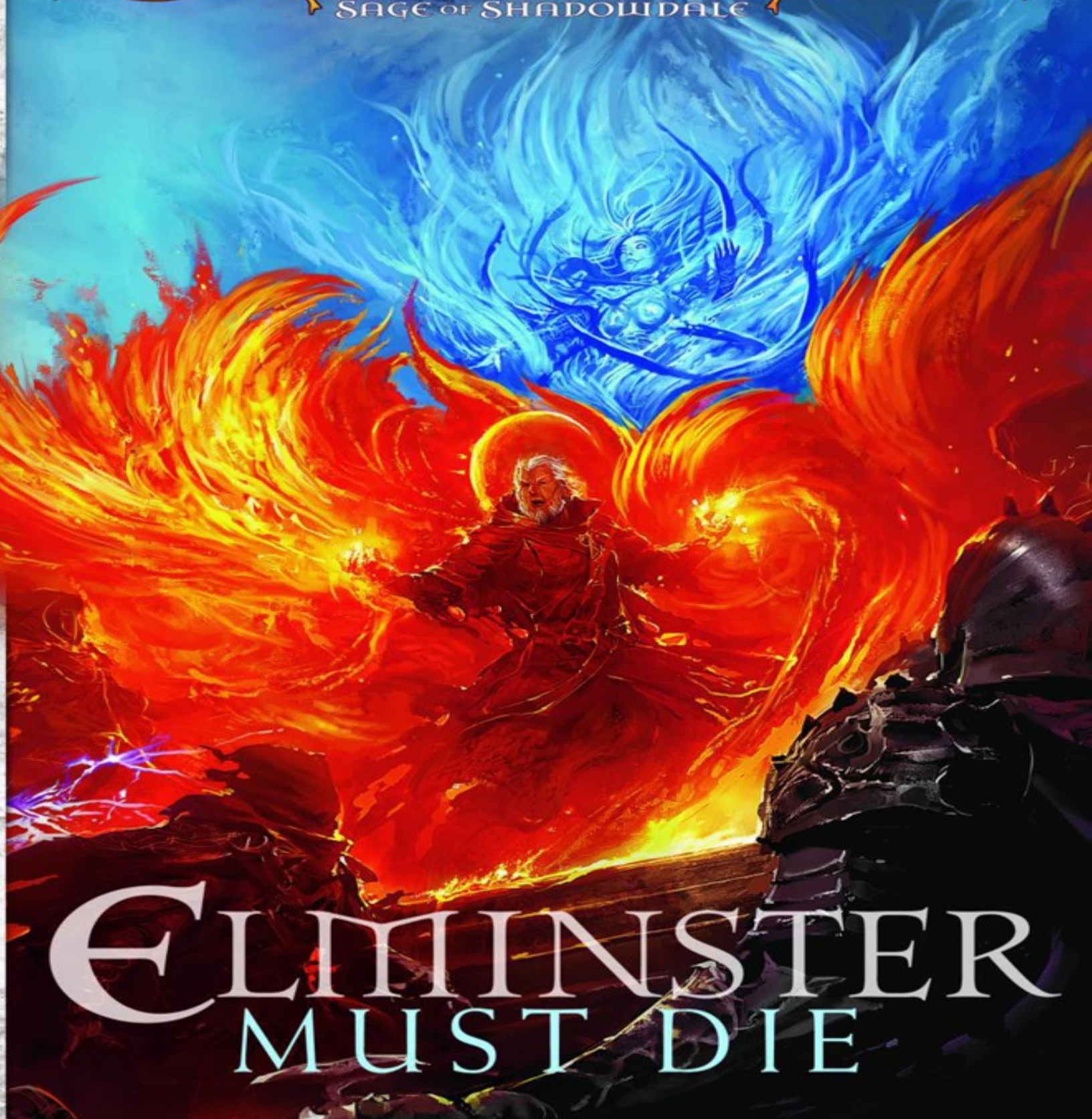
DUNGEONS & DRAGONS®

FORGOTTEN REALMS®

Creator of the FORGOTTEN REALMS® World

ED GREENWOOD

SAGE OF SHADOWDALE

ELMINSTER MUST DIE

БОГИНЯ МЕРТВА.

Веками Эльминстер Омар служил Мистре с помощью тех сил, которыми она его наградила. Он сражался с Жентаримом, Нетерилом, Красными Магами Тэя, наживая себе врагов, позаботиться о которых никогда не было времени — судьба мира зависела от его следующего шага. Но теперь...

ЕГО БОГИНЯ МЕРТВА.

Его защитница, его любовница, его богиня, его смысл навсегда исчезла. Любой проблеск магии делает его безумным. Враги почуяли эту слабость... они сжимают кольцо, повторяя в унисон...

ЭЛЬМИНСТЕР ДОЛЖЕН УМЕРЕТЬ!

О переводе

Особая благодарность за поддержку перевода: **sempai, Tien, Cleric, Kechuk, ice2, keij, melvin, darkwolf, инкогнито x2**

Обо всех замеченных неточностях или ошибках просьба сообщать переводчику в ЛС через форум «Долина Теней».

Год Извечного принес в Долину Теней раннюю и теплую весну, тянувшуюся бесконечной чередой коротких проливных дождей и пасмурных дней. Путешествие по Долинам стало утомительным занятием, требующим немало попотеть, оскальзываясь в вездесущей грязи и отмахиваясь от туч пирующего гнуса.

Так что у Гаэронда Шрама быстро иссякли ругательства, а большая часть тела онемела из-за собственных шлепков. Да и прочие авантюристы из отряда Кровавых Щитов, суровые и опытные, были немногим веселее его. Если бы тот сладкоречивый сембиец не заплатил им столько — и не пообещал значительно большую сумму, если они обернутся хотя бы с намеком на успех — Кровавые Щиты давным-давно пошли бы другой дорогой.

Всем и каждому было прекрасно известно, что волшебник Эльминстер давным-давно сгинул, погиб, оставшись всего лишь еще одним длиннородым именем из легенд. Сколько помнил себя любой из ныне живущих, на месте его башни в Долине Теней всегда зияла заваленная камнями яма, кишачая змеями.

Добравшись наконец туда, они это проверили — так и есть, яма. Заросшая густой травой грязная лужа, и больше ничего.

И все же... сембийское золото оставалось сембийским золотом, целые пригоршни которого им пообещали, так что Кровавые Щиты продолжали путь.

Постоялый двор «Старый Череп» тоже оказался там, где и должен быть, гордо возвышаясь у дороги. Заведение, как говорили, недавно расширили: два этажа с балконом и верандой, крутая темная крыша, из отличной новенькой черепицы; с длинных карнизов на крепких цепях свисают металлические фонари с гравировкой, ожидающие, когда на закате их зажгут. Совсем скоро.

Гаэронд одобрительно хмыкнул, почуяв острый запах дыма роговой травы. Любая ночлежка, куда не желали подпускать насекомых, была для него желанным местом отдыха.

Он услышал негромкий звук гонга изнутри. Их заметили.

Гаэронд повернулся, чтобы встретиться взглядом с Малькимом, потом с Фламдаром, похлопал по рукояти меча. Затем завязал вокруг нее узел мира, кивнул, когда товарищи сделали то же самое, и снова повернулся к постоялому двору, держа на виду пустые руки. Гаэронд за долю секунды мог выхватить и бросить два длинных сарка, если возникнет необходимость — но надеялся, что до этого не дойдет, если остальные Кровавые Щиты будут себя хорошо вести. Хорошее поведение означало горячий ужин и постели — а может быть, даже ванну! — этим вечером.

У входа, приветливо улыбаясь, их встретил самый высокий и широкий человек, каких Гаэронд только видел. Гаэронд улыбнулся в ответ, глядя хозяину в глаза и сделав вид, что не замечает двух женщин по обоим концам длинной стойки. Рядом с ними на потертых досках лежало по заряженному арбалету.

— Комнаты и ужин на шестерых?

— Было бы здорово. Заплатим звонкой монетой, — Гаэронд по старой привычке пытался отвечать любезно. При взгляде на него большинство людей видели только страшные шрамы. — Но работа ждать не станет, так что ужин и постель потом, если дело пройдет хорошо. Мы — отряд Кровавых Щитов, и не желаем никому зла. Получили патент в Арабеле, пришли на своих двоих из Туманной Долины. Мы ищем Эльминстера.

Улыбаться хозяин не перестал, но каким-то образом его улыбка стала чуть менее дружелюбной.

— Шестеро авантюристов с патентом разыскивают мертвеца? Или сокровища, которые могли после него остаться?

Гаэронд покачал головой.

— Нам хорошо заплатили за консультацию у Эльминстера, а вовсе не за то, чтоб мы причинили ему вред. Наш наниматель слишком стар, спина и ноги у него уже не те, чтоб куда-то путешествовать ради одного разговора. Некто, встречавший Эльминстера, посоветовал, если спросят нас о намереньях, отвечать по всей Долине Теней: «Старый Маг, не убить его никак».

Глаза владельца постоянного двора блеснули. Он мрачно кивнул, развернулся и позвал низким, но мягким голосом:

— Тал!

Молодой, не особенно чистый босоногий парнишка появился так быстро, что, должно быть, подслушивал. Он выскочил из кухни и замер чуть поодаль. Мгновение его светлые глаза рассматривали Гаэронда, затем парень вопросительно глянул на здоровяка-хозяина.

— Проводи этих патентованных господ к жилищу волшебника и обратно, — услышал он в ответ мрачный приказ.

— Фонари? — чирикнул мальчишка.

— Нет, парень, — быстро ответил Гаэронд. — Но мы хорошо заплатим, если проводишь нас. Если путь недолог, то наше дело много времени не займет. Наниматель приказал, чтоб никто не слышал, о чем мы будем говорить и что услышим в ответ, но закончится это быстро и мы сразу вернемся сюда.

Тал смотрел на владельца постоянного двора, все еще ожидая указаний, будто Гаэронд ни слова и не сказал, но тот только согласно кивнул.

Тогда мальчишка улыбнулся, кивнул и прошел мимо Гаэронда, бросив жизнерадостное:

— За мной, господа.

Судя по виду Малькима, он страстно желал осушить кружку-другую, прежде чем куда-то идти, но наемник беспрекословно последовал за Гаэрондом. Фламдар и прочие потащились следом.

Парень отвел их к перекрестку, который не стал ни просторнее, ни чище, чем в прошлый раз, и повернул на север, мимо нескольких новых ферм, уже утопавших в трясине, на которой они были построены. За фермами земля поднималась, увенчанная непреодолимой на вид преградой из шипастых лоз, овившихся вокруг диких деревьев. Когда-то здесь была ферма Шторм Среброрукой... лет сто назад, когда еще *была* Шторм Среброрука.

Можно было подумать, что один или два арфиста выжили и поселились здесь, чтоб питаться фруктами и прочим, но местный народ мог прогнать или проткнуть их чем-нибудь острым, и...

Гаэронд удивленно хмыкнул — парнишка свернул с дороги вниз, в канаву у северной оконечности дикой изгороди, далеко в стороне от главных ворот фермы — только чтобы взобраться по другому склону рва и нырнуть в темную дыру в изгороди, похожую на кабанью тропу.

Хах. Пахла она тоже как кабанья тропа; Гаэронд положил руку на один из своих длинных сарков, опустив голову и продираясь вслед за мальчишкой через трескучие ветви,

кожистые листья и неизбежные острые шипы.

Позади него Мальким тихо — ну, почти тихо — выругался.

За колючей крепостью изгороди стоял сырой, укрытый туманом лес. Деревья были высокими, не такими массивными, как древние лесные гиганты впереди и слева, но уже закрывали колючкам и кустарнику солнце. Взметнулись потревоженные птицы, из-под ног в поисках укрытия прыснули маленькие зверьки. Несколько гнилых, покосившихся жердей между высящимися древесными стволами — вот и все, что осталось там, где когда-то, наверное, колосились ряды пшеницы.

Далеко справа Гаэронд углядел то, что могло быть углом лишившегося крыши дома — но здесь уже давно никто не жил и не вел хозяйство. Они пробирались по кучам мокрой листвы, по нетронутым, покрытым мхом буреломам, и вокруг не было ни единого следа.

И сумерки здесь, между деревьев, сгущались быстро.

— Сколько еще, парень? — буркнул Гаэронд. Вероятность того, что ночь застанет их посреди глухих зарослей, не вызывала энтузиазма.

Тал повернулся к нему с бодрой, простодушной улыбкой:

— Совсем чуть-чуть, здесь, дальше по тропинке!

Гаэронд едва не фыркнул. Если ему когда и приходилось слышать дикие выдумки бардов, то «тропинка» точно была одной из них. Но парнишка стоял на гребне небольшого холма, в каких-то трех шагах, и указывал вниз, на противоположный склон, как будто логово Старого Мага действительно было недалеко.

— Там, господа! — радостно сказал Тал, стоя на вершине и указывая в нужном направлении, пока они шагали мимо юноши.

Пропади все боги пропадом, там *была* тропинка, выбегающая из-под покатого камня, который выступал из склона, опускавшаяся, петляя между деревьев, вниз в лощину — или, быть может, в пещеру, за деревьями было не разглядеть.

Гаэронд до рези в глазах всмотрелся в узкую тропку у ее начала, там, где заканчивался голый камень, в напрасной попытке определить, какой зверь ее протоптал. Затем он повернулся и рыкнул:

— Рорн!

Рорнагар Мечелом предпочитал идти замыкающим и свое дело знал; он мгновенно обернулся, понимая, что нужно Гаэронду.

Но каким бы острым и внимательным не был взгляд Рорнагара, он повернулся слишком поздно и увидел только камни, листву и деревья.

Резкий жест Гаэрона заставил всех замолчать и прислушаться, но не раздалось ни единого звука, который бы подсказал, куда делся Тал. Из леса абсолютно внезапно вдруг исчезли все дружелюбные жизнерадостные пареньки.

— Ну? — наконец спросил Мальким, когда Кровавые Щиты переглянулись... и опустились сумерки.

— Зажгите лампы, — приказал Гаэронд. — Идем дальше.

Так они и поступили, начав спускаться по тропинке. Рорнагар оборачивался дважды, чтобы окинуть лес подозрительным взглядом — все было напрасно.

Пальцы Гаэронда были заняты узлом мира на клинке, а глаза рассматривали тропинку впереди и окружающий лес. Он видел, куда ведет этот путь, прямо к низкому входу в пещеру впереди. Оттуда, через прорехи в двери, сделанной из изодранной и кое-как залатанной оленьей шкуры, определенно выдавшей лучшие деньки, сочился мерцающий свет.

Он остановился снаружи, взмахом приказав своим спутникам подходить насколько возможно тихо. Когда те почти бесшумно собирались вокруг Гаэронда, каждый хлопнул по рукояти меча — жест говорил, что они готовы к бою.

Гаэронд одобрительно кивнул и взглянул на Рорна, который молча покачал головой: он не нашел никаких следов их проводника. Хмм, парень исчез, не получив своей платы; что, если это был сам волшебник в чужом обличье?

Ухмыльнувшись и пожав плечами, Гаэронд вежливо позвал:

— Эльминстер? Волшебник Эльминстер? Здесь мирные посланцы, которые пришли просить совета!

— Входите, — раздался дрожащий старческий голос. — Мирным посланцам здесь всегда рады.

Затем голос стал строгим, или, скорее, раздражительным.

— Смотрите, чтоб так оно и оставалось.

Кровавые Щиты обменялись ухмылками и вошли внутрь.

Пещера оказалось длинной, узкой землянкой, полной сырой земли и камней, заставленной старой мебелью из грубой древесины — скорее хижина отшельника, а не обитель друида. Над грубым столом свисали с ветки две небольших, мерцающих лампы, а по ту сторону стола сидел крепкий, широкоплечий старик, шутившийся на них вдоль огромного крючковатого носа. У него была длинная, косматая борода.

Пол был неровным, грязным, покрытым втоптаннами в землю старыми костями и скорлупой от орехов, а из стен землянки тут, там и сям торчали корни. На корнях висела жалкая коллекция прогнивших старых картин и гобеленов.

— И вот вы нашли Эльминстера, о авантюристы, и чтобы заработать свою плату, будете вести со мной речь? Что ж, говорите; но боюсь, мне нечем поделиться, и коли ждете вы великого волшебства аль пригоршни самоцветов, то опоздали лет на сто.

— Ха, — ответил Гаэронд. — *Какая* жалость. Нам вроде как по душе великое волшебство и пригоршни самоцветов. А на малое волшебство ты еще способен?

Старик невесело фыркнул, и узловатыми, трясущимися от старости пальцами нашарил глиняную трубку.

— Коли б я мог, думаешь, сидел бы здесь, в этой грязной норе, понемногу умирая от голода? Такова будет моя цена за ответы, имей в виду: головка сыра или кусок мяса, если найдется в ваших мешках такая роскошь!

Гаэронд улыбнулся, совсем недружелюбно, и покачал головой.

— Нам все сильнее становится стыдно, правда, парни?

Кровавые Щиты отозвались неприятным смехом. Они уже разошлись в стороны и достали свое оружие, кто какое предпочитал, принявшись угрожающе им покачивать.

— Ты, может, заметил, — сказал Гаэронд крепкому старцу, — что Лирал взял с собой копье. Нам кажется, будет лучше смотреться, если насадить на него твою голову — такой себе трофей, которым можно будет поразмахивать, когда вернемся в Сембию. Сембийцы хорошо платят своим телохранителям — и не каждый отряд наемников может похвастаться тем, что прикончил в битве легендарного волшебника Эльминстера!

Крепкий старик, казалось, съежился в своем кресле.

— Вы... шутите, верно... — дрожащим голосом выговорил он.

Гаэронд ответил лучшей своей мягкой волчьей улыбкой.

— Нет. Боюсь, что нет.

В тот же миг воздух взорвался оглушающей бурей свиста и бряцанья. Старик сидел неподвижно, как камень.

Буря стихла так же неожиданно, как и началась. Гобелены и картины покачивались под тяжестью арбалетных стрел, которых было не сосчитать.

Почти все наемников пошвыряло на стены. Их утыкали столькими стрелами, что Кровавые Щиты превратились в подушечки для булавок. Гаэронд стоял не у стены, и потому упал последним. Медленно и безмолвно он накренился и рухнул ничком; на мертвом лице застыло выражение неверия.

Грохот его падения стал как будто сигналом: из-за гобеленов торопливо выбирались фигуры с жемчужно-белыми конечностями, перезаряжая арбалеты или отбрасывая в сторону оружие Кровавых Щитов, на случай, если у кого-то из наемников была магическая защита, достаточная, чтобы тот выжил.

Видимо, ни у кого такой защиты не было.

Сидевший за столом доппельгангер уменьшился, превращаясь в длинное и тонкое существо, легко выскользнувшее из мантии волшебника и доспехов под ней, которые и наделили «Эльминстера» такими широкими плечами. Доппельгангер потянулся через стол, чтобы присоединиться к разбору экипировки и тел наемников — первое на продажу, второе — в пищу.

— Были проблемы? — входя в пещеру, прошипел новоприбывший. У него по-прежнему было лицо Тала, но тело стало таким же жемчужно-белым и бесформенным, как и у остальных.

— Никаких, — ответил один из доппельгангеров, занятый тем, что сворачивал шею Кровавым Щитам, просто на всякий случай. В его голосе звучала скука.

— А все-таки, *где же* небезызвестный Эльминстер? — спросил самый юный из доппельгангеров. — Он еще жив, да? Знаете, говорят, что жив.

Доппельгангеры нечасто пожимают плечами, но все находившиеся в пещере проделали разные вариации этого жеста в колыхающийся унисон.

Тот, который изображал Эльминстера, ответил:

— Жив, но давно отсюда ушел. Зато нет недостатка в говорящем мясе, которое приходит сюда в его поисках. Даже арфисты до сих пор появляются.

Один из доппельгангеров, уже старый, отрастил большой рот, чтобы широко ухмыльнуться и заявить:

— *Обожаю* арфистов. Хорошая еда.

Глава 1

Мрачный выбор

Проклятый шкаф был слишком тесным.

Даже для одного из самых красивых, учтивых, галантных, атлетичных и гибких дворян из тех, что дышат сладким воздухом Лесного Королевства Кормира.

Даже соперник по словесному поединку признал бы, что лорд Арклет Делькасл обладал всеми этими достоинствами не только в собственных глазах, но также по мнению множества девиц.

И, несмотря на все эти выдающиеся качества, наследник рода Делькаслов едва втиснулся в массивный платяной шкаф из дуба. Чтобы составить компанию застарелой плесени и еще более древней пыли. По крайней мере, их знакомая вонь подтверждала, что он по-прежнему находится во дворце.

Скрючившись так, что колени оказались выше ушей, сцепив пальцы будто когти, чтобы только тело его не соскользнуло и не выдало себя малейшим шумом, Арклет смотрел в темноту закрытой прямо перед его носом дверцы и страстно молился, чтобы Ганрахаст и Вэйнренс торопились, и их тайная встреча оказалась недолгой.

Например, чтобы она окончилась за миг до того, как ему захочется чихнуть.

Никто обычно не заходил в эти пыльные, давно не использовавшиеся покои в верхней части северного крыла — так, по крайней мере, Арклет думал раньше. Он обнаружил это место несколько лет назад, во время праздника, когда бродил по дворцу, ожидая, пока выветрится действие огненного вина, прежде чем выйти на ночные улицы и направиться домой. Открытие пригодилось, чтобы без лишних глаз насладиться прелестями одной дворцовой служаночки — великолепной штучки, впоследствии, к сожалению, отбывшей в Невервинтер с богатым купцом, принявшем ее на работу. Затем Арклет стал приходить сюда, чтобы остаться в одиночестве и поразмышлять, когда испытывал такую потребность.

Несколькими мгновениями ранее для него оказался неприятным сюрпризом тот факт, что придворный маг Кормира, Ганрахаст, которого боялся весь двор, и его заместитель, невозмутимый и суровый Вэйнренс «Гроза врагов», избрали эти же самые покои в северном крыле для своих тайных совещаний.

Арклету не хватило времени, чтобы втиснуться в узкое пространство за шкафом, который стоял как раз там, где стена изгибалась, образуя выемку. Он успел только залезть внутрь, закрыть дверцу и устроиться в неудобной позе, позволявшей ему хотя бы не шуметь, а затем в комнату вошли два могущественных волшебника, о чем-то приглушенно переговариваясь.

Ступив в комнату, они заговорили громче.

Арклет почувствовал зуд и ожесточенно сжал зубы. Он должен был догадаться, что кто-то приходит сюда обсудить конфиденциальные вопросы деликатного характера, раз уж всегда чувствовал щекотку и пощипывание из-за охранных заклятий на лестнице в верхние покои.

Миг спустя в темноте прямо перед глазами Арклета зажглось мягкое сияние, едва не вынудив его закричать от испуга.

Юный лорд еле-еле заставил себя молчать.

Вместо этого он застыл, напуганный и беспомощный, пока прямо перед ним

пробуждалось к жизни старое заклинание.

Свечение постепенно выросло в беззвучное, застывшее в воздухе видение, изображавшее знакомое ему место неподалеку. Вид из комнаты сверху на тот самый участок лестницы, где он всякий раз ощущал действие магии.

В видении на этом месте молча стояла женщина, с пылающим от ярости взглядом вцепившись руками в невидимые печати, не позволявшие ей пройти. Женщина, которая уже многие годы была мертва, призрак, однажды уже виденный Арклетом издалека.

Принцесса Алусейр, Стальной Регент, правившая королевством почти столетие назад, знакомая по многочисленным портретам и гобеленам, какие можно было увидеть практически в любом знатном доме Кормира; волосы свободно развеваются, лицо в гневе — а глаза, кажется, смотрят прямо на него.

Арклет сглотнул. Он прекрасно видел призрак Алусейр, её доспехи и длинный меч у бедра, и все прочее, и по тому, как она вглядывалась и время от времени поворачивала голову, было ясно, что Алусейр слышит, но не видит двух волшебников, беседовавших в комнате рядом с его шкафом.

— Плохо, — говорил придворный маг, — но ожидаемо. Ты не стал бы звать меня сюда только ради этого. Что еще?

— Королевское ожерелье Битвы пропало из футляра, — скучным голосом ответил Вэйнренс, — к которому никто не прикасался. Ни одно заклинание не потревожено. И час назад ожерелье было на месте; я проходил мимо и видел его собственными глазами.

Арклет удивился. Ожерелье было *древним*. Сколько он себя помнил, это сокровище Обарскиров было выставлено для демонстрации в футляре в комнате Боевого Рога.

— Опять Эльминстер, — буркнул Ганрахаст, от злости ударив кулаком по дверцам шкафа.

Одна из них слегка приоткрылась, и сердце Арклета ушло в пятки. Но от этого заклятье угасло, убрав из виду призрака с яростным взглядом и снова погрузив шкаф во тьму.

Ни один из магов не заметил ни дверцу, ни мелькнувшее на миг в щелке сияние. Должно быть, они были не в себе от злости.

Через щелку юноша видел, как Вэйнренс кивнул и нетерпеливо ответил:

— Но в этот раз он попался. Я так и думал, что он нацелится на ожерелье — он, кажется, предпочитает магию постарше — так что это одна из четырех десятков вещей, на которые я поставил заклятья-маячки. Куда бы он ни отправился, по твоему приказу мы в мгновение ока сможем телепортироваться так близко, как пожелаем. Команда готова. Сейчас Эльминстер в самой глухой части Халласкского леса и не двигается. Наверняка сидят со своей девкой, чокнутой королевой-ведьмой возле костра и вместе плавят ожерелье, насыщаясь его силой. Час назад Терлон доложил, что она сожгла дотла еще одну ферму.

Ганрахаст вздохнул.

— Ты прав. Время разделаться с ними обоими. Отправь Келгантора и его волков, да пребудут с ними боги.

— Будет сделано, как только я соберу их в зале Шпор! Они готовы к бою, а Эльминстер и королева-ведьма... когда-то они внушали страх, но, попомните мои слова, давно уже не те.

Ганрахаст развел руками.

— Так на протяжении сотен лет говорили многие ... Но все они стали прахом, а эти двое по-прежнему среди живых.

Вэйнренс отмахнулся.

— Да, но сейчас-то она полностью безумна, а он — всего лишь старый пердун, а вовсе не легендарный лев, сотрясавший ревом Королевства!

Ганрахаст погрозил пальцем.

— Я знаю, что легенды нас всех сделают львами куда более великими, чем на самом деле... И все-таки его слава *должна быть* на чем-то основана. Убедись, что Келгантор готов к худшему магическому поединку в своей жизни.

— Он готов, и я пошлю еще дюжину старших рыцарей вместе с ним, на случай, если чары подведут и потребуются клинки и стрелы. На сей раз со старым львом и его безумной сукой будет покончено. Пока во дворце еще остались магические вещи.

Худой бородатый старик и высокая, эффектная сребровласая женщина в кожаной броне наконец-то подошли к нужному месту в чащобе Халлакского леса. Им казалось, что путь должен быть короче.

— Вот он, — буркнул Эльминстер, глядя на выступающий из земли высокий камень. Когда-то это было основание самой высокой башни Тетгарда, но любые другие следы руин давно исчезли или заросли травой. Несмотря на неприметный вид, Эльминстер видел этот камень столько раз, что уже потерял счет, и знал — это было то самое место. — Давай заклинание.

Шторм Среброрукая кивнула и прошла мимо него, чтобы найти твердую опору. Вокруг щебетали птицы и полосами падал сквозь листву свет позднего дня.

Из-под деревьев перед ними выступал край плиты, не слишком большой, заляпанный птичьим пометом, но пустой. С другой стороны каменные ступени опускались прямо в заросли шиповника — лестница из ниоткуда в никуда. Мгновение Шторм смотрела на каменное возвышение, как изучающий цель лучник, потом тряхнула головой, отбрасывая с глаз свои серебряные волосы, и медленно, не торопясь, стала сплетать заклинание.

Плавные изгибы ее тела и румянец на щеках придавали ей такой вид, будто Шторм едва исполнилось двадцать. Это сотворила Волшебная чума, украв большую часть ее магии, но заставив казаться юной — деяние жестокое и столь же необъяснимое. Только глядя в ее глаза — и встречая в ответ взгляд семисотлетней мудрости — мир мог догадаться о настоящем возрасте Шторм.

Пока она творила заклятье, дымчатая тень мужчины рядом с ней растаяла, приобретая видимую плотность на вершине плиты. Это был уже не тот худой Эльминстер, что стоял рядом со Шторм, а Старый Маг в расцвете сил: крепкий, острый взгляд над длинной, «перец с солью», бородой; посох в руках, развевающаяся мантия и разведенные в заклинании руки.

Этот Эльминстер, более живой и яркий, стоял на вершине камня, глядел в небо и что-то негромко говорил, ладони двигались в изящных жестах Искусства...

И ничего не произошло.

Поднялся легкий ветерок, пронесся мимо, всколыхнув несколько листьев, утих. В остальном Королевства молчали.

Тишина стала затягиваться.

— И что теперь? — спросила Шторм.

— Подождем, — устало ответил Эльминстер. — Что остается?

Они опустили на гостеприимный старый пенёк и стали ждать, глядя — казалось, очень долго — в пустые небеса. Потом волшебник покосился на свою спутницу — и увидел струящиеся по ее щекам слезы.

— Как ты, подруга? — угрюмо спросил он, протягивая руку, чтобы прижать Шторм к себе, понимая, какое это ничтожное утешение — единственное, на что он способен.

Она покачала головой.

— Эти иллюзии — единственная магия, что у меня осталась, — шепот Шторм был полон скорби. — Во что мы превратились? Ох, Эл, что с нами стало?

Они оба знали ответ.

Они были пустышками: Шторм юной и красивой, но без своего глубокого и певучего голоса, практически без магии — та ушла вместе с голосом; Эльминстер, не утративший прежней мощи, но не рискующий использовать заклинания — ведь с каждым заклятьем его рассудок погружался в бездну безумия. Они уже и сосчитать не могли, сколько раз после года Синего Пламени Шторм приходилось заботиться о своем наставнике, когда Эл решал, что ему отчаянно необходимо швырнуть заклятие... и на целые годы превращался в безумца.

Их обоих терзала жажда.

Отчаянная, гложущая жажда силы и могущества, каким они обладали в юности. Благодаря древнему тайнику, что когда-то принадлежал Азуту, Эльминстер и Шторм могли бы захватить юные и сильные тела для себя. Боги, это заклятие было таким *простым*!

Так что Эльминстер постоянно подвергался искушению. Захватить новое тело, начать новую жизнь... или умереть.

Время для забвения уже давно настало, и они так *устали* от ноши Избранных, но почему-то просто не могли сдаться последним холодным объятьям. Пока нет.

Не после долгих сражений во всех уголках мира в попытке исправить все зло в Королевствах. Конечно, эта борьба была бесконечной, но еще столько необходимо было сделать...

И не было никого, кому можно было бы доверить такую задачу. Никого.

Каждое существо, которое они встречали со времен Синего Пламени, заботилось лишь о самом себе. Или просто не способно было понять, что именно нужно делать.

Так что Эльминстер и Шторм, бывшие агенты в прошлом самой могущественной богини мира, делали то немногое, на что еще были способны — пустить слух там, спасти кого или прикончить здесь... по-прежнему стоя у руля... и эта работа сберегала им жизнь последние сто лет.

Кто-то же должен был спасать Королевства.

Зачем? Кто они такие, чтобы вмешиваться?

Они были Старой Гвардией, скудной горсткой тех, кто видел необходимость в действии и кому было не все равно. И кроме того... хоть Мистры и Азута больше не было, *кто-то* по-прежнему нашептывал им во снах, приказывая идти и творить свое волшебство для бедных и обделенных, бороться со злыми властелинами и теми, кто использует магию во зло.

Правда, обманывать себя, скрывая, что они продолжают слабеть и уставать, уже не получалось. В этом году они уже четвертый раз приходили к руинам, а сегодня был только — какой? — ах да, пятый день миртула... Весна была ранней и теплой, конечно, и все же...

С небес внезапно сорвался ястреб, пикируя на иллюзорного Эльминстера.

— В этот раз она хотя бы не в теле вонючего стервятника, — пробормотала Шторм, поднимаясь на ноги с обычной для себя плавной грацией и исчезая за деревьями. — Я

вернись, когда ты разведешь костер.

Шторм двигалась все так же быстро; когда Эльминстер обернулся, чтобы ответить ей, он увидел лишь качающиеся ветки.

Так что он проглотил слова, которые собирался сказать, и вместо этого просто пожал плечами. Со стороны Шторм великодушно было позволить ему побыть наедине с ее сестрой — в эти дни у них было не так уж и много времени друг для друга.

Фальшивый Эльминстер исчез, как только когти ястреба коснулись его.

Напуганная птица захлопала крыльями, неловко опускаясь на камень — ястреб растерялся.

Настоящий Эльминстер подавил вздох, вытащил из ножен украденный им сияющий кинжал, и взобрался на камень, держа клинок на вытянутой руке, как угощение. Чувство магии должно было захватить ее целиком.

Сначала небольшая трапеза, чтобы изгнать ее дикость. Потом, когда она придет в себя, будет время скормить ей ожерелье и добиться более длительного эффекта.

Всепоглощающий голод сверкнул в золотистых глазах ястреба, и птица с криком бросилась на него, замахав крыльями.

Когда клюв ее сомкнулся на лезвии кинжала, тело ястреба потекло, разлилось в пугающей метаморфозе плоти, которая сформировалась в грязную, голую старуху, с дикими космами и дикими глазами, костлявую старую женщину, присосавшуюся к клинку, как дитя к материнской сиське.

Ее рот засиял, когда женщина стала высасывать магию, не обращая внимания на острую сталь — и кинжал расплавился. Так всегда случалось с магическими вещами, которые он приносил ей.

Старуха припала к камню, будто пантера, жадный рот впился в рукоять оружия, ее тело становилось крупнее, сильнее, фигуристей. Волосы приобрели блеск, она стала моложе...

На время. Как это и случалось всегда

Слишком много лет его Алассра — Симбул, некогда гордая королева-ведьма Агларонда, гроза Тэя, рабовладельческой империи многочисленных Красных Магов — была лишь бледной тенью прежней себя. Одинокая и дикая, она скиталась в Долинах, Громовых пиках и Хуллакском лесу, постоянно меняя тела, обычно превращаясь в хищных птиц, пробуждаясь от безумия и обратно погружаясь в него.

Магия всегда пробуждала на время ее разум и самоконтроль, так что Эльминстер уже много лет наносил подобные визиты своей возлюбленной. Или тому, что от нее осталось...

Он постоянно крал, похищал, выкапывал из руин волшебные предметы, один за другим, приносил их к этому камню, чтобы Симбул могла поглотить их и восстановить ускользавшую власть над своим рассудком.

Волшебная чума не была милосердной.

Кинжал растворился, его рукоять сверкнула яркой жемчужиной на языке Симбул, исчезая вместе с сиянием. Глаза женщины сфокусировались на Эльминстере, и Симбул бросилась в его объятия.

— Эл, ох Эл... — все, что смогла выговорить она в перерывах между своими зловонными поцелуями. Вонь ее тела почти оглушила Эльминстера, когда Симбул вцепилась в него, обхватила руками, провела пальцами по его телу всюду, куда могла дотянуться, вцепилась в его изношенную дырявую одежду, пытаясь захватить его целиком.

— Так одиноко, — всхлипнула она, когда ей наконец пришлось освободить рот, чтобы

вздохнуть. — Спасибо, спасибо, *спасибо* тебе!

Потекли слезы, и она зарылась лицом в его шею, всхлипнув: «Любимый»...

Эльминстер обнял ее одновременно крепко и очень осторожно, будто баюкая нечто драгоценное и очень хрупкое. Она вцепилась в него, пытаясь обернуться вокруг него, пытаясь *зарыться* в него.

— Любимая, — прошептал он нежно, когда она заплакала, содрогаясь в рыданиях. Так было всегда, и он улыбнулся в ожидании, зная, что она сейчас скажет, понимая, что Симбул не обманет его ожиданий.

— Ох, мой Эльминстер, — яростно прошипела она, когда слезы прекратились. — Мне было так *одинок*о!

— Без тебя, — прошептал он, касаясь кроны ее серебристых волос губами, — мне тоже.

В ответ на это раздались новые всхлипы, но Симбул скоро подавила их; находясь в здравом уме, Алассра Среброрукая прекрасно понимала, как дорого каждое мгновение.

— Какой... какой сейчас год и месяц?

— Пятое миркула, год Нестареющего, — мягко ответил Эльминстер, догадываясь, каким будет ее следующий вопрос еще до того, как Алассра его озвучила.

— Что произошло, пока я... блуждала?

Эл принялся отвечать, левой рукой обнимая ее, а правой шаря по сумкам. Из одной он добыл помятую гроздь винограда, из другой — раскрошенный кусок эрельдского сыра, а из третьей — останки полностью раздавленных кексов с изюмом.

— Аххх, как мне этого не хватало, — сказала она, смакуя каждый кусочек. Затем на лице Симбул проступило отвращение, когда она увидела помет и маленькие косточки, разбросанные по всему камню.

— Чем, — пробормотала она, — я все это время питалась?

— Как всегда, — успокаивающим тоном ответил Эл. — Не думай об этом, госпожа моя. Мы делаем то, что должны.

Она содрогнулась, но кивнула. Глубоко вздохнув, Алассра прильнула к нему, крепко обняв.

— Я так скучала, Эл. Не оставляй меня больше.

— Я тоже скучал. *Ты* не оставляй меня, госпожа моя.

Убийца сотен Красных Магов слабо улыбнулась сквозь блестевшие на щеках слезы.

— Я больше не даю обещаний, которые не могу сдержать, — прошептала Алассра. Ее пальцы вцепились в Эльминстера, в его изодранную одежду.

Эльминстер хмыкнул и потянул ее с вершины камня к небольшой манящей расщелине, покрытой мхом и вполне уютной. Ему почти удалось забыть о грусти.

Когда ночь опустилась на Халлакский лес, Шторм вернулась к деревьям, чтобы в очередной раз обойти кругом руины Тетгарда. Еще один обход, чтобы парочку на мху никто не потревожил. Бдительной тенью, скользя между пнями, Шторм позволила своему лицу скривиться в гримасе.

Из всех ее сестер любить Алассру всегда было сложнее всего, хоть Шторм и старалась изо всех сил поддерживать доверие и близость между ними. Но для Эльминстера Шторм

будет всего лишь другом, пока его возлюбленная королева-ведьма жива.

Она хотела большего, но ни Эл, ни Аласстра не узнают этого от нее. Никогда.

Шторм обладала определенной властью над их парой. Симбул сошла с ума из-за Чумы; магия раздирала ее рассудок и только магия же могла на время его вернуть.

Магия, которую Аласстра принимала лишь от Эльминстера. Магия, которую Эльминстер мог отдать ей, лишь позволив огню внутри Аласстры съесть замороженное пламя чар на предметах, что он приносил ей — ведь Чума коснулась и *его самого*. Заклинания мгновенно повергали его в пучину безумия.

До тех пор, пока один человек — всего один во всем Фаэруне, насколько Шторм знала — не исцелял его. Единственное волшебство, которое Чума оставила Шторм. Шторм Среброрукая больше не была бардом Долины Теней. Теперь она была лекарем Эльминстера, хотя они тщательно позаботились о том, чтобы остальные Королевства об этом не узнали. Прикоснувшись к нему, усилием воли она могла исцелить разум старого мага, вливая в него свое здоровье с помощью бледной тени оставшегося у Шторм Искусства, и вернуть ему рассудок почти полностью. Ей раз за разом приходилось это делать.

И выходило, что королеве-ведьме нужна магия, чтобы на какое-то время прийти в себя, магия, которую давал ей лишь Эльминстер; а Эльминстеру нужна была Шторм, чтобы творить хоть какую-то магию вообще.

Один лишь вид Шторм повергал Аласстру в ярость, когда она была безумна, а Эл, будь он проклят, видел в Шторм друга, спутницу и сестру по оружию. Только не свою госпожу.

— Я Шторм Среброрукая, — сказала она ближайшему дереву яростным, но почти беззвучным шепотом. — И я хочу большего. Намного большего.

Они лежали вдвоем, в объятиях друг друга, и смотрели вверх, на темнеющее небо... как угасают, одна за другой, звезды.

Она заснула и видела сны. Прижималась к нему, цеплялась за него в поисках утешения, бормотала что-то, гладила его. Во снах Аласстра снова занималась с ним любовью.

Эльминстер не спал, лежал неподвижно, насколько мог, затекшими руками обнимая Аласстру, и мрачно смотрел на холодный свет звезд.

Далеко на севере завыл волк. Поблизости время от времени раздавались уханье и шорохи, но животных Эл не боялся; где-то рядом на страже стояла Шторм. Чуть раньше она уже выскользнула из-за деревьев, чтобы взглянуть на них — в ее глазах блеснули слезы, когда Шторм увидела свою сестру — но потом снова исчезла безмолвной быстрой тенью, когда Аласстра зашевелилась.

Оставив Эльминстера наедине с его мыслями.

Как долго Аласстра будет оставаться собой в этот раз? Он должен найти магию посильнее и разобраться с этим раз и навсегда.

Он устал скормливать ей мелкие безделушки Искусства, чтобы получить всего лишь малую горстку дней и ночей здравого рассудка, а несколько месяцев спустя делать то же самое ради еще меньшей горстки. Если бы заполучить что-нибудь *по-настоящему* могущественное, не искаженное слишком сильно Чумой, может, удалось бы сделать Симбул снова здоровой и вменяемой. Это было рискованно, но Эльминстер знал, как это проверить.

Ожерелья, которое он принес, было недостаточно. Оно купит ей несколько дней, может месяц. Когда Аласстра заснет крепче, он скормит ей артефакт, чтобы дать ей время поспать, пока магия ожерелья будет прокладывать себе путь внутрь Симбул.

Да, нужно было волшебство посильнее. Зачарованные предметы, конечно,годились бы Эльминстеру и для других целей — в отличие от заклинаний, они не делали его безумным. Например, можно было воспользоваться ими для устранения — или хотя бы ослабления — некоторых из самых срочных угроз Королевствам. Врагов, которых некогда он мог распылить одним лишь усилием мысли или обвести вокруг пальца, заставив творить добро. Когда у него еще была магия. Когда у него еще было тело, которое слушалось команд.

Когда Эльминстер что-то еще представлял из себя.

Хуже всего было то, что он знал, где найти... по крайней мере, можно было найти в прошлом... столь сильную магию. Но большая ее часть была утрачена, или погребена, или скрыта от его гаснущих сил и слабеющих чувств. Сегодня могучий Эльминстер мог красть не лучше хорошего вора; ему оставалось лишь подбирать трофеи чужих битв или довольствоваться тем, что плохо лежит. Или бросаться на добычу, которую нашел для него кто-то другой.

Кто-то вроде молодого глупца Марлина Грозозмея из Кормира, который разыскивает девятерых призраков. По его мнению, эти призраки в один миг убьют всех боевых магов, верных пурпурных драконов и соперников-заговорщиков, и усадят его ленивое седалище прямо на драконий трон.

Милой Лаэраль больше не было, так что не осталось и девяти призраков. Сейчас их было шестеро, или, может, семеро — и если бы некий Эльминстер получил над ними власть, он сумел бы отвести тень, нависшую над Сембией, и сделать Лесное королевство сильным, как в прежние времена: бастионом Арфистов и тех, кто обладает врожденным талантом к Искусству, но подобающим образом не обучен. Землей, где магам снова будут доверять и уважать их, откуда Эльминстер сможет посылать их во все уголки Фазруна, чтобы бороться с кровавым хаосом беззакония. Это будут новые стражи, которые возьмут на себя бремя защиты Королевств от тех, кто в процессе завоевания легко может их разрушить.

Или Эльминстер может позволить Аласстре поглотить призраков и стать прежней.

Эта сила и эти воспоминания вернули бы ей рассудок навсегда, выжгли бы из Симбул безумие, и его госпожа снова встала бы рядом с Эльминстером, во всей своей красоте и величии. Вместе они могли бы укротить Королевства и снова исправить их.

Итак, Корона... или Безумная королева?

Эх, мрачный выбор...

Но в этот раз — простой.

Его Алассра.

Мягкие губы во тьме коснулись его шеи, прямо над ключицей. Она все еще спала, лаская его во снах.

Эл слабо улыбнулся. Он очень любил Обарскиров и землю Пурпурного Дракона, но если это вернет его Симбул — пускай они горят в огне.

Чтобы вернуть Алассру, он готов на все.

На все.

Глава 2

Лихая ночка в Кормире храбром

— *Стой!* Что это было?

В ночи раздался хриплый шепот, прямо перед ней, не дальше пары метров, со стороны небольшого скопления сумеречных деревьев. Шторм Среброрукая застыла.

— Что-нибудь мохнатое. Шмыгают тут. Кто ж еще это может быть в самом сердце Халлака посреди ночи? — второй голос был тоньше и острее. И выше — его источник находился где-то на дереве.

— Эльминстер и Симбул?

— *Очень* смешно.

Шторм расслышала негромкий шорох, когда второй из собеседников слез на землю, прежде чем добавить:

— Короче, я *ничего* не могу отследить. Мы слишком близко к руинам. Останки волшебных печатей на башне и мышь не удержат, но результат их разложения — как огромный кипящий котёл. Его, может, не видно и не слышно, но он слишком эффективно глушит мое прорицание. Даже если эта парочка где-то впереди, найти их с помощью магии просто невозможно.

Раздался тяжелый вздох, потом голос добавил:

— Ничего больше подозрительного не слышал?

Шторм неподвижно застыла на месте, благодаря судьбу за то, что в лощине было достаточно темно, и этим людям проще было передвигаться наощупь, чем полагаться на зрение.

— Нет, — ответил первый, но в его голосе звучало сомнение.

— Ну, я точно не стану докладывать Келгантору, что мы всего один раз слышали небольшой короткий шорох, источник которого не смогли установить.

Келгантор. Значит, это боевые маги. Шторм оставалась неподвижной.

— Что это за руины? Какой дурак станет строить что-то в Халлакской гуще?

— Очень древний дурак. Твои старшие коллеги рассказывали мне, что эти руины звались Тетгардом. Какая-то падшая крепость из седых лет королевства, еще из того времени, когда Эльминстер — если он *и вправду* так стар, как гласят легенды — был молод. Ну, знаешь, когда боги ходили по миру, в Анорохе не было ничего, кроме пустыни, а на каждом холме спал дракон.

Ааа. Боевые маги вместе со старшими рыцарями. Их здесь гораздо больше этих двоих, и всеми командует Келгантор — потому что Келгантор всегда этим и занимается. И все они крадутся через сквозь гущу леса, поздней ночью, разыскивая Эльминстера и Симбул. *Зная*, что Эл и сестренка где-то здесь.

С противоположной стороны деревьев снова раздался еле слышный шорох.

— Здесь *был* кто-то, это точно, — заметил второй голос. — Когда я...

— Ну да, — раздраженно сказал третий голос. — Это был я. Неужели вы двое неспособны пройти через Халлак без того, чтоб шептаться, будто две горничные, рассказывающие друг другу последние сплетни? Мерлар, я, конечно, знаю, что боевые волшебники и шести шагов пройти не способны, не поговорив об этом, но от тебя я ждал большего. Я же тебя учил.

— Прошу прощения, — пробормотал первый голос, так близко, что Шторм могла бы потянуться и шлепнуть его обладателя, и для этого ей не пришлось бы полностью вытягивать руку.

— Идем, — прошептал третий голос, мягкий и глубокий, и Шторм слышала легчайшие шаги на устилавших землю сырых мертвых листьях. Новоприбывший двигался в сторону Тетгарда.

Прямо к Элу и сестренке.

Мерлар и маг, который слез с дерева, двинулись следом, и Шторм сама последовала за ними, неслышимая среди производимого троицей шума.

— Кто это? — прошипел новый голос в темноте с другой стороны от трех кормирцев.

— Нордраун, — сухо отозвался третий голос, — а ты кто такой, чтоб спрашивать, Шалдрун? Насколько я помню, ты должен быть с другого фланга, так, чтоб между нами оставался Келгантор.

— *Я и есть* между вами, — раздался еще один голос, холодный и спокойный. — К востоку от нас земля поднимается, и склон, судя по всему, вывел Шалдруна и его тройку по кругу сюда, сведя нас всех вместе. Так что остановитесь, пока кто-то не наткнулся в темноте на дружественный клинок. Сэр Нордраун, перекличка.

— Мерлар? — прозвучал быстрый шепот.

— Здесь, — ответил старший рыцарь, находящийся где-то прямо перед Шторм. — Со мной Терлон, Старбридж стережет тыл.

В ночи раздались еще два голоса, подтверждающие свое присутствие.

— А я, — продолжил Нордраун, — стою рядом с Мерларом. Мой маг — Хондрин...

— Здесь, — отозвался высокий и недружелюбный голос.

— ...и Данталус в тылу.

Еще одно подтверждение.

— Рорсорн? — спросил Нордраун.

— Здесь, сопровождаю боевого волшебника Келгантора и магов Тетлора и Мрелдрейка. Юспрар в тылу.

Келгантор отрапортовал с быстрой, холодной четкостью, а вслед за ним добросовестно доложились и остальные трое.

Шалдрун не стал дожидаться Нордрауна, несмотря на то, что тот был главным среди старших рыцарей королевства. Его тон ясно давал понять, что Шалдрун считает старших рыцарей лакеями, место которых существенно ниже любого боевого волшебника, и чем быстрее они это поймут, тем лучше.

— Я здесь, со мной рыцарь Атлар и позади нас рыцарь Рондранд.

Ему вторили два рыцаря, подтверждая свое присутствие.

— Кто-нибудь еще? — спросил Келгантор, и наступила тишина.

— Хорошо, кажется, никто не сел нам на хвост, — несколько мгновений спустя объявил предводитель отряда, слишком холодным и ровным голосом, чтобы кто-то осмелился засмеяться. — Терлон, докладывай.

— Мои заклинания не могут засечь парочку, которую мы ищем — впрочем, как и любого другого. Защитные заклинания вокруг Тетгарда разлагаются, представляя настоящий хаос подвижного, постоянно меняющегося Искусства, которое глушит всю магию прорицания. Во всех направлениях, как я понимаю.

— Я не удивлен, — ответил Келгантор. — Тетлор тоже об этом докладывал. Хватит

ждать. Арьергард, сохраняйте позиции; остальные рыцари, три шага вперед. Образуйте фронт, если сможете в этом мраке. Мы, маги, позади вас. Арьергард — как услышите, что мы движемся, следуйте за нами. Не следует выжидать и осторожничать, как по мне. Можем вступать в переговоры, если противник позволит, но если против нас используют магию — будьте готовы убивать. Вопросы?

— Келгантор, — негромко произнес Тетлор. — Ганрахаст советовал нам быть крайне осторожными. «Берегитесь Эльминстера», говорил он. «Старый маг куда опаснее, чем кажется».

Голос Келгантора стал на пару градусов холоднее.

— Я не забыл этот совет. И все же пост королевского мага несет в себе нечто неизбежное и достойное сожаления: каждый маг, который его занимал, в конце концов, в каждом углу видел крадущиеся тени и за каждой дверью в королевстве слышал шепчущихся заговорщиков. Позвольте напомнить вам, что в одиночку ни один волшебник — неважно, насколько старый, безумный или знаменитый — не может и надеяться превзойти нас в битве.

— А я, в свою очередь, — добавил Шалдрун, — думаю, этот Эльминстер не тот человек, о котором говорят легенды. Я думаю, что на протяжении последних лет несколько стариков назывались именем старого, давно сгинувшего мага, используя это прикрытие для собственных магических дел. А этот самопровозглашенный Эльминстер, что крадет у нас магию, самый ничтожный из них, старый шарлатан, избегающий сам творить заклятия, и получающий желаемое, просто угрожая гневом могучего Эльминстера. Я слышал, он даже мельчайшее заклятье сотворить боится, потому что сходит с ума.

— Мы все это слышали, — веско сказал Нордраун. — Надеюсь, это правда.

Шторм слушала. Келгантор был спокойным, уравновешенным, холодным и безжалостным командиром этого отряда, опытным боевым магом, умным и решительным. Тетлор был компетентным, осторожным и верным. Терлона она хорошо знала: неплохой парень, знает местность и куда менее остальных склонен сначала кидать заклинания, и только потом думать. Шалдрун был рьяным, самоуверенным убийцей, юнцом, изо всех сил старающимся отличиться, а Хондрин — его другом и тенью. Мрелдрейк — высокопарная трусливая задница, наглядный показатель того, как низко боевые маги пали за прошедшие годы.

Кроме Эскреля Старбриджа, которого она хорошо знала и уважала, со старшими рыцарями Шторм была знакома хуже. Нордраун возглавлял их и был на хорошем счету; Мерлар — способный и любезный юноша, которого, казалось, все любили... а имена остальных для нее ничего не значили.

— Ну, я думаю, что нам стоит выдвинуть правый и левый край вперед, так, чтоб получилась вилка, — говорил Шалдрун, — и окружить таким образом руины, иначе будем пробираться через эту чащобу до утра, пока эта парочка будет бежать где-то впереди нас. А ведь они могут залезть на дерево или спрятаться среди стволов, мы пройдем мимо, и тогда...

Его прервал воздух, который вдруг тяжело ударил по ушам разрядом незримой силы, выстрелившей из-за деревьев и пронесшейся через них, дальше в лес. Тут и там деревья затрещали, будто согнутые ветром, хотя ни листика на них не шевельнулось.

Волшебники выругались.

— Сильная магия, — выдохнул Хондрин. — Будто бы неконтролируемая, магия, которую просто выпустили на волю...

— Я почувствовал, — оборвал его Келгантор. — Старик уничтожил зачарованный предмет. Вперед! Прежде чем он разрушит еще один!

Шторм двинулась вслед за ними, зная, что это была за вспышка. Эльминстер только что уничтожил ожерелье.

Магия этой вещи перетекла в кого-то, либо в самого Старого Мага, либо в Симбул... но если это была сестра, то поток был слишком ровным, без сияния — будто она спала или была без сознания, а не в своем обычном диком, неистовом состоянии.

— Наверняка он крадет магию для себя, — добавил командир боевых магов, пока те шагали вперед, не обращая внимания на хлещущие ветки и шуршащие под ногами листья. — Это секрет королевства, но знайте: Эльминстеру действительно нужна магия, чтобы восстанавливаться после каждого заклинания, иначе он становится безумен. Это не пустые слухи, а подтвержденный с помощью наблюдений факт. Потом он всегда исцеляет себя — но каждый раз, налагая заклятие, Эльминстер становится слегка не в себе, если это малая магия, и полностью помешанным, если это нечто более сильное. Так что нам надо только пережить первое его заклинание, и наш враг превратится в заикающегося безумца, неспособного на новое волшебство. Так что, когда услышите мое свиное уханье в голове — не ушами, все, что вы услышите ушами, будет настоящим уханьем — от вас требуется рассыпаться и двигаться *очень* тихо. Сейчас мы должны быть уже недалеко.

— Что, если это было ожерелье? — с сомнением спросил Мерлар. — Если это его старик уничтожил, я имею в виду?

— Тогда с нашими жизнями покончено, — сухо ответил Келгантор. — В таком случае любой ценой, любым способом постарайтесь прикончить их, что бы они ни предлагали, чем бы ни угрожали. *Двигайтесь!*

Кормирцы заторопились, продираясь сквозь ветви и листья. Кто-то весьма немелодично пропел: «Лихая ночь в Кормире храбром», строчку из старой баллады, популярной среди солдат королевства. Улыбнувшись, Шторм стала отступать, пытаясь оторваться от отряда.

— Не *сейчас!* — прошипел ей на ухо в непроницаемой тьме рыцарь, приняв Шторм за одного из боевых магов. — Ты должен был опорожнить мочевого пузыря еще на позапрошлом холме, когда Келгантор дал приказ. Если мы...

Шторм узнала этот осторожный бас и улыбнулась. Эксел Старбридж — старый, седой ветеран... и один из немногих рыцарей, кому она готова была доверить защиту Кормира. Или многое другое, раз уж на то пошло.

Так что она почти нежно развернулась и оглушила его.

Подхватив тело прежде, чем оно с тяжелым стуком упало на сырые листья, она поднесла кончик пальца со своей снотворной смесью трав к его носу, чтобы Старбридж некоторое время провел без сознания. Она аккуратно уложила его на землю, производя не больше шума, чем сапоги ближайших товарищей рыцаря... и те ничего не заметили.

Так тихо, как только умела, Шторм устремилась сквозь деревья по широкому, быстрому кругу. Она *должна* была успеть к Эльминстеру и Аласкре раньше кормирцев!

Как только Эльминстер прошептал последнее слово, ожерелье слабо засияло. Затем, снова потемнев, оно зазвенело и стало превращаться ни во что прямо в его руках, плавясь,

испустив несколько струек дыма, пока его магия втекала в Алассру.

Та заворочалась во сне, нахмурилась — наверное, снилось, что кто-то душит ее, когда пальцы Эла коснулись ее шеи через тающий металл... затем улыбнулась, ее тело под ним налилось здоровьем и силой, напиталось высвобожденной магией.

Ресницы Симбул вздрогнули, и она замурчала, будто довольная кошка, потягиваясь и изгибаясь под ним, пробормотав еле слышно: «Дрожите все, ибо королева-ведьма вернулась...»

Глаза ее открылись, и руки Алассры потянулись обнять его.

— Ох, мой Омар, — сказала она. — Ты...

Заклятье сначала ударило их, потом протащило несколько футов по земле, укутав ворчащим пламенем, вцепившимся в них, но так и не опалившим. Их оторвало друг от друга — Симбул и Эльминстер одновременно откатились в сторону, не пострадавшие, зато разъяренные. Будто бы по сигналу, сквозь плывущие в небе облака выглянула луна и залила руины Тетгарда холодным, ясным светом.

Эльминстер выругался, увидев беззвучную вспышку искр, означавшую, что зачарованная брошка, добытая им из сембийского склепа, только что была уничтожена — исчезла, защитив его и женщину от нападения. Выходит, у него остался всего лишь один магический предмет.

Без помощи Шторм он переживет только одно враждебное заклятие. Или бросит только одно собственное.

Тем временем Симбул уже вскочила на ноги, пылающим взором вглядываясь в деревья в той стороне, откуда на них напали.

— Кто посмел...

— Мы, ведьма! — раздался холодный ответ, и из-за деревьев появилась дюжина человек в военной одежде из кожи, с мечами наголо. — Вы находитесь на земле Кормира и являетесь субъектами королевского правосудия! Именем короля приказываем вам сдаться, не применять магию и не оказывать сопротивления, и подчиниться нашей воле!

— Подчиниться вашей воле? Нет, я сама выбираю себе любовников, — так же холодно ответила Симбул. — *Я не подчиняюсь* вооруженным людям, которые угрожают мне в лесу. Вы похожи на разбойников, не на людей Короны. Те, кто хранят правосудие, разговаривают вежливо и на подобающем расстоянии, а не бросаются исподтишка заклинаниями в пару любовников, которых они выследили в ночи!

— Вы — маги Эльминстер и Симбул, и нам приказано арестовать вас и изъять Королевское ожерелье Битвы, украденное у кормирской Короны. Мы — боевые маги и старшие рыцари королевства, и мы призываем вас сдаться! Сложите оружие и не применяйте заклинаний, и с вами обойдутся подобающим образом.

Они снова начали двигаться, разойдясь шире, люди на обоих концах линии приближались быстрее, чтобы окружить пару в руинах.

— Где же Старбридж? — пробормотал один из них, посмотрев сначала вправо, а затем влево, но человек рядом с ним — тот, который вел переговоры — быстро и властно махнул рукой, приказывая замолчать.

— Оставьте нас, — предупредил Эльминстер кормирцев, а затем бросил короткий взгляд через плечо, когда позади него раздался негромкий звук. Шторм бежала по камням, будто гибкая кошка из джунглей, спеша присоединиться к ним. Почувствовав себе уверенней, он подошел и встал рядом со своей госпожой, лицом к приближающимся людям.

Увидев, что жертва не собирается бежать, кормирский командир взмахнул рукой, и из сжимающегося кольца выступили двое. Одного из них Эл узнал почти сразу же: сэр Иллвелунд Нордраун, глава старших рыцарей Кормира. Второй был юным боевым магом, которого Эл видел расхаживавшим с высокомерным видом по дворцу. Его имени Эльминстер не знал.

— Этих двоих послали вести переговоры или драться с нами? — спокойно поинтересовалась Алассра.

Эльминстер пожал плечами.

— Возможно, твое напоминание о подходящих манерах сподвигло их на этот жест. Я, впрочем, не сомневаюсь, что все закончится насилием.

— И почему я не удивлена, — сухо ответила Симбул, когда рыцарь и маг остановились от них на расстоянии четырех шагов.

— Верните ожерелье, — потребовал юный боевой маг. — Сейчас же.

— Юноша, — мрачно ответил Эльминстер. — Ты стоишь в присутствии королевы. Неужели ты неспособен хотя бы на элементарную галантность?

— Это *и есть* галантность, — парировал маг. — Мы могли бы просто уничтожить вас.

— Вы могли попытаться, — почти мягко заметила Симбул, встретив его ухмылку полным презрения взглядом, который заставил юношу покраснеть и отвести глаза.

— Вы слышали наши требования, — сказал он угрюмо. — Подчинитесь, или встретите наш праведный гнев — и свою гибель.

— Гибель, — задумчиво произнес Эльминстер. — Злодеям всегда нравится это слово. Интересно, почему?

— Злодеям? Это вы здесь злодеи! Мы хранители закона в Кормире, и стоим за добро и справедливость!

Старый Маг вздохнул.

— Неужели ты по-прежнему настолько юн, чтобы делить людей на «злых» и «добрых»? Мальчик-мальчик... не бывает злых и добрых людей, есть просто люди, совершающие поступки, которые остальные считают хорошими или плохими. И если ты хорошо служишь богам — некоторым из них — в итоге большинство твоих поступков будут хорошими. Я пытаюсь совершать хорошие. А ты?

— Я здесь не затем, чтоб упражняться с тобой в словесности, старик. Отдайте ожерелье и подчинитесь аресту. Предупреждаю, или сделаете это мирно, или мы вас заставим.

Эльминстер и его госпожа обменялись спокойными взглядами, затем одновременно обернулись к юному магу и в унисон ответили: «Нет».

Шалдрун казался почти радостным.

— Собираетесь противостоять нам? Напоминаю, что вас превосходят числом вшестеро боевые маги и старшие рыцари, лучшие воины королевства. Будьте благоразумны и сдавайтесь.

Эльминстер почесал бороду с таким видом, будто ему скучно.

— Выходит, вы можете сразить меня и без поединка, так? Нет, парень, я прожил так долго не потому, что отказывался от своих принципов. Вот один из них, которому вам, мальчикам, стоило бы последовать: стойте на своем, когда совершили правое дело.

— Сэр Нордраун, — скомандовал волшебник. — Схватите и свяжите женщину. Посмотрим, останется ли старик так же остер на язык.

Рыцарь вздохнул.

— Это не очень-то разумно, Шалдрун. Я готов исполнять приказы Келгантора, но не твои.

Юный боевой маг в ярости развернулся к нему.

— Я действительно слышу...

— Действительно, — заметила Шторм Среброрукая ровным голосом, становясь между Эльминстером и Симбул с мечом в руке. — Ты бы лучше выслушал сэра Нордрауна, боевой маг Шалдрун, и оставил мысли о том, чтоб хватать или связывать кого-то. Благодаря этому несколько верных стражей Кормира могут прожить подольше.

— А *ты* еще кто такая?

— Меня зовут Шторм Среброрукая.

— Еще одна лгунья, прикрывающаяся именем из легенды? — Шалдрун покачал головой, снова ухмыляясь, и завел руку за спину, делая какие-то жесты.

Позади него, кольцо кормирцев стало сжиматься вокруг стоящей на камнях троицы. Все, кроме одного человека. Боевой маг Келгантор, казалось, решил подождать и посмотреть, сжимая в обеих руках жезлы, готовый обрушить на врагов магию, если это будет необходимо.

Шторм покачала головой.

— Что ж, это будет еще одна лихая ночька в Кормире храбром, — прошептала она. Шторм положила руку на плечо сестры, обнаружила, что та дрожит от ярости, и добавила:

— Не уничтожай их сразу, сестра. Мы должны предупредить этих людей еще раз; дай им последний шанс.

Ответом Симбул стал низкий, кошачий рык.

— Мы знаем, что вы боитесь использовать свою ничтожную магию, — сказал Шалдрун Эльминстеру. — И знаем, что ты предпочитаешь вместо этого угрожать людям, полагаясь на свою — точнее, позаимствованную — страшную репутацию. К несчастью для тебя, старый шарлатан, мы не боимся.

Он шагнул вперед и принял угрожающую позу, расправив плечи и положив ладони на бедра, и добавил:

— Я не боюсь.

Эльминстер сухо ответил:

— А стоило бы.

Глава 3

Смертельные заклятья в кровавой битве

Единственным ответом Шалдруна стала новая ухмылка. Кольцо продолжало сжиматься.

— Не стоит, — предупредил их Эльминстер, глядя мимо молодого мага на других кормирцев. — Будут погибшие. А я жутко устал от убийств.

— Ха, — ответил другой юный маг, Хондрин, разминая пальцы. — Мы можем навсегда покончить с твоей усталостью, старик.

— Стоит ли? Раз уж, выходит, вы так беспокоитесь о Кормире?

— А, так значит, ты сейчас заявишь «Вы бы не были такими смелыми, если б знали мрачные тайны, что знаю я», — насмешливо сказал Шалдрун. — И попытаешься выдать себя за тайного стража Лесного королевства, охраняющего Кормир от разнообразных зловещих угроз, о которых нам якобы слишком рано знать.

— А ты знаком со сценарием, я погляжу, — Эльминстер криво усмехнулся. — Тогда ты должен знать, как такие пьесы обычно заканчиваются.

Молодой маг пожал плечами.

— Все умирают, ну и что с того? Видимо, я более строг к подобным увеселениям, чем ты — ты, который столько видел их на своем веку и многие устроил сам.

— Дикость юных циников никогда не проходит, — заметила Шторм, потащив меч из ножен.

Это вызвало очередную ухмылочку Шалдруна, но Шторм как раз отвернулась — бросила через плечо короткий взгляд.

За руинами Тетгарда было не разглядеть, как позади троих бывших Избранных сжимается кольцо, но несколько кормирцев стояли прямо перед ними. Келгантор тоже приближался, хоть и держался позади своих людей. Шторм видела, как он осторожно косится через плечо, выискивая незримых врагов в лесу за своей спиной, и горько улыбнулась.

Они пришли сюда убивать, эти люди Кормира. Было ясно, чем все это закончится.

— Последний шанс, старик, — сказал Шалдрун Эльминстеру. — Твоя собственная строптивость истощила запасы нашего снисхождения. У нас новое требование: отдай нам ту, что когда-то была королевой-ведьмой Агларонда. Она представляет опасность и угрожает Кормиру, и король приказал задержать ее!

Эльминстер вздернул бровь.

— Ты, кажется, думаешь, будто она моя собака, а не личность, которая совершает собственный выбор. Можете считать, что вам повезло — до сих пор она сдерживала свой гнев, но знайте — ее терпение вовсе не безгранично.

— Ты же ей приказываешь, так?

— Никто ей не «приказывает», парень. Она под моей защитой, да, и я буду защищать ее и ее свободу — но она не рабыня. Ни я, ни кто другой ей не владеет, а значит, никто не может отдать ее — кроме нее самой. Требуйте это у нее, не у меня.

— Ты хочешь обвести меня вокруг пальца, старик. Она же пускающая слюни идиотка, которая сидит на цепи, как собака — а цепь в твоих руках!

Эльминстер спокойно глянул на Нордрауна и спросил:

— Это был, хм, самый *дипломатичный* боевой маг, которого смогла найти Корона?

Такой дерзкий мальчишка, что тебе, как телохранителю, приходится его стеречь?

Нордраун сохранил каменное выражение лица и ничего не ответил, но Шалдрун побагровел и зашипел:

— Отдай нам твою женщину — мы больше не будем просить!

— Отлично! — ответил Эл. — Значит, вы оставите нас в мире, тишине и покое? Превосходно!

— Не смейся надо мной, старик! Я говорю от имени Короны!

— Сдается мне, для твоих мозгов это слишком тяжелая ноша, мальчишка. Все эти дикие крики и грубые, безрассудные требования! Ты действительно настолько глуп, что пытаешься заставить меня выбирать между землей, которую я люблю, и моей госпожой?

— Меня не волнует твоя любовь, Эльминстер. Меня волнует лишь твое неповиновение, твой отказ подчиниться. И женщина — не единственное наше требование; напоминаю, мы требуем немедленного возвращения королевского ожерелья Битвы, украденного тобой из королевского дворца! Именем короля, подчинись!

— Ожерелья, которое я *забрал* из дворца, ты имеешь в виду, — ответил Эльминстер, назидательно покачивая пальцем. — Я одолжил эту безделушку первому Палагарду, когда он был всего лишь принцем, чтобы сохранить его жизнь. Он еще не стал тогда королем, а ожерелье не было подарком — ни Кормирской Короне, ни Лесному Королевству. Палагард позволил своей Эначре носить его, когда было необходимо — щедрость, которую я с готовностью одобрил. Однако то был *займ*, который я мог в любое время забрать и использовать, как посчитаю нужным и правильным.

— Лжешь! — крикнул Шалдрун.

— Я *не* лгу, — спокойно ответил Эльминстер, — Несмотря на все твои вопли.

— Да неужели? Хроники на протяжении веков записывали все твои обманы и кражи, старик!

— И иногда даже они записывали правду. И все же, я не крал это ожерелье и не лгал о нем. А что до моих краж и обманов, насколько я помню, лишь немногие из них произошли в Кормире. А это значит, они лежат за пределами интересов и обязанностей боевых магов.

— Вовсе нет! — нестройным хором огрызнулось сразу несколько кормирцев.

Шалдрун торопливо добавил:

— Мы преследуем воров и лжецов, куда бы они ни пошли и где бы ни пытались скрыться, даже в далеких и неизвестных землях! Прямо как ты!

— Тогда, похоже, ты ничем не лучше меня, — негромко ответил Эльминстер. — Так что не надо говорить мне о правосудии или о том, что ты «прав». Ты так и не нашел лучшего аргумента, чем угрожать мне силой: сделай, как мы велим, иначе познакомишься с нашими мечами и заклятиями. Что ж, у меня есть на это ответ. Уходите и оставьте меня и этих дам в мире, а я оставлю вам жизнь, позволив еще походить по земле Кормира, потрясая своим оружием и заклинаниями.

— Ты нас не напугаешь, старый дурак, — усмехнулся Шалдрун. — Отдай ожерелье или ты *умрешь*. Заметил, что мы вас окружили?

— И правда, окружили. Ну что ж, у вас еще осталось время продемонстрировать здравый смысл и отступить. На протяжении многих лет Кормир был одним из лучших королевств в этом мире; я не хочу наносить ему столь суровый удар без честного предупреждения.

— Мы тебя слышали, — фыркнул Шалдрун. — Сумасшедший старый дурак. Слишком

долго ты крался, как вор и проходимец, в залах Драконьего Трона, а мы смотрели на это и из уважения к твоим добрым делам в далеком прошлом ничего не предпринимали. И все же ты испытывал нашу доброту и терпение раз за разом, воруя величайшие королевские сокровища и магию Короны. Наша снисходительность, старик, подошла к *концу*. Отдай ожерелье или умри.

— А, — кротко сказал Эльминстер, разводя руками. — Что до этого, то ожерелье было уничтожено; его уже никто никому не отдаст. Так что давайте успокоимся, и...

— Умри, вор! — заорал Шалдрун, щелкнув пальцами и выкрикнув слово, активировавшее самое сильное его заклинание.

И не он один. Большинство остальных волшебников применили молниеносную боевую магию, их пальцы и языки задвигались почти так же быстро, как Симбул и Эльминстер.

Или быстрее.

Ночь взорвалась огромными сгустками белого пламени, земля затряслась, и камни Тетгарда подбросило навстречу звездам.

Эла, Шторм и Симбул снова сбило с ног, воздух вокруг них кипел и трещал, когда заклятья боевых магов столкнулись и вцепились друг в друга.

В мгновение ока последний магический предмет Эльминстера исчез, спася их троих от превращения в прах. Бросившихся в атаку рыцарей разбросало во все стороны, а камни Тетгарда швырнуло в небеса, раскалывая их на части.

В кипящие мгновения после взрыва земля тряслась, те немногие, кто еще был в сознании и мог чувствовать боль в гудящих ушах, стонали, и три бывших Избранных увидели, как Тетгард рушится обратно на землю смертоносным облаком каменных обломков, тарабанивших по трясущимся руинам. В один миг срикошетивший осколок отсек голову боевому магу Келгантору. В последующие мгновения булыжники покрупнее раздавили его отскочившую голову и несколько еще не переставших содрогаться в агонии конечностей.

— Назад! — крикнул Нордраун, сплюнув кровь. — Рыцари, назад! Ко мне!

— Я здесь отдаю приказы! — завопил Шалдрун, пошатываясь, вставая с колен, с лицом в крови. Еще больше крови текло из его ушей. — Люди Кормира — ко мне!

— *Наши* ход! — триумфально прошептала Симбул. Она воздела руки, будто два мстительных когтя, и нанесла ответный удар.

Воздух замерцал, и из бурлящего хаоса вырвались бесчисленные клинки, сотканые из чистой энергии, острые мечи, у которых не было рукоятей и гард, сверкавшие фиолетово-белой ревущей магией, и принялись рубить и кромсать кричащих людей.

Трое боевых магов оказались в один миг порублены в мелкое крошево, оставив лишь багровую дымку на том месте, где стояли.

Еще двоих подбросило высоко вверх, разрушив заклинания, которые они сплетали, и Старый Маг, который швырнул их, зарычал громкое, усиленное магией предупреждение, разнесшееся над всем Халлакским лесом:

— Убирайтесь, или я не отвечаю за то, что случится! Будет больше смертей!

— И они будут вашими, если не сдадитесь! — крикнул в ответ Шалдрун, вцепившись в жезл и выпустив в ночь молнию...

...которая заскакала, отражаясь от камней, и прикончила зажатого в руинах рыцаря.

Укрывшись за грудой булыжников, Эльминстер скулил, трясся и кусал губы. Шторм бросилась к нему.

— Позволь мне, — прошипела ей на ухо сестра, ее когтистая рука легла поверх руки

Шторм, а вторая — на голову Эльминстера.

Шторм повернула к ней голову. Они были так близко, что чуть не касались друг друга носами.

— Ты не должна...

— *Я должна*, — отрезала королева-ведьма Агларонда. — Думаешь, я не знаю, что мой рассудок иссякает? Он нужен Элу *сейчас*, чтобы прийти в себя и выиграть этот бой! В моей голове целая куча не слишком полезного — конечно, если ты не хочешь стереть с лица земли пол-леса — Искусства, но он знает, как разрушить заклятья боевых магов и ударить в ответ! Возьми магию, что я впитала из ожерелья, и отдай ему!

Эльминстер завел какой-то речитатив, слова лились из него бурным потоком, на мокрых губах проступила пена. Его глаза были широко распахнуты и смотрели в никуда.

— Лоросс? — изумленно выдохнула Шторм. — Я не слышала его с тех пор, как...

— *Не сейчас*, Асторма! Держи руки на его голове, когда он двигается, позволь ему встать и выпрямиться! Смотри, он пытается это сделать!

Эл вскочил на ноги и бросился бегом, размахивая руками, делая странные, замысловатые жесты, и выбежал под лунный свет. Из воздуха около его ладоней ударило белое пламя, и этим пламенем он начертил круг прямо перед собой. Шторм пыталась удержать его голову, Симбул вцепилась в них обоих.

Шалдрун разразился серией проклятий в адрес своего противника, когда тот вышел из-за укрытия, и выпустил молнию в них троих.

Начерченный Эльминстером конус белого света вобрал в себя яркий, смертоносный разряд, который превратился в трескучий, рассыпающий искры шар ослепляюще-белого света, и — полетел обратно, к своему источнику.

Жезл в руке Шалдруна взорвался, и сам Шалдрун вместе с ним, его крик резко оборвался, и маленькие, темные, мокрые кусочки амбициозного боевого мага разметало по деревьям.

Из-за камней выскочили рыцари, от отчаяния бросив в троицу несколько кинжалов, а затем побежали в атаку, обнажив мечи, чтобы...

...исчезнуть в огромном шаре пламени, полыхнувшем из ладони Эльминстера, от которого камни Тетгарда пошли пузырями. Шар поднялся в небо, подбросив вместе с собой вопящих рыцарей, и взорвался среди звезд.

Вниз посыпались обугленные конечности, и Эльминстер начал петь.

Его песнь была дикой, нескладной и несвязной, слова из дюжины разных языков обрывались на середине, не складываясь ни во что осмысленное.

— Он ускользает, — сказала Шторм дрожащим голосом. — Сестра, у тебя что-то осталось?

Ответом стал раздавшийся прямо над ухом визг, почти оглушивший ее, крик, который звучал как нечто, что не могло — или не должно — было исходить из человеческой глотки.

Ее сестра яростно толкнула их на землю и исчезла, оставив Шторм и Эльминстера валяться на камнях.

Шторм постаралась встать на ноги, не отпуская Эльминстера. Он разразился диким, высоким смехом, каскадом захлебывающегося хихиканья, от которого у Шторм свело зубы.

Она обернулась посмотреть, что случилось с Алассрой — как раз вовремя, чтобы увидеть исчезающий в ночном небе чешуйчатый хвост. Симбул превратилась в гибкое, рогатое *нечто*, похожее на виверну, и летела так быстро, как только позволяли ее крылья

летучей мыши, издав на прощание еще один дикий вой.

Прекрасно. Алассра снова была не в себе.

Как и Эльминстер. Шторм огляделась вокруг, решая, осмелится ли она исцелить его — или через миг-другой будет сражаться за жизнь с разъяренными боевыми магами и рыцарями Кормира.

Она снова обхватила голову Эльминстера ладонями, продолжая разглядывать окрестности.

Никто не двигался среди камней. Никто ее не искал.

В лунном свете Шторм увидела горстку выживших кормирцев — *небольшую* горстку — и они торопливо, испуганно бежали к деревьям. Боевой маг отчаянно замахал руками, на мгновение вспыхнул бледный свет, поглотивший их всех — заклинание телепорта.

Их унесло в какое-нибудь далекое и безопасное место, понадеялась Шторм, присаживаясь рядом с Эльминстером и чувствуя, как в глазах проступают слезы. Шторм знала — она будет плакать еще горше, когда погрузится в его растерзанный разум, но не решалась ждать в этом диком лесу, опасаясь, что нечто голодное придет за ними прежде, чем Эльминстер хотя бы окажется на ногах... прежде, чем они оба освободятся от худшей части его безумия.

Луна спокойно плыла в почти чистом небе, освещая опаленное дымящееся поле битвы, по которому были разбросаны куски рыцарей и боевых магов.

Слезы ослепили ее, когда Шторм наконец заплакала по-настоящему.

Эльминстер затрясся в ее руках и начал лаять.

Когда она стащила занавес с фонаря и присела лицом к нему в небольшой пещерке, Эльминстер нахмурился.

— Ты кажешься худой, — сказал он неодобрительно. — Щуплой. Ты хорошо питаешься?

Шторм ответила ему мрачным взглядом.

— Как, по-твоему, я исцеляю твой разум? — прошипела она, злее, чем сама ожидала. — Я отдаю тебе свою силу.

Старый Маг вздохнул.

— Прости, подруга. К следующей нашей встрече я украду для тебя несколько целительных зелий, как вернусь.

Он кивнул в сторону старого сырого тоннеля контрабандистов, который вел прочь из пещеры, опускался, проходя под стенами Сюзейла, но оба они знали, что Эл имеет в виду королевский дворец, где некоторое время они притворялись старым Элгорном Ролиганом и его сестрой Сторнарой, мелкими дворцовыми слугами.

Шторм махнула рукой, отложив разговор о краже волшебных зелий до того момента, как они окажутся внутри дворца.

— Эл, а ты достаточно поправился, чтоб наложить на нас иллюзию, без того чтобы?..

— Чтобы не превратиться в слюнявое, гавкающее существо? Будем надеяться.

Настала очередь Шторм вздохнуть.

— Я должна быть хоть немного уверена, Эл, — сказала она. — Или, именем Святой

Госпожи, которую мы оба потеряли, я подмешаю тебе еще снотворного и оставлю храпеть на месяц или даже больше, пока не поправлюсь и не вернусь из Долины Теней.

Эльминстер хмыкнул.

— Да ты отрастила когти, леди Долины Теней! Одно удовольствие сражаться вместе с тобой.

Шторм выгнула бровь.

— А не против меня?

— Скажи лучше, какие вести принесли Короне о стычке в Тетгарде?

Шторм пожала плечами.

— Без твоей магии я не похожа на щербатую, морщинистую и старую Сторнару, так что во дворец я попасть не смогла. Самые разговорчивые придворные из тех, что пили в двух тавернах, куда я заглянула, рассказывают страшные истории о великой магической битве против таинственных, неназываемых волшебников, которые прикончили почти всех верных и храбрых боевых магов и старших рыцарей, многократно превосходя их числом.

— Ну конечно. А кто выжил?

— Знаю, что уцелел Старбридж — я уложила его поспать перед битвой, и слышала, что теперь его назначили командиром старших рыцарей. Еще видела издали боевого мага Рорскрина Мрелдрейка, расхаживавшего по променаду — высокомерного и помпезного, как всегда — так что выжил и он. Наверняка рассказывает всем, как спас ситуацию после того, как величайшие враги королевства убили Келгантора и остальных.

— Не сомневаюсь. А Алассра?

— Снова сошла с ума. Превратилась в чудовище и улетела. Сейчас она может быть где угодно.

— Она отдала свой рассудок мне, да?

Шторм хмуро кивнула.

— Она всегда возвращается в одни и те же места. На мою ферму, к примеру. Будет нелегко заставить ее поговорить с нами... Чтобы вернуть ей разум, придется потратить немало чар.

— С меня хватит исцелять ее на несколько часов или дней, — негромко сказал Эльминстер. — Пора вылечить ее навсегда.

— Для этого потребуется действительно сильное Искусство, — заметила Шторм.

— Даже если для этого мне придется лишить Кормир каждого магического предмета, включая корону и королевские регалии, — спокойно ответил Старый Маг. — Если они видят во мне вора и убийцу, значит я буду вором и убийцей. Я возьму все, что потребуется, чтобы вернуть ей рассудок, раз и навсегда — и отправлю к богам всякого, кто станет на моем пути. Слишком долго я был вежлив с жестокими дураками.

Шторм нахмурилась на миг, впервые за долгое время, услышав в его голосе столько стали.

— Будь осторожен с убийствами, Эл. Скоро в Кормире могут закончиться жестокие дураки, если мы устроим еще несколько Тетгардов.

Эльминстер покачал головой.

— Появятся новые и займут место тех, кого мы уничтожим, — ответил он. — В любом королевстве всегда есть бесконечный запас дураков.

Глава 4

Предатели за каждой дверью

Помещение было круглым и небольшим. Еще оно было темным, затхлым и очень пыльным. Неудивительно — эту комнату не использовали годами. До сегодняшнего дня.

Марлин Грозозмей осторожно вошел, пытаясь не наткнуться зажженным прикрытым фонарем в одно из нагромождений мебели, беспорядочно возвышавшихся в комнате.

Ему пришлось повозиться, чтобы ускользнуть от семейной прислуги незамеченным, будь проклято их усердие — но это было ничто в сравнении с теми проблемами, которые ждут его, если один из слуг все же последовал за ним и услышит то, о чем будут здесь говорить.

На крепкой старой двери еще висел засов. Марлин прочно задвинул его, и только потом осмелился приоткрыть фонарь, чтобы увидеть хоть что-то в этом лабиринте поблекшей роскоши минувших лет.

Пыль толстым меховым плащом покрывала большую часть помещения, самой высокой комнаты в самой заброшенной башне поместья Грозозмеев. Губы Марлина изогнулись. Ну конечно.

Его поместье было одним из самых древних и роскошных особняков благородных семей в Сюзейле. Когда-то здесь обитало куда больше Грозозмеев — расхаживавших с надменным видом по всему зданию, усмехавшихся, громких, но... многое было более величественным в прошлом.

И может быть — только может быть — еще будет в будущем.

С вершины предмета, напоминавшего вешалку для плащей, Марлин снял стеклянный шар самого обыкновенного вида, молочную сферу чуть меньше его головы, бесполезное украшение из тех, что были в моде пятьдесят-шестьдесят миртулов назад. Он подошел к небольшому круглому столу и сел в подвинутое к нему покосившееся кресло, уложив шар на пустой и тяжелый железный кубок, стоявший на столе.

Марлин расправил плечи, затем коснулся гладкого изогнутого стекла, прошептал тайное слово, и... в воздухе над шаром медленно появилось сияющее облако, сгустившись в серебристый дым.

Дым тек, клубился, пока не превратился в мерцающее изображение человека.

Лотрэ.

Он понятия не имел, кем Лотрэ был на самом деле, за маской, которую всегда носил этот человек.

Как всегда, Лотрэ сидел перед собственным шаром в кресле, чья спинка была выполнена в форме распростертых крыльев сокола, в помещении с некогда роскошной, но теперь потрескавшейся и заросшей плесенью позолоченной отделкой с узором из синих грифонов.

— Ты опоздал, — из уст Лотрэ эти два слова прозвучали, будто брошенные в бездну холодные камни.

— У меня... у меня были трудности с тем, чтобы отделаться от матери и слуг, мастер, — пробормотал Марлин, испугавшись и ненавидя себя за это. — Вы приказали мне в первую очередь избегать подозрений, так что...

— Понятно. Время пришло.

Марлин сглотнул.

— Время? Мы наконец начинаем?

— Начинаем. Несомненно. Я точно знаю, где найти шесть из Девяти, и у меня есть подозрения относительно местонахождения седьмого. Любые два из них должны справиться с той ничтожной защитой, что осталась у Кормирского королевства в эти дни — и уничтожить любого боевого мага, которого застанут в одиночку.

— Девяти?

— Марлин, — мягко сказал Лотрэ, — не притворяйся, что ничего не знаешь. Ты уверен, что Парящий Клинок содержит в себе одного из Девяти, и давно подозреваешь, что Виверноязыкая Чаша содержит другого. Ты не знаешь только, как призвать или подчинить себе кого-то из Девятерых — поэтому и крадешь древние тексты да спаиваешь мудрецов, пытаешься выведать у них этот секрет. Ты был так неуклюж, что некоторые боевые маги давным-давно раскусили, что ты замышляешь.

— Они... они?.. — Марлин знал, что бледнеет; он чувствовал, как по лицу растекается холод.

— Нет, маги не придут за тобой. Я позаботился о них, прежде чем о твоих попытках узнали все боевые маги. Прямо сейчас те, кто остался, считают тебя таким же беспокойным и склонным к авантюрам, как и любого другого высокомерного юного дурака из благородных, но ничего сверх этого. Я собирался подождать, пока мы не обнаружим и не получим всех Девятерых, но свободное время у нас кончилось; самые умные боевые маги припомнили древние легенды и начали собственные поиски Девяти, намереваясь сделать Кормир неуязвимым. Скоро кто-то из них задумается, не стоит ли Короне конфисковать Парящий Клинок Грозозмеев — ради блага королевства, разумеется. Так что время *настало*.

— Да, мастер. Время для?..

— Для тебя — чтобы слушать и подчиняться, лорд Грозозмей, — сухо сказал ему голос из шара. — Так что слушай внимательно...

Заставлять придворного быть Лотрэ становилось все сложнее и сложнее: разум кормирца становился сильнее. Почти достаточно, чтобы бороться.

Изумительно.

Спустя столько лет, он мог бы и прекратить изумляться тому, на что оказывались способны люди.

Усилие, необходимое для управления чужим удаленным телом вынуждало этого носителя, избранного преимущественно за сопутствующую молодости гибкость и красивую внешность, обильно потеть. Он послал ментальный удар сквозь угасающую связь, чтобы придворного на время оглушило, и полностью покинул его разум.

Оставив себе как раз достаточно времени, чтобы вытереть вспотевшее лицо и подойти к двери. Если у самых амбициозных кормирских дворян и было качество, которое оправдывало их в его глазах, то это была пунктуальность. Лишь ленивые, излишне самоуверенные без всяких на то оснований, и безнадежно отставшие от жизни лорды позволяли себе демонстративно опаздывать.

Не сказать, чтобы среди аристократов Лесного Королевства таких было мало.

Он только протянул руку к задвижке, когда в дверь осторожно постучали.

Он беззвучно отодвинул хорошо смазанный засов, распахнул дверь и произнес:

— Добро пожаловать, госпожа Талан.

Он почувствовал, как напряглась гостья, и добавил:

— Да, я знаю, кто вы. Я знал это уже давно, хотя боевые маги, старшие рыцари и Корона, которая за ними стоит, все еще не в курсе вашего... хобби. В этом можете быть уверены.

Гостья замешкалась на пороге, затем вздохнула и вошла в комнату.

Помещение было небольшим, плохо освещенным и богато отделанным — за этой отделкой могли скрываться любые тайные ходы. Внутри стоял небольшой стол с единственным креслом и буфет. На стенах не было ни единой картины или гобелена: стены были голыми, не считая маленького, круглого зеркала. Небольшой простой камин стоял пустым и холодным. Человек, хоть и был худым и одетым во все темное, возвышался над комнатой, как нос огромного позолоченного военного корабля.

— Вы могли бы сокрушить меня, но не стали этого делать, — утвердительно произнесла она, голос застыл на самой границе спокойствия. — Это означает, что у вас есть другое применение для меня. Могу я узнать, что это за применение?

— Я пригласил вас сюда, чтобы рассказать об этом. Не желаете ли присесть и отведать вина?

Ни на миг не отрывая взгляда от гостьи, красивый мужчина открыл дверцу буфета, вынул оттуда высокую, тонкую и темную бутылку, такой же тонкий бокал, поставил это на стол перед ней, затем снова отошел.

— Как я понимаю, арренийское высоко ценят при дворе; настоятельно прошу вас обратить внимание — бутылка все еще запечатана. Боюсь, вам придется самостоятельно наполнить свой бокал. Из соображений безопасности, поблизости нет никого, кроме моих агентов, расставленных на пути к этой двери — я поставил их там в основном ради того, чтобы убедиться, что вы достигнете этой комнаты в одиночестве, без телохранителей или нанятых головорезов. С вашей стороны было мудро так и поступить. Знайте же, что ни один боевой маг — да и никто другой, раз уж на то пошло — не сможет ни следить здесь за нами с помощью магии, ни приблизиться к нам так, чтобы я о том не прознал. Мы оба можем говорить открыто.

Женщина кивнула.

— Я могу убить вас прямо сейчас, — спокойно заметила она, взвешивая бутылку арренийского, будто собираясь швырнуть ее. Кольца на ее руках засияли, пробуждаясь к жизни. — Назовите мне вескую причину, по которой я не должна этого делать.

Ее собеседник улыбнулся и поднял руку, принявшись загибать пальцы.

— Во-первых: меня здесь нет. Вы убьете просто куклу из мяса, которой я управляю, а не меня самого. Во-вторых: не только вы в этом королевстве владеете могущественной магией. В-третьих: у меня есть планы относительно Кормира. Большие планы. Если я захочу, чтобы вы или любой другой дворянин оказались мертвы, это произойдет — легко и просто. Поверьте мне, от большинства этих смертей королевство только выиграет. И все же несколько избранных дворян могут быть очень полезны мне и Кормиру, и если они с готовностью будут мне служить, помогая осуществить некоторые замыслы, я щедро их вознагражу. Конечно, если они откажутся...

— Они умрут, — торопливо добавила женщина, откупоривая бутылку. — И вы

полагаете — по крайней мере, на текущий момент — что я могу войти в число этих избранных.

Улыбаясь, красивый мужчина отвесил ей поклон. От внимания гостьи не ускользнуло, что его взгляд ни на секунду не отрывался от нее. Она не сомневалась — мужчина был способен на магию, которая сокрушит ее в мгновение ока, прежде чем кольца смогут хоть что-то сделать.

Очень медленно, так, чтобы он видел, она подняла руку, расправила пальцы и заставила кольца на них угаснуть. Затем неторопливо наполнила свой бокал, подняла его другой рукой в молчаливом тосте, и погасила кольца на этой руке.

Затем пригубила вино.

Мгновение спустя, не почувствовав во вкусе ничего необычного, женщина заметно расслабилась, позволив себе небольшую улыбку.

— Ваше здоровье, таинственный господин. Сколько вы намерены мне рассказать?

— Столько, сколько вам нужно знать. Я знаком с богатствами вашей семьи и вашими личными сбережениями, начиная с арендованной сембийской собственности — даже с той убогой комнатухой девочки для удовольствий в доках Сэрлуна, со всеми ее маленькими ползучими и кусающимися обитателями — до рыболовецких судов, чьи владельцы так предусмотрительно с вами не связаны. Я видел даже маленький домик в дикой части Долины Жатвы. Короче говоря, где бы вы не пытались скрыться, я вас найду — а если вы отправитесь к самому королю Кормира или королевскому магу и расскажете им все, что узнали здесь, в надежде благодаря этому внезапному приступу верности получить больше, чем при сотрудничестве со мной, позвольте проинформировать вас, что я предусмотрел и это. В результате вы умрете быстро и очень болезненно, а сам Кормир утонет в войне, в которой выживут лишь немногие из его дворян. *Ваша* семья, включая всех внебрачных детей, не выживет наверняка; я позабочусь об этом.

Рука, опустившая на стол полупустой бокал, дрожала практически незаметно.

— Я понимаю. Говорите, господин. Позвольте узнать назначенную мне роль.

— Вы продолжите делать то, что делаете под именем Талан. Клинки в ночи, шелковые угрозы, использование ничего не подозревающих агентов при каждой возможности. Продолжайте заниматься самообогащением, пока это не мешает заданиям, полученным от меня. Я не стану объяснять, почему поручаю вам то или это — можете строить собственные предположения, пожалуйста — но моя конечная цель — новая власть в Кормире и лучшая жизнь для его народа. Некоторые благородные рода внезапно исчезнут, зато другие получат награду, и даже возвысятся. Что касается вас, я бы упомянул Трусильверов. Если ваша преданность будет безоговорочной, они станут одной из главных фамилий в стране, никоим образом не связанной с королевским домом, чтобы в борьбе с бесконечными узурпаторами тот не утащил их на дно; зато их настоящая власть будет сравнима, скажем, с королевским магом.

— Я... ценю это.

— В знак моего возросшего доверия к вам, госпожа, позвольте рассказать о магии, которая вскоре вступит в нашу игру. Слушайте внимательно: знакомство с этой угрозой может сохранить вам жизнь.

Гостья с улыбкой склонила голову и демонстративно приложила ладонь к уху.

Мужчина не улыбнулся.

— Почти сто лет назад, — начал он, — некие маги начали силой заточать людей внутри

магических предметов — точнее, погружать их в своего рода стазис. И определенные действия, произведенные с этими предметами, могут вернуть узников в наш мир.

Он развел руками в скорбном жесте.

— Их дело не увенчалось успехом, и сейчас резоны этих магов уже не важны; все они погибли. Некоторые из узников по-прежнему целы, но великий магический хаос прошлого чудовищно исказил их природу. Кто-то из этих пленников навсегда сгинул, когда их предметы разрушились; другие сбежали из заточения, но утратили разум; а некоторые по-прежнему находятся в стазисе, но при этом... изменились. К примеру, приобрели сверхъестественные силы, которыми раньше не обладали.

— Они неподконтрольны освободителям?

— Ваш разум как всегда остр. Некоторые из них действительно никому не подчиняются и опасны для тех, кто освободит их. Других, раз освободив, невозможно вернуть обратно, зато можно подчинить воле владельца предмета. Некоторые могут стать превосходными рабами — с этой целью их и создали. Те узники, которых высвобождали до сих пор, все до единого были укутаны призрачным синим пламенем. Поэтому среди волшебников они известны как «призраки синего огня», хотя та сила, что бушует вокруг их тел — вовсе не пламя, а сами они — никакие не призраки.

— И некоторые из этих предметов в Кормире.

— Действительно. Особенно интересны предметы, содержащие в себе членов некогда известного отряда авантюристов под названием «Девятка». Среди ваших благородных друзей ходят слухи, что вся Девятка — включая женщину-мага, которая позднее стала супругой Черного Посоха и одной из Избранных Мистры — находится во власти нескольких кормирских лордов, которые используют их, чтобы убивать, изводить, грабить своих врагов... впрочем, кого угодно. Как это часто бывает, слухи преувеличивают. Вероятнее всего, леди-маг Глубоководья просто не выжила и, следовательно, не могла попасть в заточение, а то, что лорды, в настоящее время топчущие землю этого прекрасного королевства, знают, какую силу хранят их безделушки — попросту ерунда.

— Пока.

Мрачный красивый мужчина улыбнулся, как волк.

— Вы продолжаете меня радовать. Действительно, «пока». По правде говоря, лишь малой долей этих предметов владеют благородные лорды — остальные хранятся в королевском дворце Сюзейла, в собственности Короны. Которая, насколько можно судить, понятия не имеет, чем обладает.

— И поскольку эти призраки синего огня очень опасны, лучше использовать их посредством доверчивых простаков — лордов и придворных, которыми можно будет манипулировать.

Мужчина лучезарно улыбнулся.

— Ваш ум ярче молнии.

Гостья задумчиво изучала его.

— Разумеется, всего вы мне не говорите.

— Разумеется. Благоразумие мне не чуждо.

Женщина разглядывала его в молчании, которого хватило ровно на очередной медленный глоток вина, затем спросила:

— Итак?

— Итак, наше сотрудничество началось. Не беспокойтесь о том, как связаться со мной:

я буду говорить с вами, когда пожелаю — и узнаю, если вы почувствуете такую необходимость. С вашей стороны разумно предполагать, что с этого момента мне становится известно о каждом вашем вздохе, о каждой мимолетной гримасе.

Этим он заработал еще один холодный расчётливый взгляд.

— И?

Призрак улыбки тронул его губы.

— Вот ваше первое задание. Легенды рассказывают об Эльминстере, иногда именуемом Старым Магом или Эльминстером из Долины Теней. Этот человек реален и прямо сейчас находится здесь, в Сюзейле. Узнайте, какие обличья он носит и чем занимается. Узнайте также, какую магию в королевском дворце и придворных зданиях легко похитить. Учитывайте — у меня есть глаза, уши и руки во дворце — к несчастью, как и во многих благородных домах, там завелись предатели за каждой дверью. Не стесняйтесь красть все, что сможете, не обращая на себя внимание Короны — до тех пор, пока будете приносить каждый зачарованный предмет мне для осмотра, не укрыв и не спрятав ни одного. Предметы, которые покажутся мне полезными для моих целей, я оставлю; другие я позволю вам сохранить. Теперь идите.

Леди, которая иногда звала себя Талан, поставила на стол пустой бокал, с сухой вежливостью попрощалась: «Милорд», склонила голову и ушла.

Мужчина еще некоторое время изучал дверь, за которой она скрылась, а потом пробормотал:

— И если вы осмелитесь предать меня, госпожа, у меня есть тот, кому захочется вас наказать. Некто достаточно мертвый, чтобы подчиняться беспрекословно.

Он взял еще один бокал из буфета, наполнил его арренийским, пригубил и скорчил рожу своему отражению в зеркале.

— Я просто обязан что-то сделать с этими кормирцами и их ужасным вкусом в винах, — сказал он отражению. — Когда я сяду на Драконий трон, виноделов, продающих такую переслащенную мочу, будут в ней топить. Мои подданные научатся разделять мой вкус к утонченным вещам. Я даже не буду именовать себя «королем».

Улыбнувшись зеркалу, он бросил бокал в камин. Когда звон разбившегося стекла стих, мужчина изобразил поклон и добавил:

— Да здравствует император Мэншун.

Глава 5

Подслушиваем и шпионим

Эльминстер собрал весь свой рассудок, чтобы наложить на себя обличье Элгорна Ролигана, и в этот момент его объял дикий ужас. Безумие. Слишком быстро и сильно.

Так что он прервал заклинание и начал просто дрожать и потеть в сухой, непроглядной тьме, больной и одинокий.

Шторм ожидал медленный, осторожный путь назад в Долину Теней, по укромным путям, ветвящимся руслам и охотничьим тропкам в знакомый лес, где с недавних пор Йелада и эльфы стерегли ее ферму. Путь назад, к очагу, куда рано или поздно в поисках тепла и утешения возвращалась Алассра, какой бы безумной она не была.

На кухню, где и сам Эльминстер не отказался бы отдохнуть. Хлебнуть горячего супа, закинуть свои старые ноги на стол, сняв сапоги — а Шторм подмигнула бы ему, шутливо грозясь отрубить ступни своим кухонным ножом... С шипящим на сковороде луком, с дразнящим ноздри запахом готовящегося ужина, от которого рот наполняется слюной...

Эл невесело усмехнулся, помотал головой, чтобы прогнать грезы и вернуться в тоннель, в котором он сейчас находился, неподалеку от подземелий под королевским дворцом Сюзейла. Это был узкий, невысокий проход, старый и осыпающийся... но его сторожили.

И весьма вероятно, здесь были не только знакомые ему стражи, но и другие опасности.

Ведь долгая, долгая жизнь на Фаэруне даже последнего тугодума могла научить простой истине — возможно *все*.

Он сделал еще шаг в направлении королевского дворца — и резко остановился, вглядываясь во тьму впереди.

Там что-то двигалось, что-то коричневое... и костлявое.

Ааа. Старый друг, кажется. Если можно так сказать.

Эл полез в поясную сумку, достал оттуда щепотку порошка, второй рукой проделал то же самое с другой сумкой — висящей настолько далеко от первой, насколько позволяла ширина его брюха — затем свел ладони и потер их друг о друга.

Там, где смешались порошки, засиял слабый свет. Он поднял свою светящуюся ладонь, как бледную, слабую лампу и остался стоять на месте.

Будто в первый раз, страж появился перед его глазами.

Он угадал. Это был человеческий скелет, тяжело, с угрозой волочащий ноги в его сторону. Приблизившись, он медленно занес старый, покрытый ржавчиной меч.

Эльминстер ответил на это спокойным взглядом.

— Ты действительно хочешь напасть на меня? Увенчает ли точный удар твой день триумфом?

На него глядели пустые глазницы. Они ничего не выражали, но каким-то образом в них виднелось сомнение. Затем коричневые от старости кости сдвинулись — вопреки песням бардов, только обработанные магическим способом скелеты сохраняли белизну — и меч снова покачнулся.

Старик в изодранных одеждах терпеливо ждал. Спустя три спокойных вдоха, немертвый сторож этого почти забытого глубокого прохода в дворцовые погреба отступил, пропуская его.

Улыбнувшись и кивнув, Эл прошел мимо него, оглянувшись лишь раз. Страж глядел ему

вслед, неподвижный, как статуя, его меч по-прежнему был направлен вниз.

Эльминстер шагал во тьму. Интересно получалось: за долгие годы своей жизни он провел не так уж много времени в Лесном Королевстве. И все же возвращаясь в облюбованное призраками крыло королевского дворца, он чувствовал себя как дома.

Здесь был его дом.

А вовсе не под сенью леса Долины Теней, которую он знал и любил.

Эта паутина, тени и пустые комнаты, где бродит эхо, каким-то образом украли его сердце, забрались в голову, и стали домом.

Но когда же это произошло? И как?

Эльминстер остановился. Здесь, в самой низкой точке тоннеля, где стены блестели от сочащейся воды, на полу всегда собиралась лужица. Отсюда всегда можно было услышать эхо доносящихся из дворца звуков, и если враг с обнаженным клинком не наседал на пятки, всегда стоило подождать и послушать, что же могло ожидать тебя в ближайшем будущем.

И действительно — вот оно! Скрип сапога, потом еще раз. Кто-то ждал наверху, там, где тоннель выходил в более просторный погреб. И этому кому-то уже стало скучно.

— Мои ноги опять затекли, чтоб их, — раздался тонкий, раздраженный мужской голос, внезапный и оттого пугающий. — А он, чтоб его боги сожгли, не торопится, правда?

— Ха, — отозвался другой, не такой низкий, голос. — Наверняка ранен и устал. Не забывай, Тал его не видел: только Шторм, уходившую куда-то из города. А это значит, что Старый Маг снова в своем уме, иначе она бы его не оставила — так что он снова придет сюда. Здесь хранится магия.

— Прямо к нам в руки.

— Будем надеяться...

— Ты сомневаешься в приказах королевского мага? — это был резкий, быстрый вызов.

Ответ оказался спокойным, усталым.

— Сколько выступили против него в Тетгарде — и сколько остались в живых?

Повисла короткая пауза, потом второй ответил:

— Не хочу об этом говорить. Я... дела пошли не очень хорошо.

— Об этом знает весь дворец — а завтра будет знать весь Сюзейл. Как Тетлор?

Прозвучал громкий вздох.

— Ему все еще плохо, по правде говоря. Почти так же плохо, как Эльминстеру.

Мудрец Долины Теней криво усмехнулся в темноте и снова зашагал вперед. Стоит там стража или нет, моложе он не становился.

Не останавливаясь, он залез за пазуху своего жилета, под обожженный фартук кузнеца, зашарил в сумках в поисках вещей, которые, похоже, понадобятся, когда он достигнет конца прохода. Полезные вещички, из арфистского схрона Шторм, по крайней мере, если не стесняешься носить одежду с немодной стороны гардероба...

И все же будь проклято это безумие и магия, которую он не осмелится использовать. Вместо этого придется потратить *так* много времени на споры с дураками...

Вроде этих двоих, засунувших большие пальцы за пояса и с уверенностью — скорее показной, чем настоящей — преграждавших ему путь. Один был в слабо сиявшей черной

коже: старший рыцарь Кормира. Второй носил одежды волшебника — а любой волшебник в королевском дворце, даже в самом пыльном и глубоком дворцовом погребе, наверняка был боевым магом.

Они смотрели на него. Старый, бородатый мужчина беззаботно шагал по темному проходу, один и без меча, и вовсе не был похож на великого волшебника. Его одежда казалась такой же старой, как он сам, изношенная, не слишком чистая, подобающая чернорабочему, который мало зарабатывает и еще меньше моется. Старые стоптанные сапоги, грязные штопанные штаны, обожженный фартук поверх жилета. Нагруженный сумками пояс, свисавший до самых бедер. Мужчина взвешивал что-то в обеих руках. Что-то темное, маленькое и круглое. И улыбался.

Эльминстер вежливо кивнул им обоим, остановился, и повисла тишина.

Долго она не продлилась.

— Мы ждали тебя, старик, — сказал тот, что в мантии, в его тонком голосе на сей раз звучала надменная угроза.

— Я об этом догадался, мальчик, — любезно ответил Эльминстер. — Когда-то я был бы польщен, но за минувшие годы столь многие проводили время, ожидая меня, что теперь весь трепет прошел.

Он по очереди всмотрелся в обоих все с той же вежливой улыбкой.

— Надеюсь, вы не разочарованы.

Двое ответили ему недружелюбными взглядами. Первого он знал — это был некий Белсарт Хокблейд, мрачный, небритый мужчина, суровый и жестокий, зато непоколебимо верный Короне. Лицо мужчины в мантии было ему незнакомо — но смахивало на виденное в битве у Тетгарда, лицо боевого мага, пытавшегося применить Искусство во время панического отступления. Напуганного до самых костей.

— Хокблейд, — спросил он, кивая на бледного, напряженного мага. — Кто твой друг? Боевой маг?..

— Лортон Айронстон, — резко ответил маг, не дожидаясь Хокблейда. — И мне поручили просить тебя, Эльминстер из Долины Теней, мирно сдаться нам, чтобы предстать пред судом короля.

— Кто поручил?

— Ганрахаст, королевский маг Кормира, — отрезал Айронстон. — По просьбе самого короля, как сказал нам лорд Вэйнренс.

Эльминстер кивнул. Членов этого приветственного комитета должно быть трое. Последний, видимо, сейчас крадется у него за спиной...

— Ну? — рявкнул Айронстон. — Мы требуем ответа, мудрец Долины Теней! Если ты не заметил, мы находимся в Кормире — и здесь мы представляем закон, а не ты. Закон, единый даже для старых хитрых архимагов, привыкших нарушать правила и поступать как им хочется. Тебя, Эльминстер, обвиняют в краже магических предметов Короны и в убийстве — в убийстве рыцарей королевства, включая их лорда-командующего, и как минимум четырех боевых магов.

— В убийстве? На меня и мою госпожу напали посреди ночи, под звездами, в глухом лесу, дюжина человек бросились на нас, швыряя магию, вопреки моим предупреждениям, что это приведет их к смерти. На нас напали превосходящими силами, и нам пришлось защищать себя. Часть нападавших скрылись с помощью магии, а другие погибли в бою. И ты — которого там не было — называешь их смерти «убийством»? Убийца — это тот, кто ищет

смерти других и находит ее. Они пытались быть убийцами, да. Всех их предупреждали — и слишком поздно они поняли, что у глупой агрессии бывают последствия.

Эльминстер прервался, чтобы улыбнуться Айронстону тонкой, как у призрака, улыбкой.

— Урок, который, быть может, предстоит выучить и тебе.

Тот ответил с презрительной насмешкой:

— Седобородые советы от одинокого старика с большим ртом? Я весь дрожу. А еще у меня аж дыхание перехватывает от того, как нагло ты пытаешься оправдать свои преступления. Ты признаешь, что сразил верных кормирцев, выполнявших поручение Короны, сопротивляясь им. Значит, ты убийца. Не пытайся сбежать от наказания с помощью хитрых слов. И заявления, будто на протяжении своей долгой жизни ты только и делал, что защищал других, тоже не помогут.

Старик торопливо оглянулся через плечо, как будто прекрасно видел во тьме, затем снова повернулся к двум кормирцам, по-прежнему сжимая что-то в руках, и пожал плечами.

— Я в самом деле страж и защитник. Почему же это не может быть моим оправданием? Ты ведь боевой маг, и оправдываешь этим как свои поступки, так и свое высокомерие.

Айронстон не впечатлился.

— Ты? Защитник чего? Видимо, собственных интересов, которые ты провозглашал интересами Мистры. Ты влезал в чужие дела, нарушал законы и свергал королей. Ты никогда не защищал закон, порядок или законное правительство — в отличие от Вандердагаста.

— С последним я соглашусь. Я не был таким как он, хотя по мере того, как годы делали с ним то, что сделали со мной, он все больше и больше видел вещи с моей точки зрения. Он был когда-то моим учеником — и сейчас, когда люди говорят о старине Ванги, используя слово «могущественный», следующим обычно бывает слово «назойливый».

Хокблейд торопливо задушил что-то, подозрительно напоминавшее смех.

Боевой маг Айронстон покосился на него, затем наградил таким же уничижительным взглядом Эльминстера. Тот добавил:

— Я боролся за мир, справедливость и порядок, но до сих пор не встречал правителя, который сам стремился бы к этим вещам, вместо того, чтобы время от времени случайно их находить. Впрочем, возможно я еще встречу такого; прошло всего двадцать столетий или около того.

— Так ты позволяешь себе сомневаться в суждениях Драконьего Трона?

Эл посмотрел ему в глаза.

— Да. Большинство людей, даже заметив нависшую угрозу, не делают ничего. «Это не мои проблемы», говорят они себе. Они ищут оправдания, выкидывают опасность из головы, занимаясь повседневными делами. И ничего не предпринимают. Но не я.

— В моих глазах это делает тебя мятежником или по меньшей мере преступником.

— Ааа, еще один из тех блюстителей закона, что определяют вину, не затрудняя себя мелкими неудобствами суда. Это ведь *так* утомительно, правда?

— Ты смеешься надо мной, старик. Повторяю, ты стоишь на кормирской земле, подчиняешься *моей* власти, и...

— Нет. Даже самый последний из кормирцев не подчиняется *твоей* власти. Если бы ты сказал «нашей власти», потрудившись включить сюда доброго рыцаря, что стоит рядом...

— *Хватит* словоблудия. Ты боишься использовать магию, как мне говорили, так что сдавайся, или мы убьем тебя.

— Очень законопослушно, юный Айронстон.

Боевой маг тонко улыбнулся.

— Ты можешь остаться на месте. Можешь шагнуть вперед, оказавшись в досягаемости меча сэра Хокблейда. Или можешь сбежать, дав мне право убить беглого преступника, пытавшегося избежать задержания.

— Понятно. Победа любой ценой.

Айронстон пожал плечами.

— В бою ничего не имеет значения. Кроме победы.

Глаза Эльминстера, голубое на сером, спокойно смотрели на него.

— О? Если ничего не имеет значения, значит, и сражаться *не за что*, пареньь.

— Я устал от этого, — фыркнул Айронстон. — Хокблейд, взять его!

Эл быстро швырнул предмет, который сжимал в правой руке, в лицо Айронстону. Предмет взорвался облаком черного порошка, от которого маг всхлипнул и беспомощно рухнул на пол, вцепившись в лицо, хрипя и кашляя.

— Черный перец! — воскликнул рыцарь, выхватив кинжал и швырнув его в Эльминстера. — Но меня на старые арфистские трюки не поймаете!

Он бросился вперед, вырывая меч из ножен — а Эльминстер в воздухе перехватил брошенный кинжал, крутанулся и с силой метнул его в горло второго боевого мага, который осторожно крался за спиной Эла с жезлом наготове. Кинжал ударил мага рукоятью, и тот обнаружил, что не может дышать. Он сполз на землю, хватаясь за горло.

Эльминстер продолжил разворот, оказавшись лицом к Хокблейду как раз вовремя, чтобы нырнуть под взмах его меча — и почти нежно бросить нечто в своей левой руке ему в лицо.

Оно взорвалось точно так же, как перечная бомба, но эффект был совсем другим. Внезапная яркая вспышка заставила Хокблейда вскрикнуть и обдала лицо Эльминстера жаром, когда он отступил в сторону, плотно закрыв глаза перед коротким, но очень ярким взрывом. Он продолжал идти, пока не уперся в стену. Тогда Эл открыл глаза, чтобы осмотреть учиненный им беспорядок.

Два юных боевых мага катались по полу, пытаясь вздохнуть, лицо Айронстона было мокрым от слез. Хокблейд — такой же незрячий и испытывающий куда большую боль от оглушающего порошка — рубил воздух с отчаянным, жестоким остервенением. Он как раз повернулся на звук, раздавшийся, когда Эл наткнулся на стену, так что тот, не тратя зря времени, пригнулся и выдернул у рыцаря из-за пояса кинжал, на тот случай, если ему придется чем-то парировать.

Это была неплохая игрушка — зачарованная так, чтоб светиться по приказу. Она могла подарить ему одно заклятье по эту сторону рассудка, и Эл улыбнулся, торопясь во дворец.

Позади него Хокблейд споткнулся о третьего участника встречающего комитета, волшебника, который сжимал жезл — эх, эту штуку тоже надо было забрать! — и упал на пол, рубанув мечом так сильно, что высек искры из камней.

Эльминстер повернул обратно, чтобы забрать жезл — и из темноты вылетел новый клинок, выбил кинжал из его рук с такой силой, что онемели пальцы, а звон от столкновения был похож на колокол.

— Стой, чужак!

Этот новый голос принадлежал другому старшему рыцарю — или, по крайней мере, рыцарю — во главе четырех или пяти товарищей в тяжелых доспехах. С ними был и новый боевой маг. В тылу группы, конечно же.

Эльминстер вздохнул. Если он сейчас повернет, только боги знают, какие в следующий раз они поставят ловушки и стражу, чтобы встретить его.

Рыцари двинулись к нему, с мечами наголо, расходясь в стороны, пока приближались. Вместе с ними двигалось и красноречивое сияние, видимый во тьме звездный свет, предупреждавший, что они были защищены магически.

Эл еще раз вздохнул. Это если будет следующий раз.

У него есть одно заклинание, а после этого придется шарить по сумкам в поисках последней пригоршни арфистских трюков. Если он будет все еще жив.

— Стойте, люди Кормира! Опустить сталь, всем! Боевые маги, отставить заклинания! Это королевский приказ!

Голос был тяжелым, как удар меча, и холодным, как зимний ветер. Он раздался позади рыцарей, которые немедленно повернулись в ту сторону, чтобы увидеть его источник.

Темноту погребов озаряло бледное сияние, холодный мерцающий нимб вокруг женщины в полном пластинчатом доспехе. Она была без шлема, виднелась дикая грива волос, ее глаза были двумя темными огнями, а руки были разведены в стороны.

Стальной Регент, точь-в-точь как на портрете в зале Подхода перед тронным залом; принцесса Алусейр Обарскир, какой она была давным-давно в расцвете лет.

Алусейр была мертва, конечно — должна была — и мгновение спустя, пока она шагала к ним, рыцари осознали, что видят сквозь нее.

— Да это фокус! — фыркнул один из них. — Фальшивый образ, созданный этим злодеем!

Он ткнул укрытым железной перчаткой пальцем в Эльминстера и продолжил наступать на старика.

— Старший рыцарь Морлен Аскалан, — отрезала принцесса, не сбавляя шаг, — ты верен Драконьему Трону или нет? Ты слышал меня! Остановитесь немедленно и опустите оружие!

— Ты просто призрак или заклинание этого чужака-волшебника! — зарычал рыцарь, взмахнув мечом в ее сторону. — Я приносил клятву королю!

— Разве никто из вас меня не знает? — требовательно спросило видение, не останавливаясь. Один из рыцарей ударил своим мечом сквозь нее; клинок рассек ей руку и грудь, как воздух, заставив Алусейр нахмуриться.

— Ты и вправду Алусейр, да, — пробормотал другой рыцарь, — любовница лордов, военачальник королевства, яростная дочь самого Красного Дракона.

— И ты *призрак*, — повторил старший рыцарь Аскалан. — Ты поселилась в заброшенном крыле дворца и стонешь о том, в какой упадок пришло королевство со времен твоей жизни!

Алусейр шагнула прямо к нему, горькая улыбка исказила ее губы. Аскалан невольно отшатнулся от ее мрачного взгляда.

— Ну-ну, — заметила она. — Подслушиваем и шпионим, как обычно — что нужно сделать девушке, чтобы побыть в одиночестве?

И она прошла прямо через Аскалана. Рыцарь тут же с грохотом рухнул на землю, онемевший и беспомощный, его меч зазвенел на камнях.

Не останавливаясь, Алусейр прошла сквозь Лортона Айронстона — который упал ничком со вздохом и замер — и направилась к Хокблейду. Он тоже обмяк, и призрак похожим образом расправилась с боевым магом, который пытался напасть на Эльминстера

сзади, после чего развернулась к испуганным рыцарям и тихо произнесла:

— Я отдала приказ. Бросьте мечи. Сейчас же.

Один из рыцарей замешкался, а другой бросился на Эльминстера.

Алусейр превратилась в стремительный ветер, который встретил его на полпути к магу и отправил на пол — беспомощно содрогаться с белым лицом.

Отступив в сторону от его трясущихся конечностей, Алусейр обернулась к немногочисленным оставшимся на ногах рыцарям и уставилась на них яростным взглядом, не отводя глаз до тех пор, пока мечи один за другим не упали на пол.

Когда стих звон, она сказала:

— Сидите здесь и ждите, пока не очнутся ваши товарищи. *Не преследуйте* Мудреца Долины Теней, когда он входит в наш дом, ведь это и *его* дом тоже. Ему всегда рады здесь.

Она глядела на них до тех пор, пока последний рыцарь не уселся на пол, затем улыбнулась Эльминстеру.

— Спасибо, подруга, — сказал он, поклонившись призраку. Алусейр протянула руку, и он поцеловал ее, даже не содрогнувшись от замогильного холода, который заставил оставшихся рыцарей заморгать.

Затем он выпрямился, взмахнул рукой, салютуя ей, и развернулся, углубляясь в погреб.

— Добро пожаловать, — сказала Алусейр его спине. — Многие защищали Кормир. Ты, Эльминстер — даже больше, чем я; больше, чем мой отец; больше, чем Ванги, чтоб его; больше любого другого — ты тот, кто защищал Кормир от самого себя.

Глава 6

Чаша, кровь и принцесса в маске

— Я не знаю, *почему* Открытый Пир проводится в дюжину-и-шестую ночь миртула, подруга, — раздраженно заявил лорд Пейрспур Ярkokров, дернув девушку за руку, чтобы вернуть ее внимание.

Амарун посмотрела на него, с неохотой отводя взгляд от великолепных позолоченных статуй, охранявших двери зала Драконьего Триумфа. Если она не потеряла счет лестницам, они находились на третьем этаже, прямо у южной стены дворца.

— Просто так есть, — проворчал юный дворянин, который нанял ее на эту ночь, — и всегда было так, с тех времен, когда король был еще молод. Так что перестань задавать глупые вопросы и начинай вести себя так, будто по уши влюблена в меня. Все, что я хочу от тебя слышать — стоны вожделения и смиренную благодарность, когда я буду что-то предлагать тебе. За это тебе более чем щедро платят, не забыла?

Амарун быстро кивнула, улыбнулась ему и застонала, как он просил, губы приоткрылись, позволяя всем поблизости увидеть ее язык. Наполовину прикрыв глаза, она замурчала, как кошка — она часто так делала, наклоняясь через край сцены в клубе Драконьих Всадников. Ярkokров заметно оживился.

— Вот так! — удовлетворенно сказал он. — Ох, как они будут ревновать! Жду-не дождусь увидеть их лица, особенно Делькасла.

— Клянусь своим мечом! — воскликнул позади роскошно одетый молодой дворянин. Он обогнал их, встал прямо перед Ярkokровом и начал поправлять монокль — прикрытие, чтобы сунуть свой нос чуть ли не в самое декольте Амарун. — Кто это обворожительное создание, Ярkokров? Где ты прятал ее от нас?

— Хе-хе, — довольно отозвался ее спутник на этот вечер, на глазах надуваясь и расцветая. — Видишь ли, Рейнлейк, я не могу раскрыть тебе *все* мои секреты. Дамы с хорошим вкусом, конечно же, знают чего хотят, и выбирают самых *необузданных* жеребцов, понимаешь, о чем я?

Два дворянина зашлись почти одинаковым грязным смехом, тыкая друг друга под ребра, почти как двое пьяных погонщиков скота. Ценой огромных усилий Амарун мило улыбалась прямо в лицо Ярkokрову и сохраняла спокойное выражение лица — и сдерживалась, чтобы не закатить глаза.

Она прекрасно знала, сколько взглядов притягивает к себе, сколько глаз наслаждается ее темной красотой. Девушка начала ловить на себе такие взгляды еще у дворцовых ворот. Впрочем, она давно привыкла к этому — и многому другому. Амарун знала, что обладает потрясающей фигурой — скорее благодаря осиной талии и гибкому, сильному телу, чем пышным изгибам, которыми обладали многие ее подруги-танцовщицы во Всадниках — а также невероятно красивым лицом, из-за больших и темных глаз, каких не было у большинства женщин. Добавьте к этому длинный водопад вьющихся черных волос и грациозные плавные движения — Амарун долго трудилась, чтобы они вошли в привычку — и в результате получите девушку, которая будет привлекать к себе внимание, где бы ни очутилась.

Даже если Ярkokров окажется посредственным любовником, когда неизбежно затащит ее в постель в конце вечера, существовали куда худшие способы зарабатывать себе на жизнь,

чем служить ходячим украшением, цепляющимся за руку юного лорда на дворцовом пиру. Здесь была самая лучшая еда и вино из всех, что ожидали ее в ближайшем будущем, а также было на что посмотреть и что послушать. Помимо роскошного убранства дворца и свежих сплетен, здесь были перспективные клиенты из числа приглашенных дворян. По крайней мере, у нее будет шанс увидеть лица лордов, которых она знала только по именам, и оценить, на кого из них стоит «работать», а кого лучше избегать, когда те пришлют своих слуг. Лишь самые смелые, вроде Ярkokрова, лично посещали клуб Драконьих Всадников во время своих ночных эскапад; большинство предпочитали места подороже и пореспектабельнее, а в более дешевые заведения отправляли посыльных, чтобы те нашли все за них.

Лорд Рейнлейк, по-прежнему гогоча, прошел мимо, и Амарун обнаружила, что ее тащат следом, мимо череды висящих на стене ламп и гобеленов, прямо в яркий и шумный зал Драконьего Триумфа, на вечерний пир.

Открытый Пир, как ей кратко рассказали, прежде чем у Ярkokрова закончилось терпение, был назван так по традиции, столь древней, что никто уж не помнил, с чего она началась — это мероприятие никогда не посещали особы королевской крови, так что гости могли говорить свободно.

И они всю пользовались этой возможностью. Гости не только говорили, они кричали, пели, издавали грубые звуки и передразнивали друг друга. Впрочем, Ярkokров не собирался задерживаться на одном месте ради того, чтобы она могла кого-то рассмотреть или послушать; его мучила жажда, и он с торопливой поспешностью обошел длинный стол, занимавший большую часть помещения, и направился к скудно освещенной арке, где келарь, будто покидающих улей пчел, подгонял слуг с бокалами на подносах. Недопустимо позволять гостям королевского дворца страдать от жажды.

В зале стоял оглушающий гомон. Бумагомаратель вроде Фларма «Сюзейлского языка» описал бы развернувшуюся вокруг Амарун сцену примерно так: «Над роскошной едой в пышном окружении юные и амбициозные дворяне вместе со своими более искушенными собратьями и учтивыми царедворцами обсуждали будущее Кормира, покачивая в руках бокалы, — и торговались за власть в этом будущем». Амарун знала это, поскольку именно такими словами Фларм описал прошлогодний Открытый Пир. Тресс сохранила ту пожелтевшую книжицу и с торжествующим видом отдала Амарун, когда услышала о ее сегодняшней работе.

Длинный пиршественный стол с креслами для формального ужина вытянулся, будто копьё, вдоль всего зала. Однако этим вечером был сервирован «свободный стол», когда гости самостоятельно накладывают себе блюда и свободно ходят вокруг. Она разговаривала с девочками, которые бывали на других пирах, и знала, что немного позже, когда большинство гостей устанет от еды и выпивки — или осоловеет от злоупотребления вином — тех немногих, кто сейчас предпочел сесть и заняться едой, станет значительно больше. Сейчас же почти все стояли и разговаривали.

И разговаривали.

Боги свидетели, она видала дерущихся детей, которые были тише!

Ярkokров с улыбкой остановился перед старшим слугой, с которым был, видимо, знаком — тот один за другим наполнял из графина бокалы с подносов проходящих мимо слуг и предлагал их гостям, с отточенной и неброской элегантностью принимая в ответ пустые и недопитые.

— Добрый вечер, милорд! — келарь кивнул и улыбнулся спутнику Амарун и ей самой. — Миледи.

Она улыбнулась в ответ, затем быстро — и, как она надеялась, с вождением — взглянула на Яркокрова, который от удовольствия разбурчался, взял бокал и ответил:

— Добрый, Джамальдро. Чарсаласское, не так ли? Ах, прекрасно, прекрасно. Бокал моей даме.

В руках у Амарун оказался бокал, и улыбающийся Яркокров потянул ее прочь, в дальний конец зала, где лорды и леди с вином в руках собирались в небольшие группы, возбужденно переговариваясь

Яркокров стал прокладывать между ними извилистый путь, явно демонстрируя всем свою спутницу. Амарун не отрывала от него глаз, сохраняя на лице выражение пылкого обожания, но внимательно прислушивалась к обрывкам разговоров, долетавших от групп, мимо которых они проходили.

— ...да, там поселились призраки, точно. Целое дворцовое крыло! Поэтому они и построили новое, где мы сейчас стоим, понимаешь?

— А я слышал, что там бушевала магия, с которой они не смогли справиться, и в итоге пришлось закрыть то крыло и оставить его — на целые годы. Жрецов, чтоб покончить с привидениями, сколько бы их там ни было, у нас хватает!

— Эссард, Эссард, ты просто должен найти среди своих слуг того, у которого кто-то из родни работает во дворце, напоить его — сойдет худшее вино из твоих запасов — и выведать настоящую историю! Жрецы пытались неоднократно! И некоторые комнаты даже получалось очистить за несколько месяцев... но потом раз за разом они находили слуг и боевых магов, валявшихся мертвыми в коридорах!

Вопреки себе, несмотря на то, что не один раз слышала сплетни и похлеще о заброшенном крыле, Амарун задрожала от волнительного страха.

Весь дворец знал, что в заброшенном крыле на призрачной лошади разъезжает принцесса Алусейр. Она всегда появлялась в абсолютной тишине, облаченная в полный доспех, с диким взглядом и окровавленным мечом в руках, свободно проходя через стены, полы, потолки и сквозь попавшихся на пути придворных. Касание ее меча убивало, а прикосновение руки до костей пронзало холодом, оставляя жертву трястись и дрожать на протяжении нескольких дней. Тех, на кого она просто посмотрела, преследовали эти глаза, они постоянно видели их во время бодрствования. Почему...

Амарун почувствовала острую боль под ребрами. Лорд Яркокров заметил, что она отвернулась, и с силой ущипнул девушку. Амарун быстро повернулась к нему — и встретила почти убийственный взгляд.

Она изобразила на лице быстрое молчаливое извинение и прижалась к нему, будто изголодавшаяся распутница, потерялась о бедро. Это вернуло улыбку на лицо лорда, но Амарун обнаружила себя рядом с каким-то старым, хвастливым и толстым купцом в заляпанном вином бархате, который решил, что эта болтовня о Призрачном Регенте просто требует от него внести свои ценные замечания.

— Вам стоило бы помнить, — начал он, — что принцесса Алусейр является так называемым изводящим призраком, и делит эти залы с восставшими-после-смерти придворными, которые нынче бродят там в виде скелетов, дряхлых скелетов и волочащихся ужасов — последние известны в менее *утонченных* городах, вроде Глубоководья, как «гнилые зомби».

Купец моргнул, губы скривились в преувеличенном презрении к такому вульгарному наименованию, потом махнул пухлой, увешанной кольцами рукой, блестевшей от жира обжаренных в масле креветок, которые он поглощал с неумной жадностью, и добавил:

— Там есть также несколько упырей, в прошлом дворцовых стражников, и даже призраков меча — останков грешных рыцарей, которые летают повсюду, размахивая черными мечами. Смертельно, просто смертельно опасны.

— И ты видел всех этих страшных духов *лично*, Острамагрус? — младший лорд Донтард был неприятным, саркастичным мужчиной, и даже дружественные реплики в его устах звучали язвительно. А эта была не слишком дружественной, да и произнесший ее язык уже заплетался от вина.

Толстый купец покраснел.

— И не раз, юный Каскот. Не раз.

Шепот радостного предвкушения раздался среди стоявших неподалеку придворных. Даже Амарун знала, что в таком ответе скрыта насмешка; старший лорд Донтард, отец Каскота, был когда-то знаменитым путешественником, а его сын никогда не удалялся от Сюзейла дальше семейных охотничьих угодий. Обычные спутники Донтарда, лорды Виндстаг и Сорнстерн, громко захихикали и придвинулись ближе, чтобы не пропустить реакции товарища.

Каскот неожиданно усмехнулся.

— Ох, точно подмечено, старик Остра, точно подмечено. Еще остался в тебе задор.

Лицо лорда Брорина Виндстага застыло от разочарования. Крупный и краснолицый, постоянно хвастающийся своей доблестью и успехами на охоте, он явно надеялся на драку, пока рядом был его постоянный подхалим Деласко Сорнстерн.

Келарь быстро всунул полные бокалы драконслейка в руки лордов, а купцу и придворным налил чарсаласского — неплохого вина, которому до драконслейка было, тем не менее, далеко. Лорды надулись от такого признания их статуса.

Яркокрову, казалось, не слишком хочется торчать там, где задиристые молодые соперники могут попробовать отбить у него таинственную спутницу, и он быстро увел Амарун почти к самому краю зала, где в высоких окнах виднелись другие светящиеся окна в зданиях напротив. За этими окнами в большой ветвящейся анфиладе, составляющей королевский двор и с двух сторон закрывавшей дворец от остальной, немойтой и суетливой части Сюзейла, трудились придворные, недостаточно высокопоставленные — или те, у кого было слишком много работы, чтоб бездельничать — чтобы их пригласили на Открытый Пир.

В этих окнах Амарун краем глаза увидела висящие на колоннах большие, темные портреты. На одном из портретов была изображена принцесса в маске, увенчанная одной короной и сжимавшая в руке другую, с которой капала кровь, и там был король в покрытой кровью броне, вставший в стременах посреди ужасного поля битвы, чтобы с триумфальным смехом поднять к небесам сияющую чашу.

Волнительные сцены, привлекающие взгляд и будоражащие воображение. Это были Обарскиры, без всяких сомнений, но какие из них и почему этих двоих изобразили именно так?

Она знала, что не посмеет спросить мужчину, к которому прижимается, и который сейчас повел ее на другую сторону зала.

Здесь болтовня оказалась *еще* интереснее.

— Хо, Марлин! Я знаю, ты тяжело трудишься над чем-то, касающимся нашего общего

хобби. Может быть, поделишься с нами?

— Кхе, нет, пока нет, Мелласт. Пока нет. Но ожидание того стоит, ты уж мне поверь.

— ...ах, но это никакие не контрабандисты! Это наша Тихая Тень!

— Тихая Тень? Звучит так, будто это какие-то старушечьи сплетни.

Амарун еле смогла не застыть на месте. Что ж, у всех есть свои секреты...

— Может быть, может быть. Хотите сказать, вы о нем не слышали? Или о ней, если уж на то пошло.

— Милварун такой отсталый, моя дорогая Джалико. От сезона к сезону мы живем без единой весточки о великом Кормире — кроме, разве что, деяний Кримсала. Вот это злодей! Почти как наша знать на востоке!

— Ох, поверьте мне, Кримсал не намного хуже других кормирских лордов. Разве что *обычно* не скрывает своих намерений. Прямо сейчас он прячется — и неудивительно, если вспомнить убийства и нападения, организованные им прошлой зимой.

— Вот оно что, — посол Милваруна, видимо, прибыл в Сюзейл совсем недавно. Кивнув и улыбнувшись, он поблагодарил слугу за бокал с вином. — И все же, как я понимаю, эта Тень — скорее вор, чем убийца? Как Скульпт и Вандарл?

— Значит, вам все же рассказали что-то полезное. Хорошо, хорошо. Но Тихая Тень совсем не похожа на Скульпта с Вандарлом. Другими словами, она тоже крадет, да, но «Скул и Ван» — воры по найму, причем хорошие. Их стоит опасаться; наши богатые лорды не могут воспользоваться услугами этой парочки, чтобы те грабили других лордов, поскольку два эти негодяя достаточно умны, чтобы отказываться от подобной работы — но зато могут свободно использовать их для грабежа и запугивания кредиторов неблагородного происхождения или тех, кто лезет выше головы и пытается соревноваться с дворянами в торговых делах. А вот с Тенью дела обстоят иначе. Он одиночка, дерзкий вор, работающий по ночам, похищая драгоценности и монеты из казавшихся неприступными спален и запертых комнат в самых высоких башнях.

— А, понимаю! Так старушки действительно о нем сплетничают!

— В самом деле! Вы прекрасно освоитесь здесь, в Сюзейле.

Грубые твердые пальцы вонзились в локоть Амарун и потащили ее прочь. Лорд Ярkokров, похоже, в точности представлял, как долго они могут задержаться возле собеседников, чтобы это не казалось подслушиванием.

Они прошли сквозь взрывы хохота, обогнули пьяного царедворца, шумно изображающего женоподобного сембийского лорда — если бы рядом был хоть один сембиец, не миновать ему вызова на смертельный поединок — миновали группу людей, говорящих на пониженных тонах, почти вплотную друг к другу. Одним из них был смуглый и красивый лорд Ротгар Илланс, молодой человек, о котором Амарун предупреждали. Впрочем, она в любом случае не стала бы делать глупостей, ведь рядом с Иллансом стоял высокий, мускулистый — гора, а не телохранитель — Марлазандр Могучий, постоянно зыркавший по сторонам в поисках неприятностей с выражением холодной угрозы на лице.

Ярkokров уверенно подвел Амарун к столу, за который уже уселись некоторые из участников пира. Ее спутник заметно напрягся. Мгновение спустя она поняла, почему.

В зал только что вошел один из высокопоставленных слуг и быстрым шагом направлялся к ним.

Или, точнее, к человеку, сидящему за столом прямо перед ними, которого Амарун узнала только сейчас: Ганрахаст, королевский маг Кормира.

Младший сенешаль Корлет Фентабль наклонился к Ганрахасту, что-то прошептал ему на ухо, затем быстро выпрямился и ушел. Амарун знала, что хотя Фентабль и взгляда в их сторону не бросил, их с Ярkokровом заметили, взвесили и почти наверняка сочли недостойными.

Мгновение спустя она забыла об этом, когда Ганрахаст, нахмурившись, поднялся с кресла и поспешил прочь из зала.

Амарун ни разу не видела, чтобы хоть один боевой маг так торопился.

Большинство окружающих гостей тоже нахмурились.

Очевидно, они тоже никогда не видели, чтобы королевский маг так спешил.

Глава 7

Лорды, тени и темные делишки

— А что же барон Болдтри?

Услышав этот вопрос, Марлин Грозозмей поторопился отойти в сторонку от обсуждавших его взволнованных юных лордов, радуясь, что он остался на ногах и вставать с кресла не потребовалось, так что никто не заметил, как он ушел.

Марлин не хотел иметь ничего общего с королевским лордом Эрзуредом Обарскиром и его заговорами, как бы там тот себя не звал — бароном Болдтри или как угодно еще. Этот человек был улыбчивой, хладнокровной угрозой всему дворянству и не заслуживал доверия. Те, кто окажутся рядом, потеряют свои головы вместе с ним, когда настанет время.

А оно настанет, в этом Марлин не сомневался.

Нет, *этот* начинающий заговорщик гордился тем, что был не таким прямолинейным, как улыбчивый Болдтри. Пускай другие восхищаются королевским лордом и властью, которую он подгрел под себя, лордами, тенями и темными делишками; дом Грозозмеев имел другие, не такие громкие поводы для гордости.

В этот момент, когда ему уже стало казаться, что играть с полупустым бокалом, который Марлин нянчил в ладонях, придется вечно, он увидел знак, которого ждал, и улыбнулся. Наконец-то.

Уход Ганрахаста с Открытого Пира был весьма поспешным. Таким же будет уход Марлина.

Поставив бокал на стол, Марлин направился в сторону гардероба с таким видом, будто его спешка вызвана необходимостью облегчиться.

В конце концов, время было позднее.

На пути через зал он увидел еще кое-что, заставившее его улыбнуться. Шесть боевых магов, которым ничего не подозревающий Джамальдро подал вино со снотворным — старший келарь был человеком привычки, всегда заранее разливал вино по графинам, и легко поверил, что высокомерные маги предпочитают свой особый сорт — похрапывали в своих креслах, будто перебрав с выпивкой.

Оказавшись под аркой, ведущей к гардеробам, откуда был виден весь зал, но сам Марлин оставался скрыт глубокой тенью, он обернулся, обвел взглядом пир, и позволил своей улыбке стать еще шире.

Несколько гостей заметили его уход и в свою очередь приготовились покинуть зал. Все они направлялись в его сторону — за это им заплатили. По его примеру, они пойдут в сторону гардероба, но затем свернут в сторону. В недра дворца.

Беспечность дворцовой стражи в эти дни была просто поразительна.

Шум Открытого Пира остался далеко позади. Они устало шагали в глубокой, почти осязаемой тишине. Проход был темным, а в комнате, куда они зашли, оказалось еще темнее.

— Я прежде никогда не бывал в этой части дворца, — пробормотал один. — Никакой стражи, никаких боевых магов...

— В наши дни их осталось не так много, — спокойно сказал им Марлин Грозозмей из темноты в дальнем конце комнаты. — Вы опоздали.

— За нами следили, — раздался короткий ответ от человека, все еще вытиравшего руки от крови. Ему приходилось убивать и раньше, но прикончить боевого мага пришлось быстро, прежде чем он смог швырнуть заклинание или отправить какой-то магический зов о помощи. — Мы позаботились о нашей маленькой тени.

— Да, мы оставили его голову в гардеробе.

— Хорошо, — Марлин был доволен и позволил им услышать это. — Но каждый труп рано или поздно обнаружат. Так что давайте к делу.

— Мы все здесь, — просто сказал кто-то. — Я посчитал.

— Уверен, вы также посчитали монеты, которыми я вам заплатил? — холодно спросил Марлин, и, не дожидаясь ответа, сказал собравшимся вокруг него людям:

— В заброшенном крыле действительно завелась нежить, но ее там мало. Если вы пойдете со мной и сделаете то, за что вам заплатили, уничтожив нескольких скелетов и призраков, которых нам доведется встретить, вы сослужите Кормиру большую службу.

— Откуда вообще в королевском дворце нежить? — пробормотал кто-то. — Неужели боевые маги настолько потеряли хватку?

Марлин усмехнулся.

— Боевые маги *управляют* нежитью, используют ее, чтобы никто не вошел в заброшенное крыло — где Обарскиры хранят самые ценные сокровища, похищенные ими у подданных, темную магию, которую они собирали веками, и... кое-каких пленников. Дворян и простолюдинов, которые оказались слишком большой угрозой Короне.

— Белнара? Тол Морана?

— Среди прочих. И если не хотите присоединиться к ним, сохраняйте гробовое — ха-ха — молчание о событиях сегодняшнего дня, до тех пор, пока я не избавлюсь от *всей* нежити, иначе боевые маги изобразят вас для остальных кормирцев не героями, а предателями.

— Ганрахаст такой *подозрительный*, — фыркнул кто-то. — Он видит предателей в каждом углу и за каждой дверью.

— Боевые маги, — мрачно заметил другой. — Беда всего королевства и его настоящие правители. Там где неприятности — всегда ищи боевых магов.

— Угроза всему Кормиру — даже королевской семье, — подтвердил другой.

— Чем быстрее их поубивают, — согласился со своими наемниками Марлин, — с помощью череды *несчастных случаев*, подстроенных так, чтоб не вызвать подозрений, тем лучше.

Эта реплика вызвала согласные кивки, и он негромко добавил:

— Теперь идем. В заброшенное крыло. Обнажите мечи.

Главный проход закрывали большие сводчатые двери, но был обходной путь через комнату, вход и выход из которой были не заперты.

Только они сделали три шага за порог этой комнаты, как навстречу вышли два скелета — один просто сорище покрытых пылью костей, парящих в воздухе, слишком старых, чтобы держаться вместе, а второй более свежий, лучше сохранившийся.

Грозозмей вышел вперед, поднимая меч и указывая на скелетов.

— Разбейте их на части. Затем покрошите кости. Никаких криков, никакого шума. Сделайте все тихо.

Когда пустые глазницы обернулись к нему, Марлин почувствовал нарастающий страх.

Они мертвы или должны быть мертвы, а не шагать к нему с молчаливой угрозой, выставив вперед мечи...

— Быстро, пока *другие* не подоспели, — бросил один из его наемников.

Последовала суматоха, бешеное руби-и-круши.

Грозозмей взгляделся во тьму. Слабое мерцание старых заклятий освещения, давно не обновлявшихся, сохраняло заброшенное крыло от погружения в непроницаемый мрак, но он чувствовал бы себя куда счастливее, если б осмелился принести фонари и обеспечить яркий свет. В тених могло скрываться...

Все, что угодно. Еще один древний скелет с одним — нет, двумя — зомби, плетущимися за ним следом. Позади них скользило нечто темное, немного похожее на летучую мышь. Один из призраков. *Настоящие* проблемы.

Марлин обернулся к наемникам.

— Займитесь ими! — прошипел он. — Будут и другие! Ты и ты — следите за нашим тылом и флангами!

Конечно, он был напуган. Он чувствовал вкус страха, и волнение заставляло его дрожать. Если бы не амулет, вряд ли он вообще осмелился бы на эту вылазку. Старое семейное сокровище, которое боги знают когда и где добыл один из его предков, по преданию делало носителя «неуязвимым к вреду, что может причинить нежить, за вычетом чисто физических ран».

Из ныне живущих членов семьи, правда, никто эти заявления не проверял. Остановившийся проездом сембиец как-то подтвердил, что в неприметном, тусклом амулете заключена «сильная магия», и высказал мнение, что она *должна* защитить Марлина — и только его, не окружающих — от высасывания жизни, разрыва души и тому подобных некротических угроз. Но сембиец честно признался, что это только догадки. А доверить свою жизнь догадкам какого-то чужеземца мог только идиот.

Со скелетом покончили; расколота кость покатила мимо сапог Марлина. Зомби его люди тоже порубили на куски, сжав зубы от отвращения.

Призрак меча подался назад; Марлин шагнул к нему и приказал:

— Сомкнуть ряды. Некоторые из этих ужасов могут еще рыскать поблизости.

Его люди были только рады подчиниться; они еще стягивались в неровное кольцо, очень аккуратно сжимая мечи, чтобы случайно друг друга не порезать, когда появилось то, чего ждал призрак.

В дальнем конце прохода показался воин в доспехах и шлеме. Его плоть была серой, мертвой, а глаза блестели зловещим изумрудным светом. Такой же свет охватывал конечности твари, движения которых были похожи на движения живого человека, а не встреченной ими до сих пор нежити.

— Это всего лишь одинокий страж, который при жизни был старшим рыцарем, — пренебрежительно заявил Марлин. — Расправьтесь с этой зеленоглазкой, но следите за призраком. Старшие рыцари привыкли прятаться и наносить удары в спину, а не встречать лицом к лицу отряды вооруженных людей. Мы легко справимся, пока он остается один. Простоне *прекращайте рубить*.

Как оказалось, он был прав. Испуганные наемники бешено заработали мечами, и упырь почти сразу оказался повержен, буквально разрублен на части. Призрак попытался нанести удар и сбежать, но его догнали и покрошили.

Ну что ж. Это было легко.

Кроме того, призрак пытался сделать что-то с Марлином своим мечом — клинком, казавшимся буквально его частью, тонкой линией тени, сливающейся с остальным телом — и прикосновение этого оружия пронзило Марлина холодом и на мгновение парализовало... а затем это чувство просто исчезло. Из амулета потекло тепло, согревшее юного лорда.

Что ж, наследник дома Грозозмеев по-прежнему не видел никакой нужды рассказывать наемным убийцам о своем амулете.

— Идем вперед, — приказал он. — Не думаю, что золото будет просто валяться вокруг. Если мы собираемся что-то найти, придется выделить время на поиски. Давайте-ка уничтожим оставшуюся нежить.

Марлин очень сомневался, что они вообще найдут какое-то золото или пленников — учитывая, что все это он просто придумал сегодня вечером, разглядывая блеск столового серебра на пиршественном столе. Точно так же, как придумал «шар Волшебной Чумы в сундуке», чтобы увести королевского мага из зала Драконьего Триумфа. Его агент рассказал об этом боевому магу Вэйнренсу, который передал сообщение своему начальнику Ганрахасту через младшего сенешаля... приятно было знать, что боевые маги могут быть такими же доверчивыми, как и все прочие.

Марлина не волновало, что подумают наемники. Вряд ли многие из них проживут достаточно для того, чтобы их мнение кого-то заинтересовало.

Они продолжали идти по заброшенному крылу сомкнувшимся вокруг Марлина маленьким тесным отрядом, тихо и уверенно, готовые к неприятностям.

Марлин позволил себе небольшую улыбку и реплику:

— Хорошая работа. Скоро у меня будут новые задания для вас.

Пустые обещания всегда были полезным инструментом.

Он не собирался доверять что-либо этим наемным мускулам после событий сегодняшней ночи. Не в том случае, если заполучит хотя бы кого-то из Девятки.

Девятка. Призраки синего пламени...

Марлин дожидаться не мог, когда все они окажутся в его власти, и он сможет посылать их на опасные вылазки вроде этой ради своей выгоды.

Очень скоро он получит двоих. Парящий Клинок давно хранился в его семье, и он знает, где находится Виверноязыкая Чаша.

Он уже чувствовал *вкус* власти.

Лотрэ обещал. До тех пор, пока они не завладели хотя бы четырьмя членами Девятки, двое из них будут полностью во власти Марлина, и тот может распоряжаться ими по своему усмотрению — а он, во имя Драконьего Трона, планировал сделать многое, прежде чем будет найден четвертый призрак!

Внизу, в глубоком мраке, Марлин Грозозмей и его наемная банда осторожно шагали по большому проходу, пересекавшему самое сердце заброшенного крыла.

Принцесса Алусейр отвернулась от перил балкона, с которого наблюдала за ними, так стремительно, будто нанесла удар мечом.

— Я могла убить этих глупцов быстрее, чем ты успел бы спуститься по ступеням и окрикнуть их! — прошипела она. — Почему я не должна этого делать? *Почему*, Старый Маг?

Почему?

Зубы Эльминстера дрожали от излучаемого ей холода, но он стоял на своем.

— Я понимаю, что ты чувствуешь, подруга.

— Ярость, — отрезала она. — Сейчас я чувствую ярость. Так положи ладонь мне на плечо и успокой меня, волшебник. Или, клянусь мечом отца, я спущусь с этого балкона и убью их всех прежде, чем ты...

— *Спокойно*, Алусейр. Спокойно, — ответил он, сделав именно то, что она предложила. Рука не встретила ничего осязаемого, только ужасный холод. Леденящий кровь озноб заставил его пошатнуться, и все же Эл постарался не убирать руку. И потерпел неудачу.

Алусейр глядела, как он отступает к ближайшей колонне, побледнев и задыхаясь. Выражение ее лица было недружелюбным.

— Не сейчас, подруга, — пробормотал маг, когда к нему вернулся дар речи. — Время раздавить этих червей еще придет. И, наверное, весьма скоро.

Она испепелила Эла взглядом.

— Потом, не сейчас, подожди пока настанет время... как ты можешь быть настолько отвратительно *терпеливым*, Старый Маг?

Эльминстер пожал плечами, ответив на взгляд Алусейр собственным, в котором пылала та же ярость, что душила призрачного Регента.

— Безумие, — гневно прошептал он, — помогает.

— Кажется, они весьма разочарованы тем, что нашли лишь пустоту, сломанную мебель да очевидную нехватку закованных в кандалы девиц, брошенных за решетку дворян и гор золота, — колко заметила Алусейр немного погодя. — Бедные маленькие мародеры.

Она посмотрела вниз с балкона в последнюю комнату заброшенного крыла. Юный лорд Грозозмей засовывал что-то во внутренний карман своего модного камзола.

— А сейчас что он задумал?

Эльминстер пожал плечами:

— Это была карта, так что я думаю, он собирается прогуляться по дворцу в поисках магии, которая, как он думает, спрятана здесь.

— Один из его драгоценной Девятки? Могу я убить его прямо сейчас? Правда, Эл! Может быть, тебе безразлично, что крадут из этих залов, но это мой дом — и *мне есть дело!*

И тогда она заметила, что руки Старого Мага вцепились в перила балкона с такой силой, что побелели и тряслись.

Видимо, Эльминстер обнаружил, что ему тоже есть до этого дело.

— Вы довольны, сир?

— Конечно, — ответил Марлин, по-настоящему улыбнувшись. — Ни единой потери, и вся нежить, что осмелилась выйти против нас, была уничтожена с достойной восхищения быстротой и ловкостью. У нас осталось время сделать кое-что попроще уничтожения восставших мертвецов.

— Ах, вот как? — в голосе наемника слышалась едва заметная нотка недоверия. Он пережил не одного излишне самоуверенного нанимателя — и надеялся пережить еще больше. — Значит, мы идем дальше во дворец?

— Конечно. Я должен проверить точность этих карт и найти дорогу в знаменитую палату Драконьего Черепа.

— Ту, в которой умер королевский маг?

— Ту самую, — радостно подтвердил Марлин, сверяясь с картой и указывая окружающим его вооруженным людям, куда свернуть.

Большая часть Сюзейла знала, что никто не осмеливается входить в палату Драконьего Черепа.

Большая часть Кормира знала, что это название принадлежит запечатанной множеством заклятий комнате, спрятанной в глубине королевского дворца, а сторонятся ее потому, что однажды ночью, восемьдесят лет назад, от Волшебной Чумы там погиб королевский маг Каледней.

Среди придворных и лордов ходили слухи, что даже самые сильные боевые маги не способны преодолеть печати этой комнаты. Их магия так исказилась под действием Волшебной Чумы, что все заклинатели избегали ее; печати по-прежнему действовали и были связаны с таким количеством других заклятий, наложенных на дворец за многие века его существования, что их нельзя было уничтожить без *долгого*, осторожного ослабления и разведения — кто из ныне живущих помнил все то волшебство, что держало и сковывало дворец?

Искаженные печати постоянно бурлили, подвергая рассудок вступивших с ними в контакт заклинателей жестокой пытке. Марлин лично видел, как побледневшего боевого мага вывернуло недавним обедом, прежде чем он рухнул лицом прямо в собственную рвоту, и слышал, что этот маг просто прошел через проклятую палату — вместо того, чтобы сделать небольшой крюк и обойти ее.

Но ни сам Марлин, ни его наемники — если они не солгали ему, а в таком случае они заслужили подобную судьбу — не были заклинателями.

У него, как и у всех Грозозмеев, была крайне весомая, старая причина желать проникнуть в эту палату. Незаконченное семейное дело, которое волновало даже такого молодого члена семьи, как Марлин. Он уже давно мечтал позаботиться об этом...

Забрать Виверноязыкую Чашу.

Среди ныне живущих, благодаря печальной судьбе некоторых своих родственников, только Марлин знал, где она хранится. Этот секрет не был известен даже Каледнею и Вандердагасту, и даже, вероятно, призракам этого дворца. За фальшивой стеной — и за бурлящими, искаженными печатями, которые так эффективно защищали от любопытных магов — в забытой комнате за палатой Драконьего Черепа.

И вот, потратив годы на подкуп шпионов и информаторов, у него была карта дворца, множество указаний на то, где находится нужная комната, а также целая банда вооруженных людей внутри дворца.

О да, Марлин мог позволить улыбнуться так, как не улыбался многие дни. Он так дрожал, что Пьянчужка беспокойно зашевелился за пазухой его камзола, его жало застучало по металлическим пластинам, которые Марлин носил на груди под одеждой.

Лорд Марлин Грозозмей, который вскоре может стать кем-то куда более великим, издал нетерпеливый смешок. Он уже видел в своих руках Чашу...

Глава 8

Сплошное бряцанье сталью

— Куда они идут, как думаешь? — спросил задыхающийся Эльминстер, добежав до дверного проема и вцепившись в него.

Там, где призрачная принцесса могла лететь, ему приходилось бежать. И даже бегом он не мог угнаться за Алусейр.

Она уже не раз вырывалась вперед, чтобы проверить банду Грозозмея и вернуться к Старому Магу, пока он пыхтел, преодолевая бесконечные темные коридоры и надеясь не наткнуться ни на кого.

Если это все же произойдет, Эльминстер планировал изобразить старика Элгорна с помощью полос ткани, которые он оторвал от мешковины в погребах и только что обмотал вокруг лица, как бинты, и рассказать о том, сколько времени прошло с тех пор, как в последний раз проверяли состояние ступенек на некоторых лестницах. «Нельзя позволить этому дворцу обрушиться нам на головы!» — проворчит он.

Вот уже несколько лет он был здесь старым Элгорном Ролиганом, «чинящим вечно крошащийся камень, шпукатурку, ковры и дерево этих великих зданий». И потомком знаменитого Галастира Ролигана. Конечно, обычно он работал не один: запоминать важные вещи и рассчитывать давление Элгорн доверял своей младшей сестре, Сторнаре. Никто не говорил, что та похожа на старый портрет леди-барда Долины Теней, ведь магия Эльминстера заставляла ее казаться настолько старой, насколько Шторм была на самом деле.

Впрочем, для беготни по дворцу Элгорн был не в лучшей, чем она, форме — тем более, что Шторм пришлось бы спешить сюда аж со своей кухни в Долине Теней.

— Драконий Череп, ради всего золота в верхней сокровищнице, — с отвращением ответила Алусейр. — Если, конечно, их не интересует старая мебель.

Затем она напряглась и подняла голову, как ищейка, вынюхивающая что-то в воздухе.

— Ганрахаст и Вэйнренс, идут разными путями через дворец, оба очень спешат! Оба направляются в северную башню... и Вэйнренс окажется там первым.

Эльминстер покосился на нее.

— Ты можешь проследить за каждым человеком во дворце?

— Конечно нет. Обычно только за этими двумя; я чувствую всю ту магию, которой они себя нагружают, — фыркнула Алусейр. — Они часто встречаются в комнате на самом верху северной башни, куда я не могу попасть — наверное, для бесед, которые хотят сохранить в тайне *ото всех*. Хочешь подслушать этот разговор? Я никогда раньше не видела, чтоб они так торопились!

Эльминстер задумчиво кивнул, и в его глазах загорелся огонь.

— Думаю, хочу.

Глаза дворцовой горничной, глядящие в его глаза над их жадно целующимися ртами, распахнулись от страха, и лорд Арклет Делькасл почувствовал, как девушка вся напряглась.

Он прислушался.

Человек, разговаривающий сам с собой, шагал по последним ступеням лестницы перед покоем наверху.

Аркет прервал поцелуи и ласки на время, достаточное, чтобы мягко зажать горничной рот ладонью, прежде чем она успела издать хоть звук, затащить ее за шкаф и тихо, но яростно выругаться.

В прошлый раз он *четко и ясно* слышал, как двое волшебников, спускаясь по ступенькам, согласились никогда больше не подниматься в эту комнату.

И вот они снова идут сюда.

С яростной силой Аркет посвятил себя самым красочным и искренним проклятиям, какие он только знал, но ругательства были абсолютно беззвучны и звучали лишь в его голове.

Горничная с зажатым ртом в ужасе гладела на него, а волшебник по ту сторону шкафа от бормотания себе под нос перешел к четким — и явно раздраженным — словам:

— Ну давай же, Ган. Позволь придворным выполнять свою работу. У нас самих проблем хватает.

Аркет попытался ободряюще взглянуть на девушку, но кажется это не сработало. И неудивительно: оба они узнали голос волшебника Вэйнренса, одного из самых страшных заклинателей королевства. Главный задира среди боевых магов, волшебник, способный разрушить стены замка ради того, чтобы достать скрывающихся внутри предателей — и наверняка так бы и поступивший.

— Я тебя слышу, — ядовито отозвался голос с лестницы. Горничная, как и сам Аркет, узнала и его — глаза девушки закатились, и она лишилась чувств, повиснув тяжким грузом на руках лорда.

С той стороны шкафа в комнату вошел королевский маг Ганрахаст, задыхавшийся от подъема. Лестница на вершину северной башни была длинной.

— Ну? — выдохнул он.

— Это срочно, — сухо ответил Вэйнренс, не тратя времени на приветствия.

— Как всегда, — вздох. — Что там срочного? — вздох.

— Один из наших информаторов только что сообщил мне, что лорды Ротгар Илланс, Хармон Хоклин и Сесзгар Ханткран замышляют измену. Во время Драконьего Совета они собираются выпустить что-то, что называют «шаром Волшебной Чумы», запертым в сундуке, и затопить помещение опасной дикой магией.

Ганрахаст не стал тратить воздух на проклятия.

— Видимо, эти трое неуязвимы к его воздействию, — выдохнул он, — и считают, что оно причинит ущерб — серьезный ущерб — здоровью других дворян, королевской семье, нам, волшебникам, и придворным.

— Уж нам, боевым магам, точно, — согласился Вэйнренс, — не думаю, что они собираются пожертвовать собой ради этого. Они намерены как-то пережить воздействие Чумы.

То, что это трио замышляет измену — не новость, но Делькасл впервые слышал про шар Чумы. Неужели такая вещь существует?

— Если эта информация хоть сколь-нибудь правдива, — заметил Ганрахаст.

Вэйнренс пожал плечами.

— Как и ты, я сомневаюсь в правдивости всего, что сообщают мне без принуждения. Но

разве мы посмеем не принять это всерьез?

— Возможную угрозу королю? И самым важным лордам Кормира вместе с ним? Вряд ли.

Вэйренс не пожалел времени на трехэтажные ругательства. Через миг к нему присоединился и Ганрахаст.

— Я возьму рукоять в зубы, — прошептал Эльминстер, ерзая на холодном каменном полу, — и разделю с тобой то, что увидит мой разум, пока продержится магия.

Алусейр кивнула и протянула руку к нему.

Касание было легче шепота, но холод в мгновение ока заставил его задрожать.

И все же слово есть слово, Алусейр показала ему спрятанный кинжал Обарскиров и, не сомневаясь ни минуты, предложила магию этого кинжала, так что...

Сотворив заклинание, Эльминстер почувствовал головокружение и обнаружил, что его магия застряла в сильных новых печатях, которые ломали и рвали...

Пока он не оседлал их, не слился с ними, не просочился сквозь них.

Типичная прямолинейная, грубая магия.

Ох уж эти нынешние волшебники...

Ганрахаст стал расхаживать из стороны в сторону. В комнате наверху северной башни отсутствовали окна, а из убранства были только пустой шкаф, простая деревянная скамья и стол у стены, возле которого стояли наготове незажжённые фонари, так что места оставалось предостаточно.

Это, укрывающие заклęcia, которые они давным-давно наложили на помещение, да заброшенность комнаты — по всем этим причинам она им и нравилась.

Вэйренс был, разумеется, прав. Они не могли проигнорировать наводку, даже если та исходила от человека, которому почти наверняка заплатили, чтобы он рассказал об этом с целью запутать их. Мало что можно с этим сделать: выжимание мыслей, которое когда-то сделало боевых магов такой страшной — и эффективной — силой, после Волшебной Чумы стало бесполезным.

Дело даже не в том, что король постановил карать за выжимание мыслей смертной казнью. Попытки любого волшебника использовать эту магию после Чумы всегда заканчивались тем, что заклинатель сходил с ума или мгновенно получал волшебный шрам. Так что, несмотря на законы Форила, ни один маг не дерзал больше использовать выжимку мыслей — разве что он уже умирал и шел на это в качестве последнего акта верности.

Будь все иначе, головы многих наглых дворян уже давно покинули бы свои плечи... но дела обстояли именно так, и весь Кормир об этом знал.

— Моя очередь, — тихо сказал Ганрахаст. — На пиру я подслушал кое-что интересное. Сплетни о неких дворянах, которые в ближайшем будущем собираются предпринять вылазку в проклятое крыло. Я не смог узнать — сплетники и сами не знали — зачем это им; это

просто какая-то шалость, вызов или ритуал посвящения, или очередная попытка найти все сокровища, пленников и закованных в цепи дев для удовольствий, которых мы якобы должны там держать...

— А мы что, не держим там дев для удовольствий? — пошутил Вэйнренс. — Я годами, годами служил Короне, надеясь...

— Ха. Ха. Ха. Вэйнренс, подумай об этом. Мы удвоим стражу, разумеется. Но мне хотелось бы знать, кто за этим стоит.

Как знали все, кто работал во дворце, и большинство тех, кто работал при дворе, проклятое крыло действительно было *проклятым*. Даже боевые маги всеми силами избегали визитов туда. Синее Пламя слой за слоем исказило печати, наложенные за века существования Кормира, превратив их в опасную магию, с которой шутки были плохи.

Один, и только один из эффектов Волшебной Чумы обернулся добром для королевского квартала Сюзейла. Внутри и снаружи дворца, двора и королевских садов порталы и другая переносящая магия перестала правильно работать, так что одной заботой у короля стало меньше. Уже никто не мог магически перенести чудовищ, убийц или небольшую армию в заброшенное крыло или на место проведения совета.

Ганрахаст, Вэйнренс и старшие придворные уже обсуждали возможность закрыть заброшенное крыло с помощью волшебства на время совета. Боевые маги сделали бы это без всяких обсуждений, если бы осмелились налагать столь сильные печати внутри дворца или если бы знали, какую сеть из заклинаний лучше всего сплести.

— Может быть, Шадовар?

Этим негромким вопросом Вэйнренс озвучил старый страх обоих мужчин: что волшебники Шадовар убили многих лордов из могущественных семей и приняли их облик, а сейчас делают то же самое с придворными, и таким образом скоро будут контролировать королевство с помощью скрытности, без единого удара меча или брошенного заклинания.

Эти мрачные мысли уже заставили их с подозрением отнестись к усилиям боевого мага Баэрольда, направленным на сбор волшебных предметов, в которых якобы была заключена эссенция Девятки.

Баэрольд, в конце концов, мог быть Шадовар, пытающимся использовать — и использующим — боевых магов в роли своих агентов, чтобы наложить руки на то, что сгинувшие во тьме веков волшебники описывали как «призраков синего пламени», в которых превратилась Девятка, и которыми мог управлять владелец содержащих их предметов, знавший способ подчинять призраков себе.

Мог быть, а мог и не быть. Из всех нынешних боевых магов Ганрахаст и Вэйнренс были самыми могущественными, и их заклятья — которые, конечно, были гораздо слабее древнего выжимания мыслей — не обнаружили никаких признаков того, что Баэрольд был кем-то кроме юного, амбициозного и в известной степени романтического мага, не особо умелого и не слишком хорошо обученного. Так что они пристально следили за Баэрольдом и старались не торопить процесс его обучения.

Как и большинство из тех кормирцев, у которых были уши, Ганрахаст и Вэйнренс слышали легенды о Девятке — легендарном отряде авантюристов, уничтоженном более двух дюжин и одной сотни лет тому назад, когда Лаэраль Среброрукая — позднее известная, как леди-маг Глубоководья и супруга Черного Посоха, Хелбена Арансана — попала под воздействие зловещей Кроны Рогов.

Будучи боевыми магами, они знали о Девятке немного больше. Многие кормирские

дворяне слышали о том, что некоторые члены этого отряда по-прежнему живы, заключенные в волшебных предметах, и их можно призвать, подчинив воле хозяина.

Если те три волшебника, записи которых во всех прочих отношениях оказывались правдивы, не излагали одну и ту же ложь, Ганрахаст и Вэйренс знали, что призраками синего пламени действительно можно управлять, как рабами для убийств.

Комната на вершине северной башни, где из стороны в сторону расхаживали двое, вдруг стала казаться маленькой и тесной.

Внезапно Эльминстер снова очутился во тьме, и единственным источником света осталось слабо мерцавшее лицо призрака за его спиной. Кинжал полностью расплавился, его магия исчезла; во рту Эльминстера остался лишь привкус старого железа, похожий на вкус давно пролитой крови.

Ему было холодно, очень холодно...

Призрак Алусейр отстранился.

— Живой, Эл?

— Живой, — пробормотал он сквозь стучащие зубы. — По крайней мере эти двое не замысливают предать короля.

Он потряс онемевшими руками, пытаясь вернуть им чувствительность:

— А что там с нашим юным жадным грабителем и его развеселой бандой?

— Я проверю, — ответила Алусейр, глаза ее казались всего лишь двумя темными дырами в сером облачке, принявшем форму женского лица, так слабо мерцавшем, что его было почти не разглядеть. — Я не убью их — пока. Я тоже хочу понять, что они задумали, здесь, в моем доме. Но *есть* кое-что, что я должна знать, Старый Маг.

Алусейр подплыла ближе к Эльминстеру, ее глаза потемнели еще сильнее.

— Ты в этом деле на стороне Кормира? Или по-прежнему играешь в большую игру, доской которой служат все Королевства, а мы на ней — просто фигуры?

Эльминстер мрачно посмотрел на нее.

— Я *всегда* был на стороне Кормира, принцесса. И, да, я всегда играл в эту большую игру, как ты ее назвала. Я должен был. Кроме меня, спасти Королевства некому.

— Ты имеешь в виду — ты никому не можешь это доверить.

Эльминстер смотрел на нее, и в его глазах была усталость. Пауза затягивалась.

— Да, — наконец прошептал он. — То, что ты говоришь — правда. Я никому не могу доверить спасение Королевств. Это мой рок.

И как будто в ответ на его признание, позади них раздался негромкий металлический стук. Звучал он так, будто бы в двух-трех комнатах от них человека в латах с силой швырнули на каменный пол.

Без единого слова Алусейр бросилась туда, полетев на звук, как пущенная стрела.

— Были времена, — запальчиво прошептал Эльминстер, — когда Плетение позволяло мне посылать глаза и уши, куда только захочу...

Да, были времена.

И они давно ушли, так что он молча стоял, еще одна колонна в тишине сумрака, и ждал. Лишь затем, чтобы в изумлении заморгать, увидев, кто возник из-за угла вместе с

мерцающей тенью Алусейр, протягивая к нему руки и подставляя губы для поцелуя.

Старый Маг с радостью и удивлением подчинился.

— Я надеюсь, — сказал он, когда его рот наконец освободился, — у тебя будет время и желание рассказать мне, почему ты вернулась так быстро. Я думал, мы договорились.

— Договорились, — согласилась Шторм, — но обстоятельства изменились.

Ее улыбка быстро угасла, когда девушка протянула ему что-то маленькое и круглое.

— Это одна из последних игрушек боевых магов.

Эльминстер взгляделся.

— Шар. Рассказывай.

— По команде он может захватывать речь, а потом воспроизводить то, что удалось, хм, записать, чтобы послушали другие. Маги используют его при допросе подозреваемых.

Эльминстер поднял бровь в жесте, который заменял ему безрадостную улыбку.

— Один из боевых магов потерял, я так полагаю?

— Обнаружит потерю, когда очнется, — ответила Шторм, — но это произойдет через день или даже позже. Боюсь, я довольно сильно его огрела.

Взгляд, которым Эльминстер наградил ее, одновременно был молчаливым вопросом и давал понять, что он не в настроении долго выпытывать ответы, так что она добавила:

— Мне не нравится, когда меня застают врасплох, и тем более, когда за мной следят. Еще больше мне не нравятся мужчины, которые выжидают, пока я присяду облегчиться, чтобы напасть.

Мерцание Алусейр стало немного ярче.

— Боюсь, нынешние маги Короны обладают теми же дурными манерами, что и все теперешнее поколение, — с сухой иронией прокомментировала она.

— Я нисколько не сомневаюсь, что ты ударила его заслуженно, да и собирать волшебные предметы всюду, где только возможно — мудрое решение, — сказал Эльминстер. — Мне в первую очередь интересно, почему ты оказалась здесь, а не в Долине Теней.

— Я подслушала кое-что, и ты тоже должен это услышать, — ответила Шторм, грациозно опускаясь на пол и шепча что-то шарик у в своих ладонях.

— Командное слово выгравировано на его поверхности, — объяснила она. — Ты сейчас услышишь двоих боевых магов, которые не знали о моем присутствии.

Шарик слабо задрожал, и из него раздались голоса.

— Ого! Боишься печально известной госпожи Темные Латы? — насмешливый мужской голос.

— Нет, не ее. Если она существует — если существовала когда-либо — я с ней не встречался, — мрачный голос по моложе.

— Тогда принцессы Алусейр? Этой стоит бояться, уж поверь мне!

— Нет. Боюсь того, кого зовут Эльминстером.

— Ааа, знаменитый Эльминстер! Ты знаешь, он уже какое-то время живет в заброшенном крыле, скрываясь среди многочисленных тамошних призраков — вместе с какой-то старухой они притворяются братом и сестрой Ролиганами.

— Да, да, меня не это волнует. Меня волнует та ловушка, которую подстроили для него. Говорят, если мы наткнемся на нее, то сами погибнем.

— Ну так не назначай свиданий в заброшенном крыле, дурень! Эльминстер, ха. Какой-то «Великий Старый Маг». Во имя дракона, да он просто трясущийся старый дурак с языком

без костей, который *боится* использовать магию. Правда, следить за ним было хоть и небольшим, но развлечением. Понятия не имею, что он ищет, но если старик достаточно безумен, чтобы считать, что может найти королевские сокровища и скрыться вместе с ними из дворца незамеченным, он *и в самом деле* настоящий болван.

— Они... ходят слухи, что он просто убил многих из нас, и они потеряли терпение. Если Эльминстер попадет в ловушку, она убьет его — и в процессе на воздух может взлететь здоровенный кусок дворца, просто чтобы убить его наверняка!

Шар снова задрожал и замолчал.

Шторм посмотрела на Эльминстера.

— Эл, завтра Алассра будет не более безумна, чем сегодня, — прошептала она. — Но если ты погибнешь, у нас с ней ни останется ни надежды, ни причины продолжать. Прямо сейчас тебе это необходимо больше, чем ей — и Королевства нуждаются в тебе больше, чем в Алассре. Королевствам хватает убийц красных магов, но людей, которые спасали их снова и снова — всего горстка. И из этой горстки я доверяю лишь тебе.

Она покатила шар в ладонях и протянула его Эльминстеру.

— Держи.

Старый Маг с безрадостной усмешкой принял шар.

— Немного магии, чтобы сохранить мой разум, пока я в свою очередь пытаюсь заставить взлететь на воздух здоровенный кусок дворца?

— Эй, полегче, — резко вмешалась Алусейр. — Речь о моем доме все-таки. Чуть-чуть поменьше разговоров про «взлететь на воздух», если вы не против.

Глава 9

Именем дракона

— Вот она, — триумфально провозгласил Марлин, глядя на украшавший темные двустворчатые двери бронзовый череп дракона в натуральную величину. — Палата Драконьего Черепа.

Вокруг него беспокойно зашевелились наемники, с напряженными лицами и мечами наготове. Их не побеспокоило убийство шести пурпурных драконов, встретившихся по дороге сюда, но сейчас головорезы испытали внезапный приступ страха.

Но наниматель удивил их, повернувшись к двери спиной и указав в другой конец коридора со словами:

— А теперь мы направимся туда. В другую комнату.

Раздались еле слышные вздохи облегчения. Марлин спрятал широкую ухмылку, обогнав нескольких наемников, когда они повернули за угол, чтобы встать во главе отряда.

Скорее по старой привычке, чем следуя приказам юного лорда, некоторые из замыкающих стали следить за тылом, пока остальной отряд продвигался вперед.

Жизнь и смерть этих людей частенько зависела от того, заметят ли они вовремя оказавшегося за спиной врага. Однако там, где бандиты порубили висевшие на стенах большие гобелены — чтобы убедиться, что за ними никто не прячется — густыми облаками клубилась пыль. Так что наемники не увидели тех, чьи глаза следили за ними из густого мрака на высоком балконе вдалеке — слабо мерцавший призрак принцессы, рядом с которым стояли мужчина и женщина.

Взгляды всех троих, следивших за бандой Грозозмея, пылали как раскаленные угли.

— И вот челюсти стали сжиматься. Медленно и терпеливо. Очень терпеливо. В этот раз тебе не убежать, старый враг.

Мрачный, красивый мужчина, который произнес эти слова наедине сам с собой, пересек комнату, чтобы понаблюдать за другой движущейся, мерцающей сценой, висящей в воздухе — там, где он создал ее.

Некоторое время последив за ней, он кивнул, отвернулся и подошел к приготовленному графину с бокалами.

— В этот раз, Эльминстер из Долины Теней, — любезно сообщил он бокалу, — я вымотаю тебя. Заклинание за заклинанием, союзник за союзником... исчезнут один за другим. Измученные и истощенные.

Мэншун налил себе вина, поднял бокал так, чтобы в стекле отразилось мерцание одного из его прорицающих заклинаний, одобрительно изучил содержимое на свет и сказал ему:

— Да, время, когда ты видел все и всегда опережал меня на два шага, давно прошло. Исчезло вместе с Плетением и твоей чересчур милостивой богиней. Пропало вместе с венцом Избранного. Теперь, Эльминстер, ты ничем не лучше любого из нас.

Он лениво перевел взгляд на другую мерцавшую сцену, где извивались щупальца и стонали схваченные ими жертвы, затем прошел мимо.

— Но ты не беззубый лев. Совсем нет. В прошлом мне случалось недооценить тебя, но больше я такой ошибки не совершу. Больше никогда.

Следующая сцена показала ему нескольких боевых магов, склонившихся над отполированным столом в богатой дворцовой комнате. Мэншун не потрудился заставить свою магию передать то, о чем они так оживленно переговаривались, вместо этого продолжив беседовать с бокалом.

— Так что между нами не будет никакой великой волшебной битвы. Я не дам тебе шанса еще раз испытать на мне свое остроумие, чтобы потом каким-то образом ускользнуть. Мы не встретимся до тех пор, пока ты не лишишься последних своих достойных упоминания заклятий.

Он пошел дальше, взмахом руки развеяв уже ненужное изображение.

— Эту ловушку ты преодолеешь, я не сомневаюсь. И следующую за ней тоже. Возможно, третью и четвертую из тех, что тебя ждут. Но я подготовил куда больше, и я никуда не исчезну, Мудрец Долины Теней. Я буду резать, терзать, бить тебе в спину, отступая всякий раз, когда ты будешь оборачиваться, и раз за разом ты будешь видеть пустоту — никого, чье имя можно было бы узнать, никого, в кого можно было бы швырнуть заклятье. И когда у тебя больше не останется туза в рукаве, я нанесу удар. И я это сделаю.

Он остановился перед еще одним беззвучным изображением.

— Марлин уже приблизился к сокровищам, которые мы ищем. Вскоре Талан исполнит мою волю в куда более тонкой игре, ведь я *знаю*, Старый Маг. В этот раз мне все известно. Твой будущий ученик — твой юный наивный потомок — будет испорчен моей волей или умрет, так и не став одним из долгой череды твоих помощников. Они ведь расходный материал, не так ли? Каждый из них... точно такими же были мои заклинатели, умиравшие во имя Братства. Точно такие же эти боевые маги, умирающие во имя Дракона. Точно такими же были тысячи тех, кого ты убил или столкнул с пути за все эти века, погибшие во имя Мистры. Так благородно и возвышенно с твоей стороны. Ты, Старый Маг, ничем не лучше меня. И никогда не был.

Он взмахнул бокалом и почти весело спросил в никуда:

— А сейчас во что ты превратился? Крадешь магию, чтобы на несколько мгновений вернуть рассудок своей сумасшедшей любовнице! За тобой ухаживает верная подруга, которая больше не способна не то, что сотворить слабенькое заклинание — не способна даже петь! Куда исчезли твои армии арфистов? Дюжины учеников? Тысячи готовых исполнить любой твой приказ, стоило тебе лишь взглянуть в их сторону? Что ж, кажется, мои никудышные агенты превзошли твоих. Наконец-то.

Высокий красивый мужчина продолжил расхаживать по комнате.

— И я с радостью заставлю твою маленькую девку примкнуть к их рядам... когда ты начнешь надеяться, что можешь ей доверять.

Мэншун пригубил вино, одобрительно улыбнулся — намного лучше арренийского, к чести какого-то нынче давно мертвого келаря из этой развалины, королевского дворца — и пробормотал:

— А там, где ни она, ни Марлин с Талан не смогут справиться, у меня есть другие. Дворяне и боевые маги... и некая госпожа Темные Латы.

Вампир, правивший городами и цитаделями, сделал новый глоток, улыбнулся еще раз, и почти нежно добавил:

— Наконец, я и сам грозный противник. У меня к тебе старые счета, и я давно

размышлял, как их уладить. Пока ты, по своему обыкновению, тратил время, спасая Королевства ради других. В этот раз, Эльминстер Омар, Мудрец Долины Теней, ты *падешь*.

Некоторые из наемников боялись, он чувствовал это, но Марлин хорошо им платил, а для своей безопасности он сделал все, что мог. Заклинание охраны от железа должно было сохранить его от их клинков, а кроме того была еще другая магия, которую он мог призвать. При нем было зелье противоядия, его высокий плотный воротник и ожерелье должны были помешать попыткам удушения, а на груди скрывался смертоносный секрет, готовый ударить тотчас же, как только его выпустят.

Более того, Марлин знал, куда направляется, и знал, что делать, когда он достигнет этого места.

Да. В отличие от большинства придворных, которые считали, что Виверноязыкая Чаша спрятана в палате Драконьего Черепа или где-то поблизости, Марлин точно знал ее местонахождение. Даже Тихая Тень, если он или она заинтересовался бы Чашей, не владел подобными сведениями.

Семейное сокровище Обарскиров, которое незадолго до ее кончины вручил королеве Филфаэрил посол из Глубоководья, было украдено с демонстрационного постамента в комнате Красного Флага во время одного из пиров прошлого... скорее в качестве пьяной шутки, а не чего-то большего. Из страха быть пойманным боевыми магами, которые воспользуются заклятьями, чтобы отследить Чашу, вор спрятал ее в ту же ночь в самом дворце, прежде чем покинуть его.

Тем вором был Нетглас Грозозмей, старший брат Марлина, которого тот запомнил как остроногого, усатого и неприятного человека, похожего на акулу.

Нетглас собирался раструбить о краже по всему Сюзейлу, чтобы заслужить уважение старших представителей знати, но быстро испугался возможных последствий и не сказал ни слова, после того как боевые маги, разыскивавшие Чашу, стали применять выжимку мыслей к посетителям того пира — и она разрушила разум и дознавателей, и их подозреваемых.

Не желая, чтобы Грозозмеи столкнулись с репрессиями, опасаясь быть казненным, попасть в тюрьму, или даже быть изгнанным из дворца, Нетглас хранил молчание. Он уже разболтал о краже троим братьям, но попытался исправить эту ошибку, угрожая им расправой, если они кому-то расскажут. Элgrim, следующий по старшинству из братьев, все равно сказал своему лучшему другу, Наэлю, будущему лорду Роунмантлу — и Нетглас прикончил их обоих, обставив все как «несчастный случай».

Именно эти слова он использовал потом в приватной беседе с оставшимися двумя братьями, Рондрасом и Марлином. Они восприняли предупреждение со всей серьезностью и молчали годами, пока Нетглас не погиб, сражаясь вместе с кронпринцем Эмваром Обарскиром, когда тот со всей своей армией попал в засаду сембийцев к югу от Обширного болота в год Тихой Флейты.

Когда тело Нетгласа привезли обратно для погребения в семейном склепе, Марлин отравил своего старшего брата Рондраса. Они с Рондрасом недолюбливали друг друга, но Марлин сделал это в первую очередь не затем, чтобы стать главой семьи, а для того, чтобы заполучить Парящий Клинок — *великолепный* меч, который, так случилось, был магическим

артефактом, традиционно принадлежащим наследнику Грозозмеев.

Марлин жаждал обладать прекрасным оружием с раннего детства, и благодарил богов, что Нетглас не взял Парящий Клинок с собой на войну, а оставил его в безопасном хранилище под поместьем Грозозмеев. Марлин немедленно присвоил ключ от хранилища, но навещал клинок лишь изредка — полюбоваться им да провести пальцем вдоль блестящего лезвия.

Но только когда Марлин узнал, что меч может содержать в себе одного из Девятки, он по-настоящему захотел им обладать. Не просто хранить взаперти, а носить на бедре, при себе каждую минуту бодрствования; сила, которой он мог владеть.

И все же на эту вылазку оружие он с собой не взял. Нет смысла рисковать, ведь вместо меча юноша мог использовать Пьянчужку — его долгий, долгий прием тщательно дозированного парализующего яда был окончен, так что Марлин приобрел иммунитет к той самой отраве, которая обезвредит любого пурпурного дракона или боевого мага, до которых доберется его ручной стирж.

Благодаря магии места, где ее спрятали, да и собственным чарам, Чашу нельзя было отследить с помощью волшебства.

Где спрятали, да. В ту ночь, так много лет назад, Нетглас торопливо сунул Чашу внутрь полой головы статуи зевающего дракона, украшавшей палату Взлетающих Вирмов, названную в честь этой скульптуры вставшего на дыбы чудовища.

Марлину рассказывали, что поверхность статуи была покрыта волшебными огнями, растекавшимися по камню и менявшими оттенки в бесконечном цикле. Из них проступали изображения драконов, расправляющих крылья, взмахивая ими, будто готовясь взлететь и пронзить потолок...

— Вот она, сир!

Чаша сверкнула в руках одного из наемников, когда тот отвернулся от статуи.

— Там, где вы и сказали...

— Опустите мечи и сдавайтесь, именем дракона!

Эхо громогласного приказа отразилось от стен за его спиной, пока Марлин пытался вернуться к происходящему здесь и сейчас. Его наемники нашли растреклятую чашу именно в тот проклятый момент, когда их обнаружил ночной патруль пурпурных драконов!

Его люди не представляли, что ожидает пленников, захваченных в подобных обстоятельствах, но у них были приказы на подобный случай. Они уже бросились на дворцовую стражу, не тратя воздух на крики или боевые кличи.

Здесь разворачивалось то, что отец Марлина звал «быстрой и кровавой стычкой».

Юноша улыбнулся и расстегнул свой камзол на груди, выпуская Пьянчужку.

Один из пурпурных драконов, вместо того, чтобы броситься навстречу бандитам, свернул в боковой проход. Как только жало ручного стиржа отвернулось в сторону, Марлин указал на него.

— Взять! — скомандовал Марлин, и Пьянчужка стремительно взлетел с его руки.

Марлин ждал, игнорируя первые вскрики и звон мечей, раздавшиеся, когда воины встретились. Клинки сверкали, рубили, со стоном упал дракон, потом наемник и еще один дракон осели на пол с почти одинаковым булькающим вздохом...

Марлин стоял неподвижно, склонив голову и внимательно прислушиваясь. Боги, это длилось целую *вечность*...

Затем Пьянчужка вернулся в поле зрения и спикировал на шею одного из драконьих

офицеров, с силой пронзив ее жалом. Марлин позволил себе еще одну улыбку.

Этот дракон оказался повержен, не успев поднять тревогу. Мужчина лежал на полу, недалеко от гонга, к которому хотел подобраться.

Какая жалость — но ведь жизнь представляет собой череду огорчений. Трюк в том, чтобы каждый раз эти огорчения находили кого-то другого.

Пьянчужка не был обычным стиржем — распространенным насекомым, высасывающим кровь у домашнего скота. Он предпочитал кровь разных жертв — и прямо сейчас устремился к новой.

Один из наемников Марлина погиб на клинке пурпурного дракона, отвлеченный промелькнувшим мимо стиржем, и кроме этого стража уже прикончила двоих его людей. Но те тоже не стояли без дела. От патруля осталось трое напуганных, окруженных стражников, против которых было слишком много мечей.

Драконы сражались отчаянно, заставив одного из людей Марлина отступить, затем перерезав другому горло. Но, учитывая превосходящее число врагов и их опыт, судьба стражников была предreshена.

Последний из них умер, харкая кровью, когда его пронзили сразу два меча.

На ногах остались двое бандитов Марлина, и еще один стоял на коленях, захлебываясь кровью, его лицо кривилось от боли.

Пьянчужка почти лениво вернулся к своему хозяину. Двое уцелевших наемников взглянули на Марлина в ожидании приказов.

Тот указал на раненного.

— Убейте его, — коротко сказал он.

Они ответили ему ничего не выражающими взглядами, осознав, какая судьба ожидает их самих, стоит им пострадать, а потом выполнили приказ, отвернувшись от трупа, чтобы снова выслушать нанимателя.

— Мешки, которые мы взяли с собой, — торопливо сказал им Марлин, подхватывая Чашу с пола, куда ее аккуратно поставил нашедший. — Доставайте их. Обезглавьте мертвецов и соберите головы в мешки; возьмем их с собой.

Это вызвало новые невыразительные взгляды.

Марлин вздохнул.

— Таким образом не останется никого, кто при жизни видел нас и смог бы об этом рассказать, когда сюда явятся боевые маги с их заклинаниями и начнут задавать свои глупые вопросы.

Затем, надежно устроив Чашу на сгибе локтя, Марлин принялся изучать свои карты. К тому времени, когда два наемника присоединились к нему с мешками, с которых сочилась кровь, он уже был готов увести их прочь от палаты Взлетающих Вирмов, через тайный ход в стене за статуей дракона.

Боги, как же Обарскиры любили тайные ходы.

— Этот путь ведет дальше во дворец, — пробормотал один из бандитов, когда Марлин взмахом приказал им идти впереди. Проданная Чаша наверняка принесет им больше, чем мешки с отрубленными головами. Разве что в мешке будет, скажем, голова короля.

— Так и есть, — фыркнул он. — Будьте уверены, я точно знаю, что делаю — и знаю, о чем вы думаете, раз уж на то пошло.

После подъема по крутым ступенькам сразу за палатой Взлетающих Вирмов, проход долгое время оставался прямым и узким — видимо, он был расположен внутри стены.

Тоннель снова поднялся, затем опустился, похоже для того, чтобы обойти оказавшуюся на дороге дверь, а потом без всякой видимой причины стал поворачивать влево.

— Остановитесь, — произнес Марлин. В точности как указывала самая дорогая из его карт, часть изогнутого участка стены можно было сдвинуть в сторону, чтобы открыть другой проход, где камни сочились влагой. Когда они прошли внутрь, Марлин очень аккуратно закрыл сдвигающуюся панель, затем предупредил двоих наемников, чтобы те вели себя как можно тише.

В конце концов, пытаясь выбраться из дворца, разумно соблюдать тишину.

В этом новом проходе потолок был ниже, чем в предыдущем, подпирающие его арки состояли из грубых, больших каменных блоков. Стены тоже были грубее и пахли стариной.

Если верить его карте и историям, которые шли к ней в довесок, проход вилял и проходил под погребями королевского двора и соединял дворец и винный погреб «Старого Дварфа», одной из древнейших таверн Сюзейла. Вероятно, его вырыл сам Старый Дварф — кем бы он ни был — а Азун IV, известный бабник, наверняка часто пользовался этим ходом, покидая дворец ради очередной женщины. А также, вероятно, отец Азуна и еще полдюжины распутных Обарскиров до того.

Чума на их дом. Дни Обарскиров почти сочтены.

— Да здравствует король Марлин, первый из династии Грозозмеев, — прошептал Марлин себе под нос. Он покачал головой и сухо улыбнулся.

Возможно, такова его судьба, но Марлин в этом сомневался. Разве в пророчествах не было что-то сказано про небо, полное голодных драконов, которые вернутся жечь и разрушать Кормир, освобождая его от людей, если задница Обарскира не будет согревать драконий трон?

Он пожал плечами, посмотрел вперед — там был один лишь мрак — и сосредоточился на том, чтобы следовать за осторожно ступавшими наемниками. Позже будет время зарыться в древние легенды...

«Позже» — вероятнее всего тогда, когда он уже будет мертв. Участь, которая, как Марлин Грозозмей отчаянно надеялся, постигнет его во сне на огромной кровати с золотыми простынями и дюжиной красивых, обнаженных любовниц, в роскошной комнате на вершине того дворца, из которого можно править самой большей частью Королевств. Лет через сто или около того.

Глава 10

Как дождь на пристани

Арклет улыбнулся своей обычной милой улыбкой.

Оба его спутника были нервными и уставшими. Вероятно, причиной тому послужил приближающийся Совет и постоянные вопли их начальников о необходимых приготовлениях и всяких мелких деталях. По мере того, как день этого великого собрания становился все ближе, напряжение внутри дворца возрастало до ревущих высот, и так просто от него было не избавиться. Не в эти дни.

Именно поэтому лорд Арклет Аргустагус Делькасл, с гордостью считавший себя добродетельным, просвещенным дворянином, заботящимся о нижестоящих — а кроме того, легкомысленно скандальным ярким пламенем сюзейлской моды, хотя он знал, что некоторые описывают его куда более грубо; «настоящий пижон» было одним из самых вежливых подобных описаний — пригласил этих самых нижестоящих сегодня вечером в клуб Драконьих Всадников, заведение, для входа в которое им просто не хватало монет, ведь оно было крайне дорогим и эксклюзивным.

С этим последним нюансом он разобрался в мгновение ока. Потрачены будут его монеты. Кошелек Арклета с легкостью мог вынести покровительство двух сотен нервных и усталых молодых людей. Кроме того, те, кто чах над своим златом, в итоге все равно теряли его из-за таких угроз, как например Тихая Тень, в итоге так и не насладившись всеми преимуществами богатства.

— Пойдем, Белнар. Хо, Халанс! — весело сказал он, взмахнув полой своего плаща. — Пойдем поглядим на лучших танцовщиц в масках во всем Сюзейле!

Только он собрался сам широко открыть двери и затолкать Белнара и Халанса внутрь, как охранники клуба, хорошо знавшие Арклета, распахнули их перед трио.

Открывшаяся бездна разгула заставила замешкаться спутников лорда, но Арклет с улыбкой вошел внутрь, из темноты ночи в теплые объятия гедонизма. Как он и ожидал, двое юношей с готовностью последовали за ним.

Пламя висящих фонарей отражалось от отполированной меди дюжин украшений на стенах и в искусно расставленных зеркалах; звучал неутихающий гомон шёпота и смеха; откуда-то из-за возвышающейся перед небольшим морем столиков сцены, купавшейся в красном свете, звучала низкая музыка.

Драконьи Всадники открылись всего два года назад, но за это время взошли на вершину «дерзких» частных клубов, в которых не требовали десятилетий членства, предназначенных скорее для молодой и смелой публики, а не для старых денежных мешков. Любой, у кого хватало монет, мог закатиться в клуб Всадников, чтобы пить и разговаривать, но приходили сюда в первую очередь затем, чтобы посмотреть на танцовщиц. А заплатив сверху и пройдя в задние комнаты, на дверях которых были нарисованы такие же маски, что носили танцовщицы на сцене (и носили они *только* маски), можно было и не только посмотреть.

Арклет был приблизительно одного возраста со своими друзьями из дворца, и знал, что первые несколько бокалов юноши будут сдержанными и равнодушными — или попытаются казаться таковыми — но потом станут жадно следить за происходящим на сцене. Дракон свидетель, танцовщицы были достаточно красивы и умелы, чтобы он сам наслаждался их

выступлением, а он-то мог нанять самых высококлассных девушек во всем городе или бесплатно наслаждаться компанией множества амбициозных красоток лишь потому, что был лордом Делькасом. И, несмотря на это, ему нравилось следить за здешним представлением так же жадно, как и всем остальным.

Танцовщицы в масках стали предметом общего увлечения в Сюзейле всего три года назад, но это оказалась страсть, которая, насколько мог судить Арклет, способна была продлиться вечно. Некоторые девушки начинали танец в одежде, другие не утруждали себя ею, и только лица танцовщиц всегда были скрыты гротескными, похожими на птиц масками с длинными клювами. Девушки танцевали на приподнятых сценах, почти — но только почти — касаясь зрителей в первых рядах.

Тресс с улыбкой провела их к обычному столику Арклета, стоявшему прямо перед единственной овальной сценой клуба. Она была хозяйкой Всадников, и к ней подобало бы обращаться «Мадам», но Арклет вот уже два года не слышал, чтобы Тресс так называли даже городские патрульные. Для всех она была просто Тресс. Мадам Тресс была высокой, любезной, всегда одетой в костюм из кожи, в котором смотрелась подобно фантазии некоего барда о том, как может выглядеть сексуальный человекоподобный дракон без крыльев. Но Тресс никогда не танцевала на сцене, и в клубе не существовало задней комнаты с нарисованной маской дракона. Он проверял.

Она потрепала Арклета по плечу, как старого друга, и промурлыкала:

— Ваши гости, господин?

— Конечно, — с улыбкой подтвердил он. — И я уверен, что их жажда может сравниться лишь с вашей красотой, миледи.

— Лыстец, — довольно прошептала она, отходя, чтобы собственноручно наполнить им бокалы, вместо того, чтобы подать сигнал одной из девушек.

Два смущенных, краснеющих юноши рядом с Арклетом мгновенно выскочили бы из своих кресел прямо на улицу, представляй они хоть чуть-чуть, сколько Дам с первого взгляда могла сказать о них, хоть прежде им обоим и не доводилось пересекать порог этого заведения. Возвращаясь с вином, Тресс поймала взгляд Арклета, правильно интерпретировала его усмешку и едва заметное покачивание головой, и не стала обращаться к его спутникам по именам.

Вместо этого она с улыбкой назвала их «сирами», наклонившись, чтобы поставить вино и позволить юношам насладиться видом затейливой татуировки дракона, украшавшей ее декольте. Тресс знала, что тот из двоих, который бледнее и тоньше, с кудрявыми черными волосами, в простой рубаше и бриджах, был юным, но целеустремленным боевым магом Белнаром Бакмантлом. А тот, который крупнее, смуглее и проворнее, в ливрее придворного — был Халансом Дастрином Тарандаром, приятным дворцовым слугой невысокого звания, зато долгой и честной службы. Знать имена и лица — хлеб большинства владельцев частных клубов. Во-первых, это помогало избегать неожиданных и неприятных встреч мужей и жен, решивших насладиться услугами заведения, чтобы на время забыть друг о друге. Во-вторых, это помогало держать порознь начальников и подчиненных, чтобы те не увидели друг друга к обоюдному стыду — или к чему похуже. Кроме того, всегда полезно догадаться о том, что заведение посетил один из высокопоставленных придворных или лордов, который не желает, чтобы его узнали. Еще полезнее знать о боевых магах среди посетителей. Особенно когда боевых магов несколько, особенно когда их лица предупреждают, что они готовы к неприятностям и ожидают их.

По рукаву ливреи Тарандара любой сюзейлец, интересующийся подобными вопросами, мог понять, что Халанс — старший паж, начальник группы из восьми пажей, мальчиков на побегушках, которые бегали по поручениям, передавали сообщения и посылки по дворцу, передвигали мебель, объявляли входящих в помещение гостей и провожали посетителей королевских палат. Изгиб улыбки на лице Тресс сказал Арклету, что она считает Халанса недооцененным тружеником на службе у неблагодарных начальников, которому слишком мало платят за его работу. Если бы ее улыбка была комментарием, он звучал бы как «Бедняга».

Рядом с лордом Арклетом Аргустагусом Делькаслем, в его дорогом наряде, позолоченном парике, сапогах с загнутыми носками и всем прочем, двое придворных друзей казались его слугами, невыразительными и робкими. Зевающими, несмотря на свои жадные взгляды в сторону сцены. Два маленьких уставших слуги Короны.

— Что ж, — начал Арклет, когда Тресс каждому налила вина по его выбору и с улыбкой оставила их, — расскажите мне про Совет Дракона, так сказать, изнутри. Там будет вино? Танцы? Нам всем придется надеть костюмы драконов, вроде того, что носит Тресс?

— Ну и куда *теперь* он направляется? — пробормотала Шторм, когда последний из людей Грозозмея скрылся за поворотом вдалеке. — По крайней мере, не к Драконьему Черепу.

Призрачная принцесса пожала плечами:

— Сам-то он определенно хорошо знает, куда идет. В отличие от меня. Эльминстер?

— Почему люди каждый раз считают, что мне известно все, а?

— Возможно, потому, что ты провел столько столетий — мне даже считать лениво — громогласно заявляя, что действительно знаешь все, — ответила ему Шторм, прежде чем Алусейр успела сказать нечто еще более ядовитое.

Усмешку, которой ответил им Эльминстер, Шторм видела на протяжении всей своей жизни. Наверняка очень похожая усмешка красовалась на его еще безбородом лице всего шести лет от роду, в давно сгинувшем Аталантаре.

— Ну, — беззлобно сказал Мудрец Долины Теней, — очевидно, юноша направляется туда, где действительно спрятано сокровище, которое он ищет. Должно быть, где-то поблизости; достаточно близко, чтобы он мог использовать палату Драконьего Черепа как ориентир.

— Пират, рассекающий воды моего дворца в поисках зарытого клада, — усмешка Алусейр была горькой.

Эльминстер ехидно усмехнулся.

— Это отличный способ думать о кормирских дворянах. Все они — просто жадные пираты.

— Волшебнику виднее, — через плечо ответила Алусейр, покидая балкон через ближайшую стену.

Шторм и Эльминстер поторопились следом — им, в конце концов, приходилось пользоваться дверями.

Амарун танцевала на самом краю сцены, покачивая головой, чтобы заставить волосы развеяться, пока она кралась по отполированному дереву, будто пантера, игриво мурча ближайшим к сцене мужчинам — и несколькими женщинами — жадно рассматривающим девушку из-за своих столиков.

Хотя ни единого признака не отразилось на ее лице или в движениях — в этом Амарун была хороша — она была немного раздражена и крайне заинтересована тем, что происходило лишь за одним из столиков.

Расположенном прямо перед ней.

Где юный лорд Делькасл и два его спутника вели себя так, будто у танцовщицы вовсе не было ушей, и свободно обсуждали предстоящий Совет.

Ох, ну ладно, они знали, что она была рядом.

Остальные двое не могли оторвать от нее глаз, и лорд Вычурные Штанишки Делькасл, со своей обычной беззаботной улыбкой, лениво кидал ей монеты не иссякающим потоком, чтобы девушка продолжала танцевать прямо перед ними.

И целился он ими так же дразняще, как и всегда.

Подобное собрание дворян, в конце концов, означало, что лучший заработок за весь сезон идет прямо к Амарун в руки, если удастся распространить подходящие слухи о своих чарах. Эксклюзивности, вот чего желают все они; иногда хотят того, чего не сможет попробовать кто-нибудь другой... чего-то волнующе опасного и грязного...

Пажа она видела всего раз, когда посещала дворец, чтобы заплатить подати. Он был тихим, возможно, самым вежливым придворным слугой из всех, что встречала Амарун, и к тому же довольно симпатичным. Потому она и запомнила... Тарандар, так его звали.

Второй был боевым магом, но больше Амарун ничего о нем не знала. Правда, если он был шпионом и опытным метателем заклятий, то вместе с тем — и величайшим актером во всех Королевствах. Амарун была готова съесть свою маску прямо у него на коленях и без подливы, если парень был кем-то большим, чем неопытный, основательно смущенный юнец.

Она решила, что уж лучше предпочтет колени Тарандара.

Что же до шумного изнеженного франта за столиком вместе с ними, ну... он был веселым и забавным, но по некоторым причинам другие дворяне звали его Хрупким цветком дома Делькасл. Не потому, что он предпочитал в постели мужчин, а потому, что был непомерно претенциозным и обитал в особняке Делькаслов, знаменитом своим пышным убранством в розовых тонах.

Взмахнув волосами и поймав взгляд Тарандара, она с вождением приоткрыла губы, провела по ним языком — и увидела, как юноша краснеет. Делькасл, разумеется, хихикнул, а паж казался таким ошеломленным демонстрацией Амарун, что она сама чуть не засмеялась. Юноша едва не высунул язык.

Амарун стало интересно, каким станет его лицо, если девушка расскажет ему, кто она на самом деле: Амарун Лиона Амальра Белая Волна, сирота из Марсембера, которая вот уже долгие годы добывает пропитание своим телом — и воровским ремеслом. Серией дерзких краж, которые каждому боевому магу приказано любыми средствами остановить.

И никто не знает, что она — это Тихая Тень.

Лицо парнишки определенно поменялось бы, узнай он об этом.

Да, юный маг, смотри на мои обнаженные чары. Я как твоя личная Тихая Тень — танцовщица в маске, иногда воровка, и востребованная шляха.

А еще дочь уважаемого боевого мага, хотя Белтар Белая Волна был убит нанятыми Сембией заклинателями в приграничной битве несколько десятков лет назад. Теми самыми заклинателями, что зарезали ее мать и брата, оставив Амарун сиротой. В ту ночь она сбежала из Марсембера по скользким от дождя крышам и никогда не возвращалась. Стоило Амарун прождать до утра — и она нашла бы ту же судьбу.

Так что, юный волшебник, думаешь я для тебя? Что ж, если в твоём кошельке достаточно монет — значит, так и есть.

Но осмелишься ли ты достать и предложить их? Думаю, нет.

Ничтожество.

Когда они спешили по темному проходу, раздался громкий, нарастающий лязг стали, эхом отразившись от сводчатого потолка.

— Змеи Грозозмея снова встретили стражников? — спросила Шторм, пригибаясь и налегая плечом на дверь, застрявшую в косяке — слишком долго ею не пользовались.

Дверь поддалась, и Шторм еле удержалась на ногах.

Их уже ждала Алусейр, сияя, как холодный огонь.

— Можно и так сказать. Они наткнулись на стоявшие на пьедесталах в качестве украшения пустые доспехи и оказались погребены под старым потрескавшимся металлом в оплату за все свои хлопоты.

— Потрескавшимся? — спросила бард Долины Теней, пока призрак вел их к другому балкону.

— Мы не расходуем зря пригодные доспехи в Кормире, — ответила Алусейр. — Или не расходовали. В эти дни во дворце все иначе.

— В эти дни многое иначе, — согласился Эльминстер. — Неужели этому юному лордишке позволят бродить по этим залам всю ночь без всяких проблем? Боевые маги еще существуют, не так ли? И пурпурные драконы? Они в Кормире еще есть?

— Они редко обращают внимание на то, что происходит в заброшенном крыле, Старый Маг, — ответила призрачная принцесса.

— Кто же тогда его охраняет?

Алусейр повернулась к нему, изобразив позу, пародировавшую манеры высокомерных юных лордов.

— Я.

Это были легкие деньги, но дождь монет Арклета иссякал: все трое заметно устали. Они выпили по половине графина каждый, съели по чашке приправленного пряностями бульона, затем покрытые глазурью булочки. Зевал даже сам Арклет. Его спутники клевали носом в своих креслах.

Неожиданно все трое осознали, что уже наполовину спят, и поднялись из-за стола, пожимая руки и прощаясь. Арклет оставил на столе щедрую пригоршню золота — на первый взгляд, достаточную, чтобы заплатить за пять таких ночей для шестерых мужчин — и они

направились к дверям. Юного лорда, без сомнения, ждала мягкая шелковая постель в своем особняке, а парочка его протеже, судя по их негромкому разговору, возвращались во дворец, чтобы записать какие-то вопросы и идеи, возникшие у них во время обсуждения предстоящего Совета.

Амарун, застыв в последней позе своего танца, задумчиво глядела им вслед. Смотрите, сиры, ваша личная обнаженная статуя. Покинутая, как и все статуи, о которых рано или поздно забывают все, кроме страдающих от недержания птиц...

В дверях Арклет остановился и повернулся на каблуках.

Именно в тот момент, когда она почти умоляюще застыла с протянутыми в его сторону руками.

Он улыбнулся уставшей улыбкой и с силой бросил ей два золотых льва. Хороший бросок даже для отдохнувшего и бодрого человека.

Амарун шевельнулась в самый последний момент, чтобы ловко схватить монеты из воздуха. Затем благодарно поклонилась со всей грацией, на какую только была способна, развернулась и убежала со сцены.

Не оглядываясь, она была уверена, что Арклет смотрит вслед до тех пор, пока колышущийся занавес не скрыл ее.

— На этот раз Грозозмей встретился с настоящими стражниками, — заметила Алусейр с некоторым удовлетворением. — С мертвыми — одни кости — но мечами они работают по-прежнему хорошо. Прислушайтесь.

— Да, — согласился Эльминстер, — долго они не продержатся, но по крайней мере уничтожат нескольких воров. Они косят наемников лорда, как дождь на пристани.

— Так что насчет той ловушки боевых магов, из-за которой ты должен взлететь на воздух? — спросила Шторм, пристально вглядываясь вперед.

— Что-то подсказывает мне, что мы скоро узнаем, — пожал плечами Эльминстер.

Амарун снова зевнула, не в силах сдержаться. Столь продолжительные танцы всегда утомляли, и горячая ванна, которую она любила принимать после них, чтобы мышцы не заоченели по дороге домой, всегда делала ее сонной.

Затем был сам путь домой и долгий подъем по ступенькам к двери... да, она была более чем готова уснуть.

Но это была одна из особых ночей — в такие ночи она устало бродила по нескольким ветхим, пропахшим плесенью съемным комнатам. Разум был слишком взволнован, чтобы уснуть. Совет и все эти дворяне, съезжающиеся в город со своими телохранителями, горничными и прочей прислугой — что окажется наиболее манящим для тех из них, кто найдет дорогу в Драконьих Всадников?

Конечно же, недоступность. Учитывая, что они дворяне, это означало совокупление со страстной, до сего времени неизвестной принцессой Обарскиров, но *такого* им Амарун дать

не могла.

Или все же могла?

Надев свою толстую, многократно штопанную ночную рубашку, Амарун глядела на себя в зеркало. Оттуда на нее с вызовом смотрели темные глаза.

Она с каменным лицом отправила отражению воздушный поцелуй, почти нахальная в своей невозмутимости.

Она была — будем откровенны, подруга — лучшей танцовщицей Сюзейла.

Да, это могло сработать.

Конечно, ей никого не обмануть, и претендовать на родство с Обарскирами означало верную смерть — но ведь можно *намекнуть*...

Она могла стать Принцессой в Маске, жаждущей подходящего дракона, чтобы согреть свой трон. Да...

Она согнулась над столом во внезапной спешке, выхватила кусок пергамента из груды обрывков, достала чернильницу и начала писать. Иногда идеи текли, как дождь на пристани...

Глава 11

Многие искушения

Эльминстер ответил призрачному Стальному Регенту Кормира долгим тяжелым взглядом.

— Я считал, что знаю эти залы. Видимо, я ошибался.

Ответная улыбка Алусейр была тонкой и призрачной — впрочем, и неудивительно.

— Видимо, так.

Это было все, что она сказала, так что напрасно прождав другого ответа, Эл вздохнул и спросил:

— И о скольких еще ловушках я не знаю?

Алусейр пожала плечами:

— О шести, может о семи. Я сказала бы наверняка, если бы ты уточнил, о каких именно секретах моей семьи тебе известно.

Она подняла руку, предупреждая ответ Старого Мага, и добавила:

— Я говорю только про дворцовую архитектуру, не о спрятанных наследниках, бастардах, скандалах и буквальных скелетах в шкафу. Если ты начнешь об этом, мы задержимся дней на десять.

Эльминстер кивнул.

— По крайней мере. Что ж, тогда...

Алусейр резко взмахнула рукой с мечом, крутанулась на месте и исчезла, оставив лишь утихающий шепот:

— Он что-то сделал. Со скелетами покончено. Наш Грозозмей продолжает удивлять. Я должна посмотреть.

— Тогда иди, — пробормотал Эльминстер. — Мое время спешить и торопиться пока не настало.

Не в первый раз он обращался к воздуху. К большому неудовольствию Алусейр в присутствии Шторм Эльминстер тащился ничуть не быстрее.

Два бывших Избранных не спешили, надеясь, что юным лордам потребуется время на удовлетворение нужды в грабеже, когда они найдут искомое. Это скверно сочеталось — никак не сочеталось — с нетерпеливым характером призрака.

Проход, которым они следовали, уходил в незримые, покрытые мраком дали, но Эльминстер внезапно остановился перед плитой, которая выглядела так же, как и остальные, и поднял руку, останавливая Шторм. Затем другой рукой он нажал на один из камней в стене.

С тишайшим звуком каменная плита ушла вглубь стены, обнажая края проема размером с обычный дверной проем. Эл сдвинул каменную дверь в сторону, открывая еще один темный проход.

Шторм закатила глаза.

— Ты все еще продолжаешь находить их? Ранние Обарскиры, должно быть, подозревали всех и каждого в Королевствах!

— Ну-ну, подруга. Наверное они просто приказали Берублу сделать несколько тайных ходов, а он как обычно перевыполнил задание: втрое больше тайных ходов, чем нужно, плюс тайный ход специально для королевской семьи, не говоря уже про тайный ход для

собственного использования — чтобы следить сразу и за королевским тайным ходом, и за тайным ходом исключительно для придворных.

Шторм весело посмотрела на него.

— Значит, он был таким же хитрецом, как и ты? Я едва могу в это поверить! Чтобы волшебник был хитер!

— Осторожнее, грозовая, — нежно сказал ей Эльминстер.

Напуганная, Шторм вздрогнула. Он вот уже несколько сот лет не называл ее так.

Некоторое время они шагали по новому проходу в дружеском молчании, прежде чем снова начали переговариваться — негромко и часто, по своему обыкновению. Они редко упоминали Алассу. Вместо этого Эл говорил о предметах, содержащих призраков синего пламени, предметах *настоящей* власти, и о возможности заполучить их, чтобы восстановить разрушенный разум. Последнее, конечно, означало единственного человека, который был дорог им обоим.

Закончив перечислять то немногое, что было известно о призраках синего пламени, Эл взглянул на Шторм, ожидая, что та с готовностью согласится заняться их поисками.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Шторм пожала плечами.

— Почему нет? Мы ведь теряем ее.

— Не похоже на выражение пылкой готовности, — пробормотал Эл.

Шторм вздохнула.

— У нас заканчиваются волшебные вещи, которые можно легко украсть, и те, кто стерегут оставшиеся, следят и ожидают нас. Нам не может вечно везти, а наши умения уже подводят.

— Всегда остается возможность нанять кого-то, кто будет красть вместо нас.

Шторм спокойно изучала его, зная, о чем речь.

— Кровный потомок, — сухо сказала она. — И у тебя уже есть кое-кто молодой, энергичный и вероятно подходящий кандидат поблизости: Амарун Белая Волна.

Она нахмурилась, когда Эл кивнул.

— Что ей известно о своих предках?

Эльминстер развел руками.

— Она слышала, что мать отца ее отца, Намра, была дочерью знаменитого Эльминстера, но посчитала эти разговоры просто дикой выдумкой. Еще одно заявление среди сотен прочих, в маленькой армии женщин, отцом которых якобы был всеми любимый Старый Маг.

Шторм слабо улыбнулась.

— Ты не терял времени даром, не так ли?

Эл вздохнул.

— Так говорит молва. И если бы молва могла бы снова сделать меня идущим-сквозь-миры, несравненным-мастером-Искусства, Избранным Мистры, снова молодым и сильным, и встречающимся со, скажем, одной сотой тех женщин, которых я предположительно, хм, развлекал...

— У тебя была эта армия и еще несколько других.

Эл ответил ей кривой ухмылкой, тяжело вздохнул... и промолчал.

В дружеской тишине они шагали темными коридорами на протяжении, казалось, очень долгого времени.

Потом настала очередь Шторм вздохнуть.

— Эта Амарун станет искушением для тебя.

— Да, — пробормотал Эльминстер. — Лучше не напоминай мне.

— Для того, кто знает, как это делается, и владеет соответствующим заклинанием, захватывать чужие тела так отвратительно просто, — добавила Шторм.

Эл кивнул.

— А поиски магии для Алассры в этих залах становятся все труднее. Попытки обыскать каждый дюйм этого дворца не могут бесконечно приносить новые магические безделушки, которые плохо лежат. Кормирская Корона вполне обоснованно хочет сохранить свои богатства.

— Так что сейчас...

— Сейчас, — Эльминстер почти зарычал, — наша главная задача — помешать юному Грозозмею заполучить любого из призраков Девятки. Вторая наша цель — завладеть ими самим. Третья — нанять Амарун, *не привлекая* внимания тех, кто за нами шпионит.

— Вечно бдительные боевые маги?

— Нет, речь не об этом постоянном источнике раздражения. Есть еще кто-то. Кто-то, скрывающийся за шпионящими волшебниками Кормира, и лишь мимолетно глядящий в нашу сторону. Кто-то, чья магия куда сильнее, чем у боевых магов.

Шторм резко остановилась.

— Кто-то, чья магия скорее всего сильнее моей, — добавил Эльминстер.

Она моргнула.

— Ты... представляешь, кто это может быть?

Эльминстер издал неприличный звук.

— Если бы представлял, думаешь, гонялся бы по этому дворцу за странными юными дворянами?

Что бы ни собиралась ответить Шторм, ее реплика пропала, когда волшебное сияние, откуда доносились голоса этих двоих, дико вспыхнуло.

И затихло, повиснув посередине погруженной в холодную тьму комнаты, судорожно поблескивая.

— Снова вернулся под защиту, которая пока еще сопротивляется моим заклятиям, — вздохнул холодный голос. — И все же таких печатей становится все меньше и меньше. Со временем, ни одна не сможет защитить тебя — и время моего триумфа наконец настанет.

Как будто в ответ, сияние рассыпалось искрами и исчезло, растворившись.

Хмм. Сильная оказалась печать.

— Прежде чем я сказал это, — продолжал голос, — тысячелетиями другие твердили: «Эльминстер должен умереть». И они были правы. Старый враг, ты должен был давным-давно исчезнуть с лица Фаэруна.

Обладатель этого голоса прошел через просторную комнату.

— Я должен был сам сделать это, прежде чем ты — и не раз — оказал мне аналогичную услугу. Ты, без сомнения, считал, что убиваешь меня ради добра — но, как и во многих других случаях, ты ошибался. И даже мудрым старым архимагам, говорящим с богинями, в

конце концов приходится платить за свои ошибки. И ты заплатишь мне. Скоро.

Щупальце с клешней на конце распахнуло дверь, и владелец этого зловещего и склизкого придатка прошел в открывшийся проем, его глаза поворачивались на ловких отростках, внимательно разглядывая дорогу, пока остальные щупальца почти лениво закручивались и изгибались вокруг.

Незваных гостей не было видно. Хорошо.

Эти древние заклинательные палаты глубоко в самой старой части королевского дворца охранялись лучше, чем самые могущественные крепости, с каких обладатель щупалец снимал волшебную защиту. В эти дни их не использовали, и ни единое заклятье прорицания, кроме его собственных, не могло протиснуться через несколько переплетенных слоев защиты — но заberi все Бэйн, молодые некомпетентные дураки, которыми были нынешние кормирские боевые маги, могли по глупости сунуть свой нос в любой уголок просто из тупого любопытства...

Но не сюда. Пока нет.

— Скоро ты заплатишь, — твердо повторило парящее в воздухе существо со щупальцами, поднимаясь, чтобы его конечности могли свободно повиснуть, а не волочиться по полу. — Скоро. Раз и навсегда.

Впереди засиял свет. Обладатель щупалец и холодного голоса фыркнул от удовольствия, потом оставил это тело ради собственного, обмякшего в большом старинном кресле.

Тело ударила дрожь, когда он вернулся в него, затем он встал на ноги и с изрядным проворством сплел и швырнул заклинание, закончив его одним словом: «Танцуй».

«Танцуй» — прошептал пустой воздух, и призрак принцессы Алусейр застыл в воздухе, выгнув спину и корчась от боли. Вырвавшийся у нее вопль был высоким и пронзительным.

Прямо перед ней без предупреждения вспыхнул жуткий свет, магия там, где раньше магии не было.

Она хлестнула призрака, терзая, кромсая и безжалостно обжигая, прежде чем угаснуть. Алусейр опустилась на пол, негромко постанывая, немногим больше, чем просто мерцающий бесформенный огонек...

— Что... что не так? — всполошилась Шторм, когда Эльминстер внезапно покачнулся и привалился к стене коридора, а затем соскользнул по ней на пол.

— Алусейр, — выдохнул он, поворачивая блестящее от пота лицо к Шторм. — С ней случилось что-то нехорошее. Она кричала.

— Она?..

— Мертва? То есть, освобождена от не-жизни? Уничтожена? Я... кажется, нет.

Эл мрачно покачал головой, пока Шторм помогала ему подняться, и пробормотал:

— Заряд магии был *очень* сильным.

Шторм помотала головой.

— Здесь это становится гораздо хуже, — с горечью сказала она. — Я вообще редко чувствую магию. Искусство почти исчезло для меня.

Эльминстер взглянул на нее. Через какое-то время он прошептал:

— Для меня это теплое, кипящее внутри сокровище, зовущая, манящая пропасть, в которую я хочу нырнуть с головой, так же легко, как когда-то. Власть, которой я желаю обладать, и неважно, насколько безумным она меня делает.

Он глубоко вздохнул, затем выпалил:

— Ты нужна мне. Чтобы удержать мой разум, когда я погружаюсь в Искусство. Мы команда; из нас двоих получится архимаг, который сможет справиться с большинством врагов.

Он положил руку ей на плечи.

— Вместе, подруга. Вместе мы будем охранять Королевства.

Глаза Шторм блеснули, когда она улыбнулась.

— А если они откажутся от нашей охраны, Эл? Тогда что?

— Тогда мы укротим и станем их учить, пока не согласятся!

— Что ж! — фыркнул грубый молодой голос из темноты. — Впечатляющее заявление! Жаль, что это твои последние слова!

У Эльминстера и Шторм не было времени закатить глаза и простонать, сколько раз они уже слышали подобное хвастовство.

Они были слишком заняты криками боли, ведь коридор вокруг них взорвался ревущим изумрудным пламенем, отшвырнув их, как груды тряпья.

— Он ни за что на свете не мог пережить *такого*, — заметил слегка потрясенный мужской голос в вонявшей дымом темноте.

По всему коридору раздавался стон и треск; камни остывали и жаловались на это. Тут и там раздавался грохот, когда каменные блоки падали со своих мест, чтобы разбиться о пол.

— Лорд Ганрахаст редко ошибается, — немного самодовольно ответил молодой голос.

— Я был бы куда счастливее, если бы ясно видел Мудреца Долины Теней, валяющегося мертвым у моих ног, и знал, что он уже не сможет встать и встретить меня лицом к лицу. Никогда, — сказал третий голос.

— Ох, не будь таким *трусом*, Мрелдрейк.

— Меня не трогают твои слова, Рендат, — сухо ответил Мрелдрейк. — Ты не встречался с ним и его безумной королевой-ведьмой в глуши. Я — встречался.

— И сбежал, как заяц, чтобы рассказать нам об этом, — парировал Рендат. — Ну так если ты такой храбрый и закаленный в битвах, могучий Рорскрин, думаю, ты и пойдешь искать Мудреца Долины Теней — или то, что от него осталось. Не забудь, нам нужно принести его голову Ганрахасту и Вэйнренсу. Или, если не получится, хотя бы какую-то часть тела, достаточно большую, чтобы можно было с уверенностью его опознать.

— На самом деле, я слышал отданные нам приказы, — холодно ответил Рорскрин Мрелдрейк. — *Ты* иди, храбрейший из магов.

— Насколько я помню, — сказал грубым голосом боевой маг Андрам Рендрат, — командовать нашим маленьким трио выпало мне. И я даю тебе, Мрелдрейк, прямой приказ.

Иди по этому коридору и начинай искать. И убедись, что принесешь останки Эльминстера, а не того второго.

— Это была женщина, — любезно уточнил третий волшебник, пока Мрелдрейк наколдовывал свет. — Так что если увидишь большую грудь, то это не...

Эльминстер услышал достаточно.

Шторм — слава богам, она еще дышала — лежала на нем, тихая, тяжелая, заливая его кровью, но Эльминстер мог свободно прицелиться жезлом, который он позаимствовал у боевого мага Лортона Айронстона, когда Алусейр любезно выиграла ту битву за него.

Этот жезл наводил краткосрочный паралич. Айронстон мог воспользоваться им тогда, без предупреждения, вместо того, чтобы открыто бросать вызов. Но утраченные шансы были частью стремительно исчезающего прошлого, а жезл мог хорошо послужить Старому Магу здесь и сейчас.

Эльминстер осторожно навел жезл и прошептал оживляющее его слово. Ганрахаст и Вэйнренс не слишком хорошо обучили этих дурней; только идиоты стоят на поле боя так близко друг к другу, когда встречаются с врагом, владеющим магией.

Сверкнула вспышка, и все трое рухнули, как срубленные деревья. Эльминстер с сожалением заметил, что Мрелдрейк стоял между двумя товарищами и не так сильно ударился при падении, да еще закрыл рукой лицо. Не парализован, это точно.

Зато парализованы остальные двое. Эльминстер заткнул жезл за пояс и вытянул зачарованный кинжал. Мрелдрейк или не Мрелдрейк, а в первую очередь надо исцелить Шторм.

Во вспышке света под его бормотание иссякла магия кинжала, и оружие рассыпалось в пыль прямо в руке. Эльминстер услышал шорох оттуда, где лежали боевые маги.

— Прежде чем ты уползешь, Рорскрин Мрелдрейк, — остро сказал он, — чтобы я не убил тебя прямо здесь и сейчас, заклинанием, которое буквально вывернет твои кишки наружу, ты ответишь мне на несколько вопросов. Правдиво, если ты вообще знаешь, как говорить правду.

Мрелдрейк так резко втянул в себя воздух, что это прозвучало почти как писк.

— Печати, — продолжил Эльминстер. — Ты воззвал к древним печатям дворца, окружающим нас, чтобы ударить меня, так?

Он ждал, уже зная ответ. Давным-давно он и сам сотворил несколько заклинаний, налагая эти печати, и легко мог распознать чувство, возникавшее, когда их изменяли.

Вместо ответа Эльминстер услышал шарканье напуганного боевого мага, пытавшегося уползти прочь, не издав ни звука. Мрелдрейку это не удалось.

— Отвечай, — спокойно добавил он. — Или умрешь.

Последовала длинная пауза. Эльминстер снова вытащил из-за пояса жезл и предупреждающе его поднял.

— Д-да, — выдавил боевой маг. — Но это была идея Рендарта!

— Мне сложно поверить, что он решился использовать такую идею без одобрения королевского мага, — неодобрительно, как строгий учитель, ответил Эльминстер. — Скажи правду, боевой маг Мрелдрейк. Во имя короля. Я по-прежнему обладаю рангом при дворе, который существенно выше твоего.

— Я... я... Ганрахаст сказал, что мы можем использовать печати, чтобы спрятаться и защититься от тебя, — признал несчастный Мрелдрейк. Судя по постепенно стихавшему голосу, он медленно уползал прочь по коридору.

— А доблестный Рендарт самостоятельно решил использовать их, чтобы усилить заряд, который вы в нас швырнули, — тяжело сказал Эльминстер. — Вы знали, что это разрушит печати в этом месте? Оставит в них прореху, ослабив всю сеть, которую преданные боевые маги сплетали на протяжении сотен лет?

— Тебя... нужно было остановить. Любой ценой.

Эльминстер взорвался.

— Идиоты! Вы трое уничтожили столетнюю защиту — охранные печати, которые вы даже не способны заменить — только чтобы сразить меня! Чего стоит будущее Кормира, если вы так легко отбрасываете его ради сиюминутной победы! А что же завтра? Разорители! Дураки! Безответственные дети!

Ответ, который издал Рорскирн Мрелдрейк, в этот раз действительно был писком — придушенное *иип*, которое в немыслимом ужасе могла бы издать мышь размером с человека. Затем последовали царапающие звуки, когда он, цепляясь руками за стену, поднялся на ноги и бросился бежать, не разбирая дороги.

Раздраженно мотая головой, Эльминстер позволил ему уйти. Урок, с которым юноша вернется к Ганрахасту, лучше выучить быстро и с первого раза.

Современная молодежь. Побеждай сегодня, и не трудись глядеть дальше собственного носа...

Чудо, что в этом мире вообще остались хоть какие-то королевства.

Боевой маг Рорскирн Мрелдрейк почти задохнулся, завернув за очередной угол, и перешел с панического бега на спотыкающийся шаг.

Он даже не почувствовал заклинания, которое упало на него, будто сеть, схватив его паникующий разум.

Прежде чем он успел что-то понять, его мозг прочно сжала стальная хватка.

— Так вышло, ничтожество, — раздался проникновенный шепот в его голове, рождая образ парящей в пустоте пары глаз, острых и твердых, как острия кинжалов, — что Мудрец Долины Теней — не единственный, кто прячется в этом огромном и хорошо обставленном дворце. И я тоже желаю, чтобы любая мысль об изменении его печатей была раздавлена в зародыше. Я Мэншун, и я даже страшнее, чем говорят легенды.

Хватка превратилась в сжимающуюся клетку.

— Рорскирн Мрелдрейк, теперь ты мой.

Глава 12

Мрачнее и мрачнее

Смутный красивый мужчина заставил свое последнее приобретение удариться лицом о стену.

Боевой маг Рорскрин Мрелдрейк застонал, отшатнулся от стены, и, немного покачиваясь, продолжил свой торопливый путь по коридору.

Мэншун скептически выгнул бровь. Его власть над этим червяком была полной, но плохие инструменты делают скверную работу. Этот трус Мрелдрейк был боевым магом, да, и небесполезной парой рук, но не слишком крупной добычей. Явно неподходящим инструментом для той задачи, которую Мэншуну нужно было решить.

Мрелдрейк, Рендарт и Наландер должны исчезнуть или замолкнуть навеки, чтобы королевский маг и его заместитель получили правильное сообщение: делать что-либо с дворцовыми печатями — *очень* плохая идея. Затем настанет время усыпить Ганрахаста и Вэйренса, прежде чем у них появятся другие блестящие мысли. Кроме того, их устранение без убийства оставит боевых магов в растерянности на какое-то время — которое он надеялся растянуть как можно дольше — пока не установится новая командная цепочка.

Сначала, однако, нужно заняться более срочным делом.

Энергичный юный Грозозмей вот-вот собирался стать жертвой обычного предательства, и его необходимо было спасти. Нельзя допустить, чтобы предметы, связанные с Девяткой, которые он заполучил, попали не в те руки — в результате Сюзейл погрузится в утомительную борьбу, когда боевые маги и различные амбициозные дворяне и волшебники — а также как независимые, так и управляемые тенью сембийцы, не говоря уже про наемных волков Западных Врат — пронюхают о чем-то ценном и попытаются заполучить это себе.

Нет, чересчур храброго молодого дурака надо было выручать. Быстрым и жестким способом, требовавшим кого-то куда более компетентного, чем Мрелдрейк. Кого-то, кто хорошо знает дворец и служит Кормиру — по крайней мере, собственному видению Кормира — с яростной верностью. Некой немертвой госпожи, которой управляет Мэншун.

Рыцаря смерти, именуемого в мрачных сказках, рассказываемых шепотом в комнатах дворца, «Госпожой Темный Доспех». Тарграэль, чей искаженный разум уже принадлежал ему.

Улыбнувшись, Мэншун прошептал заклинание и отправил свою волю вниз, в пыльную, холодную тьму.

Ниже, ниже, в старую, почти заброшенную гробницу глубоко во дворце.

Тарграэль улыбнулась во мраке.

Она снова очнулась от слишком долгого сна и чувствовала другой разум, наблюдающий, обволакивающий ее собственное сознание. Сильный, зловещий, ужасный разум, который уже овладевал ею прежде...

Тарграэль резко заставили перевести свое внимание с этого затаившегося присутствия

на точку прямо перед ее носом. На гладкую каменную плиту.

— Я последняя и самая лучшая леди старший рыцарь, — яростно прошептала она крышке гроба.

Когда-то она действительно была безумна, как среднестатистический бормочущий волшебник, да, но это осталось в прошлом; Тарграэль прекрасно осознавала свое посмертие и понимала, во что превратилась.

И находила это крайне подходящим собственной безжалостной натуре.

Смерть — интересная вещь. И прекрасная Каледней, и героическая Алусейр погибли совсем не так, как считали все — правда, пока она не нашла следов Каледней во дворце. С Алусейр же все было иначе...

Тарграэль обнаружила, что даже от простого воспоминания начинает дрожать от ярости, и волевым усилием вернула себе холодное спокойствие.

Терпение. Величавое терпение.

В конце концов, я есть Кормир. Его единственный истинный страж; все Лесное Королевство и каждый его житель зависят от меня, хоть они этого и не знают.

И потому я неустанно — ее губы скривились в пренебрежительной усмешке, ведь она либо терялась в забвении, либо бодрствовала, не нуждаясь во сне — крадусь по Сюзейлу и вокруг него, убивая неудобных. Я решаю, кто будет жить и править Лесным Королевством, а кто падет. На протяжении многих лет, пока бдительность страны угасает, а ее враги становятся все сильнее и сильнее, я играю немалую роль в обороне от Сембии и шадовар, пытающихся тайно завоевать королевство с помощью своих обычных методов: подкупа, магического воздействия, шантажа лордов. Если бы не я, они давно бы добились своего — и это дает мне право, как самому эффективному его защитнику, решать, каким должен быть и будет Кормир.

Только три неудачи. Трое тех, кто смогли противостоять мне. Захватчики из Долины Теней, волшебник Эльминстер и та девка, Шторм... Ба. Смешно.

Попытка уничтожить их должна была увенчаться успехом, но прошла неудачно. Внезапно на ее пути встала Алусейр, жестокая и угрожающая, провозгласив, что эти двое под ее защитой и если Траграэль навредит им, ничем хорошим для нее это не закончится.

Конечно, рыцарь смерти посмеялась над этим, но Алусейр схватила ее за горло и сделала что-то, опалившее самую ее неживую суть.

Шея Тарграэль болела еще долго, целые месяцы. Ее голос превратился в шипящий, грубый шепот, и всякий раз, когда она гневалась, вокруг шеи загоралось призрачное пламя.

Так что во дворце Траграэль проявляла осторожность, насколько возможно, избегая призрака принцессы и этих двоих, и чаще наблюдая, чем убивая.

Но сейчас холодное пламя лизало ее шею, пока внутри нарастало холодное и яростное волнение.

Кормир нужно было защитить.

Тарграэль откинула каменную крышку гроба, в котором лежала, вытянула заочевшие руки и достала свой меч.

Помещение вокруг было темным, пустым и неохраняемым — почти забытым, даже в то время, пока службы королевского двора вокруг кипели и суеились. Пыльное и никому не нужное, как и многие другие памятники кормирского прошлого.

Она выбралась из гроба и задвинула крышку на место.

Вот. Гробница Верного Дракона выглядела, как новая.

Давным-давно она выбросила кости захороненного здесь солдата, и этот склеп стал ее излюбленным местом. Глупые слабаки, которые звали себя пурпурными драконами, старшие придворные слуги и боевые маги, конечно, ничего не заметили.

Тарграэль почувствовала, как изгибаются ее губы. Тьма в ее голове отдавала приказы без слов, отправив ее по темным переходам на несколько этажей выше. Поначалу она пробиралась медленно, прижимая меч к груди, натываясь на стены и закрытые двери.

Не потому, что была неловким, волочащим ноги зомби, просто перед ее глазами стояло большее, чем одни только пустые коридоры. В ее разуме разворачивались сцены, где шайка наемников грабила королевский дворец!

Шайка, которую она должна была защищать, по крайней мере, защищать их предводителя: молодого лорда Марлина Грозозмея.

Который заполучил два драгоценных предмета, и надо было проследить, чтобы он сохранил не только свою жизнь, но и эти вещи. Чтобы он мог стать началом больших перемен в Кормире.

Она будет частью этого. Примет участие в судьбе Кормира.

Наконец-то.

В этот раз она не упустит свой шанс.

— Путь закрыт, сир, — предупредил один из двух выживших наемников, поудобнее устроив сочащийся кровью мешок, который нес на плече.

— Я знаю об этом, — спокойно ответил Марлин. — Все предусмотрено.

Это была долгая, скучная прогулка в холодном мраке к далекому неясному огоньку впереди.

Они почти достигли этого огонька, фонаря, свисавшего с потолочного крюка в самом глубоком винном погребе «Старого Дварфа». С другой стороны старой и массивной стальной решетки, где висел фонарь, стоял ряд больших дубовых бочек, каждая на собственной подставке.

Под фонарем, ухмыляясь, ждал доверенный старый сообщник Марлина по «грязной работе», Веррин. Именно там, где и должен был ждать.

Марлин напрягся. Не настолько, чтобы кто-то заметил, но достаточно, чтобы Пьянчужка беспокойно заворочался у него за пазухой. Что-то было не так.

Во-первых, защищенная магией стальная решетка по-прежнему была закрыта на замок. Чума искажила ее защитные заклинания, как и множество других, и в широких промежутках между прутьями уже многие годы крутились огоньки дикой магии, бросая на лица зловещие отсветы.

Во-вторых, Веррин был не один.

Рядом с ним стоял высокий человек: Марлазандр, старший телохранитель Ротгларе Илланса, давнего соперника Марлина.

Марлин, не показывая досады, остановился — чаша в одной руке, меч в другой, его наемники с кровавыми мешками по бокам. Марлазандр положил крупную руку Веррину на плечо, ухмыльнулся Марлину и произнес:

— Проблема — *твоя* проблема — с наемниками в том, что их могут перекупить.

Кажется, Ротглар Илландс в очередной раз оказался менее скуп, чем Марлин Грозозмей.

Марлин вздохнул.

— Но не более благороден.

Он снова отправил Пьянчужку в полет, слабым толчком приказав ему атаковать всех чужаков. Насекомое пролетело сквозь прутья, пока Веррин и Марлазандр еще не успели очнуться.

Затем телохранитель торопливо отступил, отбросив в сторону Веррина, чтобы освободить себе место, и достал оружие.

Его взмах, хоть и сопровождался испуганным проклятием, совсем не задел стиржа. Но Пьянчужка целился не в Марлазандра. Стирж описал в воздухе зигзаг и ударил, ловко пронзив Веррину горло.

Тот стал падать, напрасно вцепившись в свою глотку в попытке остановить кровь. Пьянчужка уже отлетел в сторону, оказавшись между двумя бочками, куда не мог протиснуться Марлазандр.

Телохранитель ругался и оглядывался, пытаясь уследить за стиржем, когда из-за бочек выступила высокая, тонкая фигура.

Это была женщина — по крайней мере, при жизни. Останки женщины, одетые в доспехи из черной кожи, с неприкрытой головой, с мертвенно-бледным лицом, кое-где тронутым плесенью. В одной руке она почти беззаботно сжимала меч.

— Очередная чванливая и глупая пешка лордов, — произнесла она, разглядывая Могучего Марлазандра и позволяя ему ощутить тяжесть своей усмешки. — Вы почти такие же раздражающие, как и ваши благородные хозяева. Почти.

Марлазандр бросился на нее, атакуя клинком в одном из лучших приемов, что он выучил в своей жизни. Удар парировали и отвели в сторону легким взмахом меча — а также следующий, и следующий, и следующий. Женщина танцевала вокруг него, игралась с ним, как мастер меча, и когда его ярость и неистовые атаки стали сбиваться, как и его дыхание, она с легкостью обезоружила телохранителя.

И всего лишь миг спустя ее клинок скользнул между его торопливо выхваченными кинжалами прямо к горлу.

Прежде чем он успел упасть и умереть, женщина скользнула к обмякшей, залитой кровью груди, в которую превратился Веррин, и срезала у него с пояса кольцо с ключами. Вытерев меч о сухой участок на его бриджах, она бросила кольцо Марлину через прутья, отсалютовав ему клинком — пока он и его наемники в страхе глазели на рыцаря смерти — и снова скрылась за бочками.

Кто... кто это был? Тихая Тень? Давно погибший агент другого знатного дома?

— К тому времени, как вы откроете эту решетку, я давно исчезну, — насмешливо сказала Тарграэль юному лорду, продолжая отступать в тени. — Не трать напрасно время, преследуя меня, ты все равно меня не найдешь. Не стоит за мной охотиться. Как видишь, я уже мертва.

Марлину потребовалось некоторое время, чтобы сглотнуть, обрести дар речи и спросить:

— К-кто ты?

Из глубокой тьмы в противоположном конце погреба ему ответил холодный смех.

Мэншун не смог сдержать смехов. Боги, какая же она *злая*. Он способен был сопротивляться подобному поведению, этим насмешкам, горделивому злодейству, когда контролировал ее, но... каким-то образом...

Она наслаждалась этим и заставляла наслаждаться его. Наслаждаться сильнее, чем за многие столетия.

Столетия... слишком много прошедших лет, все мрачнее и мрачнее, слишком много ушедших друзей, любовников и полезных союзников...

Но хватит. Пора за работу.

К этой маленькой проказнице, Тарграэль...

Улыбаясь, он снова подчинил ее разум своему, и почувствовал, как она внимает и повинуется.

Назад в твой склеп, госпожа Темный Доспех. До тех пор, пока не настанет подходящий момент, чтобы избавиться от Ганрахаста и Вэйнренса.

Уже скоро.

А пока у него оставалось еще два разума, которые можно было оседлать, и их глаза, через которые можно было наблюдать за происходящим в Кормире. Быть серым кардиналом — тяжелая работа.

Работа, которую он любил — каждое ее мрачное мгновение.

Бывший ночной король Восточных Врат и будущий император Кормира — а также Сембии, Долин и любых земель, которые сможет завоевать, как только заполучит военную мощь Лесного Королевства — вернулся к мерцающим в воздухе сценам, навеянными заклятьем прорицания.

Назад к своей любимой работе. Сначала стирж, потом Талан...

Сейчас они были в самом сердце поместья Грозозмеев, и Пьянчужка послушно исчез во мраке под сводчатым потолком комнаты, незамеченный двумя наемниками.

Еще несколько дел, и Марлин сможет расслабиться.

Он стоял достаточно далеко от наемников, прислонившись к дверному косяку. Оба головореза осторожно следили за ним, выполняя последний приказ: швыряли мешки в ревущее пламя печи главной башни.

Конечно, наемники подозревали, что сами отправятся следом, но Марлин только саркастически усмехнулся и показал им пустые руки, когда те повернулись к нему.

Улыбка юноши стала шире, когда один из них что-то сделал со своим поясом, от чего с обычным негромким мелодичным звуком пробудилась к жизни магическая защита. Ее мерцание, прежде чем угаснуть, было серого цвета. Печать стального щита. Растянувшись стеной между Марлином и двумя бандитами, она остановит любые арбалетные болты, стрелы, копья или метательные топоры.

— Неужели вы мне не *доверяете*? — спросил их Марлин с лучшей притворной невинностью, на которую только был способен.

— Нет, — кратко ответил один.

— Мудро, — прокомментировал Марлин, прежде чем издать переливающийся свист, призвавший сверху Пьянчужку, ужалившего обоих.

Паралич сковал их прежде, чем наемники успели закончить свои проклятия, но уже после того, как оба упали на издававший лучшие времена ковер.

Марлин подошел к небольшому столику, лениво поставил на него чашу, расстегнул пояс с мечом, снял несколько колец, вытащил кинжалы из рукавов и из-за голенища сапога. Стянув сапоги, он расстегнул поясной ремень и позволил своим бридгам упасть.

Освободившись таким образом от металла, Марлин прошел через печать стального щита и начал запихивать двух беспомощных парализованных людей в печь, сначала одного, потом второго.

Затем, повернувшись спиной к поднимающемуся облаку искр, прошел через печать обратно и взял в руки чашу, чтобы разглядеть ее получше.

Пьянчужка, сидевший у Марлина на плече, ласково потерся о его шею и щеку, и юноша погладил насекомое.

Надо не забыть позволить стиржу напиться, пока не кончилась ночь. Та пышка-кухарка, которую он видел на кухне, может быть? Или нанять кого-то и на время заглушить страхи домочадцев?

Ах, решения, решения...

Он смотрел на Виверноязыкую Чашу, позволив себе наслаждаться ею. Эта ночь стала несомненным триумфом.

Выходит, внутри этой большой элегантной металлической чаши хранилось то, что осталось от некогда одного из самых могущественных искателей приключений в Королевствах. Приблизительно сто пятьдесят лет тому назад Девятке пришел неожиданный конец, когда Лаэраль Среброрукая — впоследствии леди-маг Глубоководья, супруга знаменитого архимага Келбена Арансана — стала одержима Короной Рогов. Богом, или тем, что от бога осталось.

А Парящий Клинок хранит в себе другого.

Благодаря большому количеству монет, потраченных на отряды авантюристов, куда менее опытных, чем Девятка — авантюристов, которые все были уже мертвы, благодаря все тем же монетам Грозозмеев — Марлин знал, как управлять призраком синего пламени.

И знал, где найти защищенную палату для чародейства, в которой можно проверить свой контроль над призраком, и где даже Ганрахаст не сможет его засечь.

Более того, пока Лотрэ сам не найдет еще двоих призраков, некий Марлин Грозозмей может спокойно заниматься собственными, кхм, «подлыми замыслами».

Он хмыкнул, глядя как магическая печать вспыхнула и стала угасать, когда начал плавиться пояс. Горячо в этих печах.

Затем Марлин развернулся, устроил чашу в своей руке и начал долгую прогулку по поместью, чтобы взять Парящий Клинок.

В одном из многочисленных высоких окон, мимо которых он проходил, первые лучи зари освещали стремительно отступавший мрак ночи.

Приближался день, и было как раз самое время для начала веселья.

— Амбиции сгубили многих, юный Грозозмей, — довольно прошептал Мэншун. — Среди них есть даже Фзоул Поклонявшийся Слишком Многим Богам, и самодовольный, гордый Избранный Мистры — Эльминстер из Долины Теней. Я и сам несколько раз становился жертвой собственных амбиций. Берегись, Король Марлин, Тайный Лорд Глубоководья или кем ты там хочешь сначала стать, чтобы амбиции не привели к *твоему* стремительному и преждевременному краху. О, нет. Ты нужен мне — ровно до тех пор, пока я сам не решу от тебя избавиться.

Глава 13

Вообще ничего смешного

Амарун резко проснулась, ее разум бил тревогу. Вот еще раз, и точно не во сне. Еще один шорох. Где-то рядом.

Она заснула над своими бумагами, головой на груди пергамента на столе. В этот раз пятен от чернил на щеке не осталось — хорошо. Вокруг было темно. Ее свеча — огарок, точнее — уже погас.

Так где же...

А, вот опять. В этот раз, несмотря на непроглядную тьму вокруг, она знала, что это за звук и откуда он донесся.

Кто-то пытался лезвием ножа поддеть защелку на ее ставнях.

Очень осторожно.

— Это не сработает, — спокойно заметила она, уходя насколько могла бесшумно от места, где произнесла эти слова, к стене сбоку от закрытого ставнями окна, куда пытались проникнуть. В руках у Амарун оказалось копье, хранившееся под кроватью.

— Я тебя разбудил, да? — спросил знакомый грубый голос из ночи по ту сторону ставень. — Для тебя есть работа, Рун. Это Расгул, если ты еще не узнала по голосу. Я один.

— Какого сорта работа?

Городские воры, которые не соблюдали осторожность, жили недостаточно долго, чтобы обзавестись горьким опытом.

Не то, чтобы воровство было у нее в крови — насколько воровские таланты вообще могут быть в крови. Большинство историй настаивали на том, что она — дочь легендарного Старого Мага Долины Теней, Эльминстера.

— Нужна подпись на фальшивом контракте, — прохрипел Расгул, врываясь в ее мысли — и вообще, почему она об *этом* думает? Боги, что даль...

— Скопируй подпись, которую я принес, — добавил он. — Подбери похожие чернила, если сможешь.

Амарун издала звук, который был наполовину хмыканьем, наполовину вздохом, открыла защелку на ставнях и раскрыла блеклый светящийся камень с трещиной, лежавший на столе у окна. Его свет был немногим ярче мрака, и неудивительно; камень был сломан, когда она его украла, а это было очень, очень давно.

В те дни, когда у нее было куда больше монет, чем прямо сейчас, и когда Амарун не беспокоилась, сколько дней жизни у нее будет, чтобы их потратить.

Она отбросила эти мысли и убрала железный прут, который держал ставни закрытыми.

— Внутрь, — приказала девушка, приготовив к стрельбе два арбалета. Расгул всегда был честен с ней, но, как говорилось, его первая ложь могла стать ее последним сюрпризом.

Седой старый мужчина в шрамах, ждавший снаружи, отдал ей свой нож, рукоятью вперед, затем протянул пустые руки для осмотра. Она схватилась за одну, наполовину втянула его в комнату, потом остановилась, прижав его к подоконнику, чтобы убедиться, что Расгул один и не пытается выхватить спрятанное оружие.

Веревка с узлами, по которой он вскарабкался, свободно развевалась в ночном воздухе снаружи — заметно было, что на ней не висит другого веса. Снаружи тоже никто не прятался, насколько она могла судить — а Расгул всегда работал один. На ближайших

крышах не было заметно подозрительных силуэтов, и каждое окно в ее поле зрения было темным и закрытым, как обычно в этот час.

Расгул не шевелился под ее твердой рукой. На его спине висел мешок, обшитый короткими рейками, чтобы защитить бумаги внутри, и хотя у Расгула наверняка были спрятаны удавка и еще один нож в сапоге, Амарун не видела ничего, что угрожало бы ей прямо сейчас.

— Внутрь, — резко скомандовала девушка, взявшись за створку ставень, чтобы в случае необходимости ударить его по голове. Расгул упал на пол, хрюкнул, поднялся, взявшись за вторую створку, двигаясь медленно, чтобы не встревожить ее.

Он повернулся, закрыл ставни, поставил железный прут на место, закрыл защелку. Затем потянулся к другому пруту.

Амарун отдала и второй прут, держа копье у горла мужчины. Тот вздохнул, пробормотал что-то о доверии, которое в наши дни встречается все реже и реже, и закончил со ставнями.

Затем Расгул опустился на колено, медленно развел руки в стороны, чтобы продемонстрировать, что не тянется за спрятанным оружием. Осторожно высвободившись из лямок заплочного мешка, он снял свою ношу со спины.

— Контракт, — пробормотал он, — это соглашение...

— Я *не хочу* знать.

Их обычные фразы. Расгул развернул один документ, так, чтобы она увидела только подпись, позволил Амарун долго и пристально ее рассмотреть. Обычные чернила, насколько девушка могла судить. Она зажгла одну из своих драгоценных свечей, чтобы лучше разглядеть их оттенок.

— Четыре льва, — твердо заявила она.

Расгул знал, что торговаться бесполезно. Откуда-то из своих грязных лохмотьев он извлек кошель — не тот, что висел у него на поясе — и медленно разложил дугой вокруг ее подсвечника четыре золотых монеты, каждая плотно прилипала к его среднему пальцу, пока он беззвучно не опускал монету на стол и не оставлял ее там.

Затем он кошелом и светящимся камнем прижал документ с подписью и достал контракт, который требовалось подписать.

Сначала она пригляделась к тростниковой бумаге, на которой он был написан. Затем вгляделась в подпись.

Амарун достала несколько пузырьков с чернилами, подходящие перья, несколько клочков бумаги, чтобы попрактиковаться. Расгул ждал в терпеливом молчании. Когда-то и его руки были достаточно молоды, сильны и здоровы для такой работы; но он знал, что для этого требовалось, и знал, насколько Амарун хороша.

Она вытерла лоб краешком халата, зная, что вспотеет еще до окончания работы.

Затем девушка откинулась назад в кресле, чтобы глубоко вдохнуть, будто засыпая, и позволила рукам снова и снова повторять движения подписи, пока они не стали привычными и естественными.

Расгул одобритительно кивнул, продолжая ждать.

Амарун подписала документ плавным, быстрым движением и откинулась назад, чтобы снова вытереть пот.

Идеально, на ее взгляд — а она оценивала такие вещи не менее критично, чем любой ростовщик.

Седой старик сидел неподвижно, как камень, ожидая, пока просохнут чернила. Он доверил Амарун решать, когда контракт можно будет снова свернуть, и позволил девушке самой упаковать документы в обертку, в которой он их принес, и положить обратно в мешок.

— Спасибо, подруга, — сказал он, не поднимаясь с места.

— Пожалуйста, — равнодушно ответила она.

— Лучше я пойду. Надо забрать остаток моих соколов...

Клинок, просунувшийся в комнату между ставнями в это мгновение, был намного длиннее ножа Расгула и сверкал куда ярче.

— Спасибо, не этой ночью, — спокойно произнесла Амарун, слегка повысив голос. — У меня здесь уже есть дела.

— С ними будет покончено, если я вернусь через два часа? — говорила женщина, незнакомая, и с острым языком.

Амарун закатила глаза.

— И какова цена моего сна этой ночью?

— Заплачу вдвое. Просто небольшая копия.

— Два часа, — согласилась Амарун, услышав, как голос снаружи согласно повторяет эти слова, уже удаляясь.

Только тогда она заметила, что Расгул лежит на полу, закрыв обеими руками рот.

Девушка присоединилась к нему, легла достаточно близко, чтобы прошептать на ухо:

— Что?

— Это она! — прошипел Расгул, широко распахнув глаза от ужаса.

— Кто она? Видишь ли, она и я не единственные женщины в Сюзейле этой ночью.

— Та, чье имя ты только что... — Расгул панически зажестикублировал, указывая в сторону мешка, затем огляделся вокруг. — Я должен уйти и убираться отсюда!

— Ох, *Расгул*, — вздохнула ему на ухо Амарун так тихо, как только смогла. — Дай я надену сапоги и выведу тебя погребками. Ход проходит под погребом сапожника и соединяется с погребом Татлина — гонца — через две двери от меня. Хотя он, наверное, возьмет с тебя золотой лев за то, чтобы ты надел его плащ и шляпу и вышел с его парнишками. Так что твои соколы тебе пригодятся.

Он сдавленно выругался.

— Нет, для этого у тебя недостаточно денег, — весело ответила Амарун, отползая за пределы досягаемости мужчины.

Расгул мрачно взглянул на девушку. Потом, медленно, его лицо исказилось в кривой ухмылке, проступившей сквозь выражение ужаса.

Ухмылка сменилась изумленным неверием, когда Амарун развязала свой пояс своего халата и позволила ему упасть на пол.

— Я собираюсь надеть тебе повязку на глаза, — промурлыкала она, подходя к нему, и так и поступила, используя пояс. Он не стал сопротивляться, когда Амарун осторожно помогла ему подняться на колени.

— Попробуй снять его, и умрешь, — предупредила девушка.

Старик осторожно кивнул.

— Ползи вперед, — прошептала ему на ухо Амарун. — Прямо, как стрела, и медленно, чтобы не наткнуться на меня. На нашем пути будут несколько мест, где ты легко можешь найти свою смерть по неосторожности. *Очень* легко.

— Понял, — пробормотал он. Потом, осторожно придерживая свой мешок, он стал

Амарун снова сглотнула. От страха у нее пересохло горло.

Она только надеялась, что лицо остается таким бесстрастным, каким девушка пыталась его сохранить. Ее комнаты никогда раньше не казались такими маленькими и бедными.

Амарун ненавидела и боялась своей новой клиентки, и подозревала, что женщина об этом знает — и забавляется.

На столе между ними блестело лишь два золотых льва.

С другой стороны стола стояла женщина, положившая их туда. Та, которую Амарун никогда раньше не видела, гибкая, стройная, одетая в черную кожу, укрывавшую ее от головы до острых кончиков сапог, скрывавшая лицо маской, которая оставляла открытыми только рот и большие, по львиному яркие желтые глаза. Та, которая назвалась Талан и сжимала в руке меч.

Клинок его поглощал весь свет, не испуская даже слабенького мерцания, источая безмолвное нечто, от чего Амарун тошнило даже через стол.

Обладательница меча была такой же ловкой, как сама Амарун, и вероятно, куда более опасной в любом бою. Стоит ей пожелать смерти лучшей танцовщицы Драконьих Всадников, и Амарун будет обречена.

— Я предлагаю тебе щедрую плату, — промурлыкала Талан, — и не думаю, что в твоём положении можно торговаться, *Тихая Тень*. Или ты предпочитаешь, чтобы тебя звали Амарун Лиона Амальра Белая Волна? Единственная дочь Бельтара, последняя в своем роду которую страшно рады были бы найти Хелхондреты и Ильмбрайты. Они хотят вернуть свои драгоценности, маленькая Рун.

Амарун глядела на свою гостью, не зная, что сказать, сражаясь с собой, чтобы лицо ее оставалось спокойным, как камень.

Она знает. Она знает обо мне все. Но как?

— О, я знаю, что сундука с камнями у тебя больше нет, — добавила Талан. — Я знаю. Какая жалость, что в этой краже обвинили Бельтара; мне он был куда полезнее живым. Почти таким же полезным, какой будешь ты, маленькая Рун.

Ее голос стал мягче, и при этом каким-то образом более жестоким.

— Одно мое слово, и гордые кормирские боевые маги вывернут твой разум наизнанку, изучив все твои маленькие секреты и в оплату за это оставив тебя пускающей слюну идиоткой. Так что либо ты принимаешь эту судьбу, либо повинешься мне, выполняя маленькие поручения по всему Сюзейлу. У меня накопился целый список поручений, и некоторые из них слишком грязные для моих рук. Целый список; надеюсь, тебе хватит жалких крох сна.

Женщина отошла на несколько шагов.

— Я вернусь с первым из этих поручений через четыре ночи. Можешь гордиться, маленькая Рун: теперь ты моя «грязная рука», а я довольно строго выбираю своих агентов.

— Горжусь, — невыразительно ответила Амарун.

Губы Талан искривились — скорее в оскале, чем в улыбке.

— Четыре ночи, — промурлыкала она, попятилась к окну и исчезла, пропав из виду в

зловещей тишине.

Что-то удержало Амарун от того, чтобы подбежать к окну, ставни которого медленно покачивались в первых блеклых лучах зари. Каким-то образом она знала, что ее новую клиентку нигде не будет видно. Уж точно Амарун не увидит распростертое на мостовой изломанное тело.

Если Талан летела, извивалась, или спускалась по отвесной стене и была на самом деле каким-то ужасным монстром, Амарун могла бы узнать об этом... но, по правде говоря, даже знать ничего не желала.

Так что она стояла на месте, задыхаясь, будто пробежала несколько миль. Задыхаясь от ужаса, который все не желал проходить.

Почему жизнь должна была становиться мрачнее и мрачнее, все более и более сложной? Почему все не могло быть как в дамских книжечках, где каждая танцовщица в маске получает собственного сногшибательно красивого благородного лорда, который влюбляется в нее, забирает в свой замок, чтобы швырнуть к ее ногам бесчисленные богатства, женится на ней, и потом они живут долго и счастливо?

— Проклятье, — прошептала она в знакомую тьму вокруг. Та, как обычно, не ответила.

Как бы она не ворочалась и не крутилась, постельное белье промокло от пота и пристало к телу, и Амарун боролась с ним, прокручивая в голове сцену за сценой своего неотвратимого рока. Сон не шел.

И это значит, что она будет красноглазой и уставшей в следующий раз, когда выйдет на сцену клуба Драконьих Всадников. Что, в свою очередь, значит, что она заслужит неодобрительную гримасу от Тресс и получит монет меньше обычного.

— Проклятье, проклятье, проклятье, проклятье, *проклятье*, — прошипела Амарун в потолок, скорее от отчаянья, чем от гнева, перекатившись на спину и отбросив влажную простынь. — Что же мне делать?

В ее сознании тут же появился образ. Ухмыляющееся лицо Арклета Делькасла, этого беззаботного, бездельничающего, свободного от любых проблем знатного лорда. Наследника дома — а это означало, что ему никогда не придется ни о чем волноваться, и ни секунды своей жизни не придется работать, и никогда не придется задумываться о том, откуда берутся его деньги.

Амарун должна была ненавидеть его за это — ненавидела самые грубые его шутки и то, как он с ухмылкой бросал монеты в самые интимные ее места, и его постоянное безмятежное веселье — но почему-то...

Разозлившись, девушка отбросила этот образ, пытаясь думать о Талан и о том, кем же она может быть, как это можно узнать и использовать против нее — лишь затем, чтобы видение юного лорда Делькасла вернулось, ухмыляясь и подмигивая ей, как будто от него могла быть какая-то польза...

Она замерла, а затем издала взволнованный свист, долгий и низкий. Возможно, *в этом* от него может быть польза. Ясно же, что Амарун ему нравилась; даже если просто как мимолетное завоевание. И это должно дать ей преимущество, чтобы манипулировать им.

Как говорили старые дворяне, «Танцовщицы существуют для того, чтобы ими

пользоваться». Точно так же, как и юные лорды, которых можно обвести вокруг их мужского достоинства.

Но как именно это сделать?

Ну...

Кому это знать лучше, как не самому лорду Арклету Аргустагусу Делькаслу?

Амарун придется его заинтересовать, стать одной из маленьких забав... забавой, которая продлится достаточно долго, чтобы справиться с Талан.

А это означало, что ей придется не соблазнить Арклета — по крайней мере, не сразу — а увлечь его в веселый маленький танец. Довольно *долгий* маленький танец...

Глава 14

Справедливость, порядок и утонченность

Эльминстер долго глядел на распростертые на полу безголовые тела. Единственным его движением стал останавливающий жест — он предупреждающе поднял руку, когда Шторм присоединилась к нему, указав на участок пола. Там растеклась темная липкая лужа подсыхающей крови.

— Мне... — начала она, указывая мимо тел.

Старый Маг покачал головой.

— Зачем бы Грозозмей не приходил — скорее всего, за давно утраченной Виверноязыкой Чашей — он ушел вместе с тем, что искал. Мы опоздали.

Он отошел на несколько шагов к стене, сделал что-то, открыв очередную потайную дверь, и приглашающе махнул Шторм.

Та послушно нырнула в проход.

— Уходим, прежде чем боевые маги — и те пурпурные драконы во дворце, что еще остались в живых — смогут обвинить нас в этом?

— Именно, — коротко ответил Эльминстер. — Мы облажались. Если будем стоять и смотреть, это ничего не изменит.

Он торопливо зашагал по старому, узкому тайному проходу, в который завел Шторм. Чем дальше они шли, тем сильнее становился запах старой плесени.

— Вдвоем мы уже не справляемся, подруга, — мрачно добавил Эльминстер. Проход разделился, и он, не останавливаясь, свернул влево, оставляя позади запах плесени. — Настало время прекратить обманывать себя, что это не так.

— Справляемся?

— Со спасением Королевств.

— Значит, теперь мы найдем пару удобных кресел, устроимся получше, и будем наблюдать, как рассыпается мир? — мягко спросила Шторм, выгибая бровь в подражание его обычной манере.

Эл вздохнул, резко остановился, развернувшись на месте, чтобы оказаться лицом к ней.

— Пришло время найти наследников, которые смогут взять на себя эту задачу. Нам нужны новые руки, острый взгляд и энергичность.

Шторм изучала его лицо.

— Ты серьезно.

Эл молча кивнул, и некоторое время они смотрели друг другу в глаза. И оба удивлялись, как потрясло их это опоздание — этот грабеж, который они не смогли предотвратить.

Опустошило чуть ли не до слез.

Шторм медленно кивнула, не отрывая взгляд от его глаз.

— Закулисно защищать Кормир — даже тогда, когда Вандердагаст мерял эти залы, как старый хитрый лев, вмешиваясь во все подряд, манипулируя, считая, что это *он* защищает Кормир — хотя это были *мы*, — прошептала она. — То, что у нас получалось лучше всего. Краеугольный камень того, чем должны были быть Королевства, мира справедливости, порядка и утонченности...

Эльминстер нетерпеливо рубанул воздух ребром ладони, будто отрезая ее слова.

— Мы начнем тренировать моего ничего не подозревающего потомка, Амарун. Прямо

сейчас.

Шторм моргнула, медленно покачала головой.

— Это займет какое-то время.

— Которое у нас будет, — заявил Эльминстер, — если начнем прямо сейчас. Поговоришь с ней первой или Эльминстер Ужасный напугает и разозлит ее?

Шторм нахмурилась.

— Сначала я попытаюсь привлечь ее, а потом можешь злить и пугать, если будет необходимость. Тем временем начни охотиться за сильными волшебными предметами, чтобы накормить Алассу. В этом дворце огромное количество всяких забытых и гниющих безделушек, даже после наших вылазок, должно же остаться хоть что-то.

— Ха. Подруга, в этом дворце остались целые оружейные боевые магов — конечно, закрытые и защищенные магическими печатями, уверяю тебя, — в которых полно зачарованных вещей. Текущая команда самых сильных магических стражей Кормира не знает даже, как работают или чем ценны половина из них. И все же похищение кормирской собственности расстроит Алусейр.

Шторм скупно улыбнулась.

— *Все* расстраивает Алусейр.

— Да, но не забывай, подруга — учитывая, кем мы стали, если она застанет нас в неподходящее время и воспользуется своей силой, она легко нас уничтожит.

Шторм пожала плечами.

— Сомневаюсь. Боги редко бывают столь милосердны.

Эльминстер не засмеялся и даже не улыбнулся в ответ на эту слабую попытку пошутить.

Спустя миг, Шторм добавила:

— И разве в этих залах нечто или некто не готовится уничтожить Алусейр?

Старый Маг мрачно кивнул. Они обменялись еще одним долгим взглядом, затем оба вздохнули — затем синхронно развернулись и зашагали прочь из проклятого крыла, к одному из секретных выходов из королевского дворца. Тому, который сейчас вероятнее всего не охраняли сильные боевые маги или пурпурные драконы.

Амарун Белая Волна находилась где-то в городе, и вряд ли в ближайшее время будет приглашена во дворец.

Разве что король Форил вдруг полюбил танцовщиц в масках.

Шесть коридоров спустя Эл замер на полушаге, посмотрел на определенный камень в стене так, будто тот оскорбил его лично, затем опустил руку к полу, провел рукой там, где соединялись стена и пол, и с удовлетворённым хмыканьем вынул другой камень из кладки.

За камнем была спрятана небольшая железная шкатулка, которую Эл убедил открыться одним несильным ударом. Внутри лежали подвеска на изящной цепочке, из тех, что носили придворные леди, маска, и две блестящих стальных фляги, плотно закупоренных и запечатанных. Эл отдал все, кроме подвески, Шторм.

— Маска ночного зрения и две фляги с исцеляющим зельем. Пусть побудут у тебя.

Он надел подвеску на шею. Борода полностью скрыла ее.

Шторм указала туда, где должна была висеть подвеска.

— Так что она делает?

— Читает поверхностные образы в головах. Ничего похожего на выжимку мыслей, но эта штука поможет мне определить, сколько стражников стоит по другую сторону двери, и другие похожие вещи. В те времена, когда Вандердагаст пытался сделать боевых магов такими, какими хотел их видеть, во дворце спрятали несколько дюжин таких тайников, чтобы помогать им искоренять неверных царедворцев.

Эл выпрямился и указал на камень, который сначала привлек его внимание.

— Видишь этот след зубила? Он говорит тебе проверить внизу, если ты находишься в каменном проходе вроде этого.

Шторм кивнула.

— Арфисты говорили мне искать отметины зубила в форме перевернутой буквы «Т».

— А, это тайники, в которых хранится противоядие и исцеляющее. Они были для сражений с лордами, — мрачно сообщил ей Эльминстер. — Не так уж много их уцелело, да и с самого начала их было поменьше. Помню...

Он замер на месте и замолчал, резко вздернув руку, чтобы Шторм соблюдала тишину. Она послушалась.

Миг спустя, из-за стены с другой стороны прохода — которая, должно быть, была очень тонкой — они услышали звук открывающейся двери и злорадный голос, громко и торжественно провозгласивший:

— И насколько ярко искра Тарандара сияет среди недремлющих Королевств этой прекрасной ночью?

Эл узнал голос. Он прижал палец к подвеске и почувствовал темный, горячий поток злобы в мыслях по другую сторону стены. Видимо, насмешливый и саркастичный распорядитель пиршеств действительно был таким вредным и самовлюбленным, каким его описывали бескостные языки дворцовой прислуги.

Халадан Мальвоцвет, как говорили, никогда не испытывал недостатка в поручениях и никогда не прекращал шпионить за подчиненными, издеваясь над ними и незаслуженно ругая их работу.

И именно сейчас, в позолоченном парике и в безупречной ливрее, он вышел из ниоткуда, чтобы оказаться на пути...

Эл нахмурился и усилием воли переключил фокус подвески со злобны Мальвоцвета на другой разум за стеной...

...принадлежавший смертельно уставшему Халансу Тарандару, старшему пажу. Он только что покинул комнатенку, служившую ему кабинетом, и начал долгий путь домой, к своей кровати.

Все эти приготовления к Совету — планы, ревизии, новые планы, заменяющие старые, трижды одобренные и трижды переписанные версии...

Халанс жаждал урвать хоть немного сна, прежде чем появится при дворе — слишком скоро, слишком быстро луна гналась по небу, так скоро, боги! — и начать новый рабочий день. Однако человек, который ехидно усмехался прямо перед ним, в существующей дворцовой иерархии был одиннадцатью ступенями выше любого старшего пажа, так что Тарандар выдавил из себя улыбку.

— Устало, сир.

— Что? — Мальвоцвет был радостно-шутливым. — Как так? Учитывая всю, кхм, власть в твоём распоряжении?

— Пришлось использовать эту власть в делах с неким благородным лордом, чтобы сохранить безопасность Кормира и не разрушить все приготовления к большому дню, сир.

— О? И которым *неким* лордом?

— Не могу сказать, сир. Извините. Приказ лорда Ганрахаста, сир; уверен, вы понимаете.

Эльминстер даже сквозь стену почувствовал, как побагровел распорядитель пиршеств.

Весь дворец знал, как Мальвоцвет боится королевского мага и любых волшебников, и глубоко негодует, когда они и все, кто обладают соответствующей властью, хранят от него секреты. Любой слуга, проработавший во дворце несколько дней, знал, что распорядитель не осмелится заговорить с Ганрахастом. Так что Халанс мог быть уверен, что правдивость его слов он не проверит.

А Мальвоцвет знал, что смазливый молодой придворный слуга, почтительно замерший перед ним, робко опустив глаза, понимает всю глубину его трусости.

Так что он с неразборчивым ворчанием отступил в сторону и побрел прочь, резко обернувшись после трех шагов, чтобы посмотреть, не ухмыляется ли Тарандар.

Эльминстер закатил глаза.

Вместо ухмылки Мальвоцвет почти поймал Халанса на зевоте.

«Боги, — думал старший паж, — этот Мальвоцвет такой предсказуемый...»

Ему потребовалось дойти до боковой лестницы, чтобы разум додумал эту мысль — таким Тарандар был уставшим. Обменявшись молчаливыми кивками со сторожившем дверь стражником у подножия лестницы, он вышел в ночь.

Эльминстер не покидал разума старшего пажа, надеясь вызнать что-то полезное о приготовлениях к грядущему Совету.

Халанса Тарандара не держали ноги, но он улыбался.

Арклет Аргустагус Делькасл был утомительным другом.

Его мысли обратились к какой-то легкомысленной ерунде, которую на все Королевства провозглашал Арклет... а затем, по какой-то странной причине, свернули к другому воспоминанию. Он смотрел в темные глаза танцовщицы в клубе, замершей, как статуя, прямо перед их столиком. Ее руки были широко раскинуты, чтобы продемонстрировать то, на что полагалось смотреть у танцовщиц... и все же он запомнил ее глаза.

Потому что они пристально изучали его.

Затем Халанс осознал, что значили те едва заметные изменения в ее взгляде и замер на полушаге. По его спине пробежал холодок.

Танцовщица прислушивалась к каждому их слову.

Зачем?

— В конце концов, она моя родня, — сказал Шторм Эльминстер, отпуская подвеску. — Интересуется придворными делами не меньше нашего. Как это бывает, чересчур интересуется — некий слуга, милый и перетрудившийся старший паж, только что осознал, как много внимания она им уделила, когда лорд Делькасл привел его с другом в клуб, где она танцует. Прямо сейчас этот паж размышляет, на кого она работает или какой замысел вынашивает. Он расскажет про это Делькаслу, но, к счастью для нас, сейчас слишком устал, чтобы этим заняться. Мы должны успеть к ней первыми.

— И обрушить ей на голову Ганрахаста, Вэйнренса и всех их волшебников? — предупреждающе спросила Шторм.

Эл застонал.

— Она молода, в ней течет моя кровь. Ей понравится небольшое приключение.

— Небольшое — да, — ответила Шторм. — Но я не уверена, что она останется такой же приветливой, когда половина королевства начнет на нее охоту. Это мы к такому привыкли, помнишь?

— Хммм. Для Кормира было бы лучше, если бы вся его молодежь радостно принимала все, что бросает на них этот мир.

— Ты говоришь, как старый ворчливый лорд, — подколола его среброволосая бард.

— Я чувствую себя старым ворчливым лордом, — парировал Эльминстер. — Слишком недооцененным и на каждом шагу осаждаемым докучливыми боевыми магами. Уже не говоря о том, что моих врагов все прибывает, вместо того, чтоб уменьшаться.

Шторм пожала плечами.

— Я же говорю — мы к этому привыкли. Расслабься, Эл. Да, пришлось уничтожить драконов и боевых магов больше, чем стоило бы терять Кормиру, но дела пока еще не приобрели по-настоящему мрачный оборот — и для нас, и для юной Амарун.

— Именно это, — ответил Мудрец Долины Теней, — меня и грызет. У меня предчувствие, что все это закончится очень плохо.

— А у меня предчувствие, что ты не будешь разочарован, — вздохнула Шторм, утешающе кладя руку ему на плечо.

Он ответил новым стоном, перешедшим во что-то вроде слабой ухмылки.

Потом Эл потряс головой и сказал ей:

— Пока мы не убедимся в верности Амарун и в том, что она достаточно компетентна, чтобы сделать что нужно и сберечь нас и ее в живых, нас всего двое, подруга. После этого нас будет трое. Недостаточно, и близко недостаточно.

Воздух вокруг помутнел, когда лежавшее на тайнике заклятье резко схватило их обоих.

На оставшиеся тайники Ганрахаст наложил заклинание, замедлявшее каждое движение тех, кто вскрыл схрон, не произнеся пароль или не надев определенное кольцо.

У Эльминстера со Шторм было достаточно времени, чтобы осознать, что происходит, и попытаться заговорить друг с другом, встретившись взглядами... но ни секунды не осталось, чтобы что-то предпринять.

— Такая простая ловушка! Кажется, Избранные Мистры уже не настолько сильны. Наконец ты повержен, старый враг. Наконец.

Мерцание наколдованной сцены было самым ярким источником света в просторной и темной пещере. В сердце этой сцены стояли Эльминстер и Шторм, загнанно глядя друг на друга. Выражение на их лицах было мрачным. Они произносили слова так медленно, что требовались часы, чтобы договорить их.

— Наконец, — снова сказал созерцатель, широко ухмыляясь.

Это была очень большая ухмылка, поскольку глазной тиран в диаметре был не меньше главной двери любого величественного особняка. У него были глазные отростки и щупальца,

некоторые оканчивались ладонями или тремя противопоставленными клешнями. Но разум, с которым родилась эта громадина, был не тем разумом, что сейчас обитал в ней.

Оно почти все время проводило в одиночестве — и как многие отшельники, которые не следовали этому жребию всю свою жизнь по собственной воле, выработало привычку громко разговаривать с собой.

— Но время нанести удар еще не настало. К тебе привязано еще слишком много магии. Не хочу быть уничтоженным в ее вихре вместе с тобой. Твое убийство должно случиться в точно выверенный момент. Так что я еще немного подожду. Зато я знаю, что мое ожидание — наконец-то! — не будет слишком долгим.

Глазной тиран улыбнулся.

— Сможешь ли ты спасти свое любимое королевство, скалу, на которой ты стоишь, в очередной раз спасая Королевства — или позволишь этой скале обрушиться, чтобы спасти безумную женщину, которую любишь?

Он пролетел через пещеру к парящей в воздухе кучке небольших светящихся сфер, каждая из которых представляла собой прорицающее око. Каждая показывала собственную сцену в различных местах Королевств. Звук эти сферы передавали только если на то была воля созерцателя.

Сейчас он, кажется, предпочитал звук собственного голоса.

— Ты стал таким слабым, что мне даже не нужно организовывать нападение на Кормир. Хватит и тех фигур, что сейчас стоят на игровой доске. Скоро, скоро настанет час моей мести — и наконец-то, *наконец-то* Эльминстер из Долины Теней умрет окончательной смертью.

Ужас со щупальцами подплыл обратно к большому трехмерному изображению застывших Эльминстера и Шторм.

— И ты умрешь, зная, что это я сразил тебя, — почти нежно прошептал созерцатель.

Пещеру огласил сухой смешок.

— Скоро, скоро...

Халанс в очередной раз заставил свою челюсть закрыться. Он *не мог* перестать зевать.

Боги, как же он устал — а впереди ждал целый день работы, день, который наверняка станет очень насыщенным.

Но за этим темным грузом усталости старший паж так и не почувствовал холодное, жестокое присутствие, которое издалека следило за ним, таясь в глубине его разума.

Вокруг него кипел королевский двор. Не только из-за постоянного хаоса и бесконечных приготовлений к Совету — который продолжал приближаться — но из-за произошедшего во дворце прошлой ночью.

Из-за этого боевых магов в спешке отзывали в Сюзейл со всех уголков королевства, как прошептал ему на ухо Корлет Фентабль. Больше дюжины пурпурных драконов мертвы — и среди них Белнар Бакмантл. Убиты на своих постах неизвестными нарушителями, которые обезглавили большинство из них, а потом ушли каким-то тайным ходом, весьма разгневав старших рыцарей и боевых магов.

Если уж на то пошло, Фентабль и сам был очень взволнован. Он казался нездоровым...

и был единственным старшим по званию придворным слугой, которому Халанс доверял, уважал и симпатизировал. Ему стоило бы знать, что некоторые вещи не стоит говорить нижестоящим, чтобы не представлять пред ними в таком свете.

Халанс покачал головой. Такие события, будь они прокляты, всегда происходили все одновременно. Когда все были слишком заняты, чтобы заняться ими. «Поцелуй Бешабы», как говорили слуги постарше. Неудачи, проклятые раздражающие неудачи...

Мэнишун злоеюще улыбнулся. Неудачи или искусная манипуляция.

Халанс снова зевнул. Он *должен был* найти Арклета и предупредить его, что танцовщица слушала весь их разговор и может оказаться информатором того или иного благородного лорда.

Но времени искать дворян по всему городу у него не было — со всеми этими перестановками мебели, заменой ковров и масляных ламп...

И не с дополнительными приготовлениями к Совету, которые ждали на его столе грудой записок от Фентабля, Мальвоцвета и боги знают еще кого, про то, это и еще вон то.

Теперь приготовим приманку...

Записку, написать записку; Халанс схватил клочок пергамента из выданной ему стопки для разных записей старшего паж, схватил перо из подставки, и торопливо написал: «Сказать Арклету Делькаслу, что Белнар убит. И еще танцовщица во Всадниках слушала наш разговор».

— Тарандар! — закричал ему Мальвоцвет с другой стороны зала. — В доках Зорсина прямо сейчас разгружают новые кресла и стулья! Я послал Эммура и Дарлакана за фургонами, но ты тоже отправляйся туда и проследи, чтоб они ничего не сломали и не запачкали!

Точно по сигналу. Как и планировалось.

— Сир! — закричал в ответ Халанс. — Слышу вас! Уже бегу!

Торопись, паж. Торопись, тебе нельзя опаздывать. Нельзя заставлять Мальвоцвета ждать... равно как и моего агента, который тебя уже ждет.

Он бросился к двери, затем резко повернул обратно к столу, схватил свеженаписанную записку, и побежал в доки.

Торопящийся человек наверняка доберется до доков Зорсина быстрее, чем фургон. А это значило...

У него была идея, где мог находиться Арклет. В Угре, или в Драконьих Всадниках, или может быть в Чудесных Страстных Девочках Сакларры, если молодой лорд Делькасл пребывал в особенно игривом настроении.

Ну а если хрупкий цветок дома Делькаслов окажется еще где-то... ну, было еще с полдюжины инспекций и негоциаций, в ходе которых старший паж мог покинуть дворец. И все же лучше было сказать Арклету как можно раньше, чтобы расправиться с этим и, наконец, посвятить себя работе.

И тогда в его голову пришел краткий, дикий образ. Будто бы на него из темной пещеры сквозь злоеющее мерцание пристально смотрит созерцатель. *Созерцатель?*

Боги, да у него начались кошмары наяву. Все этот проклятый Совет!

Тряхнув головой, Халанс Тарандар поспешил пересечь зал, пройти мимо стражников, улыбнувшись и кивнув, вышел на улицу, пересек променады и торопливо свернул в свой любимый переулок.

Он не увидел руки, которая его ударила.

Глава 15

Входит смеющийся лорд

В роскошном сердце особняка Делькаслов, за его розовыми стенами, располагались комнаты, которых большинство посетителей никогда не видели. Комнаты, стены которых были вылеплены в форме зарослей роз, взбирающимися по отделке и овивающими дверные косяки.

Лорд Арклет Аргустагус Делькасл содрогнулся бы, увидь он такой декор дома у кого-то другого, но в комнатах своей матери он к нему привык.

По крайней мере, он неустанно себе это повторял.

Существовало старое семейное правило, согласно которому прибывшие домой кровные члены дома Делькасл должны представиться его матери — или ее личной горничной в тех редких случаях, когда Даранте было приказано их встретить — так что он, как много раз прежде, поднялся по крутой лестнице из входного зала, прошел через несколько помещений и оказался в краю тошнотворных роз. Миновав безразличных стражников, Арклет вошел в покои матери.

Где леди Марантин Делькасл наградила его своей лучшей улыбкой сытой кошки. Она распростерлась на кушетке, кроваво-красный шелк которой прекрасно дополнял розы — но ужасно сочетался с пламенно-оранжевой шелковой сорочкой, которая была на ней надета. Уже не говоря о кричащем диссонансе с выкрашенным в изумрудный цвет мехом, который с претензией на элегантность мать набросила себе на плечи.

Час был где-то между слишком поздним и слишком ранним, но леди Делькасл бодрствовала и практически мурчала, томно поглощая апельсиновые корки в шоколаде и отпивая из высокого бокала с янтарным ликером. И если она не нашла себе новое увлечение, которое оставило бы мать в таком настроении, это значило, что она наслаждается послевкусием после ублажения ее тремя крепкими «пажами».

— Здравствуй, мать, — радостно, с едва заметной сардонической ноткой поприветствовал ее Арклет. — Намасленные мальчики уже ушли?

Она ответила ему одной из своих лучших усмешек.

— Не недооценивай моих игрушек, Аркль, дорогой. Они мужчины в куда большей степени, чем ты когда-либо будешь.

— Это почему? — спросил он, подойдя к уставленному графинами столику и изучая мать в зеркало, расположенное над ним.

— Разве ты не предпочитаешь мальчиков?

Арклет пожал плечами.

— Так уж вышло, что нет. Разве это не ты их предпочитаешь, мама?

Она безразлично отмахнулась.

— Нет, невнимательный дурачок, я люблю *мужчин*. Мужчин, которые сражаются, убивают и приходят ко мне с запахом пота, крови и опасности. *Настоящих* мужчин.

— Лорд Делькасл, — спокойно заметил Арклет, выбрав один из графинов и чистый бокал, — настоящий мужчина.

Пожатие плечами матери было куда драматичнее его собственного.

— Когда-то был. Теперь он слишком глубоко утонул в вине, чтобы представлять собой что-нибудь.

Ни для кого в Сюзейле не было секретом, что отец Арклета, лорд Парандур Делькасл был запойным пьяницей, проводившим свои дни, запершись в любимой башне поместья и выпивая.

— И что?

— И ничего. Если от него избавиться, лордом Делькаслом станешь ты — мужчина в еще меньшей степени.

— То есть я стану мужчиной, если явлюсь к тебе, воняя потом, кровью и опасностью? — невозмутимо спросил Арклет.

Мать гортанно засмеялась.

— О да. Но не похоже, чтобы этот счастливый момент когда-нибудь наступил, не так ли?

— Маловероятно, — согласился Арклет, ставя графин на место и отпивая из наполненного бокала. — Сладких снов, мама.

Он вышел обратно в скудно освещенный коридор — где его ожидал домашний стражник с твердым лицом, взведенный арбалет в руках которого целился Арклету прямо в грудь.

Тот изогнул бровь.

— Открылся сезон охоты за благородными наследниками, Трезмур?

— Приказы, — был короткий ответ. — Уже бывало, что сыновья убивали матерей.

— И еще не раз случится, боюсь, — ответил Арклет, направляясь вниз по коридору с бокалом в руке. — Но не этот конкретный сын. Такое деяние было бы... слишком благородным. Я же ищу других удовольствий.

Хорошо, что одно из этих удовольствий никогда не спит, подумал он про себя, зная, как скоро он снова встанет с ожидавшей его постели.

Два прохода спустя, когда он подошел к собственным покоям, Арклет вручил опустевший бокал ожидавшему там слуге, вошел внутрь и плотно закрыл за собой дверь.

Только когда вслед за этой дверью была закрыта еще и внутренняя, он добавил к уже сказанному Трезмуру:

— И когда я, наконец, открою для себя удовольствия, которых должен искать, наконец-то начнется настоящая жизнь.

Светлое ранее утро сочилось сквозь окна, которые, к счастью, не обрамляли изображения роз. Впрочем, нельзя сказать, чтобы Арклет отдыхал и наслаждался видом.

Он сидел за привычным столом, проглядывая документы, записи и постоянно растущую гряду пергамента со сделками и инвестициями семьи.

Вокруг кипели жизнью главные палаты особняка; различные семейные посредники, клерки, писцы и эконоы спешили к нему за приказами и распоряжениями.

Они могли скрывать зевоту, но улыбки на лицах были искренними. Чем быстрее они покончат с работой, тем больше у них будет свободного времени; и как только лорд Делькасл покинет свое кресло, они смогут заняться его распоряжениями, получив свои приказы.

Он говорил, а посредники один за другим кланялись и покидали особняк — торговые

агенты встают рано, или неизбежно находят себя перебирающими останки, которыми пренебрегли их соперники.

Вскоре Арклет последовал за ними, оставив свое перо и покончив с работой на сегодня.

Взяв свою любимую трость с драгоценным камнем, он помахал клеркам рукой и вышел на улицу, играясь тростью, как беззаботное дитя.

В эти дни удачей было покинуть дом до того, как мать, утомленная своей чередой нанятых любовников, успевала проснуться и начать свою дневную тиранию. И сегодняшний день, если боги улыбнутся, станет чередой удач.

Арклет ловко подхватил теплый пирожок с подноса спешившего мимо пекаря и прежде, чем тот успел выкрикнуть проклятье, бросил ему золотой лев — достаточную сумму, чтобы заплатить за четыре таких подноса.

Пирожок был еще горячим, сочным, начиненным мясом с приправами, и угрожал выпачкать жиром его губы и подбородок.

— Проголодались, милорд? — крикнул торговец горячими орехами.

— Ничуть, — весело отозвался Арклет, не останавливаясь. — Просто практикуюсь. И как идет торговля твоими жареными зуболомками этим прекрасным утром?

— Горячо, милорд, горячо! Берите горячими, пока их все не расхватали!

— Слова, по которым живет моя мать! — он продолжал шагать, уже окликнув другого торговца, чтобы обменяться остроумными замечаниями, мимоходом бросил монетку грязной босоногой девчонке, закружил ее в небольшом танце, как будто она была высокородной леди — настоящий знатный денди за игрой.

Он направлялся в Обнаженного Угря, харчевню, специализирующуюся на пирогах с сыром и угрями, крепленых винах, и намащенных юных девушках, которые подавали блюда. Гостеприимное пристанище для голодающего желудка в эти дорогие рассветные часы...

Она была самой изящной и проворной из подавальщиц, и его любимой к тому же. По той причине, что подмигивала вслед своей самой пылкой улыбке и, расставляя перед ним тарелки, крутилась так, что вздымалась юбка, обнажая подвязки на бедрах.

— Ах, *спасибо*, Эмсра! — лорд Арклет Аргустагус Делькасл пребывал в эксцентричном настроении. — Ты знаешь, как заставить внутренности мужчины бурлить от наслаждения! Прямо как я — разок-другой, когда нахожусь прямо на самой высоте — могу сказать, что способен сделать то же с подходящей девушкой!

Эмсра захихикала, ловко снимая крышку с исходящей паром тарелки, на которой лежала груда мясистых угрей с грибами под сардрагонским соусом. По крайней мере, так гласило меню.

Она уже слышала все любимые фразочки лорда, но веселил ее скорее игривый, как у ребенка, тон, с которым Арклет их подавал. От некоторых дворян она пряталась на кухне, некоторых обслуживала со скованной, молчаливой осторожностью — но если бы было больше таких дворян, как он, девушка с охотой бы приветствовала их и с радостью выполняла все их мелкие пожелания.

Обнаженный Угорь вокруг них притих. Поток ранних посетителей, покидавших город по делам или торопившихся в свои лавки или на рынок, или на встречи и сделки в доках и

различных конторах, иссяк, а те, кто начинали работу рано и делали перерыв на трапезу в полдень, еще не освободились.

Так что все девушки крутились вокруг столика Арклета, дружно хихикая. Не из жадного стремления получить монету-другую за хлопоты — они и так знали, что получают их в любом случае — просто этот человек умел поднимать настроение, заставлять людей смеяться и делать их день чуточку ярче.

— Сосиски, — проурчала Варимба на ухо Арклету, ставя блюдо у его локтя. — Утощение от Лаэсы, которая желает узнать ваше мнение о новых специях, которые она пробует.

Он поднял взгляд и обнаружил, что сгрудившиеся у его стола девушки все ослепительно улыбаются ему, сногшибательные в своих сапогах на высоком каблучке, принимая соблазнительные позы — просто по привычке.

— Кто-нибудь из вас хочет присоединиться? — спросил он совершенно серьезно. — Вы наверняка проголодались на работе? Я не хочу навлечь на вас неприятности, но...

Но улыбки на их лицах угасли, оставив только беспокойство, и это не имело ничего общего с предложением лорда. Девушки глядели куда-то через его плечо.

И объект их внимания приближался.

Когда требовалось, Арклет мог двигаться быстро. Он выскочил из кресла, схватив горячую сосиску на всякий случай, еще прежде чем развернуться.

Чтобы увидеть торопящегося к его столику напуганного дворцового посланника и опытного боевого мага, даму, с подозрительным лицом, которую он видел во дворце один или два раза.

— Сосисочку? — вежливо предложил Арклет, с поклоном протягивая ее даме-магу. Ответом стало молчание.

Посланник молчал, открыв рот от удивления. У дамы на лице появилось холодное презрение.

Арклет пожал плечами, положил кончик сосиски в собственный рот, откусил и стал жевать.

Времени, чтобы изучить каменную, пожилую леди-мага, сверлившую его глазами, у Арклета оказалось в изобилии, и от его взгляда не укрылось, что она держала наготове магический жезл. Лицо у нее было лошадиное, с холодными глазами и тонкими губами, а тело бугрилось мышцами сильнее, чем у некоторых дворцовых стражников.

— Лорд Арклет Делькасл, я должна поговорить с вами, — провозгласила она.

Хмм. Голос такой же холодный, и, наверное, острый ум.

Арклет почувствовал, как девушки-подавальщицы начинают потихоньку исчезать, и торопливо обернулся, чтобы сказать Варимбе:

— Пожалуйста, передай Лаэсле мои комплименты. Сосиски перченые, и в результате посетители будут покупать и осушать напитки один за другим. Мне понравилось, и я с радостью заплачу за эту тарелку и еще одну такую же в мой следующий визит.

Когда Арклет повернулся обратно к волшебнице, та стояла прямо перед ним. И ухитрилась, хотя была на голову ниже, *нависать* над лордом.

Он изобразил легчайший поклон.

— Приветствую, госпожа?..

Она фыркнула.

— Зовут Глатра. Не госпожа. Не трать своих приторных любезностей.

Повернув голову, она наградила посланника рядом суровым взглядом — и тот молча протянул руку с запиской на пергаменте, развернул ее и показал Арклету так, чтобы тот мог прочесть, но отдернул руку, когда лорд, просто по привычке, потянулся взять записку.

Арклет продемонстрировал, что не только волшебницы способны на суровые взгляды, и посыльный моргнул, сглотнул слюну и снова протянул ему послание. В этот раз Арклет не стал пытаться взять его в руки, а просто стал читать.

«Сказать Арклету Делькаслу, что Белнар убит. И еще танцовщица во Всадниках слушала наш разговор». Почерк Халанса. Чернила свежие, смазанные в уголке, как будто записку свернули, не дав просохнуть.

Белнар *убит*?

Он поднял вопросительный взгляд на Глатру. Ты процедила:

— О чем *именно* был «ваш разговор» и почему тебе так быстро сообщают об этом убийстве?

Если «Белнар» это Белнар Бакмантл, госпожа, — сухо ответил Арклет, — то он был моим другом. Халанс это подтвердит.

— Обезглавленное тело Халанса Тарандара было найдено в одном из переулков, — голос у нее был мрачным. — При нем была эта записка. Корона желает знать, о каких «нас» речь, о чем был «наш разговор» и где он происходил. И я не привыкла повторять дважды, Арклет Делькасл.

Тот глядел на нее слишком потрясенный, чтобы дать отпор, как встретили бы такие требования большинство дворян. Белнар и Халанс?.. Но мы ведь только прошлой ночью...

Боевая волшебница следила за ним, как ястреб

Арклет взял еще одну сосиску с блюда. Когда насыщенное великолепие вкуса заполнило его рот, он мысленно вернулся к тому, что было сказано той ночью за столиком.

Его глаза сощурились, и лорд медленно кивнул. Глатра шагнула вперед, но не сказала ни слова. Она умела не только злиться, но и контролировать себя.

— «Мы» — это я, Халанс и Белнар, — сказал он ей. — Мы были друзьями. Не заговорщиками, госпожа Глатра, не мошенниками в погоне за прибылью. Просто друзьями.

Сосиска куда-то исчезла. Он схватил другую и вгрызся в нее. Боги, как же они хороши.

— Они оба, — добавил Арклет, жуя, — были поглощены подготовкой к предстоящему Совету, а я им сочувствовал... только это, не выводывал подробности об охране и безопасности. Так что да, мы говорили о происходящих приготовлениях, и еще больше — о трудностях, которые вероятно возникнут с тем и этим лордом, о гостях, которых привлекут в город открывшиеся возможности... сембийских шпионах, конечно...

— Тарандар и Бакмантл казались особенно заинтересованными в чем-то конкретном? В каком-то общем деле, возможно?

Арклет слабо улыбнулся.

— В прелестях танцовщицы, что крутилась практически у нас на коленях. Не думаю, что у них обоих недавно было время, на, хм, противоположный пол.

Глатра кивнула.

— Ты, — сказала она посланнику, вырвав записку из его рук, — будешь сопровождать лорда Делькасла в поисках этой и установлении личности этой танцовщицы, затем приведешь ее ко мне. Я вернусь во дворец и буду следить за вами издалека.

Без запинки она повернулась обратно к Делькаслу и добавила твердо:

— А ты найдешь ее прежде чем сделаешь в своей жизни хоть что-нибудь другое, и

приведешь нетронутый ко мне. *Не* станешь флиртовать с девушками или выпивать, *не* станешь тратить время на обмен остротами с друзьями-бездельниками. С этого момента в твоей жизни нет ничего важнее. *Ничего*.

Делькасл раскланялся.

— Должен заметить, что когда-то мне отдавали приказы куда вежливее, но я не могу не согласиться со столь очаровательной и яростно преданной Короне дамой. Слушаю и повинуюсь, моя...

— Хватит. Ты уж точно не хочешь затащить в постель мои старые и некрасивые кости, — оборвала его волшебница, отворачиваясь.

Делькасл изобразил перед посланником почти комическую оскорбленную невинность, пожал плечами и пафосно провозгласил:

— Идем же! Нам предстоит спасти королевство!

Он достал пригоршню золотых монет из кошелька и бросил их на стол, развернулся, взмахнув плащом, и зашагал к двери. Посыльный шел следом.

Глатра следила, как они уходят, и позволила себе громкий вздох, когда оба исчезли из виду.

— Дворяне. Все как один — непослушные дети.

Она взглянула на груды монет на столе. Конечно же, он оставил достаточно, чтобы заплатить за дюжину таких обедов. А это все пропадет зря...

Ее глаза упали на одну из тарелок именно тогда, когда ноздрей коснулся восхитительный запах сочных, горячих сосисок.

В животе заурчало.

Медленно, с сомнением, она потянулась к тарелке.

Сосиска на вкус оказалась так же хороша, как и на запах, и исчезла в два укуса.

Оставались еще.

Боги на небесах, когда же она в прошлый раз ела?

В поле зрения снова показались девушки-подавальщицы, подозрительно глядя на нее, а волшебница уселась в еще теплое кресло Арклета и приступила к главному блюду.

Сосиски по-прежнему манили, но она целую вечность не ела правильно приготовленных угрей. На дворцовых кухнях сардрагонский соус считали «марсемберской ерундой».

Ммм. А в Обнаженном Угре — нет.

Посланника звали Делнором, и у него был виноватый вид, когда они заняли обычный столик Делькасла в Драконих Всадниках. Парень неуверенно кидал взгляды по сторонам.

Сцена была пустой, никаких признаков хотя бы одной танцовщицы, в маске или без. Никто не кричал, не улыбался, не бросал монеты. В ранние утренние часы клуб предлагал гостям лишь чашки с бульоном и купание в ароматизированной воде.

Кроме Делнора и юного лорда, который улыбаясь просигналил, чтобы им принесли по чашке бульона, единственными посетителями были горстка пьяниц, а также по-настоящему богатые и ленивые члены клуба, расслаблявшиеся, пока слуги — некоторые личные, некоторых предоставлял клуб, но они совсем не были похожи на прелестных девушек,

которые в другие часы крутились и позировали на сцене перед всеми — мыли, причесывали и стригли их волосы, и даже проводили чистку сапог и одежды.

— Итак, — легкомысленно начал Арклет, — госпожа Глатра всегда такая дракониха? Или она была влюблена в Белнара? Или в Халанса?

Делнор моргнул, будто его стукнули, покраснел, затем пробормотал:

— Н-нет. Не думаю. Нет. Прошлой ночью во дворце произошли другие... жесткие убийства. Ходят, мм, слухи, что к этому причастны дворяне. И призраки, что поселились во дворце. И говорят, что Тихая Тень собирается обокрасть дворец, а древних мертвых волшебников — вроде Вандердагаста — кто-то с застарелой ненавистью к Кормиру поднял из могил, чтобы они бродили по залам и бесчинствовали.

— Кто-то?

— Ух, одни говорят, что это Эльминстер Обреченный. Или безумные сембийские лорды на своем смертном ложе. Ну, знаете... кто-то.

Делнор махнул рукой и впервые осмелился посмотреть в глаза своему спутнику.

— Просто разговоры. Вам же... нет до этого дела.

— Я знаю, какого все мнения о благородных, друг Делнор, — ответил Арклет Делькасл, — но уверяю тебя, мне есть дело до того, кто убил моих друзей.

Его ладонь легла на рукоять меча на поясе.

— *Есть* дело.

Глава 16

Небольшая суматоха

Бульон был хорош. И достаточно горяч, чтобы обжигать языки.

Двое мужчин осторожно отхлебнули из своих кружек. Девушки из прислуги неохотно выполнили требование Арклета: подняли хозяйку клуба с кровати где-то в запутанном лабиринте комнат наверху.

Еще не до конца проснувшаяся, с полуприкрытыми из-за этого глазами, босоногая, закутавшаяся в старую и изношенную робу, выглядевшую так, будто была когда-то роскошным ковром, Тресс совсем не походила на ту даму в темной облегающей коже, к которой привык Арклет.

Она наградила его весьма недружелюбным взглядом, зевнула и ядовито спросила:

— Вы требовали моего покорного присутствия, милорд?

Делнор спрятал лицо в кружке, пытаясь притвориться, что его здесь нет. Арклет мрачно предложил свои извинения за то, что поднял Тресс в такой ранний час, спросил у нее имя танцовщицы, что выступала перед ним прошлым вечером, и попросил, если возможно, переговорить с ней. Немедленно.

— Нет, — просто ответила Тресс. — Ее здесь нет.

— А зовут ее?..

— Загадочная Танцовщица, Которую Вы Ищете, — сухо ответила Тресс. — Она будет выступать на сцене с сегодняшнего заката и почти до самого рассвета, если посетителей будет достаточно, чтобы ее выступление окупилось.

И снова зевнула.

Арклет залез в другой кошелек — Делнор моргнул; да сколько их вообще у этого человека? — достал пригоршню золотых монет и взвесил ее на ладони.

— Ее настоящее имя? — негромко спросил он.

Тресс нахмурилась и покачала головой.

— Я не скажу, лорд Делькасл. Извините, но если у вас нет приказа Короны или вместе с вами об этом не спросит старший боевой маг, от меня вы этого не узнаете. Я должна защищать девочек.

— Как и мы, — ответил Арклет, взмахнув рукой в сторону Делнора, чтобы обозначить, что они представляют одну команду.

Тресс фыркнула.

— А вы, должно быть, защищаете их от того, чтоб не замерзли голыми в своих постелях?

Она отвернулась, бросив напоследок через плечо:

— Возвращайтесь на закате и спросите у девушки сами. Насколько я ее знаю, вам потребуются все эти монеты и еще больше. Ее общество, может, и можно купить по сходной цене, но имя свое она охраняет.

Арклет и Делнор обменялись взглядами, рассудительно покачали головами, взглянули на Тресс и пробормотали свои благодарности.

Та просто кивнула с таким видом, будто в любой миг готова была снова соскользнуть в сон, прямо на ногах. Они встали, поклонились хозяйке, сделали по последнему глотку бульона и направились к дверям.

Тресс встрепелась.

— Ваши монеты, милорд! — резко окликнула она, указывая на груды на столе.

Улыбнувшись, Арклет махнул рукой.

— Считайте это взносом за ваше гостеприимство и неловкой компенсацией за попытку так неуклюже вас подкупить, — легко сказал он и вышел из клуба, а следом за ним — и виновато улыбавшийся Делнор.

Тресс, качая головой, глядела, как закрываются за ними двери.

— И к чему все это сейчас было? — тихо спросила она. — Проклятье.

— Все лорды сумасшедшие, — услужливо подсказала разбудившая ее девушка.

Тресс вздохнула.

— Так и есть, Лиси. Так и есть.

Она направилась обратно к лестнице наверх.

— Но они всегда были такими и все же не являлись ко мне каждое утро в обществе неискушенных дворцовых посланников, разыскивая мою лучшую танцовщицу.

Она снова вздохнула.

— У меня плохое предчувствие.

Магия наконец угасла, позволив длиннородому волшебнику и среброволосой женщине от всего сердца выругаться.

И они с энтузиазмом этим занялись, хотя Эльминстер выпалил все свои проклятия одной быстрой скороговоркой.

— Мы потеряли всю ночь и часть утра, — заметила Шторм, ускоряя шаг, чтобы не отстать от него.

— Я знаю, грозовая, — прорычал Эльминстер. — И знаю, насколько был неосмотрителен, чтобы попасться в ловушку для тупиц, так что можешь и это прокомментировать!

— Хмм, кто-то очень раздражителен этим утром, — обратилась к потолку Шторм.

Эльминстер издал неприличный звук, популярный у мальчишек, свернул за угол и зашагал еще быстрее.

— А что, если она окажется своенравной и нетерпеливой? — неожиданно спросил он, пока они оба пересекали сырой и темный проход. Затем покачал головой:

— Может натворить дел...

Шторм фыркнула.

— А мы за все эти годы разве не натворили?

— Ты знаешь, о чем я, подруга. Пойдет вразнос, как Саммастер или как многие другие... Королевства *и правда* могут быть в опасности.

Шторм положила руку ему на плечо. Мускулы волшебника были напряжены, как натянутая тетива.

— Тогда нам придется уничтожить ее, — мягко сказала Шторм. — Нам и раньше приходилось уничтожать орудия, выкованные собственными руками. Мы должны делать то, чего требуют нужды Королевств.

— И что потом? Как мы найдем наследника, если ее не станет?

Шторм улыбнулась.

— И снова — то, чего требуют нужды Королевств. Ты просто в очередной станешь отцом, правда ведь?

— Спасибо, что угостили бульоном, — нерешительно произнес Делнор, когда они покинули клуб и оказались на улице, которая понемногу становилась слишком уж шумной. — Он был очень вкусным.

Арклет пожал плечами.

— Стол — он как постель: гораздо лучше с кем-то их делить.

В молчаливом согласии они вместе направились по променаду неспешным шагом, и он добавил:

— Расскажи мне про эту суматоху во дворце. Король обеспокоен? А Ганрахаст? Или это в основном придворные слуги волнуются и заламывают руки, перечисляя излюбленные виды возможных бедствий?

Делнор моргнул и покраснел.

— Вы хорошо знаете дворец.

— Достаточно хорошо, чтобы заметить, как дворцовый гонец пытается найти способ не отвечать мне прямо, да, — усмехнулся Арклет. — Не волнуйся, друг Делнор, я не стану спрашивать про то, как расставлены посты стражи или за кем наши боевые маги намерены следить особенно пристально. Просто общее настроение, и кто его задает... или пытается.

Они без особой спешки прогуливались по великой арке променада, но в поле зрения уже показалась кладка одних из городских врат Сюзейла. Арклет свернул на ближайшую боковую улицу, ведущую приблизительно в сторону гавани, когда у восточных врат прозвучал зов рога.

Они остановились посмотреть, как и призывал сигнал. В город въезжал большой отряд вооруженных всадников, цокот множества копыт эхом отражался от арки ворот. Всадники окружали череду дорогих с виду карет.

— Прибывший на совет знатный лорд, — неуверенно сказал Делнор, глядя на свисающие с копий флажки.

Один взгляд на эти флажки раскрыл Арклету личность новоприбывшего.

— Лорд Декландер Илланс, — поделился он. — Прибыл заранее — как всегда поступает с теми событиями при дворе, которые считает слишком важными, чтобы проигнорировать — чтобы хватило времени, хм, насладиться удовольствиями Сюзейла и проверить столько сомнительных делишек, сколько, по его мнению, получится, прежде чем боевые маги и старшие рыцари сядут ему практически на колени, чтобы подслушивать.

Он ухмыльнулся.

— Думаю, Ротгар будет изрядно раздражен. Ему приходится сдерживаться и вести себя примерно, пока отец в городе. Выходки старшего сына заставили Декландера потерять терпение, и с него станет отказаться от Ротгара. В конце концов, Велиандра родила ему немало детей: в последний раз, когда я проверял, у Ротгара было восемь братьев.

Всадники стали разъезжаться в стороны, образуя широкий фронт, чтобы создать как можно больше неудобства и привлечь как можно больше внимания; Арклет с

отвращением вздохнул и потащил Делнора на другую улицу.

— Повернем на юг на следующем перекрестке, — пробормотал он. Они так и поступили, но потом вынуждены были снова свернуть на запад, когда мимо промчался фургон золотаря, распространяя вокруг себя зловоние.

— Так и знал, что есть причина, по которой я задерживаюсь в Угре до тех пор, пока его не заполняют полуденные посетители, — провозгласил Арклет, и тут же выругался, когда рядом проехал второй фургон с нечистотами, вынудив их свернуть в ближайший переулок.

Переулок был широким, относительно чистым и обладал более-менее нормальным запахом по сравнению с другими сюзейскими переулками — они были неподалеку от дворца и далеко от трущоб западной стены — но посыльный и лорд замерли как вкопанные, когда *третий* фургон с нечистотами, грохоча, вкатился во двор городского квартала, в котором они оказались, а затем со скрипом остановился, преградив им путь.

Возничий вытащил из-за голенища сапога нож, рукояткой отстучал мелодию о стенку фургона рядом со своей головой — и Арклет с Делнором увидели, как этот сигнал немедленно принес свои плоды. На высоких балкончиках, из задних дверей теснившихся вокруг них каменных домов стал появляться сонный народ, спускаясь по скрипучим лестницам, отпирая двери у основания этих лестниц и наконец, бросая возничему по монетке — кусочку медяка — чтобы опустошить свои ночные горшки.

Делнор поморщился.

— Пойдем другой дорогой. Это может занять целую *вечность*.

Арклет собирался кивнуть — и замер, с силой дернув дворцового посланника за руку и куда-то указывая.

Одна из сонных фигур, только что опустившая свое ведро, была той самой танцовщицей, которую они искали. Арклет шепотом сказал об этом Делнору.

— Вы уверены? — возбужденно переспросил Делнор.

— Я уже видел ее без маски, и не раз, — кивнул Арклет. — Я уверен.

Не зная о том, что за ней наблюдают, танцовщица развернулась и сонно побрела прочь, скрывшись за фургоном золотаря из их поля зрения. Они поспешили следом, но когда обогнули зловонный фургон, ее уже не было видно среди сонных соседей.

— Она должна жить поблизости, в одном из этих зданий, — сказал Арклет, оглядываясь по сторонам. Затем он целеустремленно зашагал к ближайшей двери.

Делнор сделал два быстрых шага, помешкал, но все же осмелился коснуться благородного лорда, придержав его за рукав.

— Мы не можем обыскивать дюжину этих домов, — запротестовал он. — Большинство жителей даже не ответят на стук в дверь; не станем же мы вламываться к ним силой? И что вы скажете страже? Я лорд Арклет Делькасл, и я ищу танцовщицу, потому что... потому...

Арклет кивнул.

— Согласен.

Он еще раз обвел взглядом балконы окружающих зданий, вздохнул и коротко спросил:

— Значит, снова в клуб? Сегодня вечером? Перед закатом?

Делнор согласился и подавил собственный зевок. Когда фургон снова прогрохотал по мостовой, он махнул рукой, прощаясь с лордом, развернулся и зашагал в сторону королевского двора.

Арклет проследил за ним, а затем увидел юного парнишку, проходившего мимо с пустым ведром в руках.

— Парень! — позвал он, показывая медную монету.

Мальчишка остановился, и Арклет бросил монету ему. Проследив, как тот ловко поймал ее на лету, он сказал:

— Серебряный сокол вдобавок к этому, если ты быстро найдешь мне извозчика.

Мальчишка рассматривал его какое-то мгновение, достаточное, чтобы заметить дорогую одежду и меч, затем ухмыльнулся и побежал куда-то, по пути перебросив ведро через калитку.

Он вернулся прежде, чем Арклет дошел до начала переуллка, а за ним на камнях тряслась небольшая повозка.

Деньги, печально подумал Арклет, наверное, в тысячный раз за этот месяц, способны творить чудеса.

Повозка оказалась быстрой: вскоре они обогнали Делнора, и Арклет приказал кучеру остановиться.

— Разве у тебя мало заданий и разнообразных проверок, которыми предстоит заняться? — ухмыльнулся он.

Вычурным жестом он пригласил Делнора сесть рядом. Тот открыл рот и отступил на шаг.

— Да, но не в карете! Я не могу вот так разбрасываться деньгами Короны!

— Не Короны. Моими.

Делнор вздохнул.

— Ну... да, но... все подумает, что вы меня подкупили!

— Уже думают. Ты же придворный слуга, помнишь?

Делнор вздохнул, пожал плечами и забрался в повозку.

— Это... слишком цинично, — пробормотал он.

— Это по-кормирски, — весело поправил его Арклет, — боги свидетели, мы же граничим с Сембией! Мы должны полностью сойти с ума, чтобы не быть циничными!

Делнор, чтобы ответить на шутку, попытался издать гавкающий звук, но быстро затих, когда поймал на себе любопытный взгляд лоточника.

Боги свидетели, воистину.

Шторм снова выглянула из тайного хода, затем торопливо убрала голову и задвинула панель на место.

— Двор и дворец определенно взбудоражены, — заметила она.

Эльминстер, уставший и не слишком радостный, молча кивнул в ответ.

Пока они пробирались по погребам, направляясь из дворца в сторону придворных зданий в поисках способа незаметно выскользнуть в город, чтобы заняться поисками Амарун, оба заметили увеличившуюся численность и частоту патрулей пурпурных драконов, вышагивающих по залам обоих зданий — или охранявших входы в особенно важные коридоры.

Уже не говоря о многочисленных квартетах и трио боевых магов, обыскивающих то или иное помещение.

— Они нашли тела, — проворчал Эльминстер. — Плюс неизбежные слухи об убийцах и

напасть похуже в преддверии Совета. Это, а также дворяне, собирающиеся в городе перед небольшим междусобойчиком Форила — вот и причины для неожиданной вспышки бдительности.

— Что ж, — отозвалась Шторм. — Наши старые дворцовые личины стали бесполезны. Теперь они знают, что Ролиганы — это Эльминстер магаубийца и сопровождающая его печально известная арфистка. Может быть, сожжем одну из безделушек, которые ты взял у тех троих магов, сыгравших дурную шутку с магическими печатями, и примем облик слуг или горничных? Они вряд ли станут подозревать двух чумазых, уставших от работы девушек!

— Напуганные и подозрительные маги обычно подозревают всех и вся, — мрачно напомнил ей Эльминстер, — и думают, что каждый встречный — не тот, кем кажется. Они используют магию для маскировки, и, конечно, считают, что так поступают все остальные.

— Ох, ты такой оптимистичный, — спокойно сказала Шторм. — Если они набросятся на нас — значит, набросятся. Будто бы мы не провели годы, притворяясь Элгорном и Сторнарой Ролиган, починяя вечно крошащийся камень, сыплющуюся кладку, гобелены и дерево в этих огромных зданиях.

— Более того, потомками, — почти нараспев продолжил Эльминстер, — знаменитого героя, старшего рыцаря Гластира Ролигана.

Они одновременно хмыкнули — и мудрец Долины Теней с улыбкой поднял вверх руку, достал из кошелька на поясе кольцо и сказал:

— Я чувствую несколько человеческих разумов, которые быстро к нам приближаются. Так что сожжем эту безделушку, как ты предлагаешь. Обычный боевой маг может быть весьма подозрительным, если увидит королевского волшебника Ганрахаста и его доверенного заместителя Вэйренса шагающими по коридору — но держу пари, не станет немедленно их взрывать.

Он нахмурился, в его кулаке полыхнула вспышка, когда кольцо растаяло, и оба почувствовали, как по коже побежали мурашки.

Шторм подняла руку к глазам. Рука оказалась волосатой.

— Хмм. Должна сказать, лучше не стало, — прокомментировала она. — Мне, разумеется, досталась роль Вэйренса.

— Конечно. Я извинюсь перед тобой позднее, — ответил Эл, отворачиваясь от двери, которая вела в шумный многолюдный зал и, пытаясь найти проход, который, как он знал, был старее, там было больше плесени и, как правило, значительно тише.

Ничто из этого не изменилось. Проход привел их в темную безлюдную комнату, где грудami валялись предметы обихода.

— Старая скатерть Ригаэрда, если не ошибаюсь, — пробормотал Эльминстер. — Ну да, здесь пятно от...

— Ни с места, нарушители! Руки так, чтоб я их видел!

Раздавшийся позади них окрик был громким и властным.

— Вот так? — спросила Шторм, протягивая две довольно-таки нетерпеливых руки — лишь затем, чтоб обнаружить, что может обнять ими несколько копеечных наконечников.

— Мне показалось, я слышал голоса! — взволнованно заметил пурпурный дракон, сжимавший одно из них.

Целый патруль драконов подался вперед, лязгая металлом, пока они доставали кинжалы или мечи и торопливо наставляли их на свежесобранную угрозу Короне.

Королевский маг и его заместитель спокойно ждали, пока вокруг них не образовалось

кольцо сверкающих копий.

— Стоять! — гавкнул на них растерянный командир патруля.

Двое неподвижных мужчин обменялись взглядом, а затем повернулись к нему, чтобы в унисон ответить:

— Стоим.

— Кто... ох, во имя дракона! — капитан узнал их лица и резко побледнел. — М-мои извинения, милорды!

— Принимаются, — с достоинством ответил Эльминстер. — Продолжайте патруль, капитан. Боюсь, что враги Кормира повсюду.

— Ближе, чем вы думаете, — раздался новый голос. — Арестовать их!

Его обладатель вошел в комнату.

— Я боевой маг Рорскрин Мрелдрейк! — заявил он. — А эти двое — самозванцы, использующие магию, чтобы выдать себя за лордов Ганрахаста и Вэйнренса!

Пурпурные драконы посмотрели на него и быстро перевели хмурые взгляды на двух человек, стоявших в кольце из копий.

— Я только что разговаривал с этими двумя господами — с настоящими, — добавил Мрелдрейк, — и, как вы видите, эти двое одеты во вчерашнюю одежду Ганрахаста с Вэйнренсом, а не в сегодняшнюю!

Драконы напряглись, трое из них — наверное, видевшие сегодня Ганрахаста и его помощника — нахмурились и закивали.

Вероятно фальшивый Вэйнренс бросил спокойный взгляд на своего спутника, который едва заметно покачал головой, вздохнул и сказал:

— Этот маг ошибается, но мы не будем сопротивляться, пощадив жизни преданных пурпурных драконов. Выполняйте приказ, капитан.

— Я... хорошо, — мрачно согласился офицер. — Не пытайтесь творить заклинания, пока мы эскортируем вас к боевым магам для допроса. «Приводите всех подозрительных», мне сказали, а вы определенно подозрительны.

— Несомненно. Я также не сомневаюсь, что король, когда услышит об этом, будет недоволен, — вероятно фальшивый Ганрахаст мрачно проинформировал капитана.

— Скажете это магам, — спокойно ответил капитан. — Может быть, они вам даже поверят.

Глава 17

Маги идут на войну

Мреддрейк кивком попрощался с пурпурными драконами, довольно неприятно улыбнулся и торопливо вышел в ту же дверь, через которую и вошел.

Командир патруля посмотрел на двух лордов, которые могли не быть лордами, и властно указал на другую дверь, стоявшую открытой.

— Вперед, сэры. Мы будем сопровождать вас — и без промедления наделаем в вас дырок своими копьями, так что не делайте глупостей.

— Я редко их делаю, — с достоинством отозвался вероятный самозванец-Ганрахаст. Они отправились в указанном направлении, драконы перестроились, чтобы пленников окружали копья спереди и сзади.

Через несколько шагов он добавил.

— Мне нужно ваше имя, капитан.

— Но получите вы только мое молчание, — ответил тот. — Я не выполняю приказы пленных.

Вероятно ложный королевский маг остановился и крутанулся на каблуках, чтобы встретить капитана лицом к лицу, проигнорировав предупреждающе уколотившие его копья.

— Во имя короля! — прорычал он. — Скажи мне свое имя!

Офицер замешкался.

— Раз уж ты привык придерживаться приказов, — мягко добавил Вэйнренс, — то придерживайся и этого.

— Мы должны называть имена только старшим по званию драконам, некоторым придворным, и... ух... — ответил капитан, моргнув, — лорд Ганрахаст, я капитан Перес Вандурн.

К нему вернулась былая мрачная уверенность, и капитан выпятил подборок.

— Так кто вы такие — на самом деле?

Пленник, который мог быть, а мог и не быть лордом Вэйнренсом, одной рукой отодвинул от себя копье, чтобы пальцем второй негодуя указать на капитана.

— Ты ведешь себя совсем не вежливо, Сламбурн, и я так и скажу боевым магам. Веди нас к ним!

— Я *не*... — яростно начал командир патруля, но прервался на полуслове, когда увидел, как на лицах его солдат появляются и так же быстро исчезают ухмылки.

Сделав глубокий вздох, он выдавил из себя улыбку и сказал:

— Само собой, милорд. Будьте так любезны проследовать через вон ту дверь, следуя указаниям этих милых людей в форме, которые сжимают направленные на вас копья, и вы вскоре сможете поговорить с боевыми магами. К вящей славе Кормира, разумеется.

— Многие годы, — высокомерно проинформировал Вандурна Эльминстер, — эта фраза была моей: к вящей славе Кормира...

— Ахх, хорошо, — ответил офицер, его улыбка приобретала оттенок отчаяния. — Очень хорошо. А дверь, что дверь, дверь вон там...

В дальнем от капитана конце круга из копий кто-то среди каменоликих драконов хихикнул.

— Кто это был? — взорвался Вандурн. — Кто? Мне нужно *им*...

Он замолчал, опоздав всего на мгновение.

Смеяться начал королевский маг, к нему присоединился Вэйренс своим раскатистым хохотом, потом по меньшей мере еще два дракона — а потом все остальные, и в помещении зазвучало всеобщее веселье.

С одним исключением. В середине всего этого хохота стоял побагровевший до ушей капитан, сжав зубы, и молча исходил злостью.

Талан. Это имя проклятием звучало в ее сознании, беспрестанно повторяясь, будто напев какого-то темного провидца, желающего ей зла... *Талан.*

Всего одна ночь, и с ней было покончено. Одна ночь — нет, даже меньше получаса — и жизнь разбилась на осколки, а свобода исчезла.

Ее поймали безжалостные когти той, кого она даже не знала.

Амарун чувствовала себя истощенной. Смертельно уставшей.

Воля была сломлена, как назвали бы это барды. В песнях о ком-нибудь другом. Она хотела, чтобы вместо нее это испытывал кто-то другой.

Амарун приоткрыла боковую дверь клуба и скользнула внутрь. Оставалось еще несколько часов до того, как она должна была выйти на сцену, но таков был обычный порядок, как и у большинства других танцовщиц: приходить рано, принимать долгую ванну, не спеша обсыхать в теплой комнате, затем погружаться в приятную долгую дремоту. И все это — за закрытыми дверями клуба, где Амарун будет в безопасности, и ей не придется пробиваться через толпу ухмыляющихся поклонников, как случилось бы, приди она позже.

В раздевалке было безлюдно и тихо. Амарун нахмурилась. Обычно здесь присутствовали три или четыре ее коллеги-танцовщицы, следовавшие тому же порядку, заведенному здесь задолго до нее...

Что-то лежало в ее любимом кресле. С виду — большой мешок. Белье, которое положила сюда одна из служанок, когда ту отвлекли?

Позади Амарун с обычным тихим скрипом закрылась дверь — а затем кресло само по себе развернулось к ней.

Точнее, сидевший в нем человек толчком ноги развернул его, чтобы поприветствовать девушку теплой улыбкой.

Все-таки не мешок. В ее кресле разлегся лорд Арклет Делькасл.

— Добрый день, — весело сказал он, и его улыбка стала еще шире.

Амарун оказалась захвачена врасплох и не смогла быть вежливой.

— Что ты здесь делаешь? — выпалила она.

— Это же очевидно: жду тебя. Я заплатил твоим подругам весьма существенные суммы, чтобы они покрутились сегодня в Позолоченном Пере и оставили комнату свободной для меня. Для нас.

Позолоченное Перо было самым дорогим клубом во всем Сюзейле. Хотя он находился на соседней улице, Амарун там никогда не была. Его благородные посетители имели привычку насмехаться над танцовщицами, а работники клуба заходили еще дальше.

— *Нас?*

Боги, нет. Сначала поймана в ловушку таинственной Талан, теперь это.

Ох, Арклет конечно был достаточно милым с ней, а все знатные лорды — сумасшедшие, но... проклятье, половина Сюзейла и она сама считали, что лорд Делькасл предпочитает в постели мужчин, а женщин признает только ради разнообразия.

Но все выглядело так, как будто он собирался стать еще одним кошмаром Амарун. Одним из тех «одержимых», которые преследовали танцовщиц и становились все опаснее и назойливее, пока от них не приходилось избавляться. Не то, чтобы избавиться от наследника благородного дома было простым делом.

Ну, она собиралась расправиться с Арклетом прямо сейчас, и будь прокляты все пурпурные драконы! Конечно, это будет стоить ей множества монет в последующие годы...

Переубедит это Арклета или нет, но она собиралась выбить из него кишки! И если он пойдет жаловаться на нее Мантиям, то станет всеобщим посмешищем, так что худшее, что может случиться — это ее арест, что, по крайней мере, избавит Амарун от необходимости шпионить для Талан, уберет ее из досягаемости этой суки, и, возможно, поможет выиграть время, чтобы обдумать способ спастись из этой западни.

Без единого слова Амарун оскалила зубы и двинулась на Арклета, пальцы скрючены, будто когти, колени готовы к удару, чтобы проверить, сумеет ли она смять этот *смехотворный* гульфик, который он надел.

— Леди! — с укором произнес он, уклоняясь с удивительной скоростью — и выбрасывая вперед руку, чтобы схватить ее за запястье.

И Арклету это удалось. Боги, каким он оказался сильным!

Она вцепилась в него свободной рукой, терзая ногтями подвернувшуюся плоть.

— Леди, — задохнулся лордишка, угрем извиваясь под ней, его вторая рука схватила Амарун. — Вы, кажется, ошиблись в моих — уух... — мотивах, я здесь не за тем... ааа!.. чтоб покушаться на ваши прелести...

Арклет схватил Амарун за другое запястье. Девушка с яростным визгом обрушилась на него всем весом своего тела, плотно обхватив ногами талию, чтобы оказаться достаточно близко и укусить. И укусила. Сильно.

От боли он прорычал нескладное ругательство, и ударил Амарун сбоку по голове с достаточной силой, чтобы наполовину оторвать ее от себя и отбросить в темноту.

— Некоторые из этих частей тела мне еще понадобятся, знаешь ли!

— Следовало подумать об этом... — огрызнулась Амарун, пока к ней в торопливой спешке, от которой звенела голова, возвращались свет и звук, а она тем временем снова вцепилась в него ногтями, — прежде чем...

— Прежде чем сесть в кресло в пустой комнате, после того, как я за это заплатил? — фыркнул он. — Прекрати! Во имя Темпуса, подруга, отпусти меня! Я просто... уфф!.. хотел задать тебе несколько вопросов!

— Да? Например скольких твоих друзей за раз я смогу обслужить по льготной цене? Или позволю ли я ручному волшебнику лорда Делькасла наколдовать мне перья и хвост на ночь, чтобы ты наконец мог оседлать павлина? Павлин на павлине? А?

Истратив дыхание на эту отповедь, Амарун пришлось пригнуть голову, чтобы втянуть воздух, пока они боролись. Лорду под ней удалось распрямить руку и оттолкнуть девушку от себя.

Боги, он слишком сильный. Если он действительно выйдет из себя...

Амарун извернулась, упала на него, и резким рывком попыталась вырваться — и ладонь Делькасла, крепко держащая ее за плечо, соскользнула и вместо этого крепко обхватила

левую грудь.

Бездна! Это было больно!

— Извини! — торопливо выпалил Арклет, разжимая руку. Амарун хлестнула его тыльной стороной ладони по лицу так сильно, как только смогла, затем сделала то же самое второй рукой.

— Нет, — простонал он, когда девушка вонзила колено ему под ребра. — Не такие вопросы! Да послушай же меня! Ты... уух... слушала все, о чем мы говорили с друзьями, когда танцевала для нас... Кому ты об этом рассказала?

— Рассказала *что*? — рыкнула Амарун ему в лицо. — Ты что, думаешь, я шпионка?

— Да, и я должен знать, ч... охх... чья! Тех дворян, что стоят за убийствами во дворце?

— *Что*? — Амарун полностью потеряла самообладание, чуть не задохнувшись от злости. — Ты думаешь, я...

У нее не осталось слов. Зашипев, девушка выхватила кинжал Арклета из ножен на его поясе и обрушила лезвие на него. Лорд закрылся руками в отчаянной попытке защититься, и их запястья столкнулись. Прежде чем она смогла попытаться снова, Арклет вцепился в ее руку с зажатым кинжалом, в этот раз с силой сжав пальцы.

Всхлипывая от боли — он раздавит ее запястье, он раздавит его! — девушка всем своим дрожащим телом налегла на кинжал, вложила в него все силы, только чтобы вонзить лезвие ему в горло, прежде чем...

Делькасл точно так же отчаянно пинался, пытаясь отвести кончик кинжала от своей открытой шеи, когда дверь вдруг открылась.

Лезвие кинжала промахнулось мимо цели, когда кресло накренилось в сторону, позволив Амарун краем глаза заметить Тресс с выражением ужаса на лице и нескольких вышибал позади нее. А потом все они бросились вперед.

Мгновение спустя голова Амарун зазвенела от яростной пощечины. В тот же миг Тресс вырвала у нее кинжал.

— Ты *с ума сошла*? — завопила владельца Драконьих Всадников прямо на ухо девушке. — Да ты представляешь, что случится с нами — с клубом — если ты убьешь здесь лорда? Ты уволена, девка — уволена! Убирайся отсюда, или я позову стражу и позволю этому господину натравить на тебя Черных Мантий!

— Мииинутку, — простонал избитый Арклет из-под Амарун. — Госпожа Тресс, боюсь, вы все не так поняли. Я заплатил этой, хм, *высокопрофессиональной* танцовщице за происходящее.

Внезапно воцарилась тишина. Вышибалы прекратили свои попытки стащить Амарун с лежащего под ней мужчины и швырнуть ее прямо в потолок.

Тресс посмотрела на ту часть Арклета, которая была видна из-за девушки, потом на оседлавшую его задыхающуюся, явно разгневанную Амарун.

— Она прекрасная актриса, не правда ли? — смог прокаркать Арклет, показывая свободной — и кровоточащей — рукой на ошеломленную, готовую сорваться на слезы Амарун. — Великолепная, да?

Тресс снова перевела взгляд на него, на ее лице недоверие боролось с отвращением. Чтобы скрыть похожее выражение, Амарун опустила голову и уставилась в пол, растрепанные черные локоны закрыли ее лицо.

— Вам... вам *нравится* быть избитым и униженным, милорд?

— В руках девушки с соответствующим сильным характером — да, — почти радостно

уверил Арклет хозяйку клуба. На его лицо вернулась улыбка. — Прощлым вечером мои друзья и я увидели эту танцовщицу, и я сразу понял, что она — одна из нас. Если помните, я спрашивал про нее утром. Так что, пожалуйста поверьте, я не хотел ставить под угрозу ее положение здесь, а она не собиралась препятствовать обычному распорядку клуба этим вечером... почему мы и решили позаботиться о моих нуждах здесь и сейчас. Пожалуйста, примите мои извинения за это недоразумение и всю суматоху, причиной которой оно стало. Я с радостью возмещу любой ущерб; ваша танцовщица была *великолепна*, и значительно превзошла мои не самые низкие ожидания!

— Это... это правда, Рун? — спросила хозяйка с очевидным недоверием, но все же увидев в предложенной лжи устраивающий всех выход.

Борясь со слезами, сбита с толку Амарун, которой на всех дорогах, что лежали перед ней, чудились зияющие ловчие ямы, смогла поднять подбородок и выдавить из себя:

— Д-да.

Тресс сделала глубокий вдох, прикрыла глаза, затем вежливо кивнула раненному и истекающему кровью лорду в кресле.

— Это вы примите *мои* извинения, что помешала, лорд Делькасл. Пожалуйста, продолжайте.

Не сказав больше ни единого слова, она вытолкала скрывающих ухмылки вышибал прочь, не заметив, как Амарун протестующе подняла руку и уже открыла рот, чтобы возразить — но в итоге замерла и не сказала ни слова.

Когда дверь снова закрылась, Амарун испепелила взглядом по-прежнему лежавшего под ней мужчину, горько прошипев:

— И теперь я в твоей власти, как ты и рассчитывал! Для чего все это? В какую глупую игру ты играешь?

— Никаких игр, — пробормотал Арклет, поднимаясь из кресла и любезно предлагая ей руку, чтобы помочь встать на ноги, вместо того, чтобы сбросить девушку на пол — так, будто они были равными.

Однако как только Арклет оказался к ней лицом к лицу, так близко, что их носы почти соприкасались, улыбка исчезла с его лица.

— Ты слушала нас, пока мы разговаривали, мои друзья и я, — прошептал он, сверля девушку взглядом. — Почему? Кому ты пересказала то, что мы говорили о Совете — или кому собираешься пересказать?

— Никому, — презрительно зашипела Амарун. — Кому какое дело?

Арклет задумчиво изучал ее.

— Я могу назвать дюжину лордов, которых заинтересуют даже самые незначительные подробности, — медленно сказал он. — Сколько будет стоить твое молчание?

— Почему ты спрашиваешь? — горько прошептала она. — Что бы я ни ответила, дешевле будет меня убить, не так ли? Только это может гарантировать молчание.

Арклет с ничего не выражающим лицом смотрел на нее. Потом нагнулся, поднял нож с пола и протянул его Амарун рукоятью вперед.

— Я доверяюсь тебе прямо сейчас, — сказал он тихо, указав сначала на кинжал, потом — на свое горло. — Полностью.

Они смотрели друг на друга. Амарун дрожала. Затем она всунула кинжал обратно в его руку и прорычала:

— Мне нужно выпить.

Дверь позади них сразу же распахнулась, и вошла Тресс с подносом, на котором стоял графин и три металлических кубка.

— Не сомневалась, что ты это скажешь, — сказала им хозяйка клуба с непринужденной улыбкой, очевидно, не беспокоясь, что они поймут, что она подслушивала за дверью. — За счет заведения.

Арклет и Амарун обменялись взглядами. Затем оба начали хихикать.

Коридор был длинным, и когда смех наконец утих, командир патруля торопливо зашагал вперед, вынудив своих пленников чуть ли не бежать следом. Капитан еще сильнее заторопился, когда они достигли неосвещенного участка, где по недосмотру слуг не горели лампы, висающие на стенах там, где в минувшую эпоху располагались факелы.

Они нырнули во мрак. Вандурн отдал приказ, и его люди запыхтели, а пленники стали спотыкаться, когда их начали подгонять.

— Не останавливайтесь! — рявкнул капитан. — Я почти готов...

— Почти не считается, — громко прокомментировал Вэйнренс, вызвав смешки у ближайших к нему драконов.

Затем случилось это.

Яркая вспышка света охватила голову королевского мага, а на лбу лорда Вэйнренса вспыхнула другая, поменьше, бешено крутясь и разбрасывая лучики света, метавшиеся от одного человека к другому, постепенно образуя один общий нимб.

— Отставить! — закричал капитан. — Отставить немедленно!

Затем он увидел, как пленники спотыкаются и хватаются за головы, оседая на пол, явно захваченные врасплох этой странной магией точно так же, как и его люди.

Зловещий свет зарычал громче, чем мог бы Вандурн, и приказы капитана утонули в этом громком голосе, задыхающемся голосе безумной женщины, который вздымался и падал в потерянной, горестной боли, грохоча по коридору:

— Эл! О, мой Эльминстер! Где ты? Ты нужен мне... я умираю... Умираю! Эльминстерrrrrrrrr!

Последнее слово превратилось в вопль, дикий животный вопль агонии и голода, от которого солдаты попадали на колени, закрывая уши, пока крик проникал в их черепа и описывал круг за кругом в мозгах, завывая отчаянно и горестно причитая... причитая...

Когда наконец он затих, капитан Вандурн лежал без сознания на полу, глаза на его мокром от пота лице смотрели в никуда. Вокруг в таком же состоянии валялись почти все его подчиненные: остальные свернулись комочком, обхватив руками колени, и стонали или всхлипывали, побросав свои копыя.

Эльминстер и Шторм смотрели друг на друга — их собственные лица были мокрыми и безумными.

— Ну? — выдохнула Шторм, ее грудь тяжело вздымалась. С каждым вздохом обличье Вэйнренса на ней таяло и растворялось.

— Иди к ней, — выдавил Эльминстер, в лихорадочной спешке доставая из кошель и карманов магические безделушки. — Так быстро, как можешь, и скорми ей все, что придется! Потом возвращайся!

— Но, Эл...

— Иди! Со мной все будет хорошо! С ней *что-то* случилось, и мы должны узнать, что. Иди! Используй Шаг Долин. Время скрытности прошло.

— Его сторожат, — предупредила Шторм. Шагом Долин звался портал, связывающий комнату Бдительного Стража с некой поляной к западу от Мглистой Долины. Укрепленный Каледней, портал пережил Волшебную Чуму, и король Форил, его рыцари и боевые маги об этом знали; портал охранялся круглые сутки.

— Хорошо, — неожиданная ухмылка Эльминстера была жестокой, как у старого и голодного волка. — Я этому даже рад, — жадно добавил он. — Пойду с тобой, чтобы расчистить путь.

— Если они выйдут против нас — Алусейр и Форил, Ганрахаст и Вэйнренс...

— Мудрые останутся в стороне и выживут, — мрачно сказал Мудрец Долины Теней, схватив ее за руку и шагая по коридору обратно. — Дураки столкнутся с последствиями... и Кормир станет крепче.

Глава 18

Когти, павлины и кое-что похуже

Марлин Грозозмей любил «Выбор Старого Короля». Да, здесь было дорого, даже для богатого наследника, зато это было самое блистательное заведение на Променаде, место, куда приходили на других посмотреть и себя показать.

Более того, обедать в «Выборе» было крайне полезно. Высокопоставленные придворные были постоянными посетителями подобных харчевен — набивали брюхо из общественного кошелька, будь они прокляты — и, слушая взволнованные разговоры вокруг, притворяясь, что ничуть в них не заинтересован, Марлин мог узнать многое о текущих делах Короны. Без дорогостоящих взяток и еще более дорогостоящих шпионов.

Так что он сделал своей привычкой регулярно обедать в «Выборе», несмотря на дороговизну. «Выбор» был не таким престижным, как, скажем, «У Дарклеяра», который простолюдины прозвали «Домом Павлинов» из-за разодетой знати, посещающей это заведение, но сплетни придворных обычно оказывались более интересны, чем обычная пустая болтовня и хвастовство — или бесконечные причитания о новой моде и тех, кто ее устанавливает — лордов. Даже когда дом Грозозмеев не извлекал выгоду из того, что смог подслушать его наследник, Марлин узнавал множество интересного.

Прямо сейчас, например, по всему Сюзейлу, как пожар, расходились сплетни о некой загадочной армии вторжения, которая убивает людей во дворце. Части дворца — за столиком справа шептали об этом достаточно громко, чтобы можно было услышать в противоположном конце комнаты — в результате были закрыты для всех.

— Там лежат дюжины обезглавленных тел, — взволнованно шипел протокольный клерк.

— Пол по лодыжку покрыт густеющей кровью! — так же взволнованно отвечал господин старший привратник.

Не желая отставать, два келаря за столиком слева от Марлина старались, чтобы весь зал узнал, насколько сильно был раздражен Корлет Фентабль. Его запреты открывать эту дверь или ходить тем коридором вызывали у них — не говоря уж про верховного кастеляна и щитового клерка — яростное негодование.

— Если нам запретят посещать еще какие-нибудь части дворца, на Совете король не найдет в бокалах ничего, кроме колодезной воды — а на тарелках только вареный картофель с лошадиным кормом!

Пока оживленно обсуждались подробности того, какие именно участки дворца были закрыты, Марлину пришлось спрятать свою улыбку за кубком лучшего бердасского темного.

Придворных слуг держали подальше от дворцового входа в тайный тоннель, где он недавно побывал, и не пускали к палатам Драконьего Черепа и Взлетающих Вирмов.

А это означало, что непоколебимые боевые маги не знают, что делать. Они сверху донизу обыскали ту часть дворца, не нашли ничего полезного, и решили скрыть свое неведение за обычной завесой таинственности.

Так что море и небеса, как говорят моряки, были чисты; некий наследник дома Грозозмеев мог снова воспользоваться этим тоннелем, чтобы пробраться во дворец, принести два своих артефакта синего пламени в палату Драконьего Черепа и призвать призраков, чтобы посмотреть, станут ли они ему подчиняться.

Марлин избавился от улыбки, допил кубок, поставил его на стол и встал, оставив ровно столько монет, сколько было нужно. Настало время забрать меч и чашу и испытать их. А потом...

Потом придет пора переделать Кормир по собственному вкусу.

Мэншун прекратил налагать осторожные заклятья на существо с щупальцами и прошел через всю пещеру к одной из своих наколдованных сцен.

На протяжении последних нескольких месяцев Мэншун следил за происходящим в особняке Грозозмеев через различные разумы, в которые он мог проникнуть.

В Сюзейле были имения больше, величественнее и шумнее, где обитали самовлюбленные павлины, а идиотов знатного происхождения, желающих сбросить Обарскиров или осуществить измену помельче масштабом, хватало в избытке... но в Грозозмеях было что-то *интересное*. В частности, молодой и амбициозный Марлин Грозозмей.

Возможно, это было чувство, что вскоре с Кормиром случится нечто неподконтрольное и давно назревавшее. Марлин был наследником своего дома и наследником довольно типичным. Умилительно красив и довольно смекалист — но лишь в десятой степени столь блистателен, каким считает себя сам. Подобные люди были скорее грубы, чем мудры, и более амбициозны, чем компетентны... но это, среди прочего, и делало слежку за ними интересной.

Так что Мэншун прогрызал себе путь в разумах одного слуги в поместье за другим, пока не смог красться, подслушивать и подсматривать что хотел и когда хотел — оседлав ничего не подозревающего носителя по своему выбору. Еще одна черная тень в особняке, где стало слишком много сумрака, занавешенных окон и запустения. О, да — дом Грозозмеев превратился в бледную тень прежнего себя еще до того, как Мэншун им заинтересовался.

Отец Марлина давно умер, оставив всю настоящую власть в руках своей вдовы Нармитры. Та ненавидела весь высший свет Сюзейла и придворные интриги, и позволила мужу своей сестры, Медарлаку, играть роль патриарха, поскольку знала, что Марлин тоже все это ненавидит и предпочтет заниматься собственными делами, пока Медарлак строит из себя главу дома.

Ее весьма забавляло — как и Мэншуна, впрочем — как выводит из себя других представителей знати не слишком острый ум Медарлака и то, что по праву он не является ни наследником, ни главой дома. Грозозмеев не связывали никакие обязательства по заключенным Медарлаком договорам, и другие лорды не могли использовать его ни как надежный источник информации о происходящем в семье, ни как посредника для передачи предложений, соглашений и мнений любому другому члену семьи.

Сама леди Нармитра была весьма неглупа и хорошо соображала. Никакая не павлиниха.

Мэншуну сразу стало понятно, что Марлин, отдает он себе отчет или нет, боится матери.

Еще до того, как Мэншун проник в его разум, Марлина выдавало периодическое бормотание под нос. Юноша подозревал о том, что матери стало известно о содеянном с Рондрасом, но она молчит, потому что Марлин всегда нравился ей куда больше других.

братьев — и потому что она сама, в свою очередь, его побаивается.

И так они танцевали, мать и сын, в медленном бесконечном поединке из двусмысленных комментариев и скрытых аккордов.

Мэншун наблюдал за их маленькими уловками и разговорными гамбитами с нескрываемым удовольствием. Это было намного лучше любой пьесы.

Марлин, со своей стороны, обращался с матерью вежливо, но твердо, и достаточно быстро добился от нее обещания не посещать некоторые башни дома, которые должны были принадлежать только ему. Мэншун уважал терпение юного лорда. Долгое время спустя Марлин не делал вообще ничего такого, что мать могла бы счесть подозрительным — чтобы она могла (она, на самом деле, так и поступала) подглядывать и шпионить в «его» башнях лишь затем, чтобы раз за разом не находить ничего достойного внимания и в конце концов потерять интерес.

Наконец-то наступил долгожданный час триумфа Марлина Грозозмея. Он вернулся домой в спешке — юноша торопился забрать Парящий Клинок и Виверноязыкую Чашу.

Марлин снял свои обычные ножны и меч, заменил их на зачарованное оружие, затем надел камзол, который был ему немного велик, чтобы спрятать за пазухой Чашу и все собранные записи о том, как призвать и подчинить призраков синего пламени.

Затем он прошелся по особняку, разыскивая двух людей, которым доверял больше всего на свете. Наемных телохранителей, которым хорошо платил вот уже шесть или семь лет.

— Двух человек, — прошептал Мэншун, когда Марлин прошел по коридору мимо слуги, чей разум тот сейчас оседлал, не обратив на него никакого внимания, — которые *почти* настолько преданы тебе, как ты думаешь.

Он покачал головой. Марлину до сих пор везло с доверием, которым он наделял своих слуг. Везло куда больше, чем многим другим.

И сколько же это везение продлится, хмм?

Настойчивый перезвон заставил Мэншуна отвлечься от происходящего в поместье Грозозмеев и обратить внимание на другую мерцающую сцену. Он взглянул в нее на мгновение, сунув туда свой нос, как клюв жадного сокола, и медленно улыбнулся.

Ну что ж.

Мреддрейк оказался достаточно близко... и это было даже лучше, чем Мэншун мог рассчитывать.

Битва, которая позаботится еще об одной пригоршне этих раздражающих и назойливых боевых магов и старших рыцарей — а в итоге Среброрукая Шторм снова уйдет, и Мудрец Долины Теней останется в одиночестве.

Как и того и хотел Мэншун.

Да, это будет *великолепно*...

Его взгляд упал на изображение другой сцены, и в мгновение ока усмешку сменила задумчивость.

Затем Мэншун кивнул сам себе. Самое время убрать старших волшебников из дворца, прежде чем они смогут натворить что-нибудь опасное — например, наконец проснутся и займутся организацией и руководством своих подчиненных, как только узнают о битве с Эльминстером.

И чем же они занимались в этот самый момент? Одним из его носителей был Кордран, так что узнать будет достаточно просто.

Мэншун позволил своему сознанию погрузиться в бурлящий источник ужаса, каким

являлся в настоящий момент разум Кордрана. Здесь он окажется достаточно близко, чтобы скользнуть к Вэйнренсу, вероятно, незамеченным...

— Я... эээ... Лорды... Я...

Боевой маг Оманос Кордран был бел, как свежавыпавший зимний снег, и под струящейся маской из пота дрожал от ужаса. Его глаза были широко распахнуты.

Эти глаза резко закатились, и он скользнул на пол, будто пресловутый мешок картошки. Большой, бесчувственный мешок картошки.

Ганрахаст и Вэйнренс обменялись уставшими взглядами. Они оба разделяли невысокое мнение об этом молодом боевом маге, а его доклад был бессвязным и неинформативным. Более того, это был уже второй раз, когда он падал в обморок в ответ на их все более требовательные расспросы.

— Оставь его, — коротко сказал королевский маг.

Вэйнренс кивнул.

— Приказы?

Ганрахаст не задержался с ответом:

— Поставь стражу у дворцового конца этого тоннеля; Нелезмурра, Томарра, Берендрита и Хелхарбраса. Как только разойдутся вести о других моих приказах, туда наверняка попытаются пробраться любопытные придворные, чтобы посмотреть, что там такого ужасного.

Вэйнренс горько улыбнулся.

— И что это за приказы?

— Ни посетителей, ни придворных не допускать к палате Взлетающих Вирмов, пока король или я не дадут обратного распоряжения, — ответил Ганрахаст. — И любого неизвестного, замеченного неподалеку, следует оттуда удалить и доложить мне — даже если он назовется членом королевской семьи, доверенным лицом, призраком или старшим рыцарем.

Вэйнренс кивнул и направился к двери.

Ганрахаст следил, как Вэйнренс открывает дверь, выглядывает наружу и на его лице проступает полуулыбка, означающая, что что-то вызвало его одобрение.

Что-то вызвало. Стражи стояли у другого конца прохода, поодаль друг от друга, а не прижимались к двери, чтобы подслушать.

Вэйнренс подозвал придворного, стоявшего в другой, открытой двери дальше по коридору, бормоча инструкции бесконечной череде записывающих слуг. Это был сенешаль Фентабль, склонивший голову и торопливо откликнувшийся на зов.

Когда Вэйнренс стал повторять придворному приказы королевского мага, Ганрахаст отвернулся и пересек комнату, чтобы бросить мрачный взгляд на расprostертого без чувств на полу Кордрана.

Они не так уж и яростно его допрашивали. Возможно, с мозгами парня что-то было неладно.

Раз уж возникла такая мрачная вероятность, что им *действительно* было известно об этих недавних убийствах?

Если их совершила какая-то местная нежить, то почему именно сейчас — ведь предположительно она обитала во дворце на протяжении многих лет?

Приход какой еще более глубокой тьмы убийца предвещал или пытался приблизить?

Мэншун улыбнулся во мраке своей пещеры. Ухватившись незаметно за маленькую часть разума Вэйренса, он отправил свою волю к другому, более мрачному сознанию, глубокому и холодному.

Проснись, моя леди Темный Доспех. Тебя ждет небольшое задание...

Ганрахаст и Вэйренс, спешившие по проходу, ведущему в темные, сырые глубины королевского дворца, в один миг замерли и обменялись беспокойными гримасами. Их прервал сигнал от древнего сторожевого заклęcia, открывшийся разумах, как старая дверь. Неприятный сюрприз, означавший, что один из гробов в королевском склепе был открыт!

А потом в их головах прозвучал новый грохот. Только что был открыт второй гроб Обарскиров.

— Предупредить Мальвоцвета? — спросил Вэйренс.

Ганрахаст издал крайне неподобающее королевскому магу фырканье.

— Можно подумать, это чем-то поможет.

Его заместитель улыбнулся.

— Хех. Согласен. Ну тогда сказать Фентаблю?

— Этим можно будет заняться и потом — когда узнаем, о чем его предупреждать.

Они миновали последний поворот, поднимая жезлы и пробуждая к жизни прямо перед собой защитные заклинания. Ядовитый дротик вора мог быть крайне скверным приветствием.

Проход был пуст, а двери в склеп стояли закрытыми.

Волшебники молча переглянулись. Нежить внутри склепа?

Из ножен на ноге Ганрахаст достал жезл, который надеялся никогда не использовать, а Вэйренс активировал одно из своих колец.

По кивку Ганрахаста он снял печати с дверей склепа.

Затем распахнул их, снова подняв жезл, и увидел... темноту. Молчаливую неподвижную тьму.

Два мага посмотрели сначала в один конец коридора, потом в другой, затем на потолок, затем на потолок внутри склепа. Ничего.

Ганрахаст поднял ладонь с пульсировавшем на ней кольцом, искавшим магию, и стал напряженно ждать до тех пор, пока оно не нашло... ничего.

Двое мужчин снова обменялись полными сомнений взглядами. Затем, осторожно, они ступили в склеп, жезлы наготове.

Тишина. Ничего не двигалось, казалось, все осталось на своих местах... стоп!

Королевский склеп посещали нечасто, но обоим мужчинам показалось, что гробы и

реликвии на полках вдоль черной стены были нетронуты — все выглядело так же, как и в последний раз, когда они здесь были.

С одним исключением, заставившим их снова взглянуть в каждый угол склепа и еще раз проверить потолок.

Один гроб — старый и довольно простой на вид, массивный, должно быть, принадлежавший какому-то из королей после Дуара — стоял открытым, а его целехонькая крышка лежала на полу неподалеку.

Два боевых мага подозрительно оглядывались вокруг, рассматривая молчаливые, никем не тронутые гробы. Ничего не двигалось, не раздавалось ни единого звука, кроме их собственного дыхания.

Осторожно — очень осторожно — они двинулись вперед, Вэйнренс впереди, взгляд Ганрахаста постоянно рыщет по склепу, оглядывает распахнутые двери и проход, откуда они пришли.

В каменном гробу не было ничего, кроме неподвижных костей под толстым слоем пыли.

Вэйнренс медленно опустил в гроб руку, и кольцо на его мизинце вспыхнуло ровным белым светом. Никакой нежити. Ничто не пошевелилось в ответ на его вторжение, и он не чувствовал обычного покалывания от пробудившейся магии.

Убрав руку, он отступил на шаг и взглянул на королевского мага, который вытащил из-под мании амулет и теперь держал его в вытянутой руке, поворачиваясь от одной стены к другой. Амулет светился таким же ровным белым светом.

Они обменялись подозрительными, хмурыми гримасами, без единого слова стали спиной к спине и начали обыскивать склеп. Ганрахаст медленно шагал, осматривая все закоулки, а Вэйнренс охранял его тыл.

По-прежнему ничего.

Здесь абсолютно точно не было никаких нарушителей — никаких невидимок, никаких призраков. Печати, предотвращавшие телепортацию, по-прежнему пульсировали вокруг них: магия в гробнице была такой сильной и бурлящей, что они ни за что не смогли бы определить, какие заклинания использовались здесь недавно — если использовались — не говоря уже о тех, с момента применения которых прошло немного больше времени.

Сигнальная магия предупредила о двух потревоженных захоронениях, но открытый гроб был только один. Ничего не исчезло, ничего не потревожили, если этой пыли можно было доверять. С другой стороны, существовали простые заклинания, позволявшие покрыть вещи слоем пыли...

— Что думаешь? — спокойно спросил Ганрахаст.

Вэйнренс пожал плечами.

— Некое давно забытое заклинание, поднимающее крышку гроба? Оно начало увядать и было написано так, чтобы сработать, прежде чем слишком ослабеет, или его что-то активировало среди всех этих печатей и защитной магии?

— Это, — задумчиво произнес Ганрахаст, — слишком удобное объяснение. Не говоря уже о том, что абсолютно неправдоподобное.

— Мне тоже так кажется, — согласился Вэйнренс. — Жду вашего варианта, королевский маг.

В последовавшей тишине они обменялись кривыми ухмылками.

Затем Ганрахаст пожал плечами.

— Давай поставим эту крышку на место и посмотрим, что произойдет с сигнальными заклинаниями — они сбросятся, оборвут сигнал и пропадут, или продолжат работать, утверждая, что произошло вторжение?

Гроб был древним. Никаких заклятий для левитации крышки на нем определенно не было. Они зашатались под весом тяжелой каменной плиты, кряхтя и задыхаясь, пытались поднять ее достаточно высоко, чтобы вернуть на место — и только тогда увидели свежий кусок пергамента на полу, там, где лежала крышка. На нем было что-то написано.

Вэйренс нагнулся.

— Вы обречены, — прочел он вслух.

Как только он произнес эти слова, крышка закрытого гроба позади них приподнялась как раз достаточно, чтобы изнутри можно было активировать магию.

Раздался мелодичный перезвон, как будто сжимающая рука провела по самым высоким струнам арфы — и оба боевых мага одновременно выпрямились.

Лишь затем, чтобы неподвижно застыть под своим новым бледным ореолом, не дыша, глядя в пустоту незрячими глазами.

— Так, так, — промурлыкала Тарграэль, легко поднимая гробовую плиту, под которой пряталась, и грациозно вставая с костей, на которых лежала, слушая разговоры этих двоих. — Эти старые безделушки Обарскиров до сих пор весьма эффективны. В отличие от боевых магов королевства.

Ганрахаст и Вэйренс стояли безмолвно и неподвижно, захваченные стазисом. Тарграэль улыбнулась им почти с теплотой.

— Парочка трофейных идиотов.

Она осмотрела руку Ганрахаста и стащила с пальца нужное ей кольцо — потребовался сильный рывок, но Тарграэль знала, что стазис выдержит, и не волновалась о том, что может сломать мужчине палец; в конце концов, у него оставалось еще девять.

Наверняка маг сможет выследить кольцо, когда к нему вернется способность делать хоть что-нибудь. Но это может произойти весьма нескоро.

Ее губы исказила бледная тень улыбки, и Тарграэль уложила обоих мужчин каждого в собственный гроб, а затем вернула каменные крышки на их законные места.

— Беспомощное дурачье. Это вас задержит. После того, как я воспользуюсь этим крайне полезным маленьким колечком, чтобы запечатать склеп, никто и не подумает искать вас здесь до того, как умрет очередной Обарскир. А тогда они будут слишком заняты вопросами наследования, чтобы осмелиться открывать гробы и рассматривать их рассыпающееся содержимое.

Со смешком неживая женщина-рыцарь покинула это безмолвное помещение.

Глава 19

Ожидается много крови

Шторм немного притормозила, пытаясь отдышаться. Не получится вежливо говорить с враждебными стражниками, если она будет так задыхаться, что и слова вымолвить не сможет.

Разумеется, кравшийся сзади на четвереньках Эльминстер врезался в нее головой, и сила столкновения вытолкнула беспомощную Шторм прямо за угол.

Где ее встретило множество холодных пристальных взглядов.

Шторм обнаружила, что криво усмехается, несмотря на нависшую над ней опасность. Судя по всему, комната Бдительного Стража обладала весьма подходящим названием.

Маленькая и неважная с архитектурной точки зрения, всего лишь предваряющая вход в куда больший и величественный зал Старандара, она денно и ночно охранялась, чтобы предупредить тайные побег — и нежелательные вторжения — через небольшой, мерцающий проем, расположенный в северо-восточном углу прямо посреди комнаты, лишенный окружающих стен или даже материальной двери или косяка.

Обычно портал Шаг Долин сторожили четырнадцать человек — два старших рыцаря, восемь проверенных в битве пурпурных драконов и четверо боевых магов.

Прямо сейчас в одном только коридоре перед комнатой было больше стражников — и у всех было недружелюбное выражение лица, а также готовое к бою оружие. Проход впереди походил на густой лес, где каждым деревом был ожидавший битвы страж. Все взгляды были направлены на нее.

Все еще задыхаясь от своего торопливого бега через весь дворец и от коротких споров на протяжении этого путешествия, Шторм попыталась перейти на небрежную походку, приближаясь к частоколу наставленных на нее копий.

За этими копьями в ее сторону смотрели несколько жезлов, и она видела стрелявшие дротиками арбалеты в руках старших рыцарей.

— Эл, — прошептала она, — это будет тяжело. Я никак не смогу пройти через столько...

— Не останавливайся. Прижмись к стене, если они выстрелят в тебя из комнаты, когда ты подойдешь ближе.

Шторм не хватило ни дыхания, ни воли на то, чтобы указать, что он никого не обманет: любой пурпурный дракон или боевой маг, которым приказали искать Эльминстера из Долины Теней или любого старого, бородатого незнакомца, расхаживающего по дворцу, в мгновение ока поймут, кто крадется на четвереньках позади нее.

— Я не хочу убивать или калечить дюжины верных Кормиру людей, — прошипела Шторм через плечо. — Это же наши союзники, помни; те, кто стоят за правосудие и...

— Я этого не забыл. Не верь в то, что увидишь сейчас перед собой, — предупредил он Шторм. — У меня все еще осталось немного магии.

Шторм кивнула, рассматривая арбалеты, нацеленные ей прямо в горло — когда потолок коридора с грохотом обрушился.

Проход затрясся, подвесная лампа начала бешено раскачиваться. Поднялись клубы пыли, поглотив большую часть выстроившихся в ряд стражников — которые от страха закричали и бросились бежать.

Прямо на Шторм.

— Эл, — крикнула она, потянувшись за мечом. — Я...

В Шторм полетели дротики, и с багровой вспышкой в ее сторону разрядился один из жезлов.

К ней рванулось пламя, распространяясь с обычной ужасающей скоростью — лишь затем, чтобы стихнуть и начать расходиться по кругу, который... который...

— Эл, что ты делаешь?

В ответ за спиной раздался хорошо знакомый смешок.

— Сколько раз ты спрашивала меня об этом, подруга? За прошедшие века?

— Не напоминай мне, — огрызнулась Шторм, поднимая меч в поисках врагов, которых не могла увидеть. — Сколько раз ты уничтожал целые комнаты и залы дворцов? Или замков?

— Я не считал, — раздался мрачный ответ. — Всегда казалось, что это просто ребячество. Обычно мне не по нраву те, кто ведут такой счет. А сейчас — ни шагу вперед, что бы ни произошло. Результат может быть... неприятным.

— Ты отправляешь их выстрелы прямо в них самих, не так ли?

— Ты мудра, подруга; именно это я и делаю. И в этот день я дворцов не уничтожаю — по крайней мере, таково мое текущее намерение. Этот обвал был вовсе не обвалом.

— Но если ты попытаешься их отпугнуть, те, кто побегут, побегут напрямик к нам в объятия!

— О? Ты уже с кем-то обнимаешься?

— Нет, но...

— Так давно, что я уже не помню, сколько прошло лет, — провозгласил Мудрец Долины Теней, поднимаясь с четверенек, — я принимал участие в создании магических печатей этого дворца, как ты, может быть, помнишь. Сейчас, без Пряжи, я уже не могу сильно их исказить — слишком много заклинаний было наложено позднее — но в некоторых местах я могу заставить комнату или коридор, хм, соединиться с другим помещением, которое на самом деле находится на другом конце дворца. Таким образом — хе — все эти стражи, неважно, напуганные или разгневанные, сейчас несутся по галерее снаружи зала Короля-Воина, направляясь к королевскому двору в темпе, от которого, надеюсь, не сломается слишком много шей, если дверь в конце галереи по-прежнему держится на соплях. Надеюсь, они отремонтировали мост через пруд Серебрянных Плавников, иначе некоторые защитники Кормира очень скоро промокнут.

Шторм не сдержала улыбки.

— И на какой участок твоя магия действует? До самой комнаты Бдительного Стража — или оставшиеся там часовые по-прежнему ждут нас, мечтая расправиться с самим Эльминстером, знаменитым врагом Короны Дракона?

Мудрец Долины Теней наделил ее одним из самых кислых своих взглядов.

— Ты что думаешь, я вчера научился заклятия сплетать?

— Нет, — сухо отозвалась Шторм, — я думаю, что ты только вчера начал заботиться о сохранности собственной шеи. Не так ли?

— Грозовая, когда это тебе захотелось забрать все веселье себе, а?

Именно в этот момент из клубов пыли, спотыкаясь, выбрался мужчина в доходящей до лодыжек мантии. Жезл в его дрожащей руке начал выплевывать искры, так что Шторм пригнулась, бросаясь вперед, что позволило ей толкнуть его в стену.

Молодой и напуганный боевой маг тяжело отлетел от стены, выпустив жезл из рук, и Шторм не потрудились оглушить его рукоятью меча. Она просто отступила в сторону и позволила сделать это твердым каменным плитам пола, когда маг упал.

— Этот чересчур храбрый юноша к несчастью не был среди тех, кто ждал нас в коридоре, — заметил Эльминстер, — так что, похоже, стражи портала все еще в комнате. Пришло время отправить мой щит возврата заклятий, чтобы поприветствовать их — и пускай сами получают все, что швырнут в нас. В конце концов, я та длань, что несет в мир правосудие богов.

— Мы все были Избранными, — печально напомнила ему Шторм. — Когда Мистра говорила с нами, и Пряжа все еще пела.

— Не сейчас, подруга, — прохрипел Эльминстер. — Я занят.

Стены и потолок впереди, казалось, завибрировали, когда сам воздух вокруг начал свистеть, крутиться и затем с силой понесся вперед.

— Держи меч наготове, — мрачно добавил он несколько ревуших мгновений спустя. Вокруг них поднимался вой смерча. Мудрец Долины Теней заставил свою магию пройти через дверь, которая не была создана, чтобы вместить подобное — в то самое время, когда дюжина или около того магов в комнате за этой дверью бросили собственные заклятия прямо в смерч надвигающегося волшебства, пытаясь уничтожить его.

Лицо Эльминстера внезапно так взмокло от пота, что с его носа потекла струйка, а борода превратилась в маленький водопад.

— Эл? — окликнула Шторм, увидев, как он побледнел. — Я могу что-нибудь сделать?

— Нет, — отказался Старый Маг. — Нет, если ты не...

Участок стены впереди застонал, как ребенок в агонии, и резко взорвался каменными осколками, ударившими в противоположную стену с достаточной силой, чтобы расколоть и выбить камни, которыми был вымощен пол у них под ногами. Под град камней попало как минимум одно багровое сломанное нечто, которое когда-то было человеком.

Большая часть стены, отделявшей комнату Бдительного Стража от коридора, исчезла. Сама комната была заполнена сияющим дымом, который подсвечивали частые вспышки и взрывы ревающего света — и воющим водоворотом защитной магии Эльминстера.

Внезапно где-то посреди комнаты в воздухе взорвалось что-то ослепительно яркое, полыхнув струями пламени и искр.

— Жезл, — прохрипела Шторм, которой доводилось видеть, как волшебные жезлы уничтожает магическая отдача. — Как думаешь, может Шаг Долин?..

— Выдержать все, что они бросают на нас? — закончил Эльминстер, обхватывая ее сзади рукой и оттаскивая в сторону. — Бросай клинок — *сейчас же!*

Шторм была слишком стара, чтобы спорить с ним или подвергать сомнению такой приказ. Она отшвырнула меч, будто он жег ей руку, развернулась плавным движением бедер и бросилась бежать вместе вслед за Элом вниз по коридору, где тот пересекал...

Позади прогремел взрыв, оторвавший обоих от пола, ударил по звенящим ушам с такой силой, что все звуки резко оборвались, и бросил их головами вперед по коридору, далеко за перекресток и в дверь для прислуги, поддавшуюся в одно мгновение с диким, высоким стоном треснувшего дерева и откалывающихся щепок, прямо на стол, где на золотых тарелках лежали толстые львиные бифштексы, обжаренные на вертеле, политые кремовым соусом с грибами, сильно пахнущим мускатом.

Поварята закричали или замахали руками, широко раскрыв глаза и поразевав рты, когда

Мудрец Долины Теней и высокая фигуристая женщина с серебряными волосами упали на горячий соус и заскользили по столу... прямо в пышный зад Нестура Лаклантура, королевского повара нижних кухонь, который склонился над стойкой по соседству, тщательно сервируя блюда гарниром.

От такого удара Лаклантур рухнул лицом в горячий пудинг, на приготовление которого он потратил несколько часов, и поднялся на ноги, завывая от боли и ярости, собираясь развернуться и порвать на части того, кто *осмелился*...

Он успел только наполовину развернуться и схватить черпак, чтобы использовать его как орудие возмездия, когда на кухню прибыл меч Шторм.

Оружие летело, как стрела, рукоятью вперед, окруженное сверкающим облаком искр. У разъяренного повара не было времени уклониться, пригнуться или хотя бы набрать воздуха, чтобы выпалить подходящее трехэтажное ругательство, прежде чем рука онемела из-за выбитого из нее со звоном черпака. Его жизнь спасло то, что меч срикошетил от этого столкновения, и облако искр покинуло его сталь, чтобы стать расползающимся цветком синего пламени, который превратил покрытый медью потолок кухни в лист из чистого сапфира.

Лаклантур и кухонная прислуга изумленно посмотрели вверх, а потом убежали или попадали без чувств.

Спустя время, за которое можно было сделать хороший глубокий вдох, лист раскололся на тысячу осколков и рухнул вниз, с грохотом, опрокинув котлы и заставившим звенеть всю посуду на кухне.

Оглушенный волшебник и бывший бард медленно скатились со стола, покрытые сапфировой пылью и кремовым соусом, взглянули друг на друга, а потом перевели взгляд туда, откуда швырнул их взрыв.

Как раз вовремя, чтобы увидеть, как боевой маг взрывом из жезла разносит клубящуюся пыль и смотрит в их сторону.

В резко очистившемся воздухе они увидели, что комната Бдительного Стража теперь простирается до самых дверей кухни. Несмотря на груды обломков и довольно приличное количество неподвижных тел, Шаг Долин стоял целый и невредимый — за спинами мрачной дюжины волшебников Короны и полудюжины пурпурных драконов.

— Те двое, у стола! — рявкнул боевой маг с жезлом, глядя на стражей портала, а затем указывая на Эльминстера и Шторм. — Они сделали это! Поставили под угрозу дворец и всех нас, включая короля Форила. Убить их!

— Ну, ну, нетерпеливый кормирец, — прошептал Мэншун, улыбаясь мерцанию развернувшейся перед ним сцены. — Не в этот раз. Когда наступит подходящий момент, Эльминстера из Долины Теней убью я. И этот момент наступит, когда я так решу. Никто другой не встанет между нами.

Он сотворил заклятие, от которого изображение замерцало еще ярче, и добавил:

— После двух столетий я заслужил хотя бы это.

Мгновение спустя заклинание начало действовать, отправив его сознание в теплые, темные глубины разума, куда более извращенного, чем большинство умов. Разума, с которым

он познакомился очень близко.

Разума боевого мага Роскрина Мрелдрейка, который торопился по коридору к некой двери, сжимая в руках один из самых могущественных скипетров во дворце.

— Погибшая Мистра очень любила драматические появления в последний момент, — промурлыкал Мэншун, — и, кажется, я начинаю понимать, почему.

Шторм дико огляделась вокруг.

— Где мой ме... ох.

Она подхватила оружие. Меч казался целым... но рассыпался сияющей пылью с тонким вздохом, оставив в руке одну только рукоять.

Шторм отбросила ее с отвращением, быстро взглянула на медленно приближающихся пурпурных драконов и боевых магов за ними — те осторожно наводили свои жезлы поверх закованных в доспехи воинов — и снова пригнулась, присоединившись к Эльминстеру на полу.

— Могу я предложить бегство? — прошептала она ему на ухо. — Прямо сейчас?

— Можешь, — хрипло отозвался Мудрец Долины Теней, перекатываясь и поднимаясь на колени. — Но бегство — действие, которое с годами все меньше и меньше нравится моим коленям. Сколько человек против нас?

— Слишком много, и драконы уже совсем рядом, — мрачно сказала ему Шторм. — Я не вижу старших рыцарей, и ни у кого не видно арбалетов, но...

— Рыцари, конечно, бросились прямо на нас, и теперь оказались в другом коридоре через полдворца отсюда. Ну, а теперь...

Эльминстер достал жезл.

— Паралич, — сказал он. — У меня еще осталась та читающая мысли подвеска, но больше ничего. Возможно, побег, который ты предлагаешь, действительно хорошая идея — если мне удастся вспомнить, что находится по ту сторону нижних кухонь. Там настоящий заповедник пандусов и лестниц, и...

— *Эльминстер!* — предупреждающе воскликнула Шторм, когда над ними навис пурпурный дракон. Эльминстер спокойно призвал силу жезла, и воин застыл на полушаге, накренился и начал падать лицом вниз, прямо на них.

Только чтобы повиснуть на столе, и его застывшее, беспомощное тело образовало живой щит.

— Ладно, подруга, давай уходить, — угрюмо сказал Эл. — Мы...

Позади парализованного дракона раздались испуганные крики, когда вдруг откуда-то вспыхнул яркий свет, заливая комнату. Крики достигли апогея и резко оборвались, оставив лишь зловещую тишину, когда сияние снова угасло.

Шторм перекатилась в сторону, выбираясь из-под стола туда, где смогла взглянуть в сторону, где когда-то находился коридор, на далекое мерцание Шага Долин.

Как раз вовремя, чтобы увидеть боевого мага Роскрина Мрелдрейка в прежде закрытых дверях с другой стороны комнаты Бдительного Стража. Мрелдрейк сжимал все еще мерцающий жезл и смотрел на часовых перед собой с неприятной улыбкой.

Эти люди — каждый пурпурный дракон и боевой маг — валялись ничком, безмолвные

и неподвижные.

Мрелдрейк сделал несколько торопливых и неловких шагов в комнату, вытягивая шею и присматриваясь, чтобы убедиться, что никто из них не шевелится, затем развернулся и быстро вышел через ту же дверь, откуда появился, закрыв ее за собой.

— Кажется, у нас есть неожиданный союзник, — прошептала Шторм. — Или среди боевых магов затесался предатель, который решил, что именно сейчас — отличное время для небольшой измены.

Эльминстер, закрихтев, столкнул в сторону тело пурпурного дракона и быстро подполз к ближайшему воину.

— Без сознания, но жив, — заметил он. — Проваливаются почти целый день, если кто-то не использует заклинание, чтобы пробудить их.

Он бросил взгляд на Шторм.

— Я позабочусь о нашем предателе, если смогу догнать его. Ты отправляйся к Алассре, прежде чем неизбежно прибудет новая толпа стражи, чтобы посмотреть, кто здесь разносит дворцовые стены.

Шторм кивнула, подбежала к Эльминстеру, обвила его рукой, чтобы быстро и крепко поцеловать, потом схватила меч павшего дракона и бросилась к portalу.

На полпути она наклонилась над спящим волшебником и напряглась, переворачивая тело. Шторм взяла его плащ и подобрала валяющийся в двух шагах жезл. Затем последовала короткая пробежка до следующего жезла в другой вытянутой руке.

Бросив короткий взгляд через плечо на Эльминстера — он был уже на ногах и подбадривающе махнул рукой — она подбежала к сияющему portalу и без промедления нырнула в его спокойное белое пламя.

Дворец внезапно исчез, и она оказалась в мягкой, проваливающейся пустоте, в сердце ярко-синего ничто, тянувшегося безмолвно и бесконечно во всех направлениях, ничто, которое стремительно исчезло во вспышке яркого света, сменившегося лучами послеполуденного солнца, струящимися сквозь ветви.

Некая свежесть в воздухе и прохладный ветерок с севера сказали ей, что она находится к востоку от Громовых Вершин. Мглистая Долина должна быть прямо впереди, как и прямой широкий тракт к Лунному Морю, прямо за деревьями, и наверняка здесь есть какой-то часовой, охраняющий эту сторону Шага Долин, раз уж портал соединяется прямо с королевским дворцом в Сюзейле, и...

Шторм торопливо огляделась и бросилась к ближайшим деревьям. У стражей королевства с дикими границами чаще всего есть луки или заклинания, и одинокая женщина с мечом в руке наверняка вызовет определенные опасения даже у самого ленивого и сонного часового...

— Стоять! — как раз вовремя рыкнул раздраженный мужской голос позади нее. Шторм побежала еще быстрее, резко повернув, чтобы раньше достичь деревьев, и пригибаясь к земле, свободной рукой распахнула свой жилет.

— Стоять, я сказал! — крикнул стражник еще злее. — Женщина, ты оглохла?

Шторм подбежала к дереву и схватилась за него, используя всю инерцию своего бега, чтобы оббежать ствол кругом и оказаться лицом к поляне, которую только что покинула.

В ее сторону шагал молодой, суровый на вид боевой маг, которого сопровождали два пурпурных дракона с длинными луками. Маг хмурился. Эта сторона портала позади них не излучала никакого сияния; вместо этого она была похожа на постоянную рябь пустого

воздуха.

— Нет, — тяжело выдохнула она, демонстрируя им полуобнаженную и покачивающуюся грудь. — Я просто... некий слишком благородный лорд хочет отнять мою девичью честь! Лорд волшебник, я не смею останавливаться!

— Но этот путь охраняется со стороны дворца! Как ты прошла?

— Пожалуйста, лорд, стражи Шага Долин пропустили меня! Им приказал лорд Вэйнренс и пообещал позаботиться о том, кто меня преследует! Пожалуйста, господин, я должна уходить отсюда!

Драконы смотрели лишь на то, что она им показывала, но маг покраснел и отвёл глаза.

— Откуда мне знать, что ты говоришь правду? — спросил он сердито.

— Вэйнренс точно тебе скажет, — пробормотал один из пурпурных драконов. — Когда будет принимать твой доклад.

В ответ маг покраснел еще сильнее и замахал на Шторм.

— Убирайся, — приказал он. — Просто... уходи.

— С-спасибо, добрый лорд! — ответила Шторм и бросилась дальше под деревья. Неподалеку, как она помнила, был ручей, который поможет запутать следы на тот случай, если кто-то изменит свое решение просто отпустить девушку.

По пути туда Шторм закатила глаза. За прошедшие века она чуть не разучилась притворяться, но мужчины за это время практически не изменились.

Глава 20

Когда встают мстительные духи

— Вы готовы к *настоящим* неприятностям? Хорошо, хорошо.

Марлин был доволен.

Молодой наследник на самом деле потирал руки.

Мэншун закатил глаза. Даже Фзоул не был так плох в худших проявлениях своего злорадства.

Телохранители юноши ожидали дальнейших приказов. Ормантор, как обычно, молчал. Эта высокая, широкоплечая гора мышц редко роняла хоть слово. Гаскур, однако — неприметный Гаскур, с лицом, которое легко забыть — посыльный, носильщик и торговый агент Марлина, чья служба позволила юноше достичь всего, чем он мог гордиться — Гаскур заметно волновался.

— Куда мы направляемся, милорд? — спросил он.

Марлин улыбнулся, будто один из сытых котов своей племянницы.

— Нет, Гаск, тебе лучше не знать. Так будет безопаснее.

Мэншун сдержался, чтобы не закатить глаза снова. Скорее, так будет еще *глупее*.

Гаскур наверняка подумал то же самое, хотя и не стал говорить это вслух. Блеск в глазах Ормантора говорил, что он такого же мнения.

— Пойдемте, — нетерпеливо сказал Марлин. — Слава ждет нас!

Мэншун невесело улыбнулся. Настало время немного поразвлечься, размять щупальца, и прикончить стражей, которых приставили охранять тайный ход — чтобы глупый лорд Грозозмей смог добраться до палаты Драконьего Черепа и испытать свое тайное оружие. Если в этих артефактах действительно живут призраки синего пламени, и Марлин сможет ими управлять, то они действительно станут мощным оружием.

А если управлять ими он не сможет, то всем амбициям юноши придет скорый и болезненный конец.

— Слава, — пробормотал Мэншун в сияние наколдованной сцены — ждет, лордишка.

Эльминстер достиг определенного места в коридоре и остановился. Прямо перед ним сейчас должна находиться старая магическая печать, а он был — пора уже признать — совсем не тем, что прежде, и то, что нужно было сделать, нужно было сделать с осторожностью.

Он вытянул руку вперед, в пустое пространство.

Которое осталось пустым, хотя вокруг раздался шепот и пробежал вдаль по темным камням.

Эльминстер сделал осторожный шаг вперед, и — ничего не произошло.

Хорошо.

Он сделал еще шаг. По-прежнему ничего. Еще шесть шагов привели его к камню, который он помнил. Камень сдвинулся под его рукой и позволил ему войти в стену, обойдя магическую ловушку, ожидавшую в нескольких шагах дальше по коридору.

Прошли целые века с тех пор, как королевский склеп охраняли скучающие пурпурные драконы, но его по-прежнему защищало кое-что другое, не считая магической сигнализации, которая предупредит боевых магов во дворце наверху, если среди них еще остались те, у кого достаточно мозгов, чтобы их можно было предупредить.

Эльминстер начинал в этом сомневаться.

Воздух в палате Драконьего Черепа оказался не таким застойным, как в прошлый раз, а мрак — не таким густым. Даже пустота не была неподвижной: она пульсировала, и клубилась, и плыла бесконечными, беззвучными потоками, которые можно было легко ощутить.

Искажённые печати были целы и невредимы, и хотя Марлину от них становилось дурно, он был рад. Это означало, что волшебники — даже королевский маг, Ганрахаст — не смогут проследить за ним с помощью заклятий или узнать, где он находится и что собирается сделать.

Что было в самом деле весьма хорошо, учитывая, что он собирался сделать то, что весьма вероятно сочли бы за измену высшей степени.

— Я просто экспериментирую, — пробормотал он. Но это оправдание показалось жалким даже самому Марлину; никакой присягнувший Короне волшебник или придворный на это не купится.

Так что лучше бы сделать то, за чем он пришел, как можно быстрее, и вернуться к своим телохранителям прежде, чем они досуха выпьют вино в самом глубоком погребе «Старого Дварфа». Время от времени патрули должны проходить даже мимо закрытых для посещения залов дворца.

Марлин сделал глубокий, взволнованный вздох, взял в одну руку чашу, а в другую — пергамент со своими записями, и активировал одно из своих колец, чтобы зажечь свет и прочесть написанное.

Это напомнило ему, что на поясе висит Парящий Клинок, и наверное стоит снять его и отложить в сторону, чтобы разбираться только с одним призраком за раз.

Помещение вокруг было все таким же пустым, и его стены терялись в вековой тьме — но мебели здесь явно не хватало. Так что Марлин просто положил пояс с ножнами, в которых лежал меч, на пол в нескольких шагах от себя, и встал так, чтобы видеть его, пока он будет работать с чашей.

Его записки о призыве или ритуале, или как это правильно называлось, были короткими и простыми.

А это означало, что больше поводов для промедления не осталось. Марлин поднял чашу, в его горле неожиданно комком свернулся страх. Он посмотрел в записи и твердо произнес: «*Аррутро*».

Слово далеко прокатилось по комнате, хотя, казалось, оно было не громче обычного — и в одно мгновение тьма сгустилась и воздух зазвенел от внезапного напряжения. Марлин огляделся на тот случай, если что-то кралось во тьме, пытаясь застать его врасплох, но ничего не увидел и продолжил.

— *Тар ламмитрух арондур халамоата*, — добавил он громко и не спеша. Юноша

понятия не имел, на каком языке — если это был язык — он сейчас говорит, но эта речь казалась древней, величественной и угрожающей. Очень угрожающей.

В помещении похолодело еще сильнее.

— *Тан том танлантар*, — прочел он и моргнул, когда чашу в его руке охватил странный синий огонь. Яростное пламя побежало по его руке до самого локтя, окутав ее и чашу беззвучным бесконечным пожаром. Жара от этого огня не было никакого, и Марлин не чувствовал боли, только раздражающий, достающий до самых костей зуд.

— *Ларассе ларассе тулеа*, — закончил он.

И неожиданно задрожал от навалившегося ледяного озноба — синее пламя вылилось из чаши струей, как гигантская змея или угорь, отразилось от пола, все больше и больше вырастая... достигнув человеческого роста. В сердце пламени клубился мрак, который постепенно превратился в человека. Человек стоял лицом к Марлину и улыбался, одетый в темные неприметные доспехи из кожи. Сапоги, меч, кинжал. Темные глаза, в глубинах которых пляшет все то же синее пламя — и неустанный саван огня вокруг всего тела, огня, который ничего не поджигает и, казалось, не причиняет мужчине никакого неудобства.

Мужчина пошевелился, одна рука легла на рукоять меча, вторая — на пояс, и он улыбнулся Марлину.

Который осторожно спросил:

— Ты же будешь мне подчиняться, д-да?

Мужчина кивнул.

— Буду.

Марлин выдохнул — он и сам не заметил, как задержал дыхание — и спросил:

— А ты?..

— Трет Халонтер. Лучший воин Девятки... был. До Миркула.

— До Миркула? — мертвый бог, имевший какое-то отношение к покойникам. Старый владыка костей, как звали его в балладах. — До того как ты погиб?

— До того, как Миркул сделал с нами это и заставил разделить его любовь к смерти, — улыбка призрака даже не дрогнула.

Марлин торопливо пробежался по своим запискам.

— Есть что-то... чего следует избегать, чтобы ты не повернулся против меня?

— Ничего. Мы признаем и слушаемся того, кто нас призвал.

— И ты, хм, вернешься обратно в чашу, если я скажу верные слова?

— Можно просто приказать. Не в интересах Миркула было позволить мне лгать, предавать или оборачиваться против тебя. Это не сказочки у костра, парень. Я твой раб.

Марлин посмотрел на свой меч, по-прежнему лежащий там, где юноша оставил его.

— Сколькими членами Девятки я могу управлять одновременно?

Халонтер пожал плечами.

— Я не знаю. У тебя бывают приступы безумия?

В глубинах разума юного Грозозмея Мэншун улыбнулся.

Это будет *весело*.

Марлин, как оказалось, не только промок от пота, но и дрожит от усталости. Две

холодные улыбки казались сокрушительно тяжелыми, как будто на него давил вес сразу двух комплектов тяжелой брони.

Эти улыбки принадлежали двоим мужчинам, что стояли перед ним, окутанные яростным синим пламенем, которое ничего не опаляло — зато пило энергию живых существ, которых касалось, если они того пожелают. По крайней мере, так они утверждали.

Два призрака, которые могли проходить сквозь стены — но не через живую плоть. Если он прикажет им, они могут буквально пройти прямо через стены дворца, оставшись целыми и невредимыми — прямо в Сюзейл. Опять же, они так утверждали.

У него не было никакого способа доказать, что они лгут, кроме как наблюдать за тем, как призраки выполняют его приказы. Марлин собирался приказать им пройти через печати и одну стену и посмотреть, что получится.

Он уже приказал обоим призракам синего пламени вернуться в чашу и меч, из которых их призвал, и вызвал снова. Призраки уверили Марлина, что чувствуют, где находятся эти предметы, как бы далеко он не унес их, и смогут их найти, но только в его присутствии. В случае, если власть Марлина над ними не разрушит кто-то другой.

Как этого можно было добиться, или кто мог бы такое сделать — они не знали. Или утверждали, что не знают. Марлин понимал, что сможет поймать их на лжи только тогда, когда будет уже слишком поздно... и он уже начал страстно желать, чтобы они перестали улыбаться.

Релв Ланграл был в Девятке плутом и оказался куда разговорчивее Халонтера. Он утверждал, что их души очернил темный бог Миркул: они стали безжалостными и равнодушными, наслаждаясь убийствами и любой возможностью причинить боль.

— Мы безумны и находимся за гранью смерти, — спокойно объяснил Релв. Постоянно улыбаясь своей ужасной улыбочкой.

Их уже освобождали из заточения, и они оба слышали термин «призраки синего пламени», но утверждали, что вовсе не похожи на *настоящих* призраков, с которыми встречались, когда Девятка была действующим отрядом авантюристов.

Рассказывали они и другое.

— Мы не сможем и не станем уничтожать друг друга. Это один из тех приказов, которые мы должны игнорировать.

— А другие такие приказы?

— Мы до сих пор о них не знаем — как, видимо, и ты, — торопливо ответил Релв, разумеется, по-прежнему улыбаясь.

Марлин сделал еще один вздох и вытер вспотевший лоб ребром ладони.

— Тогда слушайте мой первый приказ. Где-то в этом городе вокруг вас — мы находимся в королевском дворце Кормира, в Сюзейле — есть человек по имени Сесзгар Ханткраун. Тот, который мне нужен — благородного происхождения, наследник дома Ханткраунов, и вряд ли вам попадется еще кто-то с таким же именем. Ваша задача — отправитесь прямо отсюда, пройдете сквозь стены — без промедления найти его, убить и вернуться ко мне. К тому времени я буду не здесь, а у себя дома, в этом же городе неподалеку. Идите.

Молчаливо улыбаясь, два пылающих мужчины — или призрака, кем бы они ни были — достали свои мечи, раз-другой рассекли ими воздух, чтобы размять руки, и двинулись на него.

Марлин смотрел, как они идут, горло вдруг пересохло, и отступил только тогда, когда

они оказались в одном шаге — вцепившись в кинжал на поясе, отчаянно пытаюсь припомнить, какие возможности всех его зачарованных колец могут помочь против двух безжалостных убийц, которые одним прикосновением могут высосать из него жизнь.

Он все еще пытался, пытаюсь придумать что-то, чтобы задержать их, когда призраки с жестокими улыбками, с холодным презрением в глазах прошли мимо... сквозь ближайшую стену.

И синее пламя исчезло из палаты Драконьего Черепа, оставив Марлина Грозозмея дрожать и хныкать.

Сохрани его проклятый Темпус! Значит, Марлин и вправду ими управляет... или призраки просто разыгрывают его?

Бездна. Он тяжело сглотнул, в горле было сухо, как в пустыне, и попытался унять дрожь.

Нужно было убираться отсюда, забирать чашу, записки и все остальное, и возвращаться домой, прежде чем его обнаружит какой-нибудь тупой боевой маг.

Домой, и ждать там страшного рока — было ли в семейных хранилищах хоть что-нибудь, что сможет его защитить? Что-нибудь? — или узнать, что его маленькая проверка закончилась успешно, и Марлин избавился от старого врага.

Не сказать, конечно, чтобы Сесзгар Ханткраун был хоть на десятую долю настолько важен, насколько считал себя таковым. Но Марлин ненавидел Сесзгара за то, что тот унижал и насмехался над ним, когда они были детьми, и его насмешки не прекратились до сих пор.

Более того, Сесзгар не станет ни для кого большой утратой. Кроме того, он самоуверенно полагается на собственные навыки мечника и гуляет в одиночку, распустив телохранителей — застать его в одиночестве проще, чем других лордов.

Два призрака Девятки пугали Марлина — но они могли ничего не знать о Сюзейле, а все, что им известно о жертве — имя, благородное происхождение и то, что он находится где-то в городе. Марлин не хотел терять такие полезные орудия прежде, чем они сделают хотя бы что-то полезное, задав им задачу, в результате которой они будут рыскать по городу до тех пор, пока все боевые маги в королевстве не набросятся на них, швыряясь заклятиями.

Они отправились на задание, улыбаясь, окутанные своим неустанным синим пламенем, но это не значило ничего. В конце концов, что ему действительно было известно, кроме нескольких строчек догадок разных мертвых людей, и что призраки сами рассказали ему?

Что он знал о них в действительности?

Мгновение спустя Марлин вышел из комнаты, и рыцарь смерти Тарграэль выступила из темноты у стены и заскользила следом, незамеченная и бесшумная.

Мэншун улыбался в глубине их разумов.

Он наконец учился. Даже если причиной стал страх, Марлин Грозозмей наконец-то учился.

Мэншун заставил свою Леди Темный Доспех бесшумно красться за существами, которых высвободил неожиданно смелый лордишка.

Впереди нее двое мужчин, чьи тела пылали синевой, в угрожающем безмолвии шли по безлюдным улицам Сюзейла, держась ближе друг к другу.

Ланграл и Халонтер из Девятки достаточно легко могли читать волю того, кто ими

управлял, когда стояли рядом и эти мысли были достаточно интенсивными — а молодой и напуганный Марлин Грозозмей хотел, чтобы они держались рядом.

Прекрасно, это устраивало их обоих. Они занялись поисками Сесзгара Ханткрауна, и это оказалось долгой работенкой.

Каждые несколько шагов призраки догоняли торопящихся прочь людей, которые не могли обогнать их, или тех, кто неосторожно вывалился из дверей или переулка, слишком занятый чем-то еще, чтобы вовремя заметить синие огни и свернуть в сторону.

— Вы не видели лорда Сесзгара Ханткрауна? — спрашивал Релв.

— Недавно? — добавлял Трет, наклоняясь вперед, чтобы прорычать это слово.

Обычно им отвечали заикающимся отрицанием, а иногда даже спрашивали, как лорд Ханткраун выглядит. Пользы никакой — но приказ им отдал благородный лорд, а благородные лорды не стремились облегчить слугам работу и не слишком много времени тратили на обдумывание приказа, прежде чем его отдать.

Какой бы ответ не получали Ланграл и Халонтер, они торопливо убивали отвечавшего, если поблизости не было свидетелей, или отправлялись на поиски кого-то другого, если свидетели были.

Хорошо, что ночь наступила совсем недавно. Расспросы и убийства по всему Сюзейлу могли занять большую часть темного времени суток. Они развлекались тем, что считали, скольких прохожих потребуется убить, чтобы найти свою жертву, но додумались до этого только после того, как уже прикончили шестерых — или семерых? В наше время умирает так много жителей Сюзейла...

В голове Тарграэль, пытаясь прочесть мысли двух мужчин сквозь бесконечное жгущее синее пламя, Мэншун улыбался. Ему тоже так казалось.

Белгрин Муренстур заморгал. Тут... не каждую ночь видишь таких как они. Закутанные в синее пламя, с головы до пят, двое мужчин с мечами в руках, шагающие по улице, будто и не чувствуют ничего.

— Хо, мужик! — позвал тот, что ниже — *его* позвал, осознал Белгрин. И снова моргнул, неожиданно замедляя шаги на своем пути домой. Сделал бы еще два — и врезался прямо в них, в огонь и все остальное.

— Ты не видел лорда Сесзгара Ханткрауна?

— Недавно? — добавил тот, что повыше, более глубоким голосом. Они оба улыбались.

Эти мечи у них в руках... они мокрые? Вроде как, от крови?

С облегчением Белгрин вдруг осознал, что на самом деле видел.

— Да, да, только что видел его — и всех тех, с кем он развлекается. Они направлялись в «Храбрую Лучницу» немного слишком навеселе.

В его голове что-то происходило... будто за ним следили из темных уголков собственного сознания. Да, зловещее, холодно усмехающееся присутствие, по имени Мэншун — о котором он тут же все забыл.

Белгрин моргнул еще раз. Мужчина пониже, объятый пламенем, которого, казалось, не чувствовал, придвинулся к нему поближе чтобы задать еще один вопрос.

— Что такое «Храбрая Лучница»? Таверна?

— Клуб. Ух, в четырех улицах позади, его нельзя пропустить...

Белгрин начал разворачиваться, пока не увидел, как поднимаются мечи.

— Ты отведешь нас туда, — прогремел высокий, не прекращая улыбаться. — Прямо сейчас.

— Я, ух, я немного тороплюсь до... — Белгрин начал заикаться.

И резко замолчал, потому что мечи, лезвия которых оказались у его горла, были действительно мокрыми от крови, и потому что дальше по улице только что открылась дверь, осветив улицу.

Прежде, чем закричал тот, кто вышел из двери, Белгрин ясно разглядел, что лежало на мостовой там, откуда пришли два улыбавшихся мужчины: два распростертых тела, из которых медленными темными лентами вытекала кровь.

Два жителя Сюзейла, убитых пылающими мужчинами, которые, улыбаясь, обступили его с боков.

Глава 21

Ночь мечей и крови

После одного долгого взгляда, который заставил его покраснеть, Делнор не отрывал глаз от пола, маневрируя между столиками клуба Драконих Всадников. Во имя бдительности Торма, когда эта прогулка успела стать такой длинной?

Делнор отчетливо осознавал, что на нем надета форма дворцового посыльного, и понимал, что сейчас, пока он направляется прямо к ближайшему к сцене столику, за которым расположился лорд Делькасл, за ним следят дюжины — многие дюжины — глаз.

В ярких лучах сцены, прямо над легкомысленной улыбкой Арклета, давала представление — с дерзким видом — та самая танцовщица, позируя и крутясь вокруг стеклянно-гладкой доски, выступавшей из края сцены, как нос корабля. Доска позволяла ей перегибаться через край, повисая прямо над дегустирующим вином лордом.

Делнор на мгновение прикрыл глаза и сделал последние несколько шагов в кресло напротив Арклета, который убрал оттуда свои ноги в самый последний момент перед тем, как посыльный с багровым лицом тяжело опустился туда со вздохом облегчения.

— Добрый вечер, — ехидно поприветствовал его лорд, когда Делнор благодарно сомкнул ладони на протянутом ему кубке и сделал долгий глоток. — Какие новости?

Танцовщица повернула лицо к Делнору на достаточный срок, чтобы наградить его коротким, пристальным взглядом, а потом продолжила ловко ловить прямо в воздухе тот поток монет, который бросал в нее Аркет. Она ловко цепляла эти монеты к дюжинам заколок, которыми украсила свои длинные волосы. Делнор увидел, как она прицепила сияющего золотого льва, а затем изогнулась в другую сторону, чтобы улыбнуться столику по соседству, закружив свои длинные волосы, повернув точеные бедра...

Он снова сглотнул и отвел в темноту — и случайно посмотрел прямо в невыразительные глаза Тресс, стоявшей, скрестив руки, бдительно следя за своей лучшей танцовщицей и лордом Арклетом из темного алькова позади сцены.

Делнор слабо, неуверенно улыбнулся хозяйке клуба и перевел взгляд на Арклета, который подался вперед в кресле при внезапном грохоте музыки, который усилился, сопровождая танцовщиц — веселый ритм длинного рога, лютни, тантана и ручного барабана, звучавший где-то у них над головами и проникавший вниз сквозь отверстия вокруг колонн — чтобы прошептать:

— Ну, и какие знамена ты видел въезжающими через городские ворота? Какие новости о прибывающих на Совет Дракона лордах достигли дворца?

Делнору, в свою очередь, было жутко интересно узнать, что лорд Делькасл узнал про танцовщицу, которая прямо в этот момент с вызывающим видом танцевала прямо над ними. Между ними определенно *что-то* произошло.

Делнор рискнул бросить на нее мимолетный взгляд — достаточно долгий, чтобы заметить, что на ней нет ничего, кроме блесков, капель пота и ее маски — и смиренно решил узнать об этом после. Нагнувшись вперед, пока его нос не оказался на расстоянии длины всего одного пальца от носа Арклета, он начал шептать имена.

Когда лорд хочет услышать, какие из его коллег прибыли в город, и при том платит за выпивку, долг придворного слуги — подчиняться.

— ...И она откры-ыла мне-е-е свои объят-а-а! — проревел Брорин Виндстаг, безбожно фальшивя, да и вообще это был скорее крик, чем песня. Но он был слишком пьян, чтобы волноваться о таких мелочах.

Разведя руки в драматическом жесте, он упал через двери клуба Драконих Всадников, а его благородные дружки заплетающимися подхватили второй куплет песни, перевирая половину слов. Лорд Донтард был пьян, но Донтард был пьян всегда. Из них троих Деласко Сорнстен был самым трезвым, но он был не особо разговорчив и налегал на выпивку в попытке обогнать своего героя Виндстага в гонке на пути к забвению.

Арклет бросил тяжелый взгляд через плечо на возникший шум. Виндстаг, Донтард и Сорнстен. Неприятности. Толпа громогласных гуляк вокруг них была либо телохранителями, либо прилипами, которых неизбежно привлекали любые благородные лорды, швырявшиеся монетами в лучших тавернах Сюзейла, с готовностью угощая выпивкой любого, кто готов подхалимничать — фляги вина, бурдюки вина, одна бутылка вина за другой.

— Беда, — вздохнула Тресс, покидая свой альков, чтобы предупреждающе замахать вышибалам. К тому времени Виндстаг как раз заметил причину, по которой он поднялся с пола — обнаженных танцовщиц на сцене поодаль. Он с неприятной ухмылкой отбросил с пути кресло, ни на мгновение не задумавшись, что произойдет с тем полупьяным человеком, который его занимал.

Когда остальные люди за столиком гневно закричали на Брорина, он швырнул наполовину полную бутылку в своей руке в лицо самого громкого, затем освободившейся рукой подхватил столик и хохоча перевернул прямо на головы крикунов.

Посетители разбежались в стороны — кто-то просто убежал от надвигающейся драки, кому-то нужно было свободное пространство, чтобы достать меч или кинжал.

— Ха, клинки, значит? — проревел Виндстаг, указывая на три самых ближайших к сцене столика — за одним из которых сидел Делнор, вжавшись в кресло и с ужасом разглядывая в стельку пьяных лордов. — Теперь это *наши* столики! Убирайтесь или *умрите*!

Арклет ждал с мечом в руке и довольно опасной улыбкой, появившейся на его лице. Рев Виндстага поднял на ноги богатых купцов за двумя другими столиками, и некоторые торопливо отдавали приказы своим телохранителям.

— Стража! — кому-то рывкнула Тресс. — Приведи стражу! Немедленно!

Затем Виндстаг издал торжествующий рев и бросился в атаку.

Донтард и Сорнстен спешно присоединились к нему, и вся компания рысью устремилась вперед, крича и рубя всех и вся на своем пути. Кто-то швырнул кресло, кто-то быстро подхватил бутылку и бросил ее — и Драконьи Всадники взорвались.

Некоторые из танцовщиц закричали и сбежали со сцены, другие сжались, а одна на самом краю, с монетами в волосах, спряталась за носовой доской, как будто это был крепостной зубец, а она была воином, ожидающим подходящего момента, чтобы высунуться и ударить.

Закричал и забулькал торговец, получив рубящий удар, другой завопил, когда меч отсек ему ухо, разлетались бутылки, ударяясь о столы и колонны, осыпая дерущихся осколками, посетители падали, скользили, ругались и били друг друга.

Рухнул массивный, покрытый множеством шрамов моряк, уполз в сторону богато одетый купец, возвращая наружу свой ужин и выпитое вино, клубный вышибала бросил кресло в лорда, до которого не мог достать, свалив двух телохранителей, которые оказались на пути.

Как будто по сигналу, воздух наполнился брошенными креслами. Раненые вздыхали и стонали, люди били друг друга кулаками, бутылками и рукоятками кинжалов, телохранители отшвыривали любого, кто оказался слишком близко к их нанимателям, столы переворачивали.

Во все стороны бежали, спасаясь, купцы, а Тресс и ее подчиненные, казалось, исчезли. Любое сопротивление Виндстагу, Донтарду и их каменнолицым телохранителям было подавлено.

Между сценой и ними остались лишь тяжело дышавший, взволнованный дворцовый посыльный, несколько торговцев, скорее злых, чем испуганных, и хладнокровный, невозмутимый Арклет Делькасл с мечом в руке.

— Убирайся, вонючий грызун! — проревел Виндстаг.

— Иди домой, позорище ты пьяное! — парировал Арклет. — Вы запятнали честь семей, к которым принадлежите, и ответите за это перед королем!

— Да! — воскликнул Делнор отчаянно. — Во имя короля, покиньте это место!

Проигнорировав Делькасла, Виндстаг оскалился на дворцового посланника.

— А ты кто такой, чтоб звать на помощь Корону? Низкорожденный выскочка-простолудин! Когда наш день настанет, мы не станем терпеть таких как ты! Просто прикажем, чтоб вас обезглавили, и будем сидеть и пить вино и смотреть на казнь из проклятого дворца, как вы кричите, мочитесь со страху и мрете!

— С каких это пор, — ледяным голосом начал Делькасл, — твой пьяный произвол имеет отношение к чьему-то рангу или рождению? Виндстаг, ты мерзавец и трус, и...

С нечленораздельным воплем ярости Брорин Виндстаг бросился на Делькасла, шести телохранителей охраняли его фланги. Один из них с кажущейся легкостью пнул Делнора, и тот с силой ударился о пол, прокаркав напрасную мольбу о пощаде.

Арклет Делькасл с проклятием нырнул, метнулся вперед и рубанул мечом с ловкостью настоящей танцовщицы, отвоевав себе достаточно места, чтобы запрыгнуть на сцену.

— Это был дворцовый посланник, дурак, — сказал он Виндстагу. — Тебе лучше поспешить в доки, иначе...

— Иначе что? — фыркнул Каскот Донтард. — Думаешь, благородный лорд понесет хоть *мельчайшее* наказание за то, что свалил какого-то придворного лакея, угрожавшего ему насилием? Без того, чтобы все лорды Кормира взбунтовались и начали избавляться от придворных — и каждого Обарскира, достаточно глупого, чтобы вступить за этих отбросов?

— Мы, вообще-то, не собираемся оставлять благородных свидетелей этой маленькой неприятности, — усмехнулся Виндстаг. — Убить его!

Он указывал на Делькасла.

— Разрубите его на куски, чтоб не осталось ничего, и даже самый хитрый боевой маг не смог бы оживить и допросить останки! Затем схватите танцовщицу и приведите ее мне. Обыщите задние комнаты и других танцовщиц тоже тащите сюда! Я обнаружил, что соскучился по *танцам*!

Раздался общий крик радости, когда остальные присоединились к его раскатистому

хохоту, и люди с мечами в руках полезли на сцену.

По которой метался, крутился, скакал и рубил как безумец лорд Арклет Делькасл, пытаюсь остаться в живых.

Один из мужчин отшатнулся, ослепленный хлынувшей из раны на лбу кровью; другой схватился за пробитое горло и рухнул на колени, задыхаясь; третий отступил и тяжело рухнул со сцены, вцепившись в свое плечо там, где его пробил меч Арклета.

Но потом вокруг Делькасла разразился настоящий шторм стали. Со всех сторон его окружили люди, которых сделала безумными выпивка, и еще безумнее — жажда крови и стремление впечатлеть их благородных хозяев.

— На помощь! — отчаянно закричал он. — Кто-нибудь! На помощь!

Человек перед ним завопил и упал, его нога оказалась пришиблена к сцене кинжалом, которого мгновение назад там не было. Затем рухнул мужчина позади Арклета, его глаза выпучились от неожиданной боли, когда что-то тяжелое огрело его сзади по голове.

К тому времени, как он коснулся пола, нападающие развернулись, чтобы посмотреть, кто этот новый противник — которому осажденный лорд уже улыбался, продолжая фехтовать ради того, чтобы выжить.

Это была танцовщица в маске — на которой были лишь блески, пот и случайные следы крови — полностью чужой крови. Она отбросила маску, черные волосы свободно развевались, и в одной руке у нее был меч, весь в крови, а в другой — чистый кинжал, который она держала рукоятью вперед.

Тяжело дыша, она встретила их — и немедленно рассекла мечом лицо телохранителя, который по глупости опустил оружие, чтобы оскалиться.

— Убейте ее, — пьяно проревел Виндстаг. — Я смогу позабавиться и с трупом!

В его сторону повернулись головы — люди с недоверием глядели на Виндстага даже среди яростно клацающей стали.

— Н-ну, — прошипела им голая танцовщица, — теперь мы все знаем, как *некоторые* знатные лорды предпочитают проводить свой досуг...

— Взять ее! Взять ее! *Взять ее!* — завопил разъяренный Виндстаг достаточно громко, чтобы вопль эхом отразился от потолочных балок.

Он залез на сцену, и его телохранители поспешили следом. Виндстаг и его люди врезались сзади в тех, кто сражался с Арклетом Делькаслем, толкнув их прямо в закипающий хаос.

Лишь на мгновение, сквозь прореху в налетающих телах, лорд Делькасл увидел бесчувственное лицо Делнора, глядящее в никуда.

Затем оно исчезло за ордой людей, пытающихся убить его, и он снова начал сражаться за свою жизнь.

А где-то позади так же дралась Амарун, имя которой он только недавно узнал.

Кажется, как раз вовремя, чтобы они могли умереть вместе, и тогда подобные пустяки перестанут иметь значение. Навсегда.

В самом темном углу королевского склепа, на три этажа ниже последнего уровня дворца, куда еще достигали лучи солнца, одинокий старый волшебник внезапно застыл на месте, а его глаза полыхнули мерцающим синим огнем.

— Что-то здесь произошло, — мрачно сказал Эльминстер. — Здесь разбудили нечто. Сильная магия, древняя магия. Хмм. Как я сам.

Вокруг него возвышались каменные саркофаги Обарскиров, где мертвые короли, королевы, принцы и принцессы Кормира медленно превращались в прах. Магия лежала на этом месте, как тяжелый доспех, умерщвляя его чувствительность ко всему, кроме самых сильных колебаний, зато крайне эффективно скрывая его от любого боевого мага, который может захотеть облегчить задачу всем этим пурпурным драконам, сотворив подходящее поисковое заклятье.

Кто-то из этих современных боевых магов должен был знать подходящее волшебство, или хотя бы мог найти его в старом гримуаре. Если они вообще еще хоть что-нибудь читают...

Это произошло снова, волнение магии, вокруг и внутри него, как большой тихий крик, заставивший его заморгать и опереться о ближайший каменный гроб.

Высвободили нечто могущественное... но что?

Были времена, когда он мог пройти на расстоянии дневной скачки от Сюзейла и мгновенно *точно* узнать, что именно произошло, когда нечто могущественное тревожило Пряжу. Да, были времена...

— Я не могу больше спасти Королевства, — прошептал он во мрак. — Не в одиночку.

Неожиданные слезы заставили мерцающие огни вокруг него поплыть и раздвоиться.

— Проклятье, я даже Кормир защитить не могу! Призраки Девятки могут, да, если отдать им правильные приказы — но они нужны мне, чтобы исцелить Алассру. Так что же это будет? Земля или моя госпожа?

Безмолвная тьма не дала ему ответа, а Эльминстер никак не мог решить прямо здесь и сейчас.

Он больше не мог сидеть и прятаться; ему нужно было *подумать*. Для этого требовалось пространство для прогулки, чтобы притвориться, что он снова курит свою старую трубку, и... и перестать притворяться во многих других отношениях.

Мертвецы вокруг него были прахом, их время давно прошло, как и его. Ему просто не хватило здравого смысла вовремя умереть и оставить позади все беды и заботы, переложить свой бесконечный бой на плечи кого-то по моложе и посильнее, у кого еще осталась надежда хоть на малейшую победу...

Да, вот оно. Именно это. *Надежда*.

В эти дни она стала для него редким сокровищем. Угасающая, отчаянная надежда. Надежда, что Алассра снова сможет прийти в себя, что... что...

Ох, ради любви Мистры, он *должен выбраться отсюда!*

Эльминстер выбежал из гробницы и понесся по темным, пустынным проходам, направляясь к ближайшему выходу из дворца наружу, на свежий воздух.

Он должен... должен... что он собирается делать?

Хрипя и задыхаясь, он поднялся по лестнице на другой этаж, который, к счастью, оказался темным и заброшенным. Что ж, так и должно быть: если бы солдатами и волшебниками дворца командовал он, у него наверняка бы обнаружилась масса более важных дел, чем какой-то старик, который мог быть вором!

Может быть, конечно, им было и не о чем волноваться, но почему-то Эльминстер серьезно в этом сомневался. В то, что они предпочли не замечать нависший кризис, пока он не поднял свою уродливую голову, Эл еще мог поверить, да, и...

На следующей лестнице он налетел прямо на торопящегося мимо человека.

Человека в мантии, который споткнулся и выругался, обернулся, взгляделся и

воскликнул:

— Ты!

Боги улыбнулись, это был Рорскрин Мрелдрейк!

— К вашим услугам, — ответил Эльминстер, бросаясь вперед, туда, где он мог бы вывести противника моложе из равновесия.

У него это получилось, Мрелдрейк покачнулся — и Эльминстер нокаутировал его локтем в челюсть, не оставив времени вспомнить какое-нибудь подходящее гадкое заклинание.

Он опустил бесчувственное тело боевого мага на пол у стены, забрал у него весьма примечательный скипетр, и тяжело дыша, поспешил убраться из этого прохода. Он определенно потерял сноровку в деле дворцовых краж.

Но, опять же, он потерял сноровку во многих вещах.

— Амарун! — позвал Арклет, топча, пиная, рубя сбитых с ног и отчаянно борющихся мужчин, прежде чем они могли встать на ноги. — Сюда! Будем драться спиной к спине!

Его рот все еще произносил эти слова, когда что-то длинное и фигуристое пронеслось над его левым плечом. Это была Амарун, ногами вперед — ударила прямо в грудь Виндстага и сбила его со сцены. Тот полетел на пол, вытаращив глаза и комично раскинув руки.

Когда он достиг пола, все здание клуба содрогнулось. Из самого Виндстага выбило весь дух, его конечности безвольно повисли, как у тряпичной куклы. Амарун соскочила с него и побежала вниз по комнате, оставив окруженного Арклета на сцене в одиночестве.

Он прыгнул вслед за ней, тяжело приземлился и побежал к далеким дверям, ведущим наружу. Его преследовали больше дюжины людей. Впереди обнаженная и прекрасная танцовщица перепрыгнула барную стойку и исчезла за ней из вида.

Почему она не побежала к дверям? Неужели был ход наружу из погреба? Или в погребе можно было забаррикадироваться?

Амарун вынырнула из-за стойки, лицо искажено гримасой гнева, и начала бросать бутылки — сильно и метко, прямо в лица телохранителей и лордов. Арклет пригнулся, спотыкаясь, но не останавливаясь — но ему не стоило волноваться, ни одна из бутылок не полетела в него.

Он увидел, как человек упал, облитый вином, как отдернулась голова другого, когда от нее отскочила бутылка, и внезапно все вдруг забыли про Арклета и бросились к бару, возжаждав крови Амарун.

Разгневанная танцовщица продолжала швырять бутылки. Упали пятеро, шестеро... но другие уже достигли стойки и принялись рубить ее своими клинками, пытаясь заставить ее отступить, чтобы они могли забраться на стойку и...

Неподалеку от бара с грохотом распахнулась дверь, и Тресс влетела в комнату, а следом за ней — весь персонал клуба с разнообразным импровизированным оружием в руках.

Долю секунды спустя распахнулись ведущие на улицу двери клуба, и помещение заполнили пурпурные драконы с мечами наголо.

— На помощь! На помощь! — закричала Амарун, указывая прямо на Донтарда и Сорнстерна. — Эти три лорда только что прикончили дворцового посланника и пытались

убить лорда Делькасла!

Тресс заставила своих подчиненных остановиться. Телохранителей и прилипал остановить было сложнее, но вскоре и они замялись под тяжелыми взглядами пурпурных драконов.

У сцены трое телохранителей помогали стонущему, пошатывающемуся Виндстагу подняться на ноги, положив его руки себе на плечи.

— *Которые* три лорда? — спросил капитан драконов у Амарун.

Она показала. Когда ее палец указал на Каскота Донтарда, тот ухмыльнулся:

— Ха! Слово какой-то распутной девки против показаний лордов королевства?

— Я тоже являюсь лордом королевства, — парировал Арклет, — и мои слова поддержат ее показания против вас.

— Да, но против нас троих один ты и эта лживая ничтожная простолюдинка, которая с готовностью сочинит любую ложь, чтобы очернить лорда, — усмехнулся Донтард.

Капитан пурпурных драконов услышал достаточно.

— Один почти без сознания, а ты такой пьяный, что едва можешь стоять. Прежде чем я тебе поверю, нам понадобятся боевые маги, чтобы залезть в ваши мозги.

Донтард побледнел и угрожающе поднял меч. Офицер-дракон с отвращением кивнул одному из своих людей, который подобрался к Донтарду сзади. Солдат послушно и крайне эффективно воспользовался рукоятью своего кинжала, чтобы сбить зарвавшегося лорда на землю.

— Господин капитан, я готов ответить на любые вопросы, — любезно предложил Арклет, бросая вызывающий взгляд на Виндстага.

— Ух, ургх... как и я, — мрачно пробурчал тот. — Мы... мы пьяны, да, это правда.

Он огляделся, заморгал, увидев кровь под расprostертыми телами, и нехотя добавил:

— Виндстаги возместят ущерб, капитан. Это наша вина.

Затем он наградил Арклета тяжелым и злобным взглядом.

Офицер-дракон угрожающе покачал пальцем:

— Я видел это, о благородный наследник дома Виндстагов. Если с лордом Делькасом что-то случится, я буду знать, к кому посылать магов для допроса.

Ответ Виндстага был коротким, выразительным и очень грубым.

Глава 22

Сомкнувшиеся на графине руки

Двое часовых у двери увлеченно обсуждали свои шансы с самой красивой из младших горничных, когда между ними прошаркал потрепанный старик в рваной одежде, вежливо кивнул и вышел из дворца в кормирскую ночь.

Младший часовой напрягся, но его старший товарищ — убедившись после короткого взгляда, что у покидавшего дворец старика в руках ничего нет — кивнул в ответ и любезно пожелал: «Пусть боги даруют тебе добрую и приятную ночь».

В ответ старик молча улыбнулся и помахал рукой, а затем, сгорбившись, неторопливо зашагал прочь.

— Ты просто его отпустил! — зашипел младший стражник. — Это был Ролиган, которого мы должны...

— Должны немедленно выдворить из дворца, как только увидим, — ответил его товарищ. — И именно это мы и сделали. Так?

Согбенная фигура продолжала уходить вдаль по хорошо освещенному променаду.

— Это... это кажется неправильным, — запротестовал младший, когда старик растворился где-то во мраке.

— Что и в самом деле неправильно — так это те слишком поспешные и наглые приказы, которые так любят отдавать некоторые из молодых боевых магов, — веско ответил старший. — Они слишком любят командовать и слишком не любят думать, прежде чем открывать рот. Некоторым из них стоит разок обжечь пальцы и научиться хоть чему-то. Надеюсь, это случится прежде, чем грядущий Совет вывалит им на колени настоящую проблему.

— Думаешь, все обернется бедой?

Вместо ответа бывалый пурпурный дракон наградил товарища длинным, тяжелым взглядом.

Они оба, вероятно, переменили бы свое мнение, если бы видели в этот миг старого Элгорна Ролигана. Он выпрямился и шагал куда быстрее и тверже.

Эльминстер спешил в сердце города.

— В-вот, — быстро сказал Белгрин Муренстур, оборачиваясь к двум пылающим мужчинам и торопливо пятясь, как только указал на резную вывеску, изображавшую женщину на камне в лесу, с натянутым луком, над головами рычащих волков. — «Храбрая Лучница»!

— Спасибо, добрый человек, — ответил тот из них, который был пониже. — Но, как ни странно, мы и сами умеем читать на элементарном всеобщем.

Высокий сделал быстрое движение в сторону Белгрина, но его спутник покачал головой.

— Мы должны оставить одного свидетеля, Трет.

Он бросил взгляд на Белгрина.

— Пойди внутрь и посмотри, там ли Ханткраун. Предупредишь его — или кого другого — что мы здесь, и умрешь. Очень медленно.

— Сначала мыотрежем тебе язык, — почти нежно прошептал высокий. — Потом нос. Потом один палец, другой...

— Хватит, Трет. Он начинает трястись, — прервал товарища низкий — и шагнул вперед, чтобы хлестнуть Белгрину по лицу с такой силой, что владелец «Иноземных вин Муренстура» ударился головой о переднюю стену клуба, задохнулся и заморгал, оглушенный, глядя прямо на широкую, бесконечную улыбку мужчины в огне.

— Просто зайди внутрь, посмотри, там ли Ханткраун, вернись и скажи нам. Через эту дверь, не каким-нибудь другим путем, иначе Трет приступит к своим маленьким хирургическим операциям, как только найдет тебя. А это будет очень скоро.

Чуждое присутствие внутри него всплыло на поверхность, наполняя Белгрину мрачной уверенностью, и он обнаружил, что яростно кивает и даже с нетерпением заходит в «Лучницу».

Спустя три сдавленных вдоха он уже снова оказался снаружи, глаза распахнуты от ужаса. Вся мрачная уверенность, откуда бы она ни появилась, исчезла.

— Д-да, — пробормотал Белгрин. — Он в камзоле с загнутыми плечами, украшенном блестками в виде звёзд. Светлые волосы, зеленые глаза, острый нос. С ним как м-минимум шесть телохранителей.

Жестокие улыбки не дрогнули.

— Хорошо, — прорычал высокий человек, объятый синим огнем. — Никогда не любил телохранителей.

— Там... — выпалил Белгрин, но замаялся.

— Да? — шелковым голосом спросил низкий.

— Там... много других лордов, сэры, и все они в сопровождении телохранителей.

— Твоя забота, — ответил ему высокий, — поистине трогательна. Что ж, живи.

Он хлопнул Белгрину по плечу — легкое, короткое прикосновение, от которого ничего не загорелось, но торговец винами затрясся и почувствовал пробирающий до костей холод — и шагнул мимо него в «Лучницу».

Второй мужчина в огне махнул Белгрину и поторопился следом за своим пылающим компаньоном.

Белгрин знал, что ему нужно бежать прочь, быстро и далеко. Когда он справился с дрожью и смог стоять, он бросился на другую сторону улицы, где из-за того, что нетвердо стоял на ногах, врезался в стену закрытой на ночь пекарни. Задыхаясь, он развернулся — что-то заставило его остановиться и взглянуть обратно на «Храбрую Лучницу».

Из-за дверей клуба доносились приглушенные крики — двойных дверей, внутренней и внешней пары из тяжелого, окованного медью сумрачного дерева — которым вторил звон стали, лязг встречающихся мечей. Раздался вопль, потом грохот, и новый лязг клинков.

Затем двери распахнулись и наружу в панике побежали богато одетые люди с бледными лицами, цепляясь друг за дружку в попытках отвоевать достаточно простора, чтобы убежать в ночь. Следом за ними вышел высокий, окутанный саваном синего пламени воин, протыкая и рубя своим клинком. Люди кричали, задыхались и падали лицом в землю, когда он убивал их, не останавливаясь, шагая вниз по улице, быстро, как грозовой ветер, за несколькими жертвами, сумевшими убежать, по пути хватая остальных и жестоко с ними расправляясь.

К тому времени Белгрин Муренстур был почти слишком занят, извергая на ближайшую

стену все, что поглотил этим вечером ранее, чтобы разглядеть море крови и кучи тел, которые виднелись в распахнутых дверях «Лучницы».

Почти.

Арклет и Амарун устало глядели друг на друга через стол. Неподалеку от них суежилась Тресс, давая указания персоналу, занимавшемуся уборкой клуба, по приказу драконов закрытому на всю оставшуюся ночь. Кто-то нашел для Амарун халат и тапочки.

Несколько пурпурных драконов и боевых магов — они потеряли точный счет, но судя по всему, «несколько» было довольно большим числом — задали Арклету и Амарун множество, множество вопросов о событиях этого вечера и об их прошлых встречах с лордами Виндстагом, Донтардом и Сорнстеном. Время от времени, лорда и танцовщицу разлучали, чтобы допросить по отдельности и сравнить их истории — видимо, они все-таки совпали. Все расспросы были довольно дружелюбными, и, казалось, вполне корректными... но их было *очень* много. Уже не говоря о налагаемых на них с мрачным видом заклинаниях, и задумчиво разглядывающих их мужчинах с невыразительными лицами.

Так что графин, который Тресс молча поставила на стол между ними, был принят с глубокой благодарностью.

Не сговариваясь, они начали передавать его друг другу, делая глотки по очереди и задавая собственные вопросы.

Не те прощупывающие вопросы, с которыми они только что покончили — по крайней мере, надеялись, что покончили — а короткие, простые реплики людей, пытающихся узнать друг друга получше.

Постепенно между ними формировалось осторожное доверие, поскольку оба пережили смертельную опасность и сражались друг за друга... и, похоже, они друг другу нравились.

— Благородный лорд, — сказала Амарун. — Мне нужен союзник. Не любовник. Друг.

— Мне союзники тоже не мешают, — спокойно ответил ей элегантный юноша.

Их руки медленно потянулись вперед... и встретились на графине с вином.

Первый человек с безумными глазами, пробежавший мимо Мудреца Долины Теней, вызвал его интерес, а второй — жгучее желание уйти с дороги, чтобы не оказаться сбитым с ног. Когда мимо, задыхаясь, пронеслись третий, четвертый и пятый, прежде чем он сумел выпрямиться, опираясь на стену, интерес разгорелся до яркого пламени.

— Какие новости? От кого бежите? — крикнул он следующей группе беглецов. Все они были молоды, хорошо одеты и многие из них истекали кровью от того, что казалось ранами от меча. — Где война?

— «Х-храбрая Лучница», — выдохнул в ответ один из них, споткнувшись и чуть не упав. Он налетел на стену рядом с Эльминстером, чуть не сбив старика с ног, но отчаянно уцепился за кладку кончиками пальцев, и этого хватило, чтобы удержаться и выпрямиться.

— Люди в огне! — добавил он через плечо. — Убивают всех!

— В огне? — вслух произнес Эльминстер, изображая удивление большее, чем чувствовал на самом деле.

— Да! — выдохнула следующая пара бегущих; Эльминстер узнал одного из благородных, которого недавно видел выглядывающим из окна кареты на променаде, хоть и не знал, как какому дому тот принадлежит. — В синем огне!

А, ну конечно. Прочистив горло, Эльминстер расправил плечи, сделал глубокий вдох и двинулся к «Храброй Лучнице» так быстро, как только мог, оставив с миром бегущих в противоположную сторону лордов и их телохранителей.

Крайне подходящий способ выразиться...

Боги, как же он постарел. Всего через квартал он начал спотыкаться, старые уставшие кости протестовали в ответ на каждый шаг.

К счастью для безопасности всех честных жителей Сюзейла, любой патруль пурпурных драконов двигался быстрее, чем он. Один из таких патрулей промчался по соседней улице с мечами наголо.

Эльминстеру не требовалось видеть вывеску, чтобы догадаться, в каком здании впереди они все исчезли. Во-первых, с другой стороны сюда приближался второй патруль, а во-вторых, драконы из первого патруля вышли обратно, чтобы занять позицию у дверей, пока их товарищи заняты торопливыми поисками свидетелей и виноватых.

Эльминстер замедлил шаг. Сигнальных рогов слышно не было, а значит, бой внутри не шел. А это значило, судя по поведению драконов, что там было достаточно трупов, но никаких признаков живых и присутствующих на месте убийц, в синем пламени или без него.

Что, в свою очередь, говорило о том, что этому старому мешку с костями стоит отойти в сторонку, не высовываться и слушать.

— Алассра, — пробормотал он себе под нос, разыскивая подходящий переулок, — прости меня. Я люблю тебя, но и это королевство люблю тоже. Не могу не принимать участия в его делах, не пытаюсь уберечь Кормир от любого, кто хочет разорвать его на части, не защищать Кормир от себя самого. Я просто не могу.

Из переулка были хорошо видны парадные двери «Лучницы» и имелась весьма удобная груда пустых ящиков, которые не успели забрать нанятые фургоны, вывозящие мусор.

Когда он скользнул за ящики, прислонившись к неровной и грязной стене со вздохом облегчения, одна из его рук начала дрожать сама по себе, несколько пальцев пронзила боль, как будто они горели в огне, а остальные пальцы онемели.

Эльминстер взглянул на нее с отвращением.

— Когда-то эта рука с одинаковой легкостью повергала крепости и драконов.

Он мрачно стал рассматривать свои пальцы. По крайней мере, они по-прежнему подчинялись, когда он сгибал их. Хотя два, казалось, уже не могли согнуться до конца.

Уже не выхватить что-то у врагов, не сжать прочной хваткой.

Будь оно все проклято.

— Последние сто лет не были ко мне добры, — сказал он темноте. — И теперь я слишком стар для этого...

Онемела вся рука.

— Ох, Мистра, как до такого дошло...

Арклет и Амарун испуганно подняли глаза. Задыхающийся пурпурный дракон промчался мимо них через главный зал клуба, восклицая:

— Капитан? Капитан Таннат?

Командир патруля, осматривавший комнаты танцовщиц, показался на сцене:

— Да, гонец?

— Ваш патруль нужен в «Храброй Лучнице». Там убитые, много убитых! В том числе лорды!

По всему клубу задвигались драконы.

— Меня послал капитан Дралкин. Говорит, вы нужны ему там как можно быстрее, — добавил гонец на последних остатках воздуха, опираясь на кресло, чтобы передохнуть.

Амарун и Арклет переглянулись через стол.

— Оставайся здесь, — сказал лорд, толкая графин к девушке.

Судя по приказам, которые отдавал Таннат, он решил не оставлять в клубе ни одного из своих людей, и хотел, чтобы даже «распоследний пес» оказался снаружи вместе с ним.

— И с каких это пор я стала твоей служанкой, лорд Делькасл? — очень тихо спросила Амарун не услышавшего ее Арклета, поспешившего присоединиться к солдатам.

Взмахнув на прощанье Тресс и сделав быстрый глоток, осушивший последние капли жидкого огня из графина, Амарун подошла к бару. Выхватив плащ из собранной здесь груды ничейной одежды, оставленной павшими и сбежавшими, она обернула его вокруг плеч, чтобы прикрыть свой куцый халатик, и выбежала в ночь, по пятам за лордом и самыми медленными драконами.

Тресс, качая головой, глядела, как уходит ее танцовщица. Затем обернулась, чтобы оглядеть нанесенный клубу ущерб. Опять.

Вздох. Нельзя позволить крови высохнуть и по-настоящему вьестся...

Эльминстер вздохнул. Либо патрульные драконы никуда не спешили этой ночью, либо бойня в «Храброй Лучнице» была поистине впечатляющей.

На место продолжали прибывать боевые маги — парами и тройками, все с эскортом из пурпурных драконов — и исчезать внутри клуба.

Откуда эскорты из драконов вскоре выходили, чтобы постоять снаружи, поболтать со скучающими товарищами, которые прибыли сюда раньше, и подождать.

Подождать, вероятно, пока растущая толпа волшебников внутри наконец что-то решит или закончит какое-то колдовство — или просто уснет.

Боги, что эти безусые молодые идиоты, которых сейчас называют боевыми магами, там делают? Что их может настолько задержать?

Или они просто выблевают свои кишки от шока и отвращения, увидев такую бойню? Во имя всех еще существующих богов, разве парни и девчонки, вступающие в ряды боевых магов, не ожидают *постоянно* видеть кровь весь остаток своей жизни?

А если нет, то почему? Неужели они полностью слепы и не видят, каков окружающий мир на самом деле?

Эльминстер прекратил задавать про себя вопросы, на которые переулочек все равно не мог ему ответить.

Кто он, в конце концов, такой, чтобы требовать хоть какие-то ответы, архимаг, неспособный управлять даже собственными пальцами?

Он должен пойти, и посмотреть, и послушать сам. Воспользовавшись, например, люком для мусора, ведущим в переулок.

Эльминстер скользнул к люку, обнаружил, что тот настежь открыт, в очередной раз покачал головой, поражаясь беспечности кормирских стражей, и прислушался.

На расстоянии вытянутой руки от него два капитана пурпурных драконов как раз начали разговор.

Таннат задыхался и был не слишком счастлив.

— Ну, Дралкин? Я прибыл сюда так быстро, как только смог. Где пожар?

— Снаружи, — мрачно сказал Дралкин, стоя прямо во внутренних дверях в клуб. Все фонари горели как можно ярче; комната была хорошо освещена, и любой мог разглядеть лужу крови, начинавшуюся у его сапог и простиравшуюся дальше, к обломкам мебели и разодранным, прикрытым телам, будто красное и липкое озеро.

— Барды назовут это «кровавыми последствиями». Когда закончат извергать наружу свою последнюю трапезу.

Таннат бесстрастно рассматривал отрубленные конечности и разрубленные головы.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Я скажу, что утром многие благородные семьи будут взывать к возмездию.

— И требовать наши головы за то, что мы не смогли этого предотвратить, когда не найдется никого более подходящего, чтобы повесить вину, — согласился Дралкин. — Заклинатели как раз собрались состряпать что-то, чтобы помешать этому произойти. Ну и конечно попытаться определить — хоть я и не знаю, *как* человек может определить нечто подобное — не напала ли на Сюзейл чума яростного безумия.

— Ладно, я задам очевидный вопрос, — тяжело сказал Таннат, восстановив дыхание. — Кто это сделал?

Дралкин пожал плечами. Краем глаза он увидел бледные лица Арклета и Амарун позади людей Танната, но не стал записывать и сказал то, что собирался сказать.

— Мы опросили двух человек, которые бежали, как олени от лесного пожара и выбрались из этого живыми. Они рассказали, что все это сделали два мужчины, с лиц которых никогда не сходили улыбки, а вокруг них постоянно пылал синий огонь, который ничего не поджигал. Убийцы говорили всем, что они здесь, чтобы прикончить лорда Сесзгара Ханткрауна — и сделали это. Его тела не нашли, хотя боевой маг Скорлаунд обнаружил палец, который по его мнению принадлежал Ханткрауну.

— Значит, эти два зачарованных убийцы потащили свой кровавый трофей назад к тому, кто их прислал, чтобы доказать, что они сделали свое дело и заработали плату, — мрачно сказал Таннат.

— Конечно. Но меня сейчас волнует другое, — ответил Дралкин. — Я позвал тебя вот зачем: что, если это только начало, учитывая всех благородных лордов, прибывающих на Совет? Сколько еще этих пылающих убийц отправятся собирать урожай?

Глава 23

Сладкие грезы о королевской короне

Впуская троих опоздавших лордов, Гаскур предусмотрительно позаботился о том, чтобы его лицо ничего не выражало, но он провел их через черный ход поместья Грозозмеев с почти позорной поспешностью. При других обстоятельствах лорды Сорнстерн, Виндстаг и Донтард могли наградить его за это затрещинами и руганью, но сейчас они все пребывали в неподходящем расположении духа.

После торопливого отбытия из клуба Драконих Всадников они почти бегом отправились в Стагхэвен Хаус, семейное поместье Виндстагов, чтобы укрыться в беседке в тамошнем саду и выждать, пока драконы, следившие за ними от самого клуба, не сдадутся и не отправятся докладывать об их местонахождении. Затем троица спустилась в проходивший под улицами тоннель, который вел из особняка в конюшни для элитных жеребцов, которыми владели Виндстаги, а оттуда — переулками прокрались к особняку Грозозмеев.

Это путешествие заняло достаточно времени, чтобы их гнев остыл, превратившись в страх, беспокойство и адресованные самим себе проклятия — не только из-за того, что они спугали восхитительные замыслы Марлина, но из-за возможных суровых последствий или, по крайней мере, серьезных затруднений, которые вызовет подозрение со стороны назойливых боевых магов.

— Вот вы где! — воскликнул хозяин, когда они с неловкой поспешностью вошли в комнату, и Гаскур, покидая помещение, закрыл за собой двери. — Слишком заняты пьянством, чтобы вовремя явиться на маленькую встречу изменников?

— Прости, Марлин, — раздался ответ, от которого все присутствующие удивленно заморгали; никто из шести собравшихся здесь благородных лордов даже не представлял, что Каскот Донтард умеет извиняться перед кем бы то ни было.

— Да, — пробормотал Брорин Виндстаг. — К завтрашнему полудню, когда в Стагхэвен Хаус заявятся пурпурные драконы, семейный кошель станет намного легче.

Сорнстерн закивал: трое юных лордов являли собой воплощение раскаивающейся и пристыженной знати.

Марлин Грозозмей вздохнул и отвернулся от стола, где наполнял свой бокал из любимого графина.

— Что случилось?

Последовавшее объяснение оказалось крайне хаотичным, и заставило Марлина громко фыркать — а двух других присутствующих, сидевших за столом, раз или два закатить глаза.

В итоге Грозозмей одним глотком осушил свой бокал, и ему пришлось наполнять его заново. Когда бормотание троицы лордов смолкло, он прорычал:

— Никто из вас не был настолько пьян, чтобы пообещать Делькаслу или пурпурным драконам расплату, когда вы получите больше власти, не так ли? *Не так ли?*

— Нет, — хором ответила троица с озадаченными гримасами, искренне считая, что не делали этого — и поэтому, к счастью для них, ответ прозвучал убедительно.

Марлин раздраженно помотал головой и взмахом руки указал им на графины.

— Садитесь. Недостаток самодисциплины — и пунктуальности — может стоить вам головы, если королевский двор прознает о нас, так что считайте события этой ночи предупреждением, которое нужно помнить. Так на чем мы остановились?

Когда троица опоздавших наполнила свои бокалы, за столом, считая Марлина, который не стал садиться и продолжил взволнованно расхаживать по комнате, стало шестеро лордов — благородных наследников младших домов. То есть отпрысков семей, давно затаивших злобу на большие дома, например, королевские династии Краунсильверов и Трусильверов и неизменно искусных богатых интриганов вроде семьи Иллансов, постоянно лишаящих их всей власти.

Большая часть младшей знати на протяжении многих веков молчаливо боролась против нескольких дюжин королей-Обарскиров за то, чтобы Драконий Трон отдал им «принадлежащее по праву». Заговорщики Марлина, однако, принадлежали преимущественно к новой крови, семьям, получившим дворянство после изгнания дома Блес и лишения прав Кормерилов и прочих.

Молодые и богатые дворяне легко могли найти подхалимов и лизоблюдов, но вот дружба среди них встречалась редко и сохранить ее было сложно — кровные распри, гордость и пылающие амбиции тому причиной. Дворяне крепко держались за тех друзей, которых им посчастливилось встретить — и это крайне усложнило Марлину выбор заговорщиков. Выбери он человека, которого хотел — и тот привел бы с собой второго, которому Марлин никогда бы не доверил секретов, способных стоить ему головы.

И все же Марлин считал, что среди всех доступных наследников в Королевстве выбрал самых подходящих, чтобы сохранить хотя бы подобие своего главенства во всех предприятиях, способных довести до могилы, если с ними плохо справиться. У Марлина не хватило духу привлечь людей посильнее, которые могли бы отодвинуть его в сторонку, на роль лакея — или козла отпущения — как только успех окажется близко.

Заговорщики сидели в креслах. Марлин пил вино из бокала и разглядывал их, его лицо превратилось в непроницаемую маску, украшенную легчайшей из улыбок.

Виндстаг был хорошим мечником и еще лучшим охотником, но при том — тем самым типом большого, краснолицего задиры, который легко мог навлечь на всех них неприятности. Сорнстерн рядом с ним был никем, подлизой Виндстага. Донтард, ушлый пьяница, не смотря на это обладал смекалкой и острым рассудком, и мог управлять Виндстагом лучше кого бы то ни было.

Однако Донтард мог представлять опасность. Опасность для самого Марлина: он был из тех, кто дожидается возможности ударить в слабое место, предать своих товарищей, чтобы заполучить плоды их трудов лишь для себя. Если уж на то пошло, такими же были Хандрагон и Орнблейд; Марлину стоит позаботиться о том, чтобы эти трое были настроены друг против друга, а не работали вместе.

Ирлин Стонстейбл был суровым и угрюмым с виду, одним из тех, кто сделает лишь самое необходимое, и ни капли больше — но будет стоять, как камень, когда все остальные побегут.

Мелласта Орнблейда Марлин по-прежнему не мог читать так, как ему того хотелось бы, и не обладал достаточным компроматом, чтобы его шантажировать. Орнблейд был самым нестерпимым снобом из всех собравшихся, но при этом — замкнутым, утонченным, превосходным дипломатом, которой действительно мог быть достоин того, чтобы глядеть на всех остальных кормирцев свысока.

Немного лучше Марлин знал Сакраста Хандрагона. У его семьи дела шли хуже, чем у любого из их домов — но то, что Марлин о нем знал, заставляло его относиться к Сакрасту с осторожным уважением. У этого человека было лицо статуи, когда он того хотел, и казалось,

каждую минуту бодрствования он сохранял железный самоконтроль. Быстрый и безжалостный, когда это было ему выгодно, превосходный дипломат и великолепный актер.

Да, за Орнблейдом и Хандрагоном нужно следить. Пристально и неустанно.

Он улыбнулся, поднял бокал и провозгласил:

— Настало время, друзья, открыть вам правду.

Боги, как он любил следить, как люди застывают на месте от ужаса, ожидая следующих его слов! Наверное, быть королем так же приятно.

Марлин беспечно взмахнул рукой в ответ на побледневшие лица и застывшие позы, и позволил своей улыбке стать шире.

— Не нужно бояться! Это не миг предательства, уверяю вас. Наоборот, я демонстрирую глубочайшее доверие ко всем вам, открывая самую важную мою тайну: ту самую тайну, которая позволила мне думать, что небольшая и преданная друг другу группа истинных дворян может преуспеть в попытке переделать — спасти — землю, которую мы все любим. Прежде чем я раскрою эту тайну, позвольте еще раз заверить, что ни один волшебник — даже сам королевский маг — не смогут подслушать нас здесь. Мне удалось собрать магию, которую даже они не смогут подчинить или преодолеть.

Марлин выждал мгновение, видя по лицам, что ему удалось полностью захватить их внимание. Ни одного выражения насмешки или превосходства среди собравшихся за столом.

— В моем распоряжении находится оружие, о котором часто говорят в легендах. Мало кто подозревает, что оно на самом деле существует. Оружие, которые мы можем использовать для завоевания Кормира, когда настанет время. Друзья — товарищи по заговору — я получил власть над тем, чье имя не осмелюсь назвать, не осмелюсь даже прошептать подсказку, где он скрывается. Его магия защитит меня, я могу воспользоваться ею, чтобы убить любого, кто дерзнет выступить против. Господа, я управляю... заточенным много лет назад Обарскиром!

Поднялся неразборчивый, сразу же стихший шепот — почти как вздох. Затем наступило молчание. Молчание людей, наклонившихся вперед, чтобы лучше слышать, взволнованных и восхищенных.

— На будущих встречах мы должны вместе поработать над деталями моего грандиозного — и, да, изменнического — плана. Но в общих чертах он уже готов. Агенты, которых я — с вашей помощью, в том числе — обучал, разделяются с любым придворным, который узнает слишком многое о нашем заговоре. Наша работа заключается в устранении нынешних Обарскиров. При этом необходимо не раскрыть наши личности и как можно сильнее оттянуть тот момент, когда кто-либо сможет догадаться о цели этих устранений — а затем предъявить единственного выжившего Обарскира, того, который находится в моей власти!

Марлин замолчал, позволив им задать свои вопросы.

— Коронация, — задумчиво произнес Стоунстейбл. — А потом?

Марлин наградил их всех теплой широкой улыбкой.

— По моему тайному приказу новый король назначит меня лорд-канцлером и главным маршалом королевства — а вас поставит на другие важные позиции при дворе.

— А потом? — вопрос Хандрагона был негромким и почти ленивым.

— А потом, — довольно ответил Марлин, — Кормир будет нашим, и мы сможем свести любые счета. У меня есть собственный маленький список, и, уверен, у вас всех тоже. Я ожидаю, что прольется кровь.

Мудрец Долины Теней пригнулся, прячась от слоняющейся перед «Храброй Лучницей» толпы пурпурных драконов за грудой ящиков в вонючем переулке, посмотрел в самую широкую из множества щелей в трухлявых досках, и прислушался.

Его интересовали не столько драконы — за свою долгую жизнь он уже наслушался пурпурных драконов, не знавших почти ничего, зато державшихся так, будто «все великое королевство держится на моих плечах в красивой униформе».

Нет, его интересовали два человека в стороне от толпы, не носивших форму пурпурных драконов: лорд Арклет Делькасл и танцовщица с ним, плащ которой на каждом шагу распахивался и пытался утащить с собой и полу халата под ним. Амарун Белая Волна, гордость клуба Драконьих Всадников. Его потомок.

Его наследница, надеялся Эльминстер.

Она молчала и стояла рядом с Делькаслем, пока молодой лорд задавал вопросы разным драконам. Он получил несколько коротких ответов от самых младших, несколько пожатий плечами «Я не знаю», но офицер Дралкина ответил на его вопрос грубым: «А ты еще кто такой? И что ты здесь делаешь?»

Арклет улыбнулся.

— Я, — надменно проинформировал он дракона, — лорд Делькасл, и боевые маги поручили мне разузнать как можно больше о том, что здесь произошло.

Дракон какое-то время изучал его с непроницаемым лицом, затем указал на Амарун.

— А она?

— Она, — великодушно ответил Арклет, приобнимая свою закутанную в плащ спутницу, — со мной.

— На одну ночь? — цинично спросил другой дракон позади них. Арклет развернулся на месте, чтобы дать тому отпор, но не смог понять, кто из шести или семи старших драконов, стоявших там, это сказал.

Он снова повернулся к Амарун, чтобы сказать что-то утешающее, и увидел, что она бледна и дрожит от усталости. Волнение от драки и лицемерия жестоких смертей выветрилось, или исчезло — произошло то, что происходит в подобных случаях. Был только один способ поступить галантно.

— Прекрасная госпожа, — провозгласил он. — Этой ночью в Сюзейле, кажется, слишком много драчливых лордов и типов похуже. И, несмотря на бдительность этих доблестных стражей, могут возникнуть новые угрозы. Прошу, позвольте мне проводить вас к вашему месту отдыха!

Амарун на мгновение взглянула на него, прежде чем устало покачать головой.

— Нет, лорд Делькасл, только не туда. Однако от эскорта к дверям Драконьих Всадников я не откажусь.

— Ну разумеется! — с улыбкой ответил Арклет, согнувшись в поклоне. Даже куда более богатые и уважаемые дамы не желали раскрывать знатным лордам свое место жительства —

ни его местонахождение, ни уровень роскоши.

— Могу заверить вас, госпожа, что вы будете в полной безопасности. Вас будет защищать не один честный человек хороших кровей; защищать вас буду я, мой титул и моя честь — значит, нас будет трое!

Амарун закатила глаза, а несколько драконов насмешливо фыркнули.

— Я вовсе не госпож... ох, не бери в голову.

— Ну конечно, — весело ответил ей Арклет. — Я вообще редко пользуюсь головой!

Провожаемые хором смешков, они направились вниз по улице. Эльминстер продолжал следить за драконами и не удивился, когда офицер указал на одного из своих людей, а затем показал тому на удаляющуюся пару.

Дракон кивнул и незаметно побрел по улице вслед за лордом и танцовщицей, добравшись до ближайшего дверного проема и встав там, в тени, когда Амарун оглянулась. Когда она повернулась обратно, и пара зашагала дальше, Делькасл легкомысленно заметил что-то про здешнюю архитектуру, дракон пробрался немного ниже по улице к другому, более темному дверному проему, чтобы переждать их следующий взгляд назад.

Остальные драконы старательно не замечали пропажу товарища, вместо этого снова принявшись расхаживать из стороны в сторону и тихо переговариваться.

Эльминстер позволил им провести таким образом некоторое время, прежде чем выскользнуть из-за ящиков и медленно выйти из переулка, сторбившись, подволакивая ногу и даже не глядя в сторону пурпурных драконов. Те ответили взаимностью.

Как и их коллега, кравшийся по улице от двери к двери, не обратил внимания на идущего следом сторбленного и прихрамывающего старика.

Все четверо направлялись вдоль закрытых лавочных витрин, по изгибающейся в южном направлении улице.

Эльминстеру уловки пурпурного дракона казались такими же неприметными, как если бы он дул в боевой рог, но Арклет, по крайней мере, ни разу не обернулся.

Впрочем, как и пурпурный дракон, так что, когда до клуба оставалось около квартала, старик захромал немного быстрее.

И в результате быстро догнал дракона, прошептав ему на ухо:

— Мои извинения, верный клинок, но боюсь, обычный нападение — все, на что я способен в эти дни.

— Эээ... а? — глубокомысленно хрюкнул тот, поворачиваясь к Эльминстеру — и получив рукоятью кинжала прямо промеж глаз.

Когда лишившийся чувств дракон тяжело осел на его руках, и Эльминстер покачнулся под этой тяжестью, лорд Делькасл наконец-то решил, что настало время подозрительно оглянуться.

Но он увидел лишь пьяного пурпурного дракона, нетвердо держащегося на ногах, зрелище, которое показалось ему совсем не подозрительным.

Арклет пожал плечами, открыл двери в клуб, приглашая Амарун войти новым низким и вычурным поклоном, а Эльминстер тем временем привалил дракона к ближайшей стене, где на него не наедут фургон или повозка, и нырнул в ближайший переулок, чтобы выйти оттуда

с грудой различного мусора, за которой можно будет спрятаться. За все эти годы он узнал уловки Сюзейла *очень* хорошо.

Со вздохом-другим Эльминстер устало прислонился к стене и стал ждать, пока Амарун появится снова.

— Довольны, господин?

— Да, Гаскур. Все прошло хорошо, — ответил Марлин, сделав жест, сказавший Гаскуру, что остаток ночи он может быть свободен.

Улыбаясь, младший лорд Грозозмей проследил, как его слуга спускается по лестнице, а потом направился в свои покои, принявшись запира́ть двери.

Он почти закончил, когда на ближайшей стене вспыхнули синие огни, и в комнату вошли два призрака Девятки с мокрыми узлами в руках. Плут, Ланграл, запустил руку в свой узел — сделанный из чьего-то плаща, обогрeнного кровью — и достал оттуда взглянувшую незрячими глазами Марлину через плечо голову, черты лица которой застыли в гримасе ужаса.

Лица Сесзгара Ханткрауна; его выражение было значительно приятнее обычной насмешливой улыбки.

Чувство удовлетворения переросло в триумф. Дело сделано, легко и быстро.

— Бросьте это все в печь, — приказал Марлин, пристально вглядываясь в их холодные усмешки и сосредоточено представляя себе нужную комнату, дорогу туда и то, как они швыряют мешки в огонь. Если записи были правдивы, они способны увидеть все необходимое в его глазах. — Затем возвращайтесь ко мне без промедления.

Спустя, казалось, долгое время, два пылающих человека кивнули, развернулись и прошли сквозь стену... кратчайшим путем к печи.

Марлин взглянул на оставленные ими кровавые следы, затем подошел к своей винной полке — своей личной, с содержимым куда лучшим, чем когда-либо суждено было увидеть большинству гостей — выбрал бутылку рейнийского темного, которое, как он заметил, помутнело, и использовал ее, чтобы смыть кровь. Оставшиеся едва различимые следы утром уберет Гаскур.

— Прощайте, лорд Ханткраун, — прошептал он. — А расчлененные тела все копятя и копятя. Надо не забыть приказать Гаскуру вытащить кости из пепла, прежде чем на них наткнется кто-то из слуг и доложит матери.

Он нашел чистый бокал и графин с его излюбленной в последнее время выпивкой: Росой Драконьего Огня, огненно-янтарным букетом откуда-то из варварских земель в северном Термише. Прочищает носоглотку, зажигает внутри огонь и оставляет на языке привкус вишен и черного корня. Ахх...

Он приканчивал уже второй бокал, когда призраки синего пламени вернулись. Он поставил бокал, взял Чашу и Парящий Клинок, и сказал им:

— Хорошая работа.

Неужели эти широкие, спокойные, холодные улыбки поблекли на миг, когда он приказал им вернуться в их темницы?

Но бороться с неощутимым мраком в его сознании, который мог быть их молчаливым

сопротивлением или просто весом магии, было определено нелегко. Покончив с этим, Марлин вспотел — но он справился, уложил яростно мерцающие синевой меч и чашу на стол в комнате, откуда внезапно исчезли все ухмыляющиеся, пылающие люди.

Прекрасно. Я повелеваю Лангралом и Халонтером... а скоро и тысячами других.

Подхватив бокал, Марлин направился к себе в спальню. Самое время немного вздремнуть и увидеть сны о том, как он будет могучим и безжалостным королем Кормира.

Расстегивая ремень и снимая одежду, Марлин продолжал прихлебывать Драконью Росу, обдумывая ту часть плана, которую скрыл от своих товарищей.

Он, конечно, не управлял никакими исчезнувшими Обарскирами, но собирался такового *создать*.

Два его призрака синего пламени — конечно, они едва ли являлись настоящими призраками, но ему нравилось такое название — по его приказу уничтожат всех боевых магов и старших рыцарей одного за другим. Погибших заменят его наемники, пока на службе у Обарскиров не останется ни единого преданного человека.

И тогда, конечно, придет их очередь действовать. Он прикончит их всех, каждого живого Обарскира, а затем представит Кормиру одного из призраков — из них двоих Халонтер был больше похож на Азуна — как «истинного Обарскира» из прошлого.

До тех пор Марлин будет использовать остальных заговорщиков, замарав их руки по локоть в крови, и в случае необходимости сделает из них козлов отпущения, объявив «изменниками» и расправившись с ними первым, прежде чем они смогут обвинить *его*, в любой момент, как только жители Кормира начнут подозревать, кто именно стоит за происходящим.

Даже если Лотрэ найдет новых призраков и захочет помешать ему использовать свою пару... ну что ж, Лотрэ вряд ли откажется от возможности отдать ему чашу и править Кормиром из-за кулис.

В конце концов, это одно из богатейших королевств в мире.

Глава 24

Шторм в Долине Теней

День в Долине Теней выдался прекрасным, но солнце уже опускалось в глубокий лес, которым поросли окружавшие ее холмы. Длинные лучи света пробивались сквозь листву, золотя листья папоротников и зажигая терновник и кусты куманики, укрывавшие рухнувшие стволы павших лесных великанов.

Медленной и терпеливой тенью Шторм Среброрукая пересекла прогалину, стараясь производить как можно меньше шума. Она рассчитывала оказаться здесь значительно раньше, но необходимость оставаться незамеченной и не оставлять следов оказалась важнее. Шторм набросила плащ волшебника на голову, чтобы скрыть свои приметные волосы и превратиться в неизвестную фигуру в капюшоне.

Дважды она припадала к земле, чтобы неподвижно застыть, когда местные жители проходили мимо с луками наготове, следуя звериными тропами в поисках добычи. Их луки были предназначены скорее для того, чтобы удерживать медведей или других хищников, чем для охоты, но всегда встречались такие, кто сначала спускал тетиву, и только потом смотрел, в кого он попал.

Прошли годы с тех пор, как Шторм была Бардом Долины Теней не только в легендах, но и на деле; она уже давно не возделывала свою землю и не давала приют арфистам. Жители Долины считали ее призраком, оборотнем или даже проклятыми останками — напоминанием о Волшебной Чуме — и вполне могли попробовать пронзить ее стрелой или спустить собак.

И годы прошли с тех пор, когда подобная жестокость могла стать для нее лишь мимолетной неприятностью. Вместо необузданной силы в ней становилось все больше горькой мудрости. И большую часть времени она оставалась в одиночестве, хотя это беспокоило Шторм все меньше и меньше.

Дорога от прогалины сквозь тесно растущие деревья, по вздымающимся камням, к тому месту, где из-за деревьев виднелся каменный утес, поросший мхом и сочащийся влагой, была короткой. В утесе зияли трещины и щели, некоторые были неожиданно велики. Две были достаточно широкими, чтобы случайный наблюдатель посчитал их «пещерами».

Одна, как знала Шторм, была на самом деле небольшой нишей, в глубину не больше роста низкого человека. Вторая была ее целью.

Или станет ее целью, после того как Шторм обойдет последнее дерево, чтобы оглянуться и прислушаться — достаточно долго, чтобы убедиться, что за ней никто не следит.

Шторм неподвижно застыла, когда слабый ветерок пробежал по листве вокруг, пока птицы снова не запели и не продолжили беззаботно порхать с ветки на ветку. Тогда решила, что у нее на хвосте никого нет. Шторм сбросила плащ к носкам своих неприметных старых сапог, стряхнула с себя свою мантию, развязала жилет под ней и сняла его, снова надела плащ, а поверх него остальную одежду — и отправилась прямо к упомянутой пещере.

У входа она остановилась, осторожно поставила левую ногу на небольшой выступ высотой по голень с одной стороны неровного зева пещеры, и оттолкнулась от него, прыгая в темноту, чтобы наверняка не задеть ни один из камней у входа.

В результате механизм с копьём на пружине остался неподвижным, пока она проползла

под ним, вместо того, чтобы проткнуть ее тело длинной стальной рогатиной.

Несколько человеческих черепов — целую жизнь назад она помогла их собрать — украшали узкую, неровную поверхность углубления, в котором она оказалась. Просто предупреждение.

Шторм прошла мимо, к *настоящему* стражу пещеры, надеясь, что его магия не разложилась до такой степени, чтобы убить ее.

Эту магию давным-давно сплели маги-арфисты, включая Эльминстера — волшебное поле, которое должно было держать посторонних подальше от этого тайного укрытия в лесу. Волшебная Чума превратила поле в бурлящий хаос, заставляющий живые тела содрогаться и пугающий любого, кто к нему прикасался, но поле было предназначено для того, чтобы пугать, а не убивать. Если оно все еще работало, как задумано, и не превратилось в нечто худшее.

Сначала Шторм почувствовала мучительный жар, заставивший ее задыхаться и промокнуть от пота, сделав всего лишь пару шагов. Она опустила веки, чтобы глазные яблоки не сварились вкрутую, втянула воздух сквозь сжатые зубы, и упрямо двинулась вперед.

Вперед, где инферно усилилось, ее одежда зашипела, когда вся влага из нее мгновенно испарилась, прямо — на полушаге — в леденящий холод, мороз, заморозивший пот на ее коже и заставивший Шторм беспомощно дрожать. Холод, опаливший ноздри и легкие, пронзивший ее, будто тысячи иголок — когда-то, много лет назад, Шторм почти умерла от сотен стальных игл, и знала, на что похоже это чувство — а затем сменившийся другой частью волшебной печати, преградой, которую она ненавидела больше всего.

В воздухе вокруг нее вдруг появились рты, распахнутые пасти — Шторм даже не потрудилась поднять веки, чтобы увидеть их — слепые, похожие на угрей щупальца, которые видели ее даже без глаз. Черви, заканчивающиеся пастью с огромными клыками, бросились на нее, будто змеи, впиваясь и кусая, пока она спешила вперед, пытаясь преодолеть их, не потеряв слишком много крови. Пасти шипели и рычали, или влажно чавкали у нее над ухом, когда с них капала *ее* кровь... а Шторм наконец добралась до того, что ожидала найти — тяжелой каменной цепи, лязгнувшей на камнях у ее ног.

На земле лежали разомкнутые кандалы. Она подбросила их ногой и подхватила, вцепившись в эту цепь, и держалась за нее, пробираясь вперед, несмотря на все яростные укусы.

Затем кусающиеся пасти и их рычание остались позади, а воздух вокруг начал шипеть и трещать, когда маленькие молнии начали ударять в Шторм, изломанными вилками пронзая ее кожу, заставляя мышцы содрогаться в своей хватке, спазматически сокращаясь, пока Шторм шла вперед.

После этой муки последовала новая, кошмар из полупрозрачных, сумрачных колец, которые опутали Шторм, сжимаясь, как будто призрачные — и все же материальные — змеи огромных размеров. Эти узлы *всегда*, как бы она не защищалась, обхватывали ее горло и начинали душить, пока она не сгибалась почти вдвое, неспособная сделать даже вдох, волоча себя через сгущающуюся дымку — чтобы освободиться, выпрямиться и попасть в последнюю попытку невидимых копий, бьющих в глаза, твердых осколков воздуха, целивших только по глазам, рту и горлу... чтобы наконец отпустить ее, позволив пошатывающейся Шторм пройти вперед, сплюнув кровь из своего многократно уколотого языка, чтобы восстановить дыхание и равновесие в расширяющемся проходе.

Одинокая и почти слепая в окружающей темноте — единственным источником света было слабое мерцание волшебного поля позади нее — Шторм вздохнула, потянулась, часто задышала, пытаясь перестать дрожать, пока она срывала с себя мантию и жилет, чтобы снова снять с себя плащ боевого мага и туго обернуть его вокруг кандалов, чтобы те не звенели.

Спустя, казалось, очень долгое время, тело снова стало ей подчиняться. Не потрудившись опять одеться, Шторм подхватила одежду, магию, которую взяла с собой, и замотанные в плащ кандалы, и отправилась в долгий путь в сгущающейся темноте по каменному полу огромной пещеры, пока впереди не засиял слабый свет.

Она зашагала к нему, и свет превратился в несколько слабых огоньков внизу, рядом друг с другом. Вместе с тем поверхность у нее под ногами приобрела слабый уклон вниз, и негромкое эхо шагов изменилось. По его звучанию можно было понять, что потолок пещеры опускается, нависая над ней, проход сужается, опускается и воздух становится влажным.

И начинает вонять. Не запахом разложения, земли или камня, но мускусной вонью немытого и грязного тела.

Затем Шторм наконец достигла источника света и воню.

Ее сестра Алассра, бывшая королева Агларонда, пользовавшаяся славой безумной королевы-ведьмы, убийцы Красных Волшебников, Симбул — сидела в одиночестве, грязная и голая, опустив ноги в пруд. Пруд питался водой из десятков стекающих по стенам пещеры ручейков.

По-прежнему стройная под грязью, по-прежнему среброволосая, Алассра выглядела роскошной, хорошо сохранившейся женщиной лет сорока — и при внимательном изучении казалась полностью сумасшедшей развалиной.

Беззвучно бормоча и пуская слюну, она раскачивалась вперед и назад, взгляд был диким, но не видел ничего.

Из воды рядом с ней поднималась тяжелая, длинная цепь, которая, как знала Шторм, заканчивалась кандалами на лодыжке сестры. Эту цепь выковали dwarфы, а Эльминстер и все сестры Аласстры, способные на достаточно сильную магию, наложили на нее чары. Звенья цепи содержали кровь Алассры и были закалены ее серебряным огнем, освободившимся из порезов, которые они осторожно ей нанесли. Цепь звала Алассру, где бы та не находилась — шепот, который та могла игнорировать, будучи в здравом уме, но когда ее рассудок отказывал, шепот медленно, но неизбежно призывал ее. Она легко могла снять оковы, но не хотела этого; это был единственное утешение и единственный товарищ, которого желала Алассра. Когда ее рассудок лежал в руинах, цепь позволяла ей не чувствовать себя одинокой и никому не нужной, пока она касалась Алассры.

Как сейчас.

Выходит, Симбул не умирала и никто на нее не нападал. Просто ее рассудок... был в худшем состоянии, чем когда-либо прежде.

Шторм положила на землю волшебные вещи и свою одежду, сверху положила сверток с кандалами и аккуратно развернула его, чтобы те не выдали себя звоном, оставила их лежать, а сама набросила на себя магический плащ и подошла к сестре, обнимая ее.

Симбул застыла от неожиданности, затем издала вздох удовольствия, когда ее кожи коснулся плащ.

Тело Алассры стало поглощать магию, и плащ засиял — такой же зловещей синевой, какой светился небесный огонь Волшебной Чумы. Алассра отчаянно вцепилась в него, будто голодающий в краюху хлеба.

Ее вздох стали стонами удовольствия, а затем — облегченным всхлипыванием, когда она обхватила Шторм руками и поцеловала сестру с пугающим голодом.

— Эл! — воскликнула она грубым голосом, которым давно не пользовалась. — Эл?

— Сестра, — мягко сказала Шторм между поцелуями. — Это я. Эфина.

— *Эшина*, — прошипела Симбул одновременно благодарно и разочаровано, расслабившись, когда рассудок окончательно к ней вернулся. Дикий огонь в ее глазах угас, и она встретила взглядом со Шторм. Они лежали нос к носу на мокрых камнях.

Затем Алассра поморщилась.

— Фу! От меня несет!

И она бросилась в воду, потащив Шторм за собой.

Пруд оказался до последней капли именно таким холодным, как ожидала Шторм. Она немедленно окоченела. И видимо, будет мерзнуть целый день, благодаря промокшим бриджам и сапогам, но об этом можно будет позаботиться потом.

Прямо сейчас же Алассра кричала от радости в мерцающей воде, пока последние остатки плаща растворялись, впитываясь в нее и рассыпаясь в прах.

— Ты принесла мыло? Или одну из этих новых ароматных смесей из Сембии?

Шторм скорчила рожу.

— Разве я похожа на человека, который хочет пахнуть, как целый воз тропических цветов, раздавленных и перемешанных с содержимым чьего-то винного погреба?

— Ты, — счастливо сказала ее сестра, — похожа на человека, который может стряхнуть с себя все лишнее и беззаботно получать от жизни то, чего желает — и не обращать внимания ни на что другое.

Она взмахнула руками и поплыла, погрузившись в воду по шею.

— Спасибо тебе, Шторм. Спасибо, что вернула меня... на какое-то время. Так что происходит в большом мире снаружи этого схрона? Чем ты занимаешься? И где сейчас Эл — какая глупость взбрела ему в голову на этот раз?

— Лезет в дела Кормира, как обычно, — ответила Шторм. — Он прислал меня, потому что хочет оставить все веселье себе.

— *Как всегда*, ха, — сказала своду пещеры Алассра. — Он и меня постоянно пытается держать подальше от лучших моментов. За все эти годы я могла бы убить втрое больше красных магов, если бы он не...

— Алассра, — отозвалась Шторм с притворной серьезностью, вылезая из воды и съезжившись от холода, который она почувствовала, когда струйки побежали по ее телу, стекая обратно в пруд. — С тех пор, как ты начала защищать Агларонд, ты не могла оставить в живых две трети красных волшебников, насколько любой из нас может судить. Ты просто *не могла* убивать втрое больше тэянцев. Поверь мне.

— О? — широко улыбнулась Алассра. — Так зачем начинать сейчас, спустя все эти годы? Расскажи мне еще новости. Не про Эла — ты ему, конечно, помогаешь, — но про Королевства в целом. Свергали каких-нибудь королей? Драконы рушили города? Разгневанные архимаги уничтожали целые королевства во время поединка?

— Ох, все перечисленное, — хмыкнула Шторм, проводя ладонями по своим длинным серебристым волосам, чтобы выжать из них воду. Она бросила взгляд на кандалы и другие волшебные предметы, которые принесла с собой. — С чего начать?

— С Тэя, конечно, — тут же ответила сестра. — Мне всегда интересно узнать, какие беды пали на тэянцев в последнее время. Что, аталант со парсетпер я... что за кадалаш, ах...

Их взгляды встретились, и в глаза Симбулвернулась дикость. И мгновенное отчаяние, почти мольба, за мгновение до того, как они закатились. Затем веки Алассры наполовину опустились, как будто она хотела спать.

— С-сестра, — смогла проговорить она последнюю отчаянную просьбу.

Шторм снова мрачно погрузилась в пруд и потянулась к сестре. Алассра начала скользить на дно, пуская пузыри изо рта.

Долго это не продлилось.

Прокляни его все Мистра.

Шторм вытащила свою слабо бьющуюся сестру — которая начала лаять, как собака — из воды достаточно далеко, чтобы вернуться в пруд на достаточную глубину, чтоб утонуть, можно было лишь с помощью осознанного усилия. А Алассра сейчас была далека от любых действий, которые можно было назвать особенными.

Затем Шторм на четвереньках вернулась к своей одежде и кандалам, из ее промокших штанов и сапог стекала вода, образуя на поверхности пещеры лужицы, быстро стекавшие по наклонным камням под ее коленями.

Шторм приковала сестру за запястья к кольцу в стене, задрав ей руки над головой. Затем вернула ее в воду — но если ничто не вырвет Алассре руки из суставов, длина оков заставит ее постоянно держать лицо над водой.

Это дало Шторм достаточно времени, чтобы собрать для большого костра дрова и камни, которыми можно будет его обложить для тепла, чтобы обсушиться с сестрой.

Промокшая, с охапкой хвороста в руках, она мрачно опустила голову и снова стала возвращаться через защитное поле.

Конечно, Шторм не рассчитывала, что плащ надолго вернет Алассре рассудок — чары на нем были относительно слабыми, в конце концов — но его действие продлилось куда меньше, чем она ожидала.

А это было плохо. Шторм не взяла с собой все эти многочисленные магические безделушки.

Хах. Эльминстеру лучше бы вернуть *побольше* зачарованных вещей из королевского дворца или из рук лордов, прибывающих на Совет, если он хочет снова увидеть свою возлюбленную здоровой.

Как только прекратится первоначальное бешенство сестры, ярость, всегда сопровождавшая ее возвращение к невменяемости — а кто не стал бы вопить и пинаться, зная, что возвращается к *такому*? — с ней все будет в порядке. Цепляясь за жизнь, она способна драться, как тигр. Цепь на лодыжках не предназначалась для того, чтобы не позволить Алассре утонуть — только для того, чтобы удержать ее в пещере. Симбул бы поглотила защитную печать на пути наружу.

Даже здесь, в отдалении от печати, сестра неосознанно тянулась к ней и понемногу высасывала ее силу, чтобы поддерживать в себе жизнь. Вода у Симбул была, а пища ей не требовалась до тех пор, пока она могла питаться этой далекой магией.

Но если Алассра выйдет наружу, в густые леса, окружавшие Долины и укрывавшие большую часть земель между Сембией и Лунным морем, она станет всего лишь еще одним крадущимся зверем, ждущим стрел напуганных охотников. Или клыков и когтей других, более крупных зверей.

Это были кандалы дозорных, недавно откованные в Кормире и украденные из Долины. Им не нужны были ключи — кандалы запирались и открывались нажатием на сложные

запоры на обоих наручниках сразу, что было просто сделать любому, кроме того, на ком они были надеты. Конечно, если они были надеты не на существо, способное менять свое тело, и не на существо со щупальцами...

Но Алассра всегда ненавидела малогрим и доппельгангеров, и любых тварей со щупальцами; вряд ли она использует любую магию, которая поможет ей приобрести такие черты, даже если каким-то образом снова придет в себя достаточно, чтобы использовать любую магию.

Эти мысли увели Шторм обратно, через испытания поля — в этот раз она заметила, насколько слабее они стали — в лес, где наступила ночь, принеся с собой тьму, которая была поистине глубокой, пока облака не разошлись и не засияла луна.

И тогда небольшие пляшущие оранжевые огоньки справа от нее стали намного заметнее. Шторм не видела сам костер, только блики, которые он отбрасывал на листья ближайших деревьев; лагерь в одной из лощин на краю Долины Теней, где часто проводили ночи странники, которым не хватало монет на постоянный двор или не желавшие, чтобы их видели ночующими в Долине.

Они могли просто проходить мимо, а могли быть проблемой. А значит, Шторм не могла их проигнорировать.

Так тихо, как только умела — что было очень медленно при таком слабом освещении — Шторм подкралась ближе к огню.

В лощине, где горел костер, оказались восемь хорошо вооруженных, сурового вида искателей приключений. Трое спали, завернувшись в свои плащи; двое стояли на часах, прижавшись спиной к деревьям; еще трое о чем-то переговаривались, засыпая костер копьями земли. По этому разговору Шторм поняла, что они были проблемой.

— Холм Арфистов, — говорил один. — В Долине трое разных людей утверждают, что он должен быть где-то там, если он вообще существует.

— Я слышал, он живет на ферме Шторм — с ней и с кучей призраков и со всем таким, — добавил другой.

— Нет, — сказал последний из трех. — Ульт и я были там вчера. В этом году там не собирали урожай, а сад остался заросшим и неухоженным. Дом стоит открытым и пустым. В Долине говорят, что леди Шторм приходит из леса, когда пожелает — сейчас это, может, два раза в год, не больше — и никто не знает, почему и зачем она появляется. Никогда не остается больше, чем на одну ночь, кажется, держится в стороне от фермы, затем снова исчезает в лесу.

— Они все сумасшедшие, — заявил первый, задумчиво сплюнув в огонь. — И сошли с ума уже довольно давно.

— Так что мы будем делать, если не сможем найти Эльминстера? — спросил второй, голос которого был моложе и не таким уверенным, как у двух других. — Будем обыскивать каждое дерево отсюда и до Сембии? Это же *целая куча* деревьев!

— Да, — твердо ответил ему первый. — Будем обыскивать. Не деревья, тупица, а каждую пещеру в этом лесу. Но не думаю, что до этого дойдет. Как только найдем мельчайший след магии, найдем Эльминстера.

Шторм беззвучно вздохнула и подалась назад. Мимо часового, которого миновала на пути сюда — и, как и тогда, осталась незамеченной.

Придется разобраться с ними, прежде чем она вернется в Сюзейл... или Алассра умрет, настигнутая полудюжиной стрел, прежде чем эта компания закончит свои поиски

Эльминстера.

А самому Эльминстеру придется разбираться с Советом самостоятельно, устоит Кормир или падет.

Ох, мать Мистра, вернись к нам.

Ответом на эту искреннюю мольбу стала полная тишина, как и ожидала Шторм.

Тишина, которую она слышала вот уже сотню лет.

Глава 25

Вполне заслуженно

Марлин налил себе новый бокал из любимой бутылки и одобрительно кивнул.

Кажется, этот Джарахпред был действительно лучшим наемным художником в Сюзейле.

Нервный, жеманный коротышка стоял рядом, держа в руках защитную ткань, которую снял только что с двух своих портретов — лучших своих портретов.

Две дощечки, лежавших перед Марлином на столе, говорили сами за себя. Они были не просто точным подобием лорда Драскоса Краунсильвера и лорда Гарискара Донтингхорна — они были старыми Драскосом и Гарискараром.

— Вам нравится? — нервно спросил художник, неправильно расценив молчание Марлина. — Я постоянно следовал за лордами на протяжении нескольких дней, пока они не приказывали своим телохранителям прогнать меня. Дубинками.

Он рефлекторно потер старые ушицы.

— Но, думаю, я хорошо их ухватил. Очень похоже.

— Очень, — с улыбкой согласился Марлин, делая шаг вперед, чтобы вручить художнику обещанную плату. — Вполне заслуженно.

Джарахпред просиял, глубоко поклонился своему благородному патрону, обоими руками сжимая кошелек с золотыми монетами, потом развернулся — и не увидел, как улыбка Марлина просияла так же ярко, как его собственная, когда из-за гобеленов сзади и сбоку выступили два человека, с головы до ног охваченные синим огнем, и проткнули его своим оружием.

— Отнесите его в печь, — приказал Марлин, забирая кошелек из скрюченных рук, которым уже никогда не суждено было снова взять кисть. Человечек булькал и задыхался, пронзенный двумя мечами сразу. — Вы знаете дорогу. Вытрите все пятна крови до последнего по пути, потом возвращайтесь.

Двое бесшумных убийц подчинялись скорее его воле, а не его словам, но Марлину нравилось отдавать приказы. Кроме того, ему нужна была практика. Когда придет время, он должен делать это с подобающим величием.

Уже скоро.

Спустя показавшееся очень коротким время, на ближайшей стене вспыхнули синие огни. Марлин улыбнулся, когда появились Ланграл и Халонтер, и указал им на пару портретов.

— Эти люди... вы узнаете их на темной улице или с другого конца комнаты? Рассмотрите хорошенько, пока не запомните лица.

Он указал на портрет слева, столь яркий и правдоподобный, что казался живым человеком, раскатанным каким-то образом по столу Марлина.

Плотный, суровый с виду лорд, с начинающими седеть висками, обладающий воинской уверенностью, и здоровой благородной внешностью, тяжело смотрел с раскрашенной

дощечки на любого, кто рассматривал портрет. В его холодных голубых глазах был угрюмый вызов.

— Лорд Драскос Краунсильвер, патриарх Краунсильверов.

Затем Марлин указал на второй портрет. На этом был улыбающийся краешком губ, красивый темноволосый мужчина с серо-стальными глазами. Скользящий и опасный старый морской лев.

— Лорд Гарискар Донтингхорн. Тоже глава своей семьи.

Два горящих человека — или призрака, или кем они там были — долгое время молча стояли, разглядывая портреты, затем наконец кивнули.

Марлин снова улыбнулся.

— Когда я вам прикажу, — сказал им юноша, — вы войдете на любой постоянный двор, в любой клуб или в любое крыло королевского дворца, на которое я укажу, и расправитесь с ними. Тела заберете с собой в указанное место, чтобы их не вернули к жизни.

Когда они снова кивнули, глядя Марлину в глаза, он направил свою волю на двух мужчин, заставляя их вернуться в Парящий Клинок и Виверноязыкую Чашу.

Он по-прежнему почувствовал сопротивление, но в этот раз бороться было легче; когда со всем было покончено, хватило одного взмаха ладони, чтобы смахнуть со лба пот.

Марлин потянулся к удачно подвернувшемуся графину своего любимого вина, с одобрением обнаружив, что утром слуга заново наполнил его, и принялся обдумывать свой план.

Если его убийцы прикончат двух главных представителей старшего дворянства во время Совета, он одним ударом избавится от самого упрямого и сильного сопротивления любой смене правления, а королевство охватят беспорядки и неуверенность. Кроме того, заинтересовавшиеся этим убийством старшие рыцари и боевые маги попадут под удар клинков Ланграла и Халонтера.

Цветок дома Грозозмеев задумчиво пригубил. И снова улыбнулся.

Было самое время, чтобы снова отправиться в «Выбор Старого Короля» для осмотра свежего урожая дворян, прибывших на Совет.

Среди них могут оказаться и другие, от устранения которых Кормир только выиграет. Уже не говоря про некоего Марлина Грозозмея.

Усевшись за свой обычный столик, Марлин торопливо спрятал лицо в кубок с чем-то освежающим, чтобы не было так очевидно, что он прислушивается к взволнованным разговорам вокруг.

Новости в Сюзейле разлетались все так же быстро. Пурпурные драконы были на взводе; этот юный, насмешливый бахвал Сесзгар Ханткраун был убит в клубе, вместе со всеми его клинками — слугами, телохранителями и товарищами, всеми до последнего — а сделали это два таинственных убийцы, свершивших свое смертельное и незаконное деяние, с ног до головы облачившись в синие огни!

Это уж наверняка привлечет внимание боевых магов после завтрашней утренней трапезы. По крайней мере, таковым было общее мнение пьющих и поглощающих пищу лордов — в столь поздний час преимущественно пьющих — в «Выборе».

Они знали, что даже в этом часу могут найти хорошую еду и подобающее обслуживание в «Выборе», без шума и суматохи, царивших в заведениях попроще — и без большинства угроз, свойственных подобным местам. Недоверие большинства лордов к остальной знати было даже сильнее их презрения к простолюдинам и ненависти к Короне и двору; даже сюда, в «Выбор», они брали с собой для защиты своих магов. В основном, волшебников, служащих их семье, хотя некоторые нанимали магов-чужеземцев в качестве телохранителей. Таков был заведенный порядок вещей. Все знали, хотя официально это никогда не подтверждалось, что боевые маги учили домашних волшебников и даже внедрялись в их ряды; так или иначе они шпионили за всеми заклинателями, которых нанимали благородные лорды. Так что всегда находились представители знати, недоверие которых к их семейным волшебникам превосходило все низменные инстинкты.

Марлин иронично усмехнулся сам себе, вспомнив, как придворные слуги называли таких лордов. «Будущими предателями». Лорды, в свою очередь, использовали еще менее приятные термины для придворных.

Лорд Гельвинг, расположившийся через два столика от Марлина, который судя по всему являлся одним из подобных подозрительных лордов, и без сомнения отдал своему волшебнику-телохранителю достаточно конкретные и прямолинейные приказы, прежде чем отправиться с ним в «Выбор Старого Короля» и попытаться напиться здесь до полного забвения.

Так что маг, сембиец с тонкими усиками и холодным взглядом, именовавший себя Оскрулом Меддантиром, сидел за столом вместе с пьяно похрапывающей грудой, которую представлял из себя его наниматель. Столик тут же обзавелся целой аудиторией из юных представителей знати и богатых претендентов на дворянство, которые с готовностью ухватились за возможность угостить разговорчивого волшебника выпивкой и расспросить его о том, что происходит в мире.

Марлин слушал эти разговоры, а сембиец стакан за стаканом становился все более словоохотливым. Он рассказывал одну захватывающую историю за другой, и даже телохранители собравшихся лордов стали прислушиваться к этим рассказам.

— О, — говорил он одному из слушателей, наклонившись через стол с неприятной улыбкой. — *Официально* арфисты распущены. На самом деле, это значит, что их лидеры громко заявили о роспуске и принялись публично уничтожать многих членов организации, которые на самом деле являлись агентами различных злых группировок, внедрившихся в ряды тех, кто играет на арфе.

Меддантир отхлебнул из своей кружки, снова улыбнулся, и добавил:

— Несмотря на это, я очень сильно сомневаюсь, что кто-то из вас удивится, когда узнает, что арфисты, на самом деле, не прекратили свое существование. Крайне секретное, подпольное братство из двух дюжин арфистов продолжило существовать — и до сих пор существует. На самом деле, друзья мои...

Волшебник наклонил голову ниже и драматично понизил голос, чтобы добавить угрожающим шепотом:

— *Арфисты возрождаются...*

— УууУУууу! — завыл юный лорд Энвилстон, подражая страшному голосу призрака и перебирая пальцами, чтобы изобразить притворный испуг.

— Они находятся среди нас прямо сейчас, — саркастично добавил его товарищ, лорд Мрельбурн. — Под столом!

Раздалось фырканье и глумливые смешки, на фоне которых кто-то произнес:

— Бояться мальчиков и девочек, полуобнаженных сидящих с арфами? Это вряд ли.

— Ну, ну, — умиротворительно сказал лорд постарше. — Безумные выдумки про арфистов я могу послушать в любое время. Хватит вам; среди нас волшебник, и к счастью, он не из ганрахастовых подлиз. Я хочу услышать про магию, старую магию из легенд — и о настоящих заклинаниях и тому подобных вещах из этих историй, о которых нам следует знать и которые могут находиться у нас под носом, здесь, в Кормире.

В ответ поднялся гомон и хор согласия, и Марлин решил ухватиться за возможность направить язык сембийца, прежде чем тот осушит еще несколько кружек и примется рассказывать ерунду или небылицы.

— Ну хватит! — спокойно произнес он, прежде чем Меддантир смог решить, какую из историй о магии рассказать первой. — Если уж рассказ пойдет о магии, я хочу услышать про Девятку — про Корону Рогов, про Лаэраль до того, как Черный Посох «спас» ее в своей постели, и про раскол этого отряда. Двое членов которого, как я слышал, имели интересы в этих краях. Мы все знаем, что случилось Лаэраль, а какая судьба постигла остальных?

Меддантир повернулся к Марлину, чтобы пожать плечами.

— Некоторые погибли. Другие убежали — не знаю куда, но они были опытными авантюристами, это точно; у них могли быть наготове другие имена и лица, за которыми можно было спрятать свою личность и прожить жизнь на виду, но неузнанными. У них могли также быть любые заклинания и волшебные вещи, хоть Лаэраль и была самым сильным магом во всей Девятке. Я не слышал ничего не про них, ни про их интересы в Кормире после того, как Корона Рогов завладела Лаэраль, и та обернулась против своих товарищей. Но если говорить о могущественной магии, троих из Девятки постигла судьба, которая может оказаться тебе интересной.

Сембиец попробовал содержимое новой кружки, которую по сигналу Марлина поставили перед ним, поставил ее на стол с пьяным вздохом удовлетворения, и добавил:

— Трое из них попали в плен внутри магических артефактов.

Над столом прокатился заинтересованный шепот, а старый лорд кивнул и триумфально улыбнулся, ведь он уже слышал об этом и желал услышать еще.

Меддантир выждал, пока кто-то не клюнет на приманку, и один из лордов, что был моложе и нетерпеливее, спросил:

— Ну же? Кто это сделал и на что это похоже? Будь ты проклят за свою таинственность, маг!

Сембиец усмехнулся.

— Тайны — это то, чем занимаются волшебники, лорд Мораук. Неизвестно, кто это сделал, хотя есть много противоречивых историй и обвинений, о которых мы ничего не можем сказать с уверенностью, за исключением того, что некоторые из них — чистая выдумка. Очевидно, это был некто крайне могущественный — и мой ответ на ваше «почему» должен подождать до тех пор, пока мы не узнаем, кто же это был, иначе он окажется просто еще одним вымыслом. Но все же я могу вам рассказать немного о том, на что они похожи... и расскажу.

Он снова попытался отхлебнуть из кружки, с почти скорбным выражением лица обнаружил, что та уже опустела, затем удовлетворенно ждал, пока сразу три раздраженных лорда почти одновременно просигналили курсирующим мимо девушкам из «Выбора» наполнить ее снова.

На столе перед сембийцем быстро возникли три кружки, а тот, будто благочестивый жрец, одновременно поблагодарил с улыбкой, одновременно ухитряясь выглядеть удивленным.

— Прямо сейчас, — сказал он, нагибаясь вперед и понижая голос, чтобы все присутствующие навести уши, — где-то в Королевствах находятся три металлических предмета — как утверждают большинство летописей, это меч, чаша и большой топор — которые служат тюрьмой для трех из Девятки. Любой, кто владеет одним из этих предметов, может приказать заключенному в нем пленнику выйти наружу или вернуться обратно, и когда они оказываются снаружи, он может управлять ими как покорными рабами. Рабами, которые всегда подчиняются, никогда не устают, не мешкают, не чувствуют боли и никогда не могут потерпеть неудачи из-за слабости или изменничества.

Меддантир предупреждающе поднял палец и негромко добавил:

— Вы можете узнать таких рабов по их огням. Все время, когда они снаружи своих артефактов, они окутаны пляшущим синим огнем, который никого не обжигает. Так записано несколькими мудрецами и волшебниками, видевшими их почти столетие назад. С тех пор их никто не встречал — по крайней мере, чтобы выжить и рассказать об этом. Те три предмета, в которых заключены эти трое, должен я добавить, сами огнем не горят.

Он замолк, заставляя собравшихся ожидать продолжения, но сембиец откинулся на спинку стула и развел руками, показывая, что сказал все.

Поднялся взволнованный гомон, люди спрашивали друг друга об одном и том же: убийцы Ханткрауна были окутаны пламенем, не так ли?

— И насколько ты уверен во всем этом? — спросил Марлин, перекрывая всю эту болтовню, сделав свой голос не только отчетливым, но и громким, надеясь подначить рассказчика. У него получилось.

Сембиец повернулся к нему, чтобы одарить пристальным взглядом, и отозвался:

— Мудрые люди понимают, что ни в чем никогда нельзя быть уверенным наверняка, когда дело касается Искусства, добрый сэр, но я уверен в том, что сказал только что — и еще уверен в том, что лучше разбираюсь в делах магических, больших и малых, чем ты будешь когда-либо. Я знаю, что лорды имеют привычку принижать нижестоящих, и считают нижестоящим любого, кто не обладает титулом, но такое мышление *неверно*, и те, кто придерживаются его, рано или поздно за это заплатят. Так что ведай себя соответственно — или не обращай на меня внимания, оставаясь высокородным глупцом. Я — волшебник; я встречал многих высокородных глупцов. Они вовсе не такие особенные, какими себя считают.

Марлин нетерпеливо отмахнулся от этой отповеди.

— Но *три* авантюриста? *Три*, и не нашли *ни одного*?

Меддантир пожал плечами.

— Могут никогда и не найти. Возможно, их спрятали и забыли, а может быть, они лежат на дне моря. Или их нашел дракон, который хранит меч, чашу и топор среди своих сокровищ, и никогда не призывал их пленников!

— И правда, — согласился Марлин, откидываясь на спинку, чтобы позволить другим задать свои вопросы, а волшебнику — продолжать болтать о других вещах.

Для одного молодого лорда найти топор было бы неподъемной задачей, но он мог привлечь к поискам шестерых лордов — и привлечь внимание к ним, а не к себе — как только вернется в поместье Грозозмеев.

Деласко Сорнстерн и Сакраст Хандрагон, задыхавшиеся от спешного подъема в башню Марлина, казались не просто взволнованными его новостями. Они выглядели обрадованными.

Марлин Грозозмей с триумфальным видом пересказал своему столу заговорщиков все, что смог вспомнить из сказанного разговорчивым волшебником... а вспомнить он смог почти все.

— Этот топор нужно найти! — заявил он, стукнув кулаком по столу. Найти, заполучить и принести сюда! Я... э... есть заклятье, которое я должен пробудить, чтобы подчинить заточенного внутри убийцу нашей воле!

«*Моей* воле», подумали присутствующие, но эта мысль отразилась на лицах лишь мимолетно, ведь Марлин пристально наблюдал за ними.

Вместо этого они попытались показать энтузиазм. Все, кроме одного.

— Но *как*? — спросил Ирлин Стонстейбл. — В Сюзейле *уйма* топоров!

— Поговорите с собравшимися на Совет лордами в их покоях, — ответил Марлин. — Говорите, что хотите, чтобы узнать их получше и подружиться. Возьмите с собой своих волшебников, чтобы те разыскивали магию с помощью заклятий, наложенных до того, как вы придете на встречу. Помните, вашим магам надо искать только топоры.

— Или предметы, которые кажутся чем-нибудь другим, но заклятья говорят, что это топор, — указал Хандрагон.

— Да! — взволнованно согласился Марлин, указывая на него. — Прекрасно подмечено! Прекрасно подмечено!

За столом закивали, начиная от радостного кивка Сорнстерна до мрачного согласия Брорина Виндстага.

Каждый из присутствующих понимал, что пылающие убийцы Ханткрауна должны быть двумя из трех уцелевших членов Девятки, заточенных в артефакты, из чего следовало, что меч и чаша должны быть в руках кого-то в Сюзейле, кто знает, как ими пользоваться. Рассказ Марлина только что зародил в них сильные подозрения насчет этого «кого-то».

Кого-то, кто управляет двумя пылающими людьми, или призраками, готовыми убить любого, на кого укажут. Любого юного дворянина, неприятного хозяину, к примеру.

— Только топор? — спросил запутавшийся Стонстейбл. — Ты уже знаешь, где клинок и чаша?

— *Дворец* знает, — ответил Марлин после колебания, которое оказалось лишь на долю секунды слишком долгим. — Боевые маги скрывают их, иначе я бы уже завладел обоими предметами и мы могли бы воспользоваться ими, чтобы избавиться от придворных и волшебников, сующих нос не в свое дело — и, не дай Феллдрагон, от знати тоже. К нашему общему благу, разумеется.

Он почти лепетал.

— Но *хватит* на сегодня! Эта новость важнее всего! Вставайте и убирайтесь, все, нам нужно найти топор!

Заскрипели кресла, когда юноши, услышав его слова, поднялись из-за стола, по старой привычке положив ладони на рукояти своих мечей. Затем они все сразу заторопились вниз по лестнице, чтобы выполнить его распоряжения.

Или вернуться в постели.

В настоящий момент Марлина не волновало, в чьи именно.

За их удаляющими спинами он был занят, моргая из-за допущенной промашки. И снова отправился на поиски своего любимого графина.

Если кто-то из них скажет слишком много, и появятся боевые маги, чтобы совать свой нос в дела Грозозмеев, смогут ли они понять, что меч на его поясе и невинная на вид чаша содержат призраков синего пламени?

За все эти годы — прямо у себя под носом, во дворце — они не заметили ни того, ни другого, но ведь они и не искали, так?

А что будет, если они большую часть своего времени займутся поисками?

Глава 26

Заставляя волшебников пить

Стражников во дворце было больше обычного — и неудивительно, учитывая приближающийся Совет, пеструю компанию только что прибывших в Сюзейл лордов и тех представителей знати, кто еще не добрался до столицы.

Несмотря на это, госпожа старший рыцарь Тарграэль поднялась на два этажа и прошла через все длинное здание с почти небрежной легкостью. Ганрахаст и Вэйнренс пропали без вести, а без их руководства боевые маги остались сами по себе, и занимались в основном поисками своих начальников, мало заботясь о чем-нибудь кроме этого. А поскольку они уже обыскали дворец сверху донизу несколько раз, большинство магов вели поиски в других местах.

Это означало, что для того, чтобы позаимствовать у давным-давно мертвой королевы Гантарлы обоюдоострый кинжал из палаты Черного Креста, требовалось просто прогуляться туда, подвинуть к стене кресло, встать на него и высвободить висящий на стене кинжал из старых кожаных ремней.

Ремни рассыпались в пыль, и дело было сделано. Кресло вернулось на место, она прогулялась обратно, легко миновав юного стражника, зевавшего в проходе за дверью в палату.

Кинжал был красивым, изящным оружием — эльфийским; плавные линии, обманчиво хрупкая форма, и бритвенная острота, даже спустя столько лет — и хорошо улегся в руку Тарграэль.

Она взвесила клинок, улыбнулась про себя, и произнесла:

— Эльминстер должен умереть!

Рыцарь смерти в темных доспехах все еще произносила последнее слово, когда тайная дверь, к которой она направлялась, широко распахнулась — и Тарграэль очутилась лицом к лицу с пурпурным драконом, открывшим дверь с другой стороны.

— Стоять! — крикнул он, шагая вперед и поднимая свое копьё, нацелив острие ей в грудь. Кончик светился волшебным сиянием, сказавшим Тарграэль, что магия копьё может уничтожить ее. Кроме того, дракон поднял щит, закрываясь им.

— Бросить оружие! Руки вверх! Как зовут?

Лионар, судя по знакам отличия. Что дальше? Зачем лионар рыщет по дворцу с копьём и щитом?

— Крайне опрометчиво бросать вызов мне, — сказала она, не обращая внимания на его приказы. Их скрестившиеся взгляды похолодели.

— Как тебя зовут? — повторил он громко и требовательно.

Тарграэль вздохнула. Это становилось утомительным, а дракон слишком хорошо ее рассмотрел.

— Для тебя я — госпожа старший рыцарь, — холодно ответила она, — и здесь я отдаю приказы, лионар. Убери копьё или ответишь.

Внезапно острие оказалось почти у нее под носом.

— Ты не ры...

— Хватит, — с отвращением прервала его Тарграэль, призывая то, что мудрецы именовали «нечистым пламенем», швырнув его дракону прямо в лицо — и шагнув в сторону,

чтобы избежать любых отчаянных выпадов копьем. Она держала кинжал Гантарлы за спиной, и не стала доставать из ножен меч. Отчаянный вопль дракона прервался миг спустя, и к тому времени Тарграэль уже прошла через тайную дверь, закрыв ее за собой.

Оставив неудачливого лионара валяться без сознания несколько дней. Если он вообще очнется, то будет бредить о встрече с одним из дворцовых призраков.

Противные создания, эти призраки.

Одинокий смешок прокатился по огромной пещере глубоко под дворцовыми погребями. Ах, Тарграэль...

Пещера некогда была самой тайной заклинательной палатой Берубла, где архимаг, основавший человеческое королевство Кормир, ставил самые смелые свои эксперименты.

Некоторые из этих экспериментов пошли наперекосяк, и пещера превратилась в обитель дикой магии. Ее покинули, запечатав прочной защитой, чтобы спасти неосторожных от смертельной опасности и не позволить им сплестать заклятья, которые могут обрушить дворец прямо на головы всем его обитателям.

Дикая магия клубилась здесь на протяжении многих сотен лет, пока Волшебная Чума не вычистила это место, оставив пещеру зиять пустотой в ожидании посетителей.

Посетители прибыли, и тот, кто стоял здесь, смеясь, мог быть только человеком, намеревающимся вскоре править Кормиром.

Человек, чья архимагия заставила бы замяться самого Баэрубла, тот, кто был один, но управлял мыслями многих.

И в пещере, и в разуме Тарграэль Мэншун засмеялся снова.

Его госпожа Темный Доспех была настоящим удовольствием. Наслаждение от ее холодного злодейского разума почти соблазнило его чересчур долго продержат Тарграэль активной. Все возрастал риск потерять ее из-за заклятий напуганных боевых магов, когда они наконец увидят все возникшие многочисленные угрозы. Все больше прибывало в Сюзейл знати, все приближался день Совета, заговорщики плели заговоры, призраки синего пламени рыскали по улицам, убивая всех, кто подвернулся, а этот Эльминстер свободно расхаживал по коридорам их собственного дворца.

Боевые маги все еще представляли собой полный хаос некомпетентных, чрезмерно назойливых идиотов, но теперь им приходилось справляться без лорда Ганрахаста и его преданной ищейки лорда-защитника, и маги — наконец-то — пытались принимать решения самостоятельно.

До сих пор это были неверные и слишком запоздалые решения, но даже глупые недоросли-маги не могли не заметить красивую, изящную и очень мертвую женщину, расхаживающую по их дворцу в черном доспехе архаичного стиля, не подчиняясь приказам... и даже глупые недоросли-маги умели наводить жезлы на цель и активировать их.

Да, давно пора было снова погрузить Таграэль в сон до того дня, когда она снова ему понадобится.

Ему понадобятся и остальные, в том числе по крайней мере один боевой маг, так что настал час исчезнуть из разумов Талан, Рорскрина Мрелдрейка и различных слуг поместья

Грозозмеев, как будто его там никогда и не было.

Он — и возможно, он один — мог так сделать.

После того, как Эльминстер умрет, а он разделается с жалкими остатками кормирского прошлого — боевыми магами, Вандердагастом и призрачной принцессой Алусейр, императору Мэншуну потребуются все его инструменты.

Настанет время править, и преданные слуги окажутся *весьма* полезны.

А до того никто не узнает, что они были марионетками Мэншуна.

— Неуклюжая выжимка мыслей, что так часто делает боевых магов и их жертв безумными, не для меня, — сказал Мэншун темной пустоте вокруг. Его указательный палец заставил подплыть ему в руки графин и внушительный хрустальный кубок. — Хотя я и вампир, но прежде всего я — *истинный* архимаг. Я подчиняю разумы и покидаю их, не оставляя ни единого следа, который могли бы отыскать нижестоящие глупцы.

Простая истина, а не самовлюбленное бахвальство; пока другие играли в тиранов или вмешивались во все подряд, он работал над своими заклинаниями. Он способен был на вещи, которых ни один кормирский маг не мог даже надеяться добиться с помощью магии. Ха, он способен был на вещи, которые большинство считало невозможными.

Мэншун откупорил графин и наполнил кубок, смакуя изысканный аромат редкого и старинного эльфийского вина.

Очень скоро Тарграэль пройдет через эту дверь и вручит ему зачарованный кинжал, который можно будет отправить в полет, чтобы клинок спикировал и пронзил Эльминстера сзади, на тот случай если битва со Старым Магом начнется прежде, чем старого дурака постигнет тщательно спланированная для него судьба.

Получив кинжал, он сможет отправить рыцаря смерти на заслуженный отдых. Она больше не потребуется для охраны этой пещеры — для этого послужат неживые созерцатели под его мысленным управлением. Кроме них, Мэншун обладал телом живого созерцателя — разрушить разум которого было настоящим триумфом — и мог вселиться в него, когда пожелает.

Или в том случае, если кто-то уничтожит человеческое тело, которое он занимал.

Мэншун зарычал от этой мысли, вспомнив, кто же убил больше всего принадлежавших ему тел за все прошедшие годы... а еще чаще служил ничего не подозревающим инструментом в его играх.

— Эльминстер, — предвкушающе прошептал он, — ты умрешь. Уже очень скоро.

Действительно скоро, ведь как он и планировал, Мудрец Долины Теней остался один.

Любовница Эльминстера снова сошла с ума, а его последний союзник и целитель, Шторм, отправилась к ней в Долину Теней. Там обе среброволосые суки умрут, или по крайней мере будут слишком заняты, цепляясь за жизнь, чтобы вернуться в Сюзейл вовремя и помочь Мудрецу Долины Теней. Это случится благодаря тому, что сказала его марионетка Мрелдрейк старшему рыцарю Старбриджу.

Этот неутомимый молот врагов Кормира в этот самый миг должен прочесывать Долину Теней в поисках Эльминстера и его сребровласых девок, считая, что эта троица намерена с помощью волшебства напасть на короля Форила сразу после Совета.

Мэншун пригубил вино и одобрительно кивнул. Да, его планы осуществлялись, как и было задумано.

Он использует Талан, чтобы убить Гаскура, в разуме которого он обитал чаще всего и по необходимости искажил, в поместье Грозозмеев — после того, как с помощью магии придаст

Гаскуру облик Расгула. При этом Мэншун убедится, что Амарун Белая Волна увидит Расгула мертвым, а потом развеет его облик — чтобы она стала свидетельницей того, как ее мертвый клиент «растворяется», превращаясь в Гаскура, незнакомого ей человека.

Эта маленькая уловка должна напугать ее, вынудив отречься от Эльминстера, вместо того, чтобы согласиться с ним работать.

Впрочем, Амарун не обладала особыми склонностями к магии. Белая Волна являлась всего лишь умелой воровкой, и легко могла погибнуть — но была куда полезнее в роли мучительницы Эльминстера. Если она отречется от своего предка, это подкосит старика куда сильнее, чем все, что мог бы сделать Мэншун.

А Эльминстер должен страдать.

Отречение и предательство всех, на кого рассчитывал и кому доверял Мудрец Долины Теней, должны причинить ему достаточно боли, прежде чем появится непредвиденный старый враг — Мэншун, над которым Эльминстер в прошлом не раз брал верх и унижал — и убьет старого козла.

Мэншун улыбнулся графину.

— И когда Эльминстер будет мертв, эти руки прикончат его, я наконец-то выйду из его тени, — сказал он сосуду. Затем обнаружил, что тот подозрительно быстро оказался наполовину пуст.

Он покачал головой. Вечная проблема с этими графинами...

Настало время также попрощаться с разумом Марлина Грозозмея. Юный глупец, обреченный собственными амбициями, и все же до сих пор играющий свою полезную — хоть и неосознанную — роль.

— Я пустил его, как стрелу в дворянство Кормира, чтобы посмотреть, сколько жизней он сможет забрать, прежде чем падет, — довольно прошептал Мэншун. — А затем кто-то другой завладеет призраками синего пламени и использует их против *собственных* противников и врагов... и так далее.

Следить за этой кровавой, непрекращающейся игрой будет отличным развлечением.

Так что Лотрэ, советчику Грозозмея, пора было умолкнуть — а это, в свою очередь, означало, что Мэншуну придется также покинуть разум сенешаля Корлета Фентабля.

Что-то двигалось во мраке вдали, стремительно шагающая, грациозная тень. Тарграэль наконец пришла и предлагала ему обоюдоострый клинок в точности так, как Мэншун велел ей — прижав острое к собственному горлу и заведя вторую руку за спину, так что он мог с легкостью уничтожить рыцаря смерти легчайшим толчком.

— Дело не только в том, чтобы избежать обнаружения, когда боевые маги начнут со всей серьезностью накладывать прорицающие заклинания перед Советом, — сказал он ей с улыбкой, принимая предложенный кинжал. — Вскоре я буду слишком занят, чтобы двигать свои пешки, когда в город прибудет окруженная флёром благородного презрения и помпезности многочисленная знать. Мое внимание будет занято серией деликатных проникновений в разумы лордов и леди королевства, чтобы решить, кто из них станет моими инструментами, а кто — в краю, и без того обремененном слишком большим количеством надоедливой знати — окажется расходным материалом.

— Конечно, милорд, — пробормотала Тарграэль, становясь перед ним на колени.

Мэншун улыбнулся, глядя на нее сверху вниз, видя в ее разуме так же отчетливо, как и в ее глазах, что если бы он не подчинял себе ее волю, Тарграэль прямо сейчас пыталась бы быстро и жестоко его убить.

— Давай-ка вернемся в твою милую холодную гробницу, чтобы ожидать там новой возможности стать моей рабой, — прошептал он, отпуская графин и кубок.

Оба поплыли по воздуху на свое прежнее место, а Мэншун заставил свою леди Темный Доспех встать на ноги для последней на какое-то время прогулки по дворцу.

Часть его сознания отправилась вместе с ней, подчиняя ее себе, но и только — почти все внимание Мэншуна было устремлено на заклятья, наколдованные им в центре пещеры: его прорицательные сцены, многочисленные глаза, наблюдающие за Кормиром.

За пределами их мерцания более широким кольцом парили созерцатели-нежить, их глазные стебли неподвижно свисали с тел, как ветви мертвых растений. Некоторым из них он дал расщепляющие кость клешни. Когда будет необходимо занять придворных, волшебников и гвардейцев Форила, Мэншун выпустит их во дворец.

Или заставит охранять подходы к этой пещере, а во дворец отправятся их неживые собратья, его тиранов смерти, чтобы учинить бойню в палатах и залах наверху.

Но это был бы тот самый подход с позиций грубой силы, что раз за разом подводил Мэншуна на протяжении многих столетий, пока Фзоул — и, будь он проклят, Эльминстер — не научили его терпению.

Не говоря уже о хитрости и незаметности. Не стоит использовать булаву, чтобы сокрушить то, что может повалить случайный ветерок.

Так что было время наблюдать, изучать и делать правильные, незаметные ходы, как подобает будущему императору Кормира, Сембии, Вестгейта и Амна. Или любой страны, которой он решит править.

О, конечно, на его пути стояли впечатляющие противники... но Мэншун был только один.

— Один Император и множество тел, — проговорил он. — Ни одной копии меня, которую Эльминстер мог бы легко найти и уничтожить. Ни он, ни мои будущие враги не смогут легко меня узнать. Этот урок я выучил раз и навсегда.

Ближайшая из его прорицательных сцен демонстрировала вид небольшого, ничем не примечательного кабинета среди череды похожих, в задней части дворца, где сэр Эскрель Старбридж с мрачным видом сидел за своим столом.

Мэншун бросил свой разум туда. Он уже подготовил рассудок старшего рыцаря, и его прибытие прошло гладко; если Мэншун будет лишь подслушивать его мысли, Старбридж почувствует лишь мимолетное раздражение.

Стол, как обычно, был завален клочками бумаги, покрытыми зашифрованными надписями. Старбридж лениво проглядывал их, выслушивая доклады последних его связных и агентов. Еще два рыцаря выше его по званию были убиты за последние два дня, и Эскрель Старбридж оказался именно там, куда больше всего боялся попасть — за этим столом.

На этот стол самим Вандердагастом было наложено заклятие, которое едва понимали его потомки. Заклятье позволяло обладателю связанного с ним камня говорить с тем, кто сидел за столом — тихим, почти призрачным голосом, прямо из далекой Долины Теней. С помощью этой связи предшественник Старбриджа отправлял в эту северную Долину свои приказы и выслушивал рапорты. И все они, как и только что завершившийся, говорили об одном.

Долину Теней прочесали сверху донизу в поисках любых следов легендарного Старого Мага, но, видимо, в настоящий момент Эльминстера там не было.

Ба. Общую неудачу проглотить было не легче, чем личное поражение.

И от того, что он будет сидеть в этой тесной маленькой комнатке, постепенно выходя из себя, ничего не изменится.

— Неужели я все должен делать сам? — зарычал Старбридж. — Неужели я обречен провести всю свою жизнь, окруженный некомпетентными калеками?

По крайней мере двое из теснившихся в помещении волшебников и старших рыцарей застыли на месте, но большинство ехидно заулыбались, а молодой Беренгард даже осмелился пошутить:

— Ну, вы ведь сами выбрали жизнь в Кормире, сэр.

Старбридж наградил юношу мрачным взглядом. Когда он сам был в возрасте Беренгарда, подобные этому парню идиоты даже претендовать на плащ старшего рыцаря не могли, но сейчас эти люди — около дюжины — заполнявшие его кабинет, были почти всеми рыцарями, оставшимися в Лесном Королевстве. Не стоящие доверия, самодовольные щенки.

— *Я сам* поведу экспедицию, чтобы выследить Эльминстера, — провозгласил он. — Со мной отправитесь почти все вы, плюс несколько самых компетентных боевых магов — тех, у кого достаточно мозгов, чтобы не оказаться убитыми, даже если они займутся чем-то сложным, например, разбивкой лагеря, и кто обладает минимальными навыками поведения, чтобы мы смогли вынести их общество. Те, кто находятся в этой комнате, например. Отправляемся сегодня вечером.

Несколько рыцарей зашевелились, собираясь заговорить, но спорить с ним отважился только один. Юный Нарульф, конечно же.

— Я думаю, экспедиция — далеко не самое лучшее решение. Фактически наоборот, это плохая идея, учитывая, что Ганрахаста и Вэйренса до сих пор не нашли. Будет ли правильным и разумным, если мы покинем дворец в такое время, когда Обарскирам в любой момент может потребоваться наша помощь, а на Совет со всех концов королевства съезжаются лорды?

Старшие рыцари всегда могли открыто говорить с вышестоящими — даже с регентом или правящим монархом — не опасаясь кары, и начатые таким образом споры раз за разом хорошо служили королевству, но у Старбриджа не было времени на обычную позицию Нарульфа «лучше всего ничего не делать».

— Не хочу ничего слышать про правильность и разумность, — отрезал он. — Даже если прямо сейчас на нас обрушится потолок и всех убьет, на защите Кормира останется еще достаточно боевых магов. Некоторые из них — Арбрэйс, Беландрун и Хоксар, к примеру — при этом почти столь же компетентны, какими сами себя считают.

Немногочисленные присутствующие маги заухмылялись.

— Если нас не будет здесь, чтобы *в очередной раз* выручить их милые маленькие задницы, — добавил Старбридж, прежде чем Нарульф мог придумать новую глупость, — может быть — но только может быть — они наконец отрастят себе хоть какой-нибудь хребет, и мы обнаружим, что они умеют не только расхаживать с важным видом, каждую десятидневку бормоча что-то о бедах, которые якобы могли постигнуть королевство, если бы не их тайные деяния.

Один из волшебников проглотил свой смех, с лица второго сошла улыбка, остальные заморгали.

— *Еще* кто-нибудь? — рыкнул Старбридж. — Говорите сейчас, потому что как только мы приступим к работе, я буду крайне недоволен любым, кто попытается помешать достичь тех результатов, которые я посчитаю необходимыми, или самостоятельно решит немного

изменить происходящее.

Никто не сказал ни слова. Даже помрачневший Нарульф.

— Отлично, — веско сказал Старбридж. — Приказываю все покинуть дворец прямо сейчас, по одному и парами. Встретимся снова — до наступления полудня, если хотите остаться рыцарями — у вехи Каменного Козла на Шутовском Лугу, при пастбище. Кони, провизия, одежда и прочее уже давно готовы и будут ждать нас там. С собой брать только предпочтительное для вас оружие. Никому не говорите, куда и с какой целью вы направляетесь. Если кто-то явится к Козлу вместе с вами, я с ним разделаюсь. Ну, пошли! Чем быстрее уйдем, тем быстрее вернемся — и может быть, Нарульф перестанет мочиться в постель из-за своих многочисленных кошмаров. Разойтись.

Люди разом заговорили, направляясь к дверям. Сэр Старбридж поднялся с креслом с чувством молчаливого удовлетворения. Скоро он снова окажется в седле вместо этого богами проклятого кресла за этим трижды проклятым столом, и это стоило любого числа срочных миссий для всего состава.

Ну и куда он дел этот треклятый плащ?

Мэншун отступил одновременно от наколдованной сцены и из разума Старбриджа, наслаждаясь тем же чувством удовлетворения, что чувствовал старый рыцарь.

Еще одна ловкая манипуляция принесла свои плоды, еще один кусочек улегся в мозаику...

Что касается следующего кусочка, вон в той сцене...

Укрытый мраком там, куда не достигал лунный свет, грязный двор был безлюден.

Или почти безлюден. В нем было несколько маленьких движущихся теней.

Это был тот самый двор, где Арклет Делькасл и посланник Короны Делнор увидели некую танцовщицу, выносившую свой ночной горшок к фургону золотаря.

Сейчас во дворе фургонов не было. Крадущиеся тени принадлежали вышедшим на охоту котам — и нескольким маленьким, шустрым существам, снующим из трещин в камнях, которыми был вымощен двор, к мусорным кучам, а затем прячущихся в спутанных, колючих охапках травы, надеясь, что никто из котов не нанесет смертельный удар.

Высоко над ними двигалась куда более крупная тень. Ее размеры привлекли бы внимание находящихся при исполнении пурпурных драконов, если бы таковые оказались поблизости.

Темная, скользкая и каким-то образом производящая впечатление женственной, тень спрыгнула с крыши, чтобы повиснуть на стене, откуда она могла наблюдать темным, закрытым ставнями окном.

Окном Амарун.

Проведя так долгое, беззвучное время, приглядываясь и прислушиваясь, тень снова скользнула на крышу.

Где почти тут же поднялся короткий переполох, раздался придушенный возглас удивления — и с крыши во двор упало тело с перерезанной глоткой, тяжело ударившись о камни.

Глава 27

Кровь на крышах

— Благодарю вас, лорд Делькасл, — мрачно проговорила Амарун, скользнув в его объятия, чтобы оказаться как можно ближе и посмотреть ему в глаза, предполагая, что он рассчитывает по меньшей мере на поцелуй. — Я помню о том долге перед вами. И все же, если у вас еще осталась хоть капля доброго расположения ко мне, я прошу, чтобы вы покинули это место и позволили мне идти своей дорогой по меньшей мере до завтрашнего вечера, когда...

Арклет воспользовался той рукой, которая не обхватывала девушку, чтобы открыть двери клуба Драконьих Всадников. Заглянув внутрь, Амарун на полуслове замолчала.

Увидев выражение на ее лице, Арклет развернулся на месте, чтобы посмотреть, в чем дело, позволив таким образом двери закрыться и повернув Амарун в другую сторону. С коротким раздраженным рычанием она снова повернулась вокруг него и вошла в клуб.

Где посреди молчаливых пурпурных драконов, все еще прибирающихся слуг и нескольких новых посетителей Тресс помогала встать на ноги человеку, казавшемуся изрядно навеселе. Не одному из тех лордов, что так громко буянили в клубе раньше, а высокомерному на вид боевому магу в полной дворцовой мантии, который, очевидно, только что встал из-за стола и упал лицом в пол, и демонстрировал готовность сделать это снова, как только утратит поддержку женского плеча под одной из своих подмышек.

— Спасибо, подруга, — достаточно невнятно проревел он Тресс. — Знай же, что ты помогла весьма влиятельному придворному магу, который беседует наедине с самим королем! Я боевой маг Рорскрин Мрелдрейк, и... и меня сейчас *стошнит*, вот что...

И он тут же с энергией и энтузиазмом продемонстрировал правдивость своих слов.

Арклет и Амарун с отвращением закатили глаза к потолку и отступили в сторону, когда Тресс потащила свою ношу прямо по его собственной рвоте к выходу.

За два шага до которого шатающийся зеленолицый Мрелдрейк увидел Амарун, одарил ее неприятной ухмылкой, наставил на девушку трясущийся палец и злобно процедил:

— Ты! Ты Тихая Тень!

— Достаточно я таился во тьме, — прошептал Эльминстер. — Пора притвориться заблудившимся стариком, войти внутрь и услышать, в каких именно отношениях наш бойкий юный лорд с самой важной девушкой на све...

Изображая шаркающего седобородого дедушку, он был еще в трех неуверенных шагах от дверей в клуб Драконьих Всадников и уже потянулся к ближайшей отполированной дверной ручке, когда наружу, стремительно, будто ветер, вылетела Амарун Белая Волна, а следом за ней гнались пурпурные драконы с криками: «Стой! Стой на месте!»

Эльминстер моргнул, выпрямился слишком торопливо для древнего старца, которого пытался изобразить, и — поскользнулся. Из-за чего не смог вовремя убраться с дороги.

Амарун в свою очередь тоже убраться с дороги не пыталась.

Прямо когда Эльминстер широко раскинул руки, пытаясь сохранить равновесие, она с

силой врезалась в него. Сила столкновения сбила Мудреца Долины Теней с ног и швырнула на камни мостовой. Падение выбило из него весь воздух, отозвавшись мгновенной острой болью. Амарун пробежала прямо по старику, не останавливаясь и даже не пытаясь замедлить бег.

Оставив мужчину, который был могущественнейшим из Избранных Мистры, лежать на спине на холодной мостовой, полуоглушенным и пытающимся сделать хотя бы вдох с, судя по всему, сломанными ребрами.

Он даже не мог придумать, какое заклятье использовать, не говоря уже о том, что ему бы не хватило на это воздуха...

Эльминстер не смог даже перекатиться, не говоря уж о том, чтоб отползти в сторонку, когда из клуба вылетела новая буря и разразилась над ним, шторм тяжело бегущих пурпурных драконов, легкие которых были куда здоровее его собственных, в кулаках сияли мечи, а сапоги были *очень* тяжелыми.

Он сумел выдавить из себя им вслед стон-другой.

Один из этих стонов, очевидно, привлек внимание дракона, которому не было приказано догнать убегающую женщину. Выйдя из клуба постоять и посмотреть на удаляющуюся в ночь погоню, он взглянул в сторону, откуда раздался стон, и протянул валяющемуся старику руку.

— Вставай, старый пьяница! Тебя затопчут, если будешь здесь лежать!

— Я *не* пьян, — выдавил Эльминстер. Ребрам крышка, это точно. — Меня сбили. Какая-то женщина пробежала прямо по мне.

— Куда она направилась? — спросил тут же заинтересовавшийся дракон.

— Вниз по улице, — сухо ответил Эльминстер. — Если она куда и сворачивала, то я этого не видел. Был слишком занят, валяясь здесь оглушенным.

— Ну ладно, ладно, старина, — дракон вздохнул, помогая Эльминстеру привалиться к стене клуба. Чисто по профессиональной привычке он взгляделся в лицо старика — и нахмурился.

— Я раньше нигде тебя не видел? Ты кто такой будешь?

— Никто важный, — ворчливо ответил Эльминстер. — Всего лишь еще один старик.

— О? Живешь на улицах?

— Когда не успеваю добраться до дома прежде чем стемнеет.

— Дом, значит, у тебя есть.

— Да.

— А чем тогда ты обычно занимаешься, старик?

— Старею, — ехидно отозвался Эльминстер. — А ты?

Рассвет почти наступил, и усталая, подавленная Амарун не знала, что делать дальше.

Она находилась на темной улице, окруженная мрачнолицыми пурпурными драконами, слушая, как лорд Арклет Делькасл в очередной раз бойко объясняет им, что эта танцовщица никак не может быть Тихой Тенью, поскольку находилась с ним в то самое время, когда знаменитый вор совершал некоторые из своих дерзких краж, а сбежала, должно быть, просто из страха попасть под заклинание пьяного боевого мага. Сам же он не только был из

благородного рода, но и сам пострадал несколько раз от выходов Тени, и, поверьте...

О, боги. И он в очередной раз начал крайне галантно предлагать провести Амарун домой.

Девушке захотелось его ударить. Или позволить себе разрыдаться с уютным тепле его объятий, и... Амарун не знала, что ей хотелось сделать.

И она *не могла* прекратить зевать.

Драконы ему поверили, закивали, их лица стали чуть менее недружелюбными, а указывающие в ее сторону мечи опустились.

Это означало, что скоро их оставят наедине. Ее с молодым и смелым лордом, который неожиданно узнал, что девушка была Тихой Тенью.

Амарун прекрасно помнила, что не раз крала у него. Наверняка помнил и Арклет. Стоит ли все отрицать, утверждая, что волшебник принял ее за кого-то другого? Найти доказательства будет нелегко — до тех пор, пока он не выйдет на Расгула или кого-то из ее клиентов, и сложит их показания и место ее жительства. Но развеять подозрения Арклета окажется еще сложнее. Подозрения всегда умирают медленно.

— Иди с лордом Делькаслем, девушка, — сказал ей пурпурный дракон, мягко, но настойчиво. — Он позаботится о том, чтобы ты добралась до дома в целости и сохранности.

Это как раз то, чего он сделать не смог бы, но Амарун не осмелилась заявлять об этом.

Она устало кивнула, принимая чуткую руку Арклета.

Все, что девушка смогла придумать — водить его по улицам Сюзейла, до тех пор, пока у него не закончится время и наступивший день не вынудит его заняться каким-то важным делом, пропустить которое Арклет не сможет. Если ее ноги выдержат столько, а глаза не закроются...

— Доверься мне, — сказал Арклет с той самой яркой улыбкой, которую она любила или ненавидела — никак не могла решить. — Скоро наступит рассвет. Если ты живешь не по соседству и не на стропилах над нами, то мы его как раз встретим — причем трезвыми!

Вонь в конце переулка стояла неопишуемая. «Удушающая» было недостаточно сильным описанием. Как и «сорок больных мертвых улиток, валяющихся в собственной отрыжке» или «мокрая груда испражнений целого волосатого гарнизона, отложенная в муках из-за поедания слишком большого количества сладостей и горчицы».

Эл испытал все это и даже нечто более яркое, пробираясь по грязной, сужающейся и жутко замусоренной тропинке. Этой части переулка избегали даже крысы, а выходящие сюда окна давно были заколочены и даже щели между досками забились грязью.

Один в угасающей серости ночи, Мудрец Долины Теней сжал зубы и двинулся вперед. От многочисленных ушибов тело плохо двигалось, а ребра казались охвачены огнем. Он дважды падал, в других переулках, но это стоило того, чтобы убедить молодого и дотошного пурпурного дракона, следившего за ним, что Эльминстер действительно был просто свихнувшимся стариком, живущим на улице. Дракон поверил и отстал. Ему тоже пришлось упасть как минимум раз, и Эльминстер надеялся, что яркая форма запачкалась так сильно, что дракону потом пришлось зажимать себе нос.

Тем не менее, от грязи была своя польза. Например, она могла скрывать его находки от

посторонних глаз. В конце переулка над кучей навоза, свежего над старым, жужжали мухи, а из стены, у которой она лежала, выступала треснувшая плитка.

Эл вытащил плитку — она разломалась на куски, как и в последний раз, коричневые и влажные — и засунул пальцы в открывшуюся дыру. Сбоку там была полость, внутри толщи стены, и, да, там лежало что-то гладкое и твердое. Точнее даже не что-то одно, а целых пять штук. Он сомкнул свои грязные пальцы сначала на верхнем, затем на нижнем, потянул их вперед, и кусок за куском поставил плитку на место.

Когда он закончил, остальные пузырьки, защищенные от ржавчины собственной магией, уже целиком погрузились в свежий, мокрый навоз.

Эл вздохнул, вытер свои руки о ближайшую стену, пока запах от них не уменьшился до степени, которую вежливо можно было назвать «смердящей», прошел по переулку, пока не нашел достаточно места, чтобы поставить флаконы на камень, поплевал на руки, пока они не стали достаточно чистыми, чтобы он мог запустить их за пазуху и достать оттуда тряпку, которой вытер оба пузырька... ну, не совсем начисто, но намного чище, чем были.

Так что он смог открыть верхний, закрытый зачарованной крышкой вместо простой деревянной пробки — Искусство творило не только большие вещи, но и маленькие — и выпил содержимое до дна.

На вкус оно было как холодная, чистая, мятная вода с сахаром, легко скользнувшая по горлу... принеся после себя эту нарастающую, согревающую дрожь исцеления, изгнание поселившегося в его ребрах огня, ушибов и всех мелких ран и порезов, которые он приобрел с того раза, как в последний раз заходил в этот переулок.

Когда со всем этим было покончено, Эл выпрямился, расправил плечи, затем сунул оба флакона — в нижнем хранилась убедительная тяжесть кормирских монет, которые скоро ему понадобятся — в свой кошель под мантией, и снова вышел на улицу. Он чувствовал себя здоровым и сильным. И, кроме того, богатым.

— Видишь? — заявил ей Арклет с таким триумфом, будто это было его персональным достижением. — Я же тебе говорил! Узри — рассвет!

Амарун, еле волоча ноги, устало кивнула. Девушку поддерживала только его рука. Они гуляли по улицам Сюзейла вместе, казалось, уже часами, а следом хвостом тащился пурпурный дракон. Амарун указывала все новые и новые направления своему весело болтающему спутнику, ожидая, когда пробудится его гнев.

Страшась того момента, когда Арклет остановится, отказавшись принимать ее очевидный обман и заявляя, что она водит его кругами.

Этот момент все еще не наступил, хотя по блеску в его глазах Амарун начинала подозревать, что Арклет раскусил ее тактику и радостно ей подыгрывает.

Дворянин поддерживал постоянный, неутихающий поток легкой, необременительной — и односторонней — речи.

— Рассвет, — вздохнула она, чувствуя, что должна сказать хоть что-то. — Я... заморожена.

— Как и я! — с энтузиазмом согласился Арклет. — Даже очарован! Я нахожу, что вы — самая прекрасная женщина, когда либо украшавшая собой мою руку, и с нетерпением

ожидая того сияющего момента, когда вы продемонстрируете мне всю яркость своего ума, остроту своего языка — как собеседницы, разумеется, прекрасная госпожа, поскольку я не хочу, чтобы даже мельчайшее недопонимание вызвало у вас обиду на оскорбление, которого я не подразумевал — нет, нет, нет, вовсе нет! — в непередаваемой роскоши, как я и говорил, вашего радостного и столь привлекательного общества. Когда вы не будете ни утомлены, ни шокированы ужасными событиями минувшей ночи, и не будете оплакивать потерю своего старого и несокрушимо преданного работодателя! Проще говоря, когда вы сможете быть настоящей и обаятельной собой? Когда вы...

— Заткну тебя, наконец, — не выдержала Амарун. — Боги на небесах, неужели вся знать каждый миг бодрствования исторгает из себя потоки бессмысленного лепета?

— Одним словом, леди: да, — ухмылка Арклета сказала ей, что он нимало не смутился. — Итак, как вы планируете меня заткнуть? Без насилия, пожалуйста, вы же знаете, какое отвращение я питаю к наси...

— Да, я уже заметила ваше достаточно умелое отвращение немного раньше, — вздохнула Амарун. — Должно быть, вы даже спасли мне жизнь раз шесть. Так что примите мою благодарность, лорд Делькасл, и я прекращу попытки вас обмануть. Мне уже безразлично, что вы узнаете, где я живу.

— Моя госпожа! Так вот что вас заботило все это время? Что я могу узнать местонахождение вашего жилища? И сокрытие этого зловещего секрета — хотя я с трудом представляю, как он может быть зловещим — было целью ваших усилий, в результате которых вы уже шатаетесь от усталости?

— Было, — мрачно сказала Амарун. — Идемте. Сюда.

— Госпожа, ваш приказ — мое заветное желание!

— Неужели? Так почему ты все еще жив?

— Амарун Белая Волна, да вы ехидничаете!

— Танцовщицы в масках все время ехидничают, лорд Делькасл. Хотите знать, что мы еще умеем?

— Госпожа, я думал вы *никогда* не будете столь *откровенны*! Конечно, я...

— Конечно хочешь, — сказала Амарун с самым ядовитым сарказмом, на какой была способна, обходя знакомый угол и направляясь в знакомый двор, который... как оказалось, кишел пурпурными драконами.

Несколько офицеров уже пристально смотрели в их сторону, и — боги на небесах! — здесь были драконы везде, обыскивали каждый закоулок, балкончик и лестницу в поле зрения. Драконы были даже на крыше ее дома.

Не говоря уже о большом, мрачном скоплении, собравшимся над... нет. О нет.

Пурпурный дракон двинулся им наперерез, а двое его товарищей отошли так, чтобы окружить Амарун и Арклета.

— Как вас зовут и что вы здесь делаете?

— Я лорд Арклет Делькасл, — подчеркнул Арклет свой статус, — и я провожаю эту леди домой, по приказу офицера стражи пурпурных драконов. А вас?

— Что меня?

— Как *вас* зовут, солдат?

— Сейчас здесь я задаю вопросы, милорд. Вы сможете узнать мое имя для своей неизбежной жалобы позже. А теперь скажите мне, как звали офицера, который поручил вам...

— Он говорит правду, Ранделло, — раздался мрачный голос откуда-то позади Амарун. — Я могу поручиться за их местонахождение и дела — они полночи таскали меня по всему Сюзейлу.

Это был тот самый дракон, что следовал за ними от клуба.

Он бросил на пару довольно злобный взгляд, добавив:

— Проклятые сапоги жмут сильнее прежнего. Не удивлюсь, если в них набралось моей крови по щиколотку.

— Ах, цена доблестной службы, — прокомментировал Арклет. Повернувшись к допрашивавшему их дракону, он добавил с достоинством:

— Поскольку мы чисты от любого участия в этой злополучной, хм, гибели, пожалуйста, отступите от нас на шаг-другой, предоставив хотя бы малую долю уединения. Несмотря на то, что вы могли подумать — я обнаружил, что у многие пурпурные драконы обладают весьма примитивным и вульгарным воображением — эта госпожа придерживается высоких моральных принципов, и я не намереваюсь вредить ее репутации, входя ночью в жилище.

Эта маленькая речь заслужила красноречиво поднятые к небу глаза и насмешливые поклоны обоих драконов, но они отошли, о чем-то между собой переговариваясь.

Арклет демонстративно повернулся к ним спиной, закрывая Амарун от их взглядов своими широкими плечами, и спросил:

— Так вы хотите, чтобы я оставил вас здесь, рядом с подозрительной смертью — наверняка убийством — поблизости от дома, но под сомнительной защитой рыщущих по всех округе пурпурных драконов? Или...?

— Или поручить себя вашим нежным заботам в вашем благородном особняке?

— У меня все же *есть* некое понятие о чести, госпожа, — почти огорченно ответил Арклет.

Мгновение-другое они изучали друг друга в спокойной, не улыбочивой тишине, а потом Амарун почти прошептала:

— Лорд Делькасл, вы слышали, как тот волшебник назвал меня?

— Тихая Тень? Я выбросил это из головы. Дикое, безосновательное обвинение, которое...

— Нет, — твердо сказала Амарун, внезапно обнаружив, что не хочет лгать этому мужчине. — Вовсе нет. Я действительно Тихая Тень, хотя мое молчание было вызвано сезонным затишьем.

Она наградила его неожиданно вызывающим взглядом.

— Так вы собираетесь сдать меня пурпурным драконам? Увидеть, как меня высекут, заберут все до последней монетки и бросят в тюрьму? Моей крови наверняка хочет немало лордов, и...

— И я не один из них, — гладко прервал ее Арклет. — Я и сам дурачу своих знатных собратьев, где только могу. И время от времени сам позволяю себе принять участие в занятиях с сомнительной моралью... и кажется, это как раз такой случай.

Он поднял палец, будто читая лекцию, и сказал еще более мягко:

— Я сохраню ваш секрет, но потребую за это свою цену, миледи. Нет, не смотрите на меня *так*: моя цена — один честный ответ, и только. Так скажите мне откровенно: на кого вы работаете? Кто был заинтересован в сказанном мной, Халансом и Белнаром, что вы так внимательно слушали?

— Я была заинтересована, — откровенно сказала ему Амарун. — Потому что я

любопытна. Слишком любопытна. И я работаю только на себя.

Она замешкалась, потом добавила:

— Хотя некто пытается подчинить себе Тихую Тень, угрожая выдать меня драконам. Женщина, столь же ловкая, как я сама, которая зовет себя Талан.

— Талан, — пробормотал Арклет, нахмурившись. — Прежде я этого имени не слышал, но есть у меня предчувствие, что мне еще доведется его услышать.

— Капитан Дралкин? — тем временем крикнул один из драконов, возникая из ночи неподалеку от них. — Мы обнаружили на крыше того здания написанное кровью слово.

— Оттуда, видимо, тело и упало, — коротко подтвердил капитан, выходя из собравшейся над трупом группы и посылая Арклету и Амарун взгляд, означавший «убирайтесь прочь и не подслушивайте». Когда они даже не шевельнулись, капитан пожал плечами и спросил дракона:

— Что за слово?

— Странное. Имя, наверное, — ответил тот. — Талан. На всеобщем: Т-а-л-а-н.

Глава 28

Когда-то я был волшебником

Он находился в другом переулке — который смердел почти так же сильно, как и прошлый, только плесенью, грибами и гниющей зеленью — позади одной из лучших харчевен Сюзейла.

В этот час ночи старика, который стоял там и разговаривал сам с собой, могли услышать лишь улитки, крысы да змеи.

Потому Эльминстер и выбрал это место. Ему предстояло решить трудные вопросы, а поговорить было не с кем, кроме самого себя.

Он не должен был, *не мог*, совершить то, что собирался совершить с этой молодой женщиной, родня она ему или нет, завела она себя в жизненный тупик или нет. Терновое там ложе или нет, это было ложе, на которое она улеглась *сама*, и не для него было то... то, что любой король, барон или другие лорды делали каждый день — насильно вносили перемены в жизни других ради своих собственных интересов. Иногда просто из прихоти.

Но он так низко не пал. Нет, он пал намного ниже, и оставался таким несколько веков.

И все же эта задача — эта ноша — была его, и он хотел продолжать.

Хотел, но не мог, не в одиночку, не стариком и не без твердого контроля над своей магией...

— Нет, я сказал тому дракону правду, — наконец прорычал он. — Я старею... хочу умереть. И если я буду ждать слишком долго и умру, не сделав то, что сделать необходимо, на том все и закончится. Вся моя работа, вся та ничтожно малая защита, что я смог обеспечить Королевствам на протяжении этих веков. И этого *не должно* случиться. Работа *должна* продолжаться.

Нахмурившись, он сделал несколько шагов, заставив змею торопливо ускользнуть куда-нибудь в более безопасное место, затем развернулся и выпалил в пустоту:

— Даже если это будет стоить жизни еще одной юной девушке. Или по крайней мере беспечной, наивной свободы тратить свою жизнь, делая дела, у которых не будет значительных последствий.

Он сделал еще несколько шагов и прошептал:

— Это убьет ее.

Сделал еще несколько.

— И я сделаю это с ней. Сделаю.

Высоко подняв голову, он целеустремленно устремился в ночь.

Пальцы Амарун как когти сжались на его руке, и он почувствовал, как она начинает дрожать.

Миг спустя она прошипела:

— Я должна увидеть, кто... кто убит.

— Госпожа, — произнес Арклет. — Будет ли это разумно?

Взгляд, которым она его одарила, был поистине острым.

— Это необходимо. То, что я не родилась мужчиной, еще не значит, что я родилась без мозгов или...

— Спокойно, Рун, спокойно, — он повернул ее вокруг, разворачивая их обоих ближе к телу и ухитряясь каким-то образом не видеть поднятой как барьер руки капитана Дралкина — до тех пор пока офицеру не пришлось выбирать, убрать руку или ударить женщину — с небрежной ловкостью, заставившей Амарун заморгать.

— Сейчас?

Она кивнула.

— Сейчас.

— Тогда сделай глубокий вдох и посмотри вниз, — пробормотал он, завершая последнюю часть поворота. Она посмотрела вниз — прямо в белое лицо мертвеца с незрячими глазами, искаженное посмертной гримасой, горло которого было перерезано широкой раной, почти отделившей голову от тела, с которой на мостовую натекал целый пруд темной липкой крови. Перерезанная шея изгибалась под жутким углом...

Это был Расгул.

Она быстро отвернулась, начиная по-настоящему трястись. Капитан пурпурных драконов шагнул вперед, нахмурившись, одной рукой потянувшись к девушке, и Арклет снова отвернул ее, поворачивая Амарун в своих руках, пока не увидел ее бледное лицо.

Один пристальный взгляд, и его хватка на ее руках окрепла.

— Госпожа, — сказал он. — Вы идете домой со мной.

— Н-нет, — ответила она с прежней твердостью, выворачиваясь из его рук, чтобы быстро отступить и поднимая голос, чтобы слышали ближайшие драконы:

— Нет. Я отправляюсь к себе в кровать, господин, в одиночестве. Прямо сейчас.

Лица Дралкина и нескольких его людей посуровели, и они шагнули вперед так же проворно, как Арклет, чтобы преградить ему путь.

Тот поглядел в их твердые лица, на их мускулы и лежащие на рукоятках мечей руки, затем пожал плечами, улыбнулся и отвесил танцовщице плавный поклон.

— В таком случае, до твоей следующей смены!

— До следующей смены, — тяжело ответила она и поторопилась прочь.

Только чтобы в страхе отпрянуть, проходя мимо тела Расгула, вопреки себе взглянув на него... и увидев, что оно магически превращается в кого-то *другого*.

Человека, который был совсем ей незнаком.

Амарун потрясла головой. Что, во имя богов, здесь происходит? Неужели Расгул все эти годы был кем-то другим, или же это был кто-то, принявший его облик и заплативший свою цену? Она нырнула в боковой переулочек и торопливо зашагала по нему к двери в свое скромное обиталище, с той стороны здания, которая оставалась невидна лорду Делькаслу.

По мере того, как Арклет разглядывал каменнолицых драконов, вставших стеной затянутых в униформу крепких тел, чтобы не позволить ему последовать за танцовщицей или рассмотреть мертвеца получше — изменения которого он углядел краем глаза и догадался о них по реакции драконов — его улыбка становилась все шире. С театральным вздохом он заметил:

— Женщины! Никогда мне их не понять!

— Зато они прекрасно вас понимают, — предупреждающе сказал ему Дралкин. — Как и мы в данном случае.

— Смелый вызов, мой добрый капитан, — легкомысленно отозвался Арклет, с

прощальным взмахом поворачиваясь, чтобы уйти тем же путем, каким пришел, — но на самом деле не понимаете. Никто меня не понимает! За исключением, может быть, одной персоны.

— Должно быть, это я, — сказал резкий голос у его локтя.

Голос был ему знаком и принадлежал боевой волшебнице Глатре.

— Я слышала многое из того, что ты сказал и сделал этой ночью, — требовательно сказала она, — так что избавь меня от цветистых рассказов и дай несколько прямых ответов.

— Только за бокалом чего-то достойного, — сказал он, вежливо кивая. — Такой прекрасный дознаватель меньшего не заслуживает.

— Думаю, во дворце найдется вода, в которой будет не слишком много скользких созданий, — сухо ответила она. Со всех сторон появились боевые маги и пурпурные драконы, сомкнувшись вокруг них. — Пойдем.

— Ваш приказ — закон для меня, госпожа, — легко — почти насмешливо — ответил ей Делькасл, предлагая руку. Она это проигнорировала, но когда женщина повернулась, показала в сторону дворца и зашагала, он пошел следом.

В неожиданно тесном кольце эскорта из пурпурных драконов.

Амарун почти ожидала встретить Талан в своих комнатах, но никаких признаков ее присутствия не было. И ничьего другого.

Даже под кроватью.

Груды грязной одежды лежали там, где она их оставила, маленький неровный горный хребет лени. Судя по их состоянию, непотревоженной пыли и тому, что царивший в комнатах мелкий беспорядок остался нетронут, было не похоже, чтобы какой-то нарушитель зашел дальше мыслей о проникновении в дом Амарун.

Когда она наконец осмелилась поверить в это и расслабиться, усталость окатила девушку, как шторм тихую гавань, заставив ее покачнуться.

Она прошла через комнату, спотыкаясь, неожиданно *крайне* утомленная — но по-прежнему напуганная, охваченная все возрастающим страхом, который становился хуже по мере того, как ее мысли начали перебирать все возможные обстоятельства убийства Расгула, вернулись к пьяному боевому магу, знавшему, кто она такая — неужели они *все* знают? Почему же тогда ничего с ней не сделали? И Талан...

Амарун сильно дрожала, она почти тряслась, вцепившись в определенный тайник, пока столбик кровати наконец не поддался и она не смогла вытащить наружу тонкий и дорогой флакон с огненным вином. Сделав длинный глоток, Амарун снова пересекла комнату, запрокинув голову, чтобы сделать долгий глубокий вздох после огненного укуса.

Прислонившись к стене, Амарун вернула пробку на место, а флакон взяла с собой, подходя к кровати и бросаясь на нее.

— Что мне, во имя всех Адов, делать? — прошипела она вслух.

Стены сохраняли обычное красноречивое молчание, и девушка вздохнула, позволив плечам застыть в первой половине беспомощного пожатия, которое она не побеспокоилась довести до конца, затем с неожиданным раздражением стащила сапоги, один за другим, и с силой швырнула их в стену.

Сорвать плащ было быстрее, и тяжело дышащая Амарун, подбросив его в воздух, смотрела, как плащ медленно опускается на пол.

Пропитавшаяся потом рубаха снялась с относительной легкостью, и девушка швырнула ее на вершину самой высокой груды грязного белья.

Вышеобозначенная груды со вздохом поднялась, и на нее с улыбкой посмотрел бородатый старик, голову которого все еще украшало ее белье.

Амарун какой-то миг глядела на него, затем рывком соскочила с кровати, открыла рот, чтобы закричать — и Эльминстер бросился на нее, двигаясь удивительно быстро для кажущихся такими старыми костей, и засунул ей в рот два-три предмета одежды, чтобы заглушить крики.

Они боролись на постели, старик был сверху, Амарун впивалась в него ногтями и издавала придушенные «mmmф», когда его костлявые старые колени и локти попадали по разным мягким частям ее анатомии.

Зарычав, она начала бешено крутиться и пинаться. Старик вздохнул, взял ее — к счастью, пустой — медный ночной горшок там, где обнаружил его чуть раньше, под краем кровати, и огрел им девушку по голове.

Комната закружилась и поплыла. Боги и маленькие поющие жрецы, менестрели говорили правду: *действительно* видишь звезды... иногда.

Амарун упала на подушки, схватилась за голову и застонала.

И тут старик с девушки слез, поднял с пола ее плащ и обернул им Амарун, прижав ее руки к бокам, и уложил ее на подушки, будто настойчивая и умелая сиделка.

— Мне очень жаль, что пришлось сделать это с тобой, подруга, — заявил он, садясь на постель у ее ног, — но мы *должны* поговорить. Ты нужна мне. Ты нужна *Кормиру*. Проклятье, ты нужна *Королевствам*.

Амарун снова застонала, пытаясь взглянуть в худого, беловолосого нарушителя, одновременно выпутываясь из плаща. Старик не сделал ни единого движения к ней. Как только девушка освободила руки, она лучше обернула плащ вокруг тела — хотя было уже поздно беречь тот последний клочок скромности, что у нее еще остался. Старик ждал, что она заговорит, так что она так и сделала.

— Кто... кто ты?

— Эльминстер, — без промедления прозвучал ответ. — Когда-то я был волшебником. Да, *тот самый* Эльминстер. Здравствуй, пра-правнучка.

Амарун не смогла сдержаться.

— Пра-кто?

Открыв рот, она гладела на него в неожиданном безмолвии. Старик заполнил паузу улыбкой и кивком, но к тому времени Амарун снова нахмурилась.

— Эльминстер? Но ты не можешь им быть! Почему...

— Не могу? Я слышал фразу «не могу»? Амарун, да ты вообще знаешь что-нибудь о волшебниках?

— Но как? Богиня Мистра...

— Ты не удивишься, — сухо сказал старик, — узнав, что это длинная история. Прямо сейчас я предпочел бы услышать, что ты — а также юный лорд Делькасл — намерены делать.

— Почему?

Эльминстер изучал свою правнучку с выражением, которое могло быть раздражением, а

могло — новоприобретённым уважением.

— Вечер и так был длинным, правда? Пойдем куда-нибудь, где есть хорошее вино и достойная еда, и поговорим немного. Танцовщицы любят разговаривать, как я обнаружил. Все что угодно, лишь бы не делать другие вещи, которых ожидают от них клиенты, я полагаю.

— Так значит эта Амарун — знаменитая Тихая Тень, — пробормотала боевой маг Глатра Баркантл совершенно не удивленным голосом. — Абсолютно очевидно, что ты узнал это только сейчас; так что тогда заставило тебя подозревать ее? Или в первую очередь это был интерес к танцовщице, которая за достаточную сумму может согласиться не только на танец?

Арклет Делькасл посмотрел на своего дознавателя достаточно холодным взглядом.

— Я редко вижу необходимость платить кому-то за то, чтоб согрели мне постель, госпожа маг. Красавчик, помните? Знатного рода? Привлекательный?

Судя по выражению лица Глатры, она не впечатлилась.

Он вздохнул, взмахнул рукой и добавил:

— Неважно. Я заинтересовался ею по причинам, вам уже известным: я хотел узнать, зачем она слушала то, что мы с Белнаром и Халансом говорили о предстоящем Совете. В особенности теперь, когда Белнар и Халанс оказались так быстро и жестко убиты. Хотя я понимаю, что это необычно и немодно для лорда в этот день и эту эпоху, я все же *храню* верность Короне.

— Мы это знаем, — тихо ответила она. — И поэтому я привела тебя сюда. У нас есть предложение, лорд Делькасл.

— У нас? — спросил Арклет, оглядывая комнату. Они сидели друг напротив друга над сияющей поверхностью стола, и в дворцовой палате вокруг отсутствовали стражники, боевые маги, писцы и любые другие люди. Лишь несколько портретов, гобелен-другой, и одинокая запертая дверь. — У вас есть близнец? Или просто используете королевское «мы», и была королевская свадьба, о которой я не знаю и с которой должен вас поздравить, госпожа?

Как будто его вопросы послужили сигналом, один из гобеленов откинула твердая рука, и Делькасл обнаружил, что смотрит в старые мудрые глаза и знакомое лицо короля Кормира Форила Обарскира.

Древний дракон Лесного Королевства носил простой венец на челе и был одет в охотничий жилет, пояс, бриджи и сапоги из обыкновенной кожи. Прекрасной выделки и подогнанные так, чтобы подчеркивать его подтянутое, стройное тело. На бедре висел простой поясной нож, а пальцы украшали ровные ряды гладких колец — большинство из них наверняка были зачарованы. Король улыбался.

— Ничего настолько драматичного, лорд Делькасл, — сухо сказал король. — Леди Глатра говорила от моего имени и знала о моем присутствии — как, теперь, и вы.

К тому времени Арклет уже встал с кресла и опустил на одно колено. Форил с болезненной гримасой подал ему знак встать.

— Поднимайся, поднимайся, парень. У меня и так масса слуг, которые постоянно это

делают. Знать, которая может послужить моими глазами и ушами — слишком редкое и драгоценное приобретение в этом королевстве, сейчас больше чем когда-либо. Мы должны поговорить.

— Ваше Величество, — с улыбкой ответил Арклет. — Так уж случилось, что разговор — одна из моих сильных сторон.

— Как ни странно, я не удивлен, — сухо ответил король, взяв стул и пододвинув его к столу.

Амарун знала «Согласную улыбку» только по ее репутации. Захудалый, сомнительный, дешевый бордель на некогда престижной улице Сюзейла, где сморщенные карги и несколько юниц с широко распахнутыми глазами, отчаянно нуждавшихся в деньгах, ублажали беззубых стариков, пытавшихся убедить себя, что они по-прежнему те храбрые львы, одни имена которых заставляют Кормир застыть в восхищении.

Она была удивлена, обнаружив вместо этого чистое, тихое здание с мягким освещением, которое казалось бесконечно большим, управляемое заботливой матроной, которая очевидно считала Эльминстера старым и доверенным другом.

«Мамаша» Маредра похлопала прихрамывающего старика по руке, когда он поприветствовал ее, кивнула в ответ на его шепот на ухо, а затем повела их через завешанные коврами залы, украшенные многочисленными портретами в полный рост, которые, вероятно, являлись дверями в комнаты изображенных на них женщин, в заднюю комнату, обставленную как собственная гостиная состоятельной, но осторожной с деньгами семьи, где был накрыт стол на четверых.

Напевая себе под нос, она вышла за дверь и почти сразу же вернулась, чтобы поставить перед ними блюда с нарезанным ломтиками козым сыром, бисквитами и приправленной зеленью пастой из масла и давленных овощей.

Затем она ушла снова, подняв палец — как будто предупреждение, чтобы они не говорили ничего до ее возвращения — и опять тут же вернулась в комнату, на этот раз с бокалами, которыми мог бы гордиться любой благородный дом, и большим графином.

После этого она поклонилась, улыбнулась, попятилась из комнаты, молча взмахнув на прощание, и таким же жестом, плотно прикрывая за собой дверь, предложила им общаться.

Эльминстер ответил ей низким поклоном, указал Амарун на кресло и налил ей вина. Девушка критически посмотрела на содержимое бокала, осознав неожиданно, что испытывает голод и жажду, и пригубила. Вино оказалось *очень* хорошим, может быть, самым лучшим, что она когда-либо пробовала.

Эльминстер намазал пасту на бисквит маленькой круглой лопаткой — ножом своего рода, но ударить им никого не вышло бы — и передал ей. Когда она взяла бисквит, он подтолкнул к ней кусок сыра.

— Я не принцесса и я не беспомощна, — пробормотала она, но не грубо. Он, казалось, желал лучшего, и, ну... многие старики своеобразно проявляли заботу.

— Хорошо, — ответил он. — Я на это рассчитываю. Как и этот великий старый мир вокруг нас, хотя он еще об этом не знает.

Пережевывая пищу, Амарун ухитрилась поднять брови в гримасе «Ты всегда такой

сумасшедший?»

Эльминстер улыбнулся.

— Сейчас ты наверняка уверена, что я сошел с ума. У тебя есть некоторые сомнения, хотя они уменьшились, что я тот, кем назвался, и что мы с тобой — родственники. Ты хочешь знать, что за бред я несу — но принимать в этом участие у тебя никакого желания нет. Я прав относительно твоих чувств, не так ли?

Амарун взяла еще один бисквит и немного сыра.

— Пока точно в яблочко, — согласилась она, глядя на него со своим лучшим выражением «Попробуй меня впечатлить».

— Ты молода, проворна, красива и не глупа. Значит, ты уже догадалась, что карьера вора обычно рано прерывается, а танцы в маске будут приносить монеты лишь до тех пор, пока сохраняется твоя красота. До сих пор ни один благородный лорд, кроме Делькасла, не показывал желания схватить тебя в охапку прямо со сцены и утащить в свой особняк с титулом вокруг горла, тебе противостоят, по крайней мере, два зловещих врага и ты не знаешь куда бежать. Короче говоря, твое будущее не кажется светлым и радостным, скорее мрачным.

— Все еще близко к истине, — угрюмо согласилась Амарун. — Прямо сейчас я даже за этот сыр — не говоря уж о вине — заплатить не смогу без того, чтоб остаться на мели и порадовать кредиторов, которые, скорее всего, обойдутся со мной куда более грубо, чем Мамаша Маредра.

— Я угощаю, подруга. С учетом того, что я собираюсь попросить тебя сделать, можно наполнить твои сапоги золотом тебе до горла — и это все равно будет недостаточная плата.

— Хочешь, чтобы я приняла участие в одном из твоих заклинаний? В качестве какой-то жертвы? Это включает в себя ублажение тринадцати лордов одновременно?

Эльминстер хмыкнул.

— Нет на последний вопрос, а что касается первых двух, то «можно и так сказать» будет честным и довольно бесполезным ответом. Я хочу обучать тебя.

— Как *волшебницу*? Прости, но...

— Как мою наследницу.

— И что мне нужно будет делать? — Амарун искоса разглядывала старика по ту сторону стола. Он казался приятным, но ни в коем случае не достойным доверия. Скорее всего, он действительно был сумасшедшим, и, судя по всему, сейчас девушке предстояло узнать подробности его безумия.

— Я... стар. Мне больше тысячи лет. И я все еще жив, потому что... у меня осталась работа. Можешь называть ее «Посланник, действующий от имени Мистры». Я странствую по миру, вмешиваясь во все подряд — то, как правят короли, то, о чем думает народ, то, как они готовят жаркое, когда могут раздобыть мясо; все сразу — чтобы сделать Королевства лучше. О, и не получаю за это никакой благодарности, только попытки убить меня.

— Неудивительно, если вмешиваешься в дела королей. Мистра, значит, мертва уже сто лет, и ты начал сдаваться?

— Почти, — прошептал он.

Амарун продолжала жевать, изучая его, удивленная тем, как быстро исчезли лепешки и сыр. Насколько она помнила, старик съел только по одному кусочку. Девушка нахмурилась: может быть, в них что-то подмешали?

— Доедай последние, — приказала она.

Эльминстер улыбнулся, пожал плечами и взял себе лепешку.

Глядя, как он поглощает сыр, затем лепешку, и запивает все это вином, Амарун с любопытством поинтересовалась:

— Разве ты не тот человек, который был любовником Мистры или что-то в этом духе?

— Да, — просто подтвердил Эльминстер.

— Так кто согревает твою постель в эти дни?

— Безумная королева. Но нечасто.

Амарун покачала головой, глядя, как он заново наполняет ее бокал.

Ну что ж, из этого получится хорошая история на ночь, пока она не упадет лицом вниз и не отправится в страну снов...

— Расскажи мне, — сказала девушка, отпивая из бокала. Счастливые танцующие хобгоблины, какое же отличное вино!

Глава 29

Наполнить твой разум оружием

— Так что, как видишь, подруга, это мечта, ради которой я до сих пор живу. Приношу надежду, делаю одну маленькую вещь лучше, потом другую — для всех, не только для правителей и богачей... и делаю все это во имя Мистры.

— Чтобы сохранять память о ней.

— Точно. Чтобы народ не забывал ее имя и все то, за что она стояла, твердо и нерушимо, чтобы оставался шанс — призрачный шанс, уверяю тебя, но лучше чем ничего — что она вернется.

— Так все эти дела, истории у огня и сказки на ночь... истории о призраках, в самом деле.

— Не забывай о верных почитателях!

— О да, тайный культ поклонников Мистры, которых я должна возглавить. Ну, это уж точно могло заставить меня почувствовать себя особенной, если бы мне такое нравилось.

Эльминстер грустно взглянул на нее через стол.

— Это все, что ты слышала в моих речах? Дело не в Мистре, речь не о власти и преимуществах — все это ради мечты исправить все зло в Королевствах, которой я, и Шторм Среброрукая, и Симбул, и прочие Избранные посвятили такую большую часть наших жизней, через Арфистов и с помощью других средств. Даже если Мистра никогда не вернется к нам, мы сделаем Королевства лучше — это само по себе достойное деяние, подруга! Достижение куда более великое, чем большинство королей или жрецов надеялись когда-либо свершить, не говоря уже о том, каких ничтожных результатов они добивались!

Амарун вылила в бокал остатки вина и со вздохом откинулась на спинку стула, разглядывая человека, назвавшегося ее предком.

— Ты хочешь, чтобы я продолжала эту добровольную работу без конца и края по спасению всех Королевств, — мрачно сказала она. — Оставить работу, которую я делаю хорошо и горжусь этим, жизнь, которую я себе создала — жизнь, которая мне *нравится*, будь уверен, несмотря на то, какой печальной и бедной она может быть — и делать опасные, и, без сомнения, нередко незаконные вещи, и казаться всем безумной, ради... мечты. Твоей мечты. Мечты вековой давности, рожденной среди мертвых богов и битв, проигранных, когда моя мать была еще молода.

Эльминстер улыбнулся.

— Да. Я знал, что ты мгновенно ухватишь самую суть. Это моя девочка: кровь не обманывает.

— Я ни на что *не соглашалась*, старик, — гневно сказала Амарун.

— Да, да. Но ты согласишься, увидев этот мир более ясно. Возможно не сейчас, может быть, в грядущие годы... но ты согласишься. Ты обнаружишь, что не можешь стоять в стороне и отворачиваться, когда есть зло, которое надо исправить, страдания, которых не должно быть и вещи, которые могли бы быть лучше для всех и менее жестокими для многих. Мы прокляты, мы вмешиваемся во все подряд. Это в крови.

— Не в моей, — фыркнула Амарун. — Я более рассудительна.

— А, так вот почему ты проводишь вечера, ввязываясь в неприятности с лордом Делькаслем, — сухо сказал своему почти пустому бокалу Эльминстер. — Крайне

рассудительно для танцовщицы в маске.

Амарун побагровела.

— Мне нравится Арклет. И если королевский указ имеет хоть какую-то силу, это значит, что парни и девушки Кормира могут выбирать себе друзей свободно — благородных или простолюдинов, богатых или бедных, и не отвечать ни перед кем. Со временем это сделает королевство сильнее, ведь все его жители узнают друг друга лучше, и никто не будет насмехаться над мужчиной или женщиной из-за имени, с которым они родились, или...

— Ты проповедуешь уже обратившемуся, подруга, — ответил Эльминстер. — Кто, по твоему, исправил формулировку указа в одну из ночей, когда Форил храпел рядом на расстоянии всего лишь длины копья? У меня почти вся ночь ушла на то, чтоб подделать его почерк, чтобы когда он взглянул утром на изменения, то решил бы, что сделал их сам среди ночи, не подумав, что кто-то другой украл его право исправлять несправедливость.

Амарун взглянула на него и сказала с сарказмом:

— Я предполагаю, что ты устроил половину дворянских свадеб за последнее десятилетие, а кроме того, ты тайно искушаешь и испытываешь каждого боевого мага, не так ли?

— Нет. Всего две свадьбы, и я смог проверить верность примерно трети боевых магов нашего времени — Вэйнренс *очень* пристально следит за ними, и быть пойманным за проверкой его братства жезлов закона может быть хуже, чем вовсе их не проверять.

Амарун смотрела на него через стол.

— Ты серьезно. Проклятье, ты серьезно.

— Конечно. Допивай вино, подруга; мы только начали. Я вышиб ножки из-под маленького стульчика, который ты называешь жизнью, что построила для себя сама, и теперь мой долг — наполнить твой разум оружием, чтобы защитить этот стульчик — так у него будет шанс простоять хоть немного дольше. Мне будет нужна твоя помощь в нахождении и краже определенных безделушек, содержащих призраки Девятки, но сначала, ради твоей собственной безопасности, ты должна узнать правду про эту Талан, которая тебя преследует...

Несмотря на поздний час и тот факт, что особняк Грозозмеев был обителью знати, пурпурные драконы, колотившие в его двери, оказались весьма настойчивы. Сутью их повторяющихся требований было желание без всяких задержек поговорить с лордом Марлином.

Сонные, раздраженные слуги не смогли убедить солдат подождать до более подходящего времени после полудня, и в конце концов нехотя разбудили Марлина, рассказав ему, что у ворот ожидают солдаты Короны, не желают уходить и требуют немедленной аудиенции.

Буквально за мгновение Марлин очнулся от мрачной сонливости и застыл в тревоге. В первую очередь он отослал всех слуг, сообщив, что вполне способен одеться самостоятельно.

И действительно, он был уже почти одет, когда за последним из них закрылась дверь. Проведя рукой по щетинистому лицу и решив не тратить время на бритье, наследник дома Грозозмеев сунул ноги в сапоги, схватил ножны с Парящим Клинком и застегнул их на

поясе, закинул Пьянчужку за пазуху, дважды похлопав его по голове, что служило приказом сидеть тихо, до тех пор пока он не позовет или не достанет стиржа снова, и взял в свою руку чашу, как будто пил из нее, когда его прервали.

Ну вот. Готов. Он глянул в ближайшее зеркало, затем поспешил вниз в аванзал, чтобы встретить драконов.

Когда он спустился по лестнице, они ждали его небольшой, молчаливой мрачной группой.

— Итак? — коротко спросил Марлин, не тратя время приветствия или попытки изобразить вежливость.

— Нам нужна ваша помощь, лорд Грозозмей. Пожалуйста, пройдемте с нами. Всего лишь до ваших парадных дверей, вон туда.

— Зачем? — фыркнул Марлин. — Что...?

Они ничего не ответили, развернувшись одновременно, чтобы промаршировать к дверям.

Марлин искоса посмотрел на своих безмолвных слуг, затем пошел следом.

Одна из передних дверей была распахнута, и снаружи было еще больше солдат.

— Так к чему это все? — спросил Марлин, отступая в сторону, чтобы все эти драконы не окружили его в дверном проеме.

— Вы нужны нам, чтобы установить личность покойного, — мрачно сказал ему дракон. — Нам сказали, что это ваш слуга. Это так?

К тому времени Марлин уже увидел тело на носилках, и его лицо приобретало тот же мертвенно-бледный оттенок, что и у покойного. Это был Гаскур, человек, которому он доверял больше всего в мире. Его личный слуга на протяжении многих лет, его торговый агент... зияющая рана на его горле, оставленная огромным мечом, красноречиво давала понять, как он умер.

— Кто... кто это сделал? — выпалил Марлин, в его собственном горле неожиданно появился комок, а комната вокруг внезапно покачнулась.

Твердая рука на спине поддержала его, и Марлин едва смог заметить, что солдаты, пристально следившие за его лицом с подозрительным видом, расслабились. Некоторые, казалось, даже жалели его.

— Где вы его нашли? — спросил лорд, его голос дрожал, будто у юной девушки. Не дождавшись ответа, он яростно потряс головой и отвернулся.

— Это мой слуга, да, — слепо сказал он в воздух, направляясь к далекому столу через аванзал и сиявшему там ряду графинов. — Гаскур, верный и преданный человек. Я доверял ему больше, чем кому-либо.

Он нашел графины и развернулся.

— Присоединитесь ко мне в тосте за хорошего человека? И, ради любви всех богов, скажите мне, как он умер!

— Слово, или может быть, имя «Талан» что-нибудь для вас значит, милорд? — голос дракона раздался рядом и снизу, как будто он встал на колени, чтобы хорошо разглядеть лицо Марлина.

Тот открыл оба глаза и сказал ему яростно:

— Нет. Боги, нет. Никогда раньше не слышал. Что или кто этот Талан?

— Мы сами хотели бы знать, милорд. Это было написано на крыше многоквартирного дома недалеко к юго-западу отсюда, кровью вашего человека. Вы можете сказать, почему он

там находился? Был ли он в городе по вашему приказу?

Марлин покачал головой, дрожащими руками налил себе выпить.

— Гаскур жил здесь, в этом доме, и насколько я знаю, в Сюзейле у него не было ни родни, ни друзей — ни собственности, если уж на то пошло. Я мало знаю о его привычках и занятиях в свободное время, но уверяю вас: Гаскуру доверяли, и время вне службы принадлежало только ему, чтобы жить собственной жизнью, а не танцевать в ливрее Грозозмеев.

— Благодарим за вашу помощь и предложение, — мрачно сказал дракон, — но сейчас мы торопимся. Мы оставим вас наедине со скорбью и заберем останки вашего человека. Боевые маги хотят исследовать их.

— Хорошо, — горько ответил Марлин. — Так и сделайте. А потом вернитесь и расскажите мне, что они обнаружат, потому что — услышьте меня, верные мечи Кормира — если Корона не найдет и не заставит заплатить за это виновного, это сделаю я.

— Мы слышали, лорд Грозозмей. Такие чувства делают ему честь — и вам тоже.

И с этим драконы удалились в торопливом грохоте сапог, оставив потрясенного Марлина Грозозмея пить жидкий огонь, слушая, как закрываются двери в его дом.

После того, как он осушил чарку, наполнил ее снова и осушил еще раз, один из его слуг пробормотал:

— Милорд? Вы ожидаете...

— Оставьте меня, — резко отозвался Марлин. — Я предпочитаю быть один. Пускай никто за мной не ходит.

Он еще раз наполнил чарку и выпил ее одним глотком, который заставил юношу хватать ртом воздух. С грохотом опустив ее на стол, лорд коротко сказал «Вымойте это», и отвернулся, чтобы пройти через зал к главной лестнице, ничего не видя вокруг себя.

«Талан» была тайной, возможно, всего лишь обманкой, чтобы сбить стражу со следа. Гаскур почти наверняка погиб из-за предательства одного из заговорщиков; последним заданием, которое дал ему Марлин, была слежка за их делами и встречами и поиск любых признаков измены.

— Знать, — прошипел он, повторяя шутку, которая обычно заставляла его покраснеть от гнева. — Их нельзя подпускать даже на расстояние броска их отрубленной головы.

Он поднялся по лестнице, открыл дверь и взмахом позволил сонным слугам отправляться обратно в постели. Еще несколько комнат и дверей, еще несколько замков и засовов, и он окажется один, слуги останутся достаточно далеко.

Вернувшись в свои покои, он достал стиржа из-за пазухи и усадил на жердочку. Пьянчужка ненавидел магию, которую Марлин собирался высвободить, и демонстрировал это, яростно испражняясь и выпуская когти.

Торопливо налив и осушив бокал вина из любимого графина, Марлин отложил в сторону меч и чашу, взял стоящий у изголовья кровати фонарь, и отправился в самое верхнее помещение самой заброшенной башни.

В свете фонаря был виден укрывавший все помещение толстый слой пыли. С вешалки для плащей он снял стеклянный шар молочного цвета, принес ее к маленькому круглому столу и поставил в стоявший там тяжелый металлический кубок.

Усевшись в покосившееся кресло, Марлин коснулся шара, прошептал нужное слово, и следил, как появляется знакомое мерцающее облако. Так быстро, как будто Лотрэ ожидал его — мысль заставила юношу подозрительно сощуриться на мгновение — облако

превратилось в изображение человека в маске, сидевшего в кресле со спинкой в виде сокола перед собственным шаром.

— Да? — просто сказал Лотрэ.

— Мастер, — боязливо начал Марлин. Он рассказал о судьбе Гаскура и собственном страхе предательства, закончив вопросом:

— Что мне делать?

— Перестань быть слабым и испуганным, — раздался холодный ответ. — Перестань оглядываться через плечо в поисках предательства, вызывая тем самым подозрения у каждого пурпурного дракона или боевого мага, который на тебя взглянет. Продолжай быть смелым и дерзким, как будто ничего не произошло. Точно так же, как ты вел себя до сих пор.

Лотрэ наклонился вперед и заговорил громко и твердо.

— Если в твоём заговоре есть предатель, это твоя лучшая защита. Он сделал ход, и смотрите — ты оказался так силен, что проигнорировал удар.

Человек в маске развел руки.

— Ты можешь жить, оглядываясь на каждую тень, позволить страху завладеть собой — но вряд ли такая жизнь стоит, чтобы ее прожить, не так ли? Продолжай выполнять наш план, и однажды престол может стать твоим. Дрогнешь — и этого никогда не случится. Сломаешься — и будешь отчаянно цепляться за жизнь, а не за грезы о власти. Но все это не должно стать для тебя новостью: ты и сам прекрасно должен был понимать, какие придется принимать решения и какой риск будет с ними связан.

— Да, да, — торопливо согласился Марлин. — Да, я так и сделаю, ух... эти вещи.

Кивнув, Лотрэ моментально исчез, оставив над шаром Марлина лишь пустой и темный воздух.

Тихо выругавшись, наследник Грозозмеев вернул вещи на место, взял фонарь и заторопился назад, в свои покои.

Лотрэ предлагал смелую тактику, но его слова никак не уменьшили опасности. Кто-то из сидевших за его столом замыслил предательство — а может быть, их было несколько, насмеявшихся над Марлином за своими похожими на маски лицами — и желал его смерти.

Добраться до постели было просто, но заснуть оказалось сложнее. Страх сидел внутри, разум подбрасывал картины угроз, измен и ножей в темноте.

Марлин ворочался из стороны в сторону, бормоча ругательства и покрываясь холодным потом. Страх так его и не оставил. Он был так взволнован, что Пьянчужка принялся порхать по спальне, перелетая от одного столбика кровати к другому.

Бесполезно. Он *не мог* заснуть. В этот самый миг по особняку Грозозмеев могла красться дюжина наемных головорезов, с ножами в руках и милыми улыбками на лицах, подбираясь все ближе... и ближе...

— Девять проклятых Адов! — прорычал он, вскакивая с постели в одном белье в приступе ярости.

Он покачнулся, когда босые ступни коснулись пола, но с зевком выпрямился, держась за ближайший столбик кровати, затем пошел к Виверноязыкой Чаше и Парящему Клинку.

Когда Ланграл и Халонтер снова взглянули на него своими холодными взглядами, синее пламя безуданно ярилось вокруг них, Марлин приказал двум призракам сторожить себя, пока он будет спать, и охранять его от всех нарушителей.

стирж Пьянчужка тут же спорхнул с кровати и отлетел в самый дальний край самого

высокого окна, чтобы оказаться вне их досягаемости.

В ответ на этот приказ Ланграл и Халонтер молча кивнули. Бесшумно пылая, они заняли позиции над Марлином, когда он снова улегся на кровать.

Юноша опасался, что не сможет уснуть, когда над ним так близко и угрожающе нависают два призрака синего пламени, но прежде чем он смог вспомнить об этом страхе, темное забвение поглотило лорда.

И он так и не увидел, как вор и боец Девятки, стоявшие там в своем огне, повернулись взглянуть друг на друга над похрапывающим телом Марлина — и одновременно перевели взгляд вниз, на него. На их лицах застыло презрение.

— Спасать мир или нет, — промямлила Амарун, в десятый раз обнаружив свой нос слишком близко к столешнице, — я зеваю без остановки.

— Конечно, подруга. Тебе необходим отдых. Поговорим об этом позже.

Эльминстер извлек кошель откуда-то из недр своей одежды, и насыпал из него щедрую кучку монет в его пустой бокал, стоявший в центре стола.

Затем поднялся и предложил Амарун руку. Девушка была очень задумчивой, но вместе с тем шаталась от усталости, и чуть не упала, поднимаясь из кресла и принимая предложенную руку.

— Куда...?

— Я провожу тебя обратно в твоё жилище, оставлю тебя там, позволив насладиться долгим здоровым сном. Столь долгим, сколько потребуется; я улажу дела с твоей нанимательницей, чтобы в следующий раз, когда ты придешь в клуб, тебя не встретили мечами. Стоит напомнить Драконьим Всадникам, что пьяные волшебники могут обвинить девушку в том, что она является практически кем угодно. Сыграю роль трезвого волшебника, который знает лучше.

Амарун кивнула и позволила старику провести себя по опустевшим залам «Согласной улыбки». Не тем путем, каким они вошли, заметила девушка; есть какой-то тайный боковой вход, значит.

Так оно и оказалось, когда Эльминстер нырнул под узкую опускающуюся лестницу, отодвинул в сторону панель, и они оказались на свежем воздухе.

И почти сразу наткнулись на человека, который покидал то же самое заведение через другую дверь прямо напротив их хода — торопливое отбытие человека в мантии, согнувшегося, шагая вперед, все еще оправляя свою одежду.

Столкновение было не сильным, но заставило Амарун и Эльминстера покачнуться в попытке восстановить равновесие. Развернулись они одновременно — и обнаружили, что смотрят в пылающие глаза Рорскрина Мрелдрейка.

Который густо покраснел и заторопился, бормоча угрозы и приказы «двум негодьям, которые окажутся в наших подземельях прежде...»

Эльминстер повернул голову посередине этой тирады и тихо спросил Амарун:

— Пнешь его за меня, подруга?

Она тут же подчинилась, заставив волшебника упасть лицом на мостовую, беспомощно распростершись на камнях.

Поглядев в сонном изумлении несколько мгновений на валяющегося Мрелдрейка, Амарун встряхнула головой, чтобы прийти в себя, и наградила Эльминстера почти обвиняющим взглядом.

— Ты... использовал на мне заклинание?

— Нет, — искренне отозвался Эльминстер. — И ты подчинилась не потому, что я приказал. Ты просто сделала правое дело, когда я указал тебе на него. Мы из крови Омара не можем сдержаться, подруга. Всегда делаем правое дело.

Он похлопал ее по руке.

— О, Королевствам будет хорошо в твоих руках. Очень хорошо.

От этих слов Амарун встала посреди улицы с белым лицом и раскрытым ртом, глядя на него, полностью утратив дар речи.

Эльминстер аккуратно взял ее под руку и повел домой.

Глава 30

Ваш замок или мой

Амарун проснулась в темноте, лежа посреди постельного белья. Белье было скомканным и мокрым, как будто она потратила день сражаясь с ним, вместо того, чтобы спать. Моргнув, девушка уставилась в потолок.

Боги, она чувствовала себя опустошенной. Расгул был мертв, *мертв...* и она тоже может умереть в тот миг, когда Талан, или тот лордишка Виндстаг, или его головорезы ее найдут.

Амарун не осмеливалась оставаться здесь.

Но куда ей идти?

Что ей делать? Не прямо сейчас, что делать со своей жизнью?

В Драконьих Всадниках Амарун будет открытой мишенью... но ей нужны деньги, чтобы где-то жить.

Начать заново карьеру Тихой Тени под другим именем сейчас, когда в Сюзейле полно богатых дворян, может оказаться очень выгодным решением, но абсолютно точно это будет смертельно опасно.

Даже если бы не существовало ни законов, ни боевых магов и пурпурных драконов, чтобы приводить их в исполнение, даже если бы все лорды были беззаботными идиотами с тупыми мечами, без своих волшебников и наемных телохранителей, Амарун была не уверена, что и дальше хочет зарабатывать на жизнь воровским ремеслом.

И чего от нее хочет тот сумасшедший старый маг, который считает девушку своей правнучкой? «Спаси Королевства», да, но что это значит? И во что он ее втянет в следующий раз?

В памяти всплыло лицо Арклета... и внезапно, в потоке чувств, от которого Амарун чуть не задохнулась, она обнаружила, что сильно по нему скучает.

Девушка снова хотела услышать этот его смех, увидеть его изящные жесты и услышать всю ту бессмыслицу, что он нес. Она... проклятье, она хотела снова быть рядом с Делькаслем. С ним она чувствовала себя, ну, не в безопасности, но уверенной. Или, скорее, окутанной его уверенностью, как будто уверенность могла провести их через любые опасности, трудности или неприятности.

Ха. Разве не будет это похоже на яму с гадюками — таскаться за болтливым, насмешливым, глупым лордом Делькаслем?

Амарун покачала головой, пожала плечами. Неважно. Кажется, ее спящее я решило, что именно этого она хочет.

Следующее пожатие плечами превратилось в долгое потягивание, заставив девушку слезть с кровати. Подобравшись к своей вешалке в поисках чистой одежды, она поймала себя на размышлении, будет ли лорд Делькасл в такое время в своем особняке.

Или о том, впустят ли ее слуги — или просто посмеются и захлопнут эти огромные двери прямо перед ней, в какой бы час дня или ночи она не появилась бы у ворот его особняка.

Надевая чистую юбку, она нахмурилась в ответ на эти мысли. Не стоит впускать новых гадюк в их уютную маленькую яму...

Амарун ехидно усмехнулась и принялась придумывать истории о тайных посланиях из дворца, которые она принесла лорду Делькаслу. Она будет... старшим рыцарем. Ну да,

точно.

— Слова, что я принесла, предназначены лишь для ушей лорда Арклета Аргустагуса Делькасла, — сказала она зеркалу, сохраняя спокойное, как камень, лицо. — Это... королевские слова.

Звучало неплохо. Почти настолько, чтобы проложить ей путь внутрь.

Амарун скорчила гримасу и потянулась за ножами, которые прятала на теле, когда была Тихой Тенью.

У девушки было отчетливое предчувствие, что они ей понадобятся.

— Узрите же, — пробормотал себе под нос Эльминстер. — В глухую ночь, как говорят менестрели, некий Эльминстер из Долины Теней возвращается в свою избранную обитель и поле боя, одним из нескольких путей, которыми способен нынче воспользоваться.

Ночная бабочка, которую он только что сделал богаче на два золотых льва, грациозно скользя, остановилась перед двумя стражниками, улыбнулась, спокойно распахнув свой лиф, и сказала:

— Боевой маг Рорскрин Мрелдрейк только что проиграл пари, и в качестве штрафа хорошо заплатил мне за то, чтоб я развлекла двух верных пурпурных драконов.

— Отойди в сторонку, девка, — сурово ответил старший из стражников, пристально вглядываясь в ночь за ее плечом. — У нас строгий приказ никого не пропускать, не уходить с поста, и держать на расстоянии всех, у кого есть оружие.

Девушка покорно отступила на шаг и расстегнула платье.

— Это единственное оружие, что у меня есть, — хитро сказала она, показывая свое тело.

Младший стражник нечленораздельно зарычал, сделал шаг от двери, которую они охраняли, и потянулся к ней.

— Я посторожу, — торопливо сказал его напарник. — Не задерживайся.

Его решимость продержалась достаточно, чтобы Эльминстер уже решил, что монеты, в конце концов, не купили ему проход, но девушка свое дело знала. Одна из ее рук постоянно подзывала второго дракона, пока тот, наконец, не сдался и не зашагал нетерпеливо к ней.

И тогда Эльминстер отлип от куска стены, частью которого очень долгое время притворялся, и проскользнул через дверь незамеченным, без единого звука и без ненужной поспешности.

К тому времени, как младший стражник решил, что будет разумно хотя бы оторвать взгляд от девушки — имя которой он очень хотел узнать на будущее — и оглядеться, убедившись, что на улице нет патрулей, кареты-другой, или, может быть, приближающейся армии, Эльминстер прошел уже несколько тайных ходов и спускался по каким-то старым, влажным от сырости, полузаброшенным ступеням.

Ему нужно было украсть какую-нибудь магию, найти укрытие и спасти королевство. Короче говоря, все как обычно...

Амарун сделала глубокий вдох, плотнее запахнула плащ — светила луна, но ночь оказалась *холодной* — и твердо постучала колотушкой в дверь рядом с воротами особняка Делькаслов. Медленно и уверенно, трижды.

Почти сразу же она услышала мягкий, скользящий звук, как будто с той стороны отодвинули пластинку, чтобы посмотреть на нее. В сгустившемся мраке она не могла рассмотреть дверь, но с той стороны кто-то был, присматриваясь и прислушиваясь. За тяжелыми воротами тоже происходило какое-то движение: без сомнения, это стражники заряжали и нацеливали свои арбалеты.

Тишина затянулась. Амарун снова стукнула колотушкой.

На сей раз в ответ донесся звон цепей и другой скользящий звук, погромче. На двери, на уровне глаз, открылось окошко, забранное прочной двойной решеткой, и с той стороны на нее посмотрели чьи-то глаза.

— Особняк Делькаслов, — произнес их владелец. — По какому делу?

— Я явилась по приглашению лорда Арклета Делькасла, — осторожно ответила Амарун, прекрасно понимая, что могут подумать об одинокой, закутанной в плащ женщине, являющейся среди ночи, и постаравшись заставить голос звучать вежливо и формально, — чтобы переговорить с ним. Мне известно, который сейчас час.

— Прошу прощения, — вроде бы искренне ответил привратник, — но лорда Делькасла сейчас нет дома. Вероятно завтра, около полудня, я смогу дать вам иной ответ.

— Понимаю, — ответила Амарун, приглушив разочарованный вздох. — Вы не знаете, где он?

— Принимает пищу, как мне дали понять. Возможно, в «Приюте Дарклеяра», не учитывая, сколько старых и не очень друзей сейчас в городе, он может оказаться где угодно. Сожалею, но я не могу впустить гостей и позволить им подождать его.

— Разумеется, — сказала Амарун, уходя.

Куда именно, она не знала. Не существовало места, где девушка была бы в безопасности, и вряд ли Амарун сможет задержаться на богатых улицах с особняками среди этих высоких, грозных стен и частых патрулей стражи...

Потерявшись в своих мыслях, она чуть не врезалась в пару блестящих сапог и человека в черной одежде, на котором они были надеты.

Амарун отшатнулась, потянувшись к одному из своих ножей — и увидела, что это был Арклет Делькасл, улыбавшийся ей довольно усталой улыбкой. Он как раз направлялся домой из «Приюта», сытый по горло компанией расфуфыренных, прихорашивающихся змей — юных, хищнических благородных дам с их медовыми угрозами и снисходительностью.

Их взгляды встретились, и один вид ее испуганных, молящих глаз сказал ему что-то. Расплывшись в улыбке, он приобнял Амарун одной рукой с громким и жизнерадостным:

— Леди Амарун! Мы *должны* поговорить! Ваш замок или мой?

— В-ваш, — смогла прошептать она. — Если это... удобно.

— В вашем обществе удобно все, — радостно ответил он. — Открывай, Лорольд!

Ворота уже распахнулись, стражники не зевали. Арклет улыбнулся им и кивнул, махнул привратнику, и провел свою закутанную в плащ гостью мимо них внутрь, в залитый лунным светом сад.

— Я почтен, что вы решили нанести визит так быстро! Родные *так* обрадуются!

Он взял девушку за руку и провел по пологому склону, покрытому мокрой от росы травой, к тропинке, по сторонам которой росли урут и беделия.

— Справа от нас — свадебная беседка Делькаслов. Впереди — летний домик, а слева, за дорожкой для карет, вдали можно увидеть пять рыбоводных прудов, которыми так гордился мой пра-прадед. Конюшни же Делькаслов известны своими...

К тому времени они прошли уже достаточно далеко по цветочной тропинке, и Арклет неожиданно остановился на середине фразы, понизил голос до шепота, и спросил:

— Тебе нужно убежище? Трапеза? Место поговорить?

— Все перечисленное, полагаю, — неохотно ответила Амарун. — Но в основном — поговорить.

— Здесь, или внутри, где моя матушка-дракон рычит и выдыхает огонь, поглощая непрекращающуюся процессию молодых надушенных мужчин, входящих в ее спальню?

Амарун вздохнула.

— У тебя нет комнаты, которую ты мог бы назвать собственной, с замком на дверях?

Арклет мрачно взглянул на нее.

— Есть. А у тебя осталась репутация, которую нужно поддерживать?

Амарун фыркнула.

— У обнаженной танцовщицы в клубе? Я рискну.

— Но что насчет *моей* репутации? — легко заметил он.

— Наверное, я смогу время от времени стонать, задыхаться и выкрикивать твое имя, и спасти ее таким образом, — сухо ответила Амарун.

Арклет закатил глаза, затем ухмыльнулся, как нетерпеливый подросток, его взгляд блуждал.

— Тогда пойдем!

— Может, сначала хотя бы выпьем? — поддразнила она. — Разве это не будет подобающе?

— Можем выпить, — пообещал он. — Но все же никогда больше не совершай ошибку, считая, что лорды ведут себя подобающе вне двора. Из всех ошибок именно эта может оказаться смертельной.

Ну, по крайней мере в одном деле он по-прежнему был хорош.

Не то, чтобы умение проникать в королевский дворец Сюзейла с проворной легкостью могло помочь ему в любой карьере, какую он мог бы избрать.

Сводник? Нет...

Эльминстер улыбнулся своей лучшей хитрой улыбкой темному и узкому проходу, по которому торопливо шагал. Затем моргнул. На левой пятке, кажется, появилась мозоль. Он стал слишком стар, чтоб провожать юных дев домой и потом спешить через весь Сюзейл в собственное укрытие, прежде чем...

Эй, там! Он напрягся, притормозил, осторожно пошел вперед. Шум впереди принадлежал нескольким взволнованным голосам; что-то произошло.

Гомон раздавался из отверстий для подслушивания в стене тоннеля, из комнаты по ту сторону, и в нем звучала тревожная суэта, какая бывает в крепости перед осадой; он слышал нечто подобное дюжину-другую раз и помнил это слишком хорошо.

Аа, этот голос принадлежал Мальвоцвету, распорядителю празднеств, в его полном

напыщенном бахвальстве.

Эльминстер закатил глаза и застыл без движения у отверстий, позаботившись о том, чтобы держаться на некотором расстоянии, глядя в них.

В комнате по ту сторону было полно придворных слуг и боевых магов; лицом к Элу, полускрытый плечом Корлета Фентабля, стоял потрепанный с виду Рорскрин Мрелдрейк. Отверстия были расположены в стене как раз за левым плечом Каладана Мальвоцвета и немного выше. Тот, видимо, собирался впечатлить всех своим авторитетом и вниманием к деталям, но судя по всему, в процессе был готов продемонстрировать, каким высокомерным и неприятным он может быть.

В его песне переплелись гармония раздражения от разворачивающегося хаоса, ликование из-за того, что любым потоком словоблудия, какой он мог допустить, проблему не получится повесить на него, и что сейчас он оказался во главе всех формальных процедур и обладал практически королевской властью. Во дворце, похоже, стало известно, что Ганрахаст и Вэйнренс пропали, что боевые маги крайне встревожены этим фактом и ищут и там, и сям, и повсюду, не желая признавать, что что-то не в порядке — при том, что до Совета остались считанные дни. Что же делать? Что же делать?

В этот момент, по громогласному, разбрызгивающему слюну реву, стало ясно, что начальник Фентабля, агрессивный, шумный и непомерно толстый дворцовый сенешаль Рорстил Холлоудант — который был лентяем и пьяницей, а следовательно, большую часть времени проводил, похрапывая в уголке, оставив дела своему весьма эффективному подчиненному, к большому облегчению прислуги — устал слушать, как кто-то другой кичится своей важностью и раздает приказы направо и налево.

— Распорядитель празднеств, — сказал он голосом, в котором звучала острая сталь, — кажется, забыл о том, что *все* находящиеся в этом помещении — преданные, квалифицированные профессионалы, от щитового клерка рядом со мной до младших протокольных клерков вон там, всех четверых. Знать, где находится и чем занят каждый член королевской семьи, от нашего возлюбленного короля Форила и лорда Эрзуредра до графини Дедлюка, до и во время Совета, начиная мельчайшим приемом и заканчивая великим пиром — наше *общее* дело. Распорядитель должен лишь координировать, а не приказывать.

— Конечно, — ответил Мальвоцвет тоном, в котором спряталось собственное острие, — но кронпринц...

— Кронпринц Ирвелл частенько советуется со *мной*. Я как раз беседовал с ним — а также с принцессой Оспрой, принцем Беровиусом, и принцессой Рэдрой — прежде чем покинуть палату Солнечных Статуй и прибыть сюда. Все они уверены, что благодаря привычной поддержке дворцовой прислуги Совет пройдет успешно, какие бы трудности нам не встретились. Должен добавить, что даже госпожа Солата Болдтри, по праву рождения занимающая не столь высокий пост, разделяет эту уверенность. Именно так она и сказала. *Мне*.

— Несмотря на это...

— Несмотря на это, — сокрушительно добавил сенешаль, — мы занимаемся большими и малыми делами двора в этой великой обители власти, день за днем, и будем продолжать заниматься ими без всякой необходимости в том, чтобы распорядитель празднеств пытался изменить обычное положение дел. От всех и каждого здесь я ожидаю...

Эльминстер покачал головой и зашагал дальше по проходу. Позади стихали холодные острые слова Холлоуданта. Эльминстер обнаружил, что одновременно удивлен — он мог бы

сам закончить речь сенешаля, даже не услышав ее завершения — и обрадован. Согласный шепот своеобразным хором вторил Холлоуданту.

Двор выполнял свои обязанности.

С Ганрахастом или без него, все шло своим чередом. Какими бы надменными, суетивными и коварными не были придворные Кормира, они справятся с делами.

Короли могли возвышаться и падать, цареубийцы или знать могли с азартом травить друг друга ядами или гоняться один за другим по залам с окровавленными топорами — дворцовые слуги оставались всегда. А с ними оставалось и Лесное Королевство, ведь они и *были* этим королевством. Слуги, и кучера, и фермеры, и лесорубы, и коневоды, и домохозяйки, и кузнецы, от Грозных вершин до Рогов Бури. Пусть грызутся Холлоудант и Мальвоцвет; большинство других лиц, что он увидел сквозь отверстия для подглядывания, были взволнованы и обеспокоены. То были лица людей, которым *не все равно*.

Лесное Королевство по-прежнему было сильно. Могут смениться зады, греющие королевский престол или кресла тех или иных знатных лордов, но королевство будет стоять.

А это значит, что Мудрец Долины Теней может забрать себе артефакты, содержавшие уцелевших членов Девятки, и использовать их для излечения Алассры. Кормир прекрасно справится и без них.

Лорд Арклет Делькасл остановился, уперся ладонями в бедра и раздраженно вздохнул.

Он встал рано этим ясным погожим утром, убедился, что гостя еще не проснулась. Они проговорили большую часть ночи, но спали отдельно. Арклет показал ей свой личный буфет, обеденный столик и позволил запереться на ночь, услышав, что девушка сразу же так и поступила.

Он быстро перекусил зуйковыми яйцами со специями и подовым пирогом, набросил на себя нечто подобающе броское, дал указание доверенным слугам оказывать Амарун любую возможную помощь и делать это со всем уважением, и отправился во дворец.

Там у него было две задачи — менее важная касалась его самого, а более важная — новостей, которые, как согласилась Амарун, боевая волшебница Глатра должна была узнать как можно скорее.

Его личное дело этим утром ничем не отличалось от дел многих других младших лордов королевства. Арклету необходимо было узнать, какое место на Совете будет предназначено ему, и какого конкретно слугу ему искать, чтобы тот проводил его к означенному месту.

В случае Арклета эта задача включала в себя передачу сожалений его матери: она, конечно, не будет присутствовать, и фактически посылает Арклета вместо себя, а отец будет слишком пьян, чтобы вообще вспомнить про какой-то Совет.

Его более важная задача — рассказать волшебнице Глатре о том, что танцовщица по имени Амарун, она же Тихая Тень, узнала, что является пра-правнучкой печально знаменитого мага Эльминстера, который в настоящее время находится в Сюзейле и хочет, чтобы Амарун украла для него волшебные артефакты, содержащие призраков Девятки — была бы гораздо проще, если бы Арклет смог *найти* Глатру.

Ни один из боевых магов, будь они прокляты, которых Арклет смог поймать, не знал, где она сейчас.

Этим утром во дворце царила суматоха, все бегали вокруг, ужасно занятые требованиями безопасности предстоящего Совета, размещением слуг и перестановкой мебели. И простирающийся во все стороны королевский двор, и величественный дворец представляли собой шумную неразбериху торопящихся, кричащих, лихорадочно работающих людей; этот хаос поглотил всех до последней горничной и последнего пажа.

Арклет устал держаться за собственные ребра. С куда большей охотой он бы подержался за Рун, и...

Хватит. Изгнать эти мысли до тех пор, пока он не сможет что-нибудь в этом отношении сделать.

Глубоко вдохнув, лорд Арклет Делькасл расправил плечи, придав лицу хмурое выражение «никаких пустяков, пожалуйста», и отправился в простирающийся перед ним хаос.

Он знал в лицо нескольких старших боевых магов, и наверняка кто-то из них был сейчас во дворце. Он просто будет идти до тех пор, пока не встретит одного из них и спросит его о Глатре, и так до тех пор, пока не найдется кто-то...

— Ни с места, сир!

Арклет вздохнул. Испытания обрушивались на него одно за другим этим утром. Он терпеливо улыбнулся пурпурному дракону, преградившему ему путь своим копьём, и начал:

— Доброе утро тебе. Я ищу боевую волшебницу Глатру...

Дракон нахмурился, внезапно испытав приступ подозрительности.

— И зачем она вам потребовалась, милорд?

Ох, это будет *долгое* утро...

В темном проходе, глубоко под дворцом, Эльминстер застыл на месте, негромко выругавшись. На стене перед ним висел старый щит, некогда на его глазах зачарованный Вандердагастом. Он уже и не помнил, сколько лет прошло с тех пор. Его магия предупреждала об определенных вещах, происходящих, когда знать начинала собираться вместе. Если щит начинал сиять, боевые маги знали, что пришла пора ругаться и спешить разбираться с проблемами, которые создали Сюзейлу наименее преданные представители знати.

Те маги были давно мертвы. Кроме него.

Разворачиваясь, чтобы начать спешить, он перешел к части про ругательства.

Глава 31

Мы делаем то, что должны

Арклет гордился мягкой грациозностью своей походки, гладкостью шага, привлекающей взгляды. Этим утром ему она пригодилась юноше, чтобы проложить путь через всех торопящихся пажей и горничных, избежав неприятных столкновений.

Кроме того емугодились обаяние и бойкий язык, чтобы отклонять многочисленные допросы пурпурных драконов, пока он искал боевых магов. Те из них, кого Арклету удалось найти, казалось, получали удовольствие, отправляя его в разных направлениях.

Впрочем, та из них, перед которой он стоял прямо сейчас, была настоящим удовольствием для глаз. Красавица с длинным, блестящим водопадом иссиня-черных волос — оттенка, который звали «полночным» — и большими, блестящими темными глазами в тон.

— Я лорд Арклет Делькасл, — ответил он на вопрос волшебницы. — А вас как зовут?

— Раэрин, — отозвалась та с милой улыбкой и спокойным взмахом руки, сказавшем Арклету, что его призывный взгляд был потрачен напрасно, и что девушка более чем привыкла к льстивым речам от мужчин молодых и старых. — Вы кого-то разыскиваете?

— Одну из ваших коллег, — сказал ей Арклет. — Боевую волшебницу, которая просила доложиться ей, и назвалась Глатрой.

Юная красавица кивнула и указала на ближайшую дверь.

— Мне неизвестно ее текущее местоположение, но если вы подождете в ее палате, обещаю, что вскоре она там появится. Рано или поздно ее всегда можно найти там.

Делькасл отвесил ей поклон, благодарно улыбнулся и направился к двери. Та вела в небольшой кабинет — и когда Арклет открыл ее, он бородатого старика, закрывающего за собой тайную панель в дальней стене комнаты. Старик развернулся и увидел Арклета.

Тот позволил двери закрыться за ним, пока они смотрели друг на друга, и на лице старика проступала кривая ухмылка.

— Здравствуй, лорд Делькасл, — сказал он, подходя к буфету в дальнем конце кабинета, проигнорировав почетную стражу в виде церемониального комплекта доспехов, стоявшего на стойке, будто живой человек. Старик выбрал один из ряда графинов. — Не желаешь выпить?

— Кто вы такой? — спросил Арклет, отмахнувшись от предложения. — Боевой маг?

— Да, — ответил старик. — И я хотел бы немного поболтать с тобой. Я слышал кое-что странное о юном лорде Грозозмее, магии и каких-то знаменитых авантюристах, известных как Девятка, и хотел бы знать, что тебе об этом известно. Что говорят добрые лорды Кормира?

Делькасл смотрел на старика в замешательстве.

— Глатра? Это ты? — спросил он. — Это какая-то проверка? Конечно, известно, что мне нравятся разные игры, но времени сейчас мало...

— Эх, лорды, лорды, — беззлобно пожаловался Эльминстер, отпивая из бокала, который только что наполнил. — Такие важные. У вас никогда нет времени на серьезные дела; вечно заняты пирушками, интрижками и разгулом...

Арклет вздохнул.

— Эту речь я слышал уже тысячу раз. Сэр, *не сейчас!* Этот Совет должен пройти

идеально, иначе...

— Иначе твою голову подадут на блюде? Ну, если ты меня не слушаешь, то Совет пройдет более чем неидеально; это будет катастрофа, в королевстве даже может произойти цареубийство!

Арклет поднял бровь.

— Как драматично.

Он прошел через комнату к одной из двух закрытых дверей с противоположной стороны буфета.

— Однако вы, кажется, не та персона, которую я разыскиваю, так что я просто...

Арклет протянул руку, замешкался на мгновение, и в итоге выбрал ручку правой двери.

— Умрешь через десять секунд, — быстро закончил за него Эльминстер, — если пройдешь через эту дверь. В комнате за ней старшая леди Илланс как раз переодевается, а у ее стражи *очень* быстрые клинки. *Отравленные* клинки, могу добавить, вопреки законам Короны.

Арклет развернулся на месте.

— Что? Да они не посмеют!

Эльминстер покачал головой.

— Ты воистину слеп, юный Делькасл. Почти вся знать до последнего лорда с Совета так или иначе нарушает какой-нибудь из законов Короны — и у *всех* них с собой есть оружие, заклинания, какая-то запретная магия или яд. Ты уверен, что ты лорд? Раз уж ничего не знаешь?

Прищурившись, Арклет посмотрел на старика.

— Ты... ты Эльминстер, не так ли?

Эл улыбнулся, кивнул — и согнулся в довольно посредственной пародии на учтивый поклон, заставившей Арклета закатить глаза и ухмыльнуться.

Затем, все еще улыбаясь, он покачал головой и сказал:

— Что ж, я знаю, что не могу гулять по дворцу, каждый второй шаг спрашивая твоего совета или предостережения, без того, чтобы на нас бросались дюжины боевых магов и пурпурных драконов!

Эльминстер ответил собственной ухмылкой и подошел к комплекту доспехов. Сняв шлем, он терпеливо вынул оттуда мертвую мышь и ее гнездо, надел шлем себе на голову и глухо ответил из него:

— Вот поэтому ты обзаведешься телохранителем. Помоги мне надеть остальное. Дуар был примерно моих габаритов, и он слишком давно превратился в пыль, чтобы это все могло ему понадобиться.

— Ростом, может быть, и с тебя, но как минимум вдвое шире в талии, а в плечах — и того больше, — вздохнул Арклет. — Но я сомневаюсь, что мы осмелимся искать лучший вариант по всему дворцу.

— Полагаю, нет, — весело согласился Эльминстер, — кроме того, этот комплект обладает зачарованным гульфиком, который может мне пригодиться. Никогда не знаешь заранее.

Его гротескно-демонстративное подмигивание снова заставило Арклета закатить глаза, но Эл уже отодвинул тайную панель и приглашающе махнул Арклету. Лорд ступил в темное пространство тайного хода, и Эльминстер последовал за ним.

Как только панель за ними закрылась, распахнулась левая дверь в конце комнаты,

открывая Глатру Баркантл и человека в короне, которого бы с первого взгляда узнала половина Сюзейла: короля Форила. Они подслушивали, и выражение лиц их было угрюмым.

— Значит, Эльминстеру нужна Девятка, и он считает, что они здесь, — мрачно сказала Глатра.

Король кивнул.

— Он не должен их заполучить. Если Эльминстер найдет хоть один артефакт, мы должны будем его вернуть. Арклет может нам с этим помочь.

— Может, да, — согласилась Глатра. — Но станет ли?

Форил вздохнул.

— Каким бы неприятным это не казалось, настало время заставить нескольких якобы преданных лордов продемонстрировать свою преданность на деле. Делай, что должна.

Марлин был охвачен радостным волнением, но Лотрэ сохранял холодное спокойствие.

Марлин так спешил уведомить Лотрэ, что *третий* член Девятки был связан с артефактом, про который знала, кажется, половина Сюзейла, что слова вылились из него торопливым неразборчивым потоком.

— Держи себя в руках, Марлин, — резко сказал Лотрэ. — Верхом глупости будет пускаться в поиски по всему Фаэруну магии, которая может находиться где угодно, когда вот-вот начнется Совет. Мы должны быть осторожны и избегать действий, которые привлекут к нам внимание и подозрения, и сосредоточиться на использовании открывшихся возможностей.

— Но нам потребуется вся магия, что мы сможем заполучить, — возразил Марлин. — Волшебная Чума была непредсказуема. Как буря на Драконьем море, она оставила какие-то вещи нетронутыми *здесь*, полностью уничтожив при этом целые замки *там*. И все еще не закончилось! Вещи продолжают меняться, будь оно проклято!

— Все это правда — и в то же время не имеет никакого значения. Аргументом «но ведь Волшебная Чума!» можно оправдать что угодно, — холодно ответил Лотрэ. — Если ты выдвинешь этот аргумент при дворе, будь готов к открытым насмешкам; слишком много лет так начинался любой аргумент. «Но Волшебная Чума» *не важна*.

— Но если кто-то другой получит топор...

— Тогда ты узнаешь, кого надо убить, чтобы заполучить его, и *не нужно* будет переворачивать вверх дном весь Сюзейл, в процессе предупредив большую его часть о том, кто ты такой и в чем состоят твои интересы, — фыркнул Лотрэ. — И на этом, поскольку нам обоим ясно, что тебе сейчас больше нечего добавить к нашей общей мудрости, этот разговор окончен.

Мерцающий воздух над шаром потемнел, образ Лотрэ мигнул, поблек и исчез — Марлин не успел даже набрать воздуха, чтобы возразить.

Он снова был один среди покрытых пылью старых вещей Грозозмеев.

Лотрэ был... раздражен. С самого начала. Причиной тому стали не новости о топоре, но... что же тогда? Неудачное время связи? Может, он был занят, его могли раскрыть или подслушать?

Возвращая все вещи на те места, где они должны были по его мнению находиться и

покидая комнату, Марлин хмурился.

Шар дал ему Лотрэ, и это была древняя магия. Когда любой из двух мужчин входил в комнату, где хранилась его сфера, заклятье, наложенное чужеземным волшебником, которого Лотрэ нанял для этого, а затем убил, когда работа была сделана, заставляло другого почувствовать, что наступило время для связи.

Прежде обычно Марлин чувствовал, когда Лотрэ приходит к своей сфере, где бы он не находился, и тогда спешил в заброшенную башню семейного поместья. Сейчас же обычно он первым приходил к сфере и начинал разговор.

Неужели Лотрэ перестал быть заинтересован в их союзе? Или хотел, чтобы Марлин замолк на время? Или была какая-то опасность или проблема со стороны Лотрэ?

Что ж, молчаливая пыль вокруг вряд ли способна была дать ему какие-то ответы. А где-то там, возможно, совсем рядом, был топор, хранящий в себе тайну...

Мэншун вздохнул.

Марлин Грозозмей. Молодой. Опрометчивый. И в данный момент почти ослепший от волнения.

Глупый лордишка. Такой *предсказуемый*.

Служанка, в разуме которой поселился будущий Император Кормира, сбросила грязную старую простыню, чтобы дать усмешке простор, который был ей необходим.

Молодой Грозозмей только что пронесся мимо нее, и сейчас спускался по винтовой лестнице, не обращая внимания на окружающее. Служанке, наверное, можно было не прятаться за старой статуей, набросив на них обоих старое полотно, укрывающее статую от пыли. Достаточно просто было присесть прямо здесь, у него под носом.

Слепой глупый лордишка.

— Вещи продолжают меняться, — пробормотала служанка, через которую говорил Мэншун. — Но ты не стал ни капли мудрее, Марлин такой амбициозный Грозозмей. Тебе сейчас больше нечего добавить к нашей общей мудрости, сказал я. И все же ты один из самых умных молодых лордов королевства. Да помогут нам боги.

У лорда Брорина Виндстага закончился воздух в легких, Сорнстерн был не в лучшем состоянии, и даже Каскот Донтард задыхался и посинел. На всех троих были надеты карнавальные маски, которые они сорвали со стены будуара вопящей женщины знатного происхождения — но это было далеко не началом учиненного ими беспредела, и в любом случае, какую бы «защиту» не обеспечивали полосы черного шелка, она продлится ровно до тех пор, пока они не попадутся в руки властей.

Их поиски топора с призраком Девятки становились все более безрассудными, и по пути пришлось помять немало народу. За ними гнались пурпурные драконы и боевые маги, и весь город стоял на ушах; им грозила смерть или изгнание, если не получится скрыться — и оставаться в укрытии достаточно долго, чтобы зародить сомнения, пустить лживые слухи и

организовать «несчастливые случаи» с несколькими ключевыми свидетелями.

Хватая воздух, они поднимались по задней лестнице дорогого дома неподалеку от променада, пока бесчувственное тело охранника позади них перевернулось на ступеньках в последний раз и замерло. Все трое принялась удивляться, почему они начали действовать так дико, безрассудно и резко.

— Может, какое-то заклинание подействовало на наш разум? — прохрипел Виндстаг.

— Даже если и не было никакого заклинания, надо заявить об этом, если нас поймают! — отозвался Сорнстерн, опершись о перила, когда они достигли верхнего этажа.

— *Когда* нас поймают, — мрачно поправил его Донтард.

По-прежнему задыхаясь, они остановились, чтобы восстановить дыхание, в коридоре прямо перед дверью в дорогие съемные покои старого лорда Мурандрейка — и замешкались, обмениваясь безумными взглядами.

Волшебник и лорд остановились в месте, где темный, узкий проход оканчивался, встречаясь с другим коридором, ведущим налево и направо.

— Сюда, парень! — жизнерадостно прогремел Эльминстер из-под своего глухого шлема, сворачивая налево.

— Хорошо, — согласился Арклет, следуя за ним, — но куда мы направляемся, если мне будет дозволено спросить?

— Дозволено, — легко ответил Эл, — и если будешь вести себя хорошо, я тебе даже отвечу. Прежде чем мы доберемся до места, вот так. В конце концов, наша жизнь — скорее путешествие, чем...

— Чем его цель, — вздохнул Арклет. — Сэр, я тоже знаю бородатые поговорки. Чего я не знаю, так это почему вообще иду за вами, если я пришел сюда, чтобы найти госпожу боевого мага Глатру, и... хм...

— Рассказать ей обо мне? Что я охочусь за Девяткой, да? Тебе сказала Амарун?

— Она многое мне рассказала, — ответил Арклет. — Что она ваша родственница, что вы хотите, чтоб она помогла украсть несколько волшебных вещей из дворца — что, честно говоря, ставит меня в тупик. Вы ленивый, или ужасно заняты, или просто пытаетесь сохранить свои руки чистыми? Если вы и вправду такой сильный архимаг, как говорят истории, почему же не украсть их самостоятельно? Или просто взять, сметя в сторону наших боевых магов — которые со времен легендарного Вандердагаста, бывшего лишь вашим учеником, если я правильно помню, многое потеряли — так, как будто они просто дети?

— Да ее язык времени зря не терял! — заметил Эльминстер. — Должно быть, она тебе доверяет. Хмм, вы, случаем, не любовники?

— Я ее покровитель и друг, старик, — ответил Арклет немного раздраженно. — С моей стороны было бы недостойно воспользоваться...

Эльминстер развернулся и издал очень грубый звук в сторону Арклета.

— Ты же *кормирский лорд*, парень! Ты был рожден, чтобы делать «недостойные» вещи, причем делать их высокомерно! Ты, видимо, считаешь меня полным идиотом, если думаешь, что я куплюсь на «моя мораль безупречна» из твоего рта! В конце концов, человеку, которому нечего скрывать, хватило бы простого «нет» или «да».

Арклет знал, что должен выхватить свой меч, пылая гневом, но обнаружил, что чувствует себя слишком смущенным для такой ерунды. В конце концов он просто сказал:

— Мы говорили прошлой ночью; она очень напугана; она доверяет мне, и я к ней не прикасался. Клянусь, это правда.

Эльминстер поднял шлем, обнажив блестящее от пота лицо, на достаточное время, чтобы встретиться своим мудрым взглядом моргающих серо-голубых глаз с глазами юного лорда, и ответить:

— Я тебе верю, парень.

Затем шлем снова опустился, и из-под него старик добавил:

— Да, я действительно ее пра-прадед, и хочу, чтобы она заняла мое место в упряжке, спасая Королевства. Будь уверен, ей потребуется помощь; вот почему я рассказываю тебе это все, парень, вместо того, чтоб здесь и сейчас прикончить гордость дома Делькаслов. И да, мне необходимо заполучить предметы, хранящие в себе призраков Девятки; это жизненно важно.

— А если, скажем, король Кормира считает иначе? — спокойно спросил Арклет, когда они снова зашагали по коридору. — И предпочитает, чтобы эти, хм, призрачные артефакты хранились здесь, в руках королевской семьи или боевых магов, чтобы защищать королевство при необходимости?

— Парень, парень, — раздался глухой голос из-под шлема. — Таков путь всех правителей, а тем более их лакеев и блюдолизов; хвататься за все, что может представлять ценность или содержать в себе силу — неважно, осознают ли они последствия или нет — и хранить это вечно, или до тех пор, пока не падет королевство, что в итоге всегда и происходит. Поверь же словам того, кто правил большим количеством королевств, чем будешь когда-либо править ты или любой из Обарскиров, и раз-другой спасал это конкретное королевство, где мы сейчас находимся; я найду им лучшее применение, чем Форил, Ганрахаст и все лорды Кормира вместе взятые. Доверься мне.

— Мой любимый и давно почивший дедушка, — осторожно ответил Арклет, — сказал мне когда-то, что доверять любому волшебнику — это еще глупее, чем доверять лорду. Я считаю это мудрым советом.

— Тебя хорошо воспитали, — весело согласился Эльминстер. — Но насколько любой из нас может доверять кому-то другому? Нам стоит это обсудить, тебе и мне.

Он надавил на угол в стене, отодвинул в сторону еще одну тайную панель, и приглашающе махнул Арклету, давая понять, что юный лорд должен идти первым.

Арклет кивнул и подчинился, шагнув в новый, лучше освещенный проход — где обнаружил себя лицом к лицу с задыхающейся боевой волшебницей Глатрой, которая только что торопилась по этому же проходу.

— Я слышала, ты меня искал; есть новости? — выдохнула она.

— Есть, — ответил Арклет. — Это волшебник Эль...

Он обернулся, но позади не было ни одного человека в старых, плохо сидящих доспехах. Арклет быстро шагнул к панели, отодвинул ее в сторону с моментальным усилием, осмотрел сверху донизу тоннель, из которого пришел, и обнаружил — разумеется — что он пуст. И беспомощно обернулся к Глатре.

— Ну, Эльминстер *был* со мной, и...

— Я тебе верю, — твердо сказала Глатра. — Если это был Эльминстер, а не какой-то притворщик, присвоивший себе это громкое имя, не хотела бы я обменяться с ним боевыми

заклятиями нос к носу, в любом случае. Докладывай!

Арклет кивнул.

— Он подтвердил все, что Амарун мне рассказала — Эльминстер ее пра-прадед, он ждал Амарун в ее комнатах вчера ночью, чтобы сказать об этом, и он хочет, чтобы она спасла Королевства, как многие годы делал сам Эльминстер. Начав с кражи неких магических предметов, которые предположительно находятся здесь, в Сюзейле, и хранят в себе призраков Девятки — знаете о Девятке?

— Знаем.

— Ну конечно. Что ж, так получилось, что это не все, что я хотел вам сообщить.

Глатра подалась вперед, будто гончая, которая ждет, что ее спустят с поводка.

— Да?

— Я... я и вполтину не такой хороший шпион, как ожидал. *Я верен* Короне, не сомневайтесь, просто не... охранять королевство совсем не так просто, как я думал. Уже не говоря о том, что и близко не так весело.

Взгляд Глатры был тяжелым и пристальным.

— Ты не первый, кто это обнаружил, лорд Делькасл. Несколько твоих предшественников даже признались в этом.

Глава 32

Охотимся на Эльминстеров

Бдящие боги на небесах, какой сейчас был час?

Измотанная боевая волшебница Глатра вышла с обычного черного хода из дворца, намереваясь просто добраться домой, чтобы что-нибудь поесть — сошло бы холодное жаркое из птицы трехдневной давности; она слишком устала, чтобы беспокоиться о здоровье — и попарить ноги, прежде чем рухнуть — этой ночью она именно *рухнет* — в постель.

Почти сразу же волшебница остановилась, как вкопанная, потому что кто-то стоял у нее на пути. Капитан Дралкин.

— Ну что еще? — прорычала она вместо приветствия.

Весьма холодно тот ответил:

— Боевой маг Глатра, у меня есть новости, которые вполне могут касаться безопасности королевства. Я подумал, вы захотите знать.

Она устало закрыла глаза. И когда Глатра снова их открыла, капитан по-прежнему был там.

— И что за новости?

— Прямо сейчас три младших лорда — Виндстаг, Донтард и Сорнстерн — переворачивают весь Сюзейл в поисках волшебных топоров. Они предлагали большие суммы в тавернах, куда обычно заходят слуги знати — в «Розе и Драконе», в «Возвысившемся Слуге», в «Хрельто» — за любой топор, принадлежавший любому благородному дому, который покажет магические свойства при проверке. У них даже есть присказка, где следует искать эти топоры: «спрятан в покоях, висит на стене, похоронен в заброшенных залах во тьме».

Глатра тяжело вздохнула.

— Это не все, не так ли?

— Кроме того, — уже продолжал Дралкин, ответив на ее вопрос энергичным кивком, не прекращая говорить, — они вломились и обокрали поместья многих лордов. Телохранители убиты или оглушены, а многие дворяне кипят от гнева, обнаружив свои покои разграбленными.

— Проклятье, — хрипло сказала Глатра. — Прощай, сон.

Она обошла капитана и зашагала по улице.

— Я знаю, кто за этим стоит. Сопроводите меня к жилищу танцовщицы Амарун Белой Волны, — приказала она через плечо. — Мы охотимся на Эльминстеров.

Пещера представляла собой длинную, узкую нору, полную сырой земли, камней, и рассыпающейся грубой деревянной мебели — скорее, жилище отшельника, чем обитель друида. С перекрестья над грубым столом свисали две маленькие, слабо мерцавшие масляные лампы, а в их свете стоял крепкий, широкоплечий пожилой мужчина, глядя на отряд искателей приключений вдоль своего похожего на чудовищный клюв носа. У него была длинная, косматая, седая борода.

Пол был неровным, грязным, усеянным старыми костями и шелухой; там и сям из стен землянки выступали древесные корни. На многих висели предметы из жалкого собрания гниющих обрывков гобеленов и полотен.

— Вот вы и нашли Эльминстера, — пропыхтел старик, — и чтобы отработать свое золото, будете говорить со мной? Что ж, тогда говорите; боюсь, мне нечем поделиться, и коль вы ждали великой магии или пригоршни драгоценных камней, то, боюсь, припозднились лет на сто.

— Я — сэр Эскрель Старбридж, старший рыцарь Кормира, — я пришел забрать тебя в Сюзейл, где... желают твоего присутствия.

— О-оставить Долину Теней? — пробормотал волшебник. — Н-нет. Невозможно.

Вокруг Старбриджа неподвижно, как камень, стояла его дюжина рыцарей — и пятеро боевых магов. Легенды утверждали — кричали об этом — что у старика перед ними есть заклинания, способные уничтожить королевство. И что он не раз так и делал. Уже не говоря о разрушении замков, приручении драконов и превращении атакующих армий в лужи крови на земле и красный туман, уносимый ветром.

Старбридж сказал, что сначала прибегнет к дипломатии. Никто не думал, что это поможет, но если и было подходящее время для молитвы, то оно наступило сейчас.

— Эльминстер, — мягко сказал Старбридж. — Что тебя здесь держит? В Кормире — Лесном Королевства — есть такие же дикие чащи. А ферма на другой стороне этих гор быстро зарастает новыми побегами. Что такого особенного в Долине Теней?

— Все Королевства знают, что здесь живет Эльминстер, так что дураки все приходят ко мне. Дураки вроде вас.

Стены взорвались, наполнив воздух свистящими стрелами, болтами и дротиками.

И каждый снаряд наткнулся на преграду в воздухе примерно в футе от каждого из кормирцев, чтобы разбиться о нее и упасть на пол, не причинив никакого вреда. Ответ боевых магов был почти ленивым, заклятья хлестнули по стенам красно-оранжевым пламенем, вонзившимся в бледные, колеблющиеся фигуры доппельгангеров, прячущихся за гобеленами, которые скорчились и погибли в этом огне.

— Твои... слуги? — спросил Старбридж в наступившей тишине. — Прислужницы?

Старик выскочил из кресла. К нему бросился один из рыцарей.

— Нарульф, стой на месте! — крикнул Старбридж. — Мерельд?

— Слишком поздно, чтобы удержать его в изначальной форме, — резко ответил волшебник, выгибая шею. — Надо бить сейчас, или он уйдет!

Старбридж с отвращением вздохнул.

— Давай!

Он обернулся.

— Беренгард?

— Маг Леммет оказался достаточно быстр, сэр, — сразу же прозвучал ответ. — Юноша — Тал — тоже был доппельгангером. Он под контролем.

— Хорошо. Допросим его. Хотя я сомневаюсь, что ему известно что-то о местонахождении Эльминстера, кроме того, что это «не здесь». Будь оно все проклято.

Мэншун улыбнулся мерцающим образом и сотворил быстрое заклинание.

На середине вдоха юные лорды Виндстаг, Сорнстерн и Донтард схватились за головы, закачались, ударились о стены, закусили губы с такой силой, что пошла кровь. Их безумные глаза были широко распахнуты.

Затем они задрожали, затряслись и очнулись от того, что на них нашло, чтобы обменяться удивленными взглядами.

Мрачно кивнув в унисон, одним аккордом они ударили плечами в дверь съемных покоев лорда Мурандрейка.

И снесли ее.

Как только они вломились в хорошо освещенное, приятное помещение, из кресла подскочил пожилой мужчина в домашнем халате, выронив из рук свой бокал и книгу с приключенческими рассказами, пытаясь как-то задом пройти через свое сидение, чтобы убраться от них подальше, одновременно сохранив равновесие.

Эту битву мужчина сразу же проиграл. В результате лорд Барандрор Мурандрейк оказался на полу, прячась в пещере из своего перевернутого кресла от угрожавших ему трех обнаженных клинков.

— Топор, у тебя есть топор? — спросил один из меченосцев.

— Боевой топор, — обвиняюще добавил второй.

— Волшебный боевой топор, — прорычал третий.

Дрожащий голос подвел Мурандрейка, и его испуганный ответ оказался нечленораздельным, но безумное махание руками дало понять, что в следующей комнате *нечто* есть.

Трио юных лордов ворвались в дверной проем, очутившись в роскошно обставленной спальне, где увидели сияющий шлем, висящий высоко на стене в самом видном месте, а под ним — скрещенные меч и топор, схватили все три трофея и бросились обратно к мужчине на полу.

— Это все? — прокричал Виндстаг в испуганное лицо. Когда Мурандрейк заставил себя кивнуть, юный лорд развернулся на каблуках и побежал к двери.

Донтард и Сорнстерн бежали следом. Вместе они спустились по лестнице, Виндстаг триумфально размахивал добытым топором.

— Очередной фальшивый Эльминстер? — пробормотал Мерельд.

Старбридж пожал плечами.

— Скоро узнаем. Посмотрим, как он переносит лунный свет.

Леммет кивнул, медленно развел руки... и лощину неожиданно залило яркое, жемчужно-белое сияние.

Эскрель пристально взгляделся в него. У него была дюжина рыцарей — конечно, одним из них был этот идиот Нарульф, но все же — и еще трое боевых магов, спрятавшихся за деревьями вокруг, но все они оставались на местах, ожидая его сигнала.

Тем временем делая то же самое, что и Старбридж. Глядя на лощину, где среди распростертых вокруг угасшего костра тел стояла одинокая фигура.

Судя по форме и размеру, она принадлежала человеку, на котором был надет старый

шлем и разное тряпье, снятое с павших, которые могли быть, а могли и не быть мертвы.

Фигура стояла молча, неподвижно, ожидая их. Худая и высокая, но сгорбившаяся, как будто от усталости или от старости.

— Эльминстер? — спросил Старбридж. — Ты предпочитаешь пойти с нами или быть убитым?

Фигура медленно развела пустые руки, сдаваясь — или в отчаянии — и присела на бревно возле останков костра.

Старбридж свистнул, и из-за деревьев появились его люди, принявшись сжимать кольцо.

— Ты Эльминстер? — спросил Старбридж. — Мы хотели бы немного поговорить.

Глубокий голос из-под шлема ответил:

— Да неужели? Хватит с меня тратить слова на вооруженных людей, которые мне угрожают и что-то требуют.

И в этот момент наколдованный свет Леммета показал им угрожающий ряд грубых палок — жезлов! — на поясе старого волшебника. Сомкнув зубы от страха, рыцари рванулись вперед.

Сильные, быстрые руки схватили жезлы, заломили руки сидящего на бревне, вцепились в одежду, чтобы найти любые амулеты или скрытое оружие, сорвали шлем, жезлы, пояс, жилет — и кормирцы обнаружили, что смотрят на круглые, упругие и крайне немужественные груди.

— Кто...? — выдохнули Старбридж и Нарульф в унисон, но совсем разным тоном.

На них бесстрашно взглянули голубые глаза, и губы под ними спокойно произнесли:

— Вы, добрые сэры, взяли в плен Шторм.

— Вон там! — громче любого мужчины крикнула Глатра, показывая рукой. — Вон там! Взять их!

Затем она, Дралкин и сопровождавший их патруль пурпурных драконов с криками понеслись по сюзейльской улице, преследуя трех убегающих людей.

Которые, как скоро оказалось, слишком устали и выдохлись, чтобы уйти от погони.

— Стоять! Именем короля стоять! — проревел Дралкин, когда блюстители порядка приблизились к удирающему трио.

Ответом ему стал внезапный треск, разряд энергии, который принес с собой ошеломляющий образ чьей-то жестокой улыбки над мерцанием в просторной, темной пещере. Энергия обрушилась на троих беглецов — и они исчезли. Улица перед патрулем внезапно опустела.

— *Дерьмо*, — прорычала Глатра. — Магия. *Ненавижу* магию!

Капитан Дралкин наклонил голову, чтобы удивленно взглянуть на нее. Боевой маг, который ненавидит магию?

Увидев выражение на ее лице, капитан решил отложить этот вопрос до более подходящего момента. Каковой, видимо, наступит на его смертном ложе.

— Красивые, правда? — ядовито спросила Шторм, глядя прямо в глаза старшему рыцарю Нарульф. Тот густо покраснел и отвел взгляд.

— Несомненно, — быстро ответил Мерельф, предлагая свой плащ. — Молю, примите наши извинения за это... грубое обращение с вами. Боюсь, нам придется наложить нас одно-два заклинания, чтобы узнать правду о том, что случилось с этими людьми вокруг, но...

— Я избавлю вас от беспокойства, — твердо сказала ему Шторм. — Я разбила им головы. Это был не такой уж честный бой, уверяю вас — их было всего восемь против меня, но иногда нужды Королевств перевешивают правила чести. А теперь мой вопрос: кто здесь главный? Я вижу старших рыцарей, а значит вы из Кормира...

— Мы задаем вопросы, женщина, — зарычал Нарульф позади нее, но над теми, кто по-прежнему удерживал Шторм, навис мужчина постарше, и веско сказал:

— Госпожа, команду здесь я. Сэр Эскрель Старбридж, ныне возглавляющий старших рыцарей Кормира. А вы...?

— Шторм Среброрукая, — раздался ответ. — Госпожа старший рыцарь, защитница королевства, названная королевой Филфаэрил и утвержденная в этой должности ее супругом, Азуном Четвертым — что, кажется, делает меня теперешней главой старших рыцарей, Старбридж, — а до того принявшая титул маркизы Иммердаска из рук Беровиуса, когда он был королем. Я также служила госпожой послом Долин при втором Палагарде, и госпожой послом Кормира в Долины при втором Ригаэрде.

Она выгнула шею, чтобы оглянуться за спину и вверх, и шепотом добавила Нарульф:

— Так что на вашем месте, сэр, я бы выбирала вопросы очень осторожно.

Руки торопливо отпустили Шторм, раздался чей-то шепот: «На ней может быть любое волшебство...»

— Да, — улыбнулась Шторм. — Может быть, не так ли? Тем не менее, старшие рыцари и боевые маги, если Лесному Королевству есть чем гордиться, то вам следует обращаться с любой женщиной, как с леди, до тех пор, пока не будет причины вести себя иначе — и не считать любого незнакомца заклятым врагом, пока не убедитесь в этом. Я ведь обучала старших рыцарей, не говоря уж о нескольких знатных лордах, которые вели себя более благородно. Когда же вы все сбились с пути?

— Госпожа, — медленно начал Старбридж. — Мы не собираемся действовать против вас или вести себя враждебно, и я извиняюсь за то, в каких обстоятельствах произошел наш разговор. Можем ли мы сделать что-нибудь, чтобы искупить вину?

— Несколько вещей, — с улыбкой ответила Шторм, поднимаясь на ноги. Не считая того, что осталось от ее мантии и жилета, висящего на плечах, большая часть изодранной одежды слетела с нее, но казалось девушка не обратила на это внимания. — Начнем с того, что вы расскажете мне, чем вы тут занимаетесь. В последний раз, когда я смотрела карты, Долина Теней, фактически, находилась вне границ Кормира.

— Мы ищем Эльминстера, госпожа. Мы намерены доставить его в Сюзейл как можно быстрее.

— Тогда вам повезло. Он уже в Сюзейле. В королевском дворце, если все идет нормально. И я должна вернуться к нему как можно быстрее. Что приводит нас ко второй вещи, которую вы можете для меня сделать в качестве извинения.

Она подошла к Старбриджу и протянула руку.

— Отдай мне свое телепортирующее кольцо.

Старбридж поднял ладони, на которых колец не было вообще.

— Госпожа, у меня нет...

— Еще ты можешь прекратить мне лгать, — сухо сказала Шторм. — Я говорю о кольце в маленьком мешочке что висит на шее у тебя под рубахой. Взамен я скажу имя человека в Мглистой Долине, который должен мне много денег, и пароль, по которому он обеспечит вас невероятно быстрыми скакунами для возвращения в Кормир.

Под мрачными взглядами боевых магов лицо Старбриджа стало ярко-красным.

— Как ты заполучил телепортирующее кольцо? — негромко спросил его Мерельд.

— Оно принадлежало королеве Филфаэрил, — ответила Шторм прежде чем Старбридж успел сказать хоть слово. — Старшие рыцари хранили кольцо после ее смерти, спасибо предвидению и мудрым пожеланиям королевы. И мне, исполнившей их.

— Госпожа, — сказал глухим голосом Леммет из-за спины Мерельда. — Вы же понимаете, как сложно нам поверить во все это.

Шторм кивнула.

— Понимаю, — согласилась она. — Ваше неверие вполне ожидаемо, но для боевого мага это серьезный промах, тебе так не кажется?

Она обернулась к Старбриджу.

— Кольцо, сэр.

Эскрель Старбридж, казалось, боролся с собой. Он пристально посмотрел на нее, на лице отобразилась череда неразличимый эмоций, затем рыцарь рванул ворот, достал мешочек, о котором она говорила, и извлек из него кольцо.

Шторм взяла его, сделала шаг вперед и крепко поцеловала рыцаря в губы, приобняла его рукой и развернула, будто вальсируя, пока он удивленно моргал, отступила — и исчезла.

Оставив кормирцев глазеть друг на друга в полной бесчувственных людей лошине.

Нарульф нарушил тишину внезапным гневным возгласом.

— Ты позволил ей уйти! Даже не сказав нам, как добыть лошадей!

Старбридж медленно покачал головой.

— Когда она меня поцеловала, имя и пароль сами собой возникли в моем сознании; «Деннет Рардатан» и «мерцающие глубины».

Он снова помотал головой, будто проснувшись, и зарычал:

— Разбудите этих идиотов — они работают на Корону, так что нежнее — и давайте искать дорогу в Мглистую Долину. Если Совет пройдет так плохо, как я опасаясь, мы должны вернуться в Кормир прежде, чем там разгорится война!

Подчиненные смотрели на него. Старбридж зыркнул на них в ответ, развел руками, крикнул:

— Вы что, оглохли? *Шевелитесь!*

Они зашевелились. Все, кроме боевых магов Мерельда и Леммета.

— Сэр рыцарь, — негромко спросил Мерельд. — Вы в порядке? Что еще она с вами сделала?

Эскрель Старбридж взглянул на них и ответил:

— Я не нахожусь под чарами, если вы этого боитесь. Брось эти палки, Леммет — это не жезлы. Она просто взяла их из груды хвороста, чтобы дураки приняли ее за волшебника с жезлами и не стали трогать. Это тоже она мне сказала.

Рыцарь перевел взгляд куда-то за пределы ложины.

— И позволила мне заглянуть в ее разум, — шепотом добавил он. — Думаю, какое-то время я не смогу спать. Теперь я знаю, на что похоже *настоящее* одиночество.

Двое боевых магов подступили к нему, нахмурившись.

— Нужно доставить вас в...

Старбридж криво усмехнулся и покачал головой.

— Со мной все будет в порядке. Видите ли, теперь я также знаю, на что похожа настоящая любовь.

— Что случилось? — фыркнул Марлин Грозозмей.

Виндстаг слишком сильно задышался и был слишком напуган, чтобы внятно изъясняться. Он согнулся, опустил голову почти к животу Марлина, дрожа и задыхаясь.

— Впусти нас! Магия — не знаю чья — твоя? — притащила нас сюда!

Марлин торопливо затащил трёх лордов внутрь и захлопнул за ними дверь, затем вместе с ними поспешил по темному коридору, вверх по лестнице и в комнату поместья Грозозмеев, которую ни один из трех раньше не видел. Донтард и Сорнстерн тут же упали без чувств.

Марлин наградил их мрачным взглядом, затем зарычал на Виндстага:

— Переведи дыхание и рассказывай, что произошло.

Кивнув, опустив голову и задыхаясь, не в силах говорить, Виндстаг полез за пазуху и достал оттуда — сияющий топор!

— Ха-ха! — разразился смехом Марлин, выхватив у него оружие. — Прекрасно! Просто прекрасно!

И выбежал из комнаты, триумфально смеясь.

Брорин Виндстаг заставил себя вдохнуть воздух еще пару раз, затем заставил себя побежать следом за Грозозмеем.

Который, к счастью, пока еще оставался в поле видимости, поднимаясь по узкой лестнице для слуг вдалеке. Виндстаг бросился за ним, легкие горели, от боли и усталости он шатался, будто пьяный — но все же поднялся по лестнице, не выпустив Марлина — по крайней мере, сияющий топор в его руках — из видимости.

Грозозмей остановился в той комнате, где прежде всегда их встречал. С топором в руке, он обернулся, указал на Виндстага и приказал:

— *Не двигайся.* Стой на месте и молчи, пока я провожу ритуал.

Не дожидаясь ответа, он отвернулся, так что Виндстаг шагнул к своему обычному креслу и рухнул в него. Затем он оперся на стол, тяжело дыша, способный лишь наблюдать за Марлином Грозозмеем.

Который на миг отвернулся, его локоть задвигался, пока пальцы доставали что-то из-под одежды, затем снова повернулся лицом к столу и Виндстагу.

Держа топор так, будто салютовал им, Марлин прочитал с клочка пергамента, которого мгновение назад еще не было у него в руках: «*Аппутро*».

Слово, казалось, прозвучало на большем расстоянии, чем способна была вместить комната — и воздух потемнел. Сначала Виндстаг подумал, что так кажется из-за его

собственного тяжелого дыхания, но затем он почувствовал почти осязаемое напряжение в воздухе.

Которого *определенно* раньше здесь не было.

— *Тар ламмитрух арондур халомоата*, — провозгласил Грозозмей медленно и отчетливо.

В помещении, казалось, похолодало. Виндстаг проглотил ругательство.

— *Тан том танлантар*, — добавил Марлин, и топор неожиданно вспыхнул странным синим огнем. Яростное пламя охватило его руку до локтя, а затем поглотило ее и топор в непрекращающемся инферно, которое — изумился Виндстаг — казалось, не причиняет Марлину никакой боли, и даже не поджигает его одежду. Пламя не излучало никакого тепла, только пронизывающий холод.

— *Ларассе ларассе тулеа*, — продекламировал Марлин, и комната замерзла.

Мгновение спустя, из топорища хлынуло синее пламя, поток огня, излившийся на пол и снова восставший огненной колонной, яростной, вздымающейся колонной, все растущей и растущей. В сердце этого яростного пламени была тьма, которая... превратилась в человека.

Глава 33

Мои гончие тебя найдут

При виде человека в сердце синего пламени Марлин Грозозмей триумфально засмеялся — но его смех угас, когда пламя с треском опало на пол, будто содержимое перевернутого ведра с водой, и исчезло.

Оставив человека, который не был укрыт бесконечным саваном огня подобно Халонтеру и Лангралу.

Вместе с Виндстагом Грозозмей разинул рот, изумленно глядя на незнакомца.

В кабинете стоял плотный — хотя нет, скорее толстый — некрасивый мужчина в потертой коже, весь в морщинах, оставленных возрастом и тяжелой жизнью. Он смотрел на них в ответ пронизательным, оценивающим взглядом.

— К-кто ты? Один из Девятки? — смог спросить Марлин, когда к нему вернулся голос.

— Я что, похож на голозадую девочку-танцовщицу? В Веселой Девятке все куда выше меня, парень, и куда стройнее — хотя согласен, что милых девочек, как когда-то, из них уже не получится. Нет, парень, я не танцовщица, какими бы твои вкусы на этот счет не были. В эти дни я просто купец и ничего больше, хотя, думаю, не секрет, что я — лорд Глубоководья.

— *Чтоо?*

— Нет, нет, не нужно почестей и восхищения. Я, — сардонически сказал старик, выпрямляясь, чтобы принять героическую позу великого правителя, — Мирт. Иногда меня называют Ростовщиком, а иногда — куда худшими именами.

Нахмурившись, Марлин недоверчиво смотрел на него, а затем быстро попытался заставить мужчину вернуться в топор, как делал это с Лангралом и Халонтером.

Ничего не произошло.

— Сядь! — приказал он. — И закрой ладонью глаза!

Мирт Ростовщик поднял одну взъерошенную бровь.

— Это что, детские игры? Всегда было интересно, чем занимаются богатые детки, когда...

— И это лорд Глубоководья? — презрительно ухмыльнулся Виндстаг. — Да он похож на купца из доков!

Мирт ответил ему угрюмым взглядом.

— Я и есть купец из доков, ты, горластый увалень! А ты кто такой, в своей вычурной одежке да с презрительными ухмылками? Вы оба похожи на знатных лордов, но я знаю всю до последнего знать в городе, каждого парня и девчонку, и...

— *Мы* лорды *Кормира*, — фыркнул Марлин Грозозмей. — А ты сейчас находишься в поместье Грозозмеев в городе Сюзейле. «Сейчас» значит в год Извечного. Сомневаюсь, что в наши дни Глубоководье стало бы терпеть людей вроде тебя среди своих лордов!

Немного побледневший Мирт уставился на Марлина.

— Извечного? Боги... это было *так* долго?

— Ну так, — спросил Виндстаг Марлина, — когда его окутает пламя? И когда ты начнешь приказывать ему, как рабу? Или он собирается рассыпаться прахом?

— Парень, — ответил Мирт прежде, чем Грозозмей успел что-то сказать, — в конце концов в прах вернемся все мы.

Он моргнул.

— Моя Аспер сейчас уже наверное стала прахом. И Дюрнан, и все остальные, кого я любил...

— Ох, заткни глотку, — с отвращением сказал старику Марлин. — Будто нам есть дело до твоих дамочек, друзей или Глубоководья! На колени!

Мирт наградил юного лорда пристальным взглядом и остался стоять.

— Ха. Если в этом году в Королевствах полно таких как ты, дела плохи. Или таких как твой ухмыляющийся дружок.

Он обратил свое негодование на Виндстага, который в ответ встал из-за стола и выхватил свой меч.

Марлин поступил точно так же, добавив угрожающую усмешку.

Мирт закатил глаза.

— Значит, так в сегодняшних Королевствах ведут разговор? Мечи, вот как? Ни стаканчика для гостя, чтобы промочить горло? И вы зовете себя лордами!

— Зовем, — шелковым голосом подтвердил Марлин, подбираясь поближе с клинком наготове.

По другую сторону стола Брорин Виндстаг начал точно так же медленно приближаться.

— Эхм, — сказал на пробу Мирт. — Я же предупредил вас, что я лорд Глубоководья.

— И мы аж трясемся от страха, — оскалился Марлин, поднимая свой клинок. — *Вот* что мы думаем про лордов Глубоководья.

Он плюнул в сторону Мирта, хотя расстояние было существенным, и Марлину едва удалось намочить пол у изношенных морских сапог старика.

Мирт поднял брови, лицо было кротким.

Виндстаг подался вперед, угрожая гостю из Глубоководья своим мечом.

— Но мы знаем, какие глубоководные лорды богачи. Так что можешь отдать нам побольше звонких монет, здесь и сейчас — или умереть.

Старик вздохнул.

— Так получилось, что я не таскаю с собой тяжелые мешки с монетками в гильфике — или в любом другом предмете одежды, раз уж на то пошло. Все эти складки — мой собственный жир.

— А сколько монет ты можешь раздобыть в Сюзейле? И как быстро?

— Ну, — пропыхтел Мирт, шагнув вперед с полным безразличием к направленным в его сторону клинкам, чтобы взглянуть на лежащую на столе карту города, — это зависит от кое-чего.

— Чего? — Марлина привлек графин, но он остановился, чтобы посмотреть, какой участок карты разглядывает старик — он стоял, опираясь на стол.

— Купитесь вы на это или нет, — спокойно сказал старик, тяжело дыша — и перевернул стол, бросив его прямо на ступни обоих лордов.

Те закричали от боли, побросав мечи. Это дало Мирту достаточно времени, чтобы схватить тяжелую статуэтку «Арлонд Грозозмей убивает дракона», подобраться к Виндстагу, с воплями скачущему на одной ноге, не видя ничего вокруг, и ударом по голове сбить его на пол.

Марлин, тоже скакавший от боли, попытался дать бой, потерял равновесие и упал. После чего Арлонд обрушился на его лицо, сломал нос и отправил в страну снов.

Мирт спокойно достал свой кинжал и срезал у юношей кошель.

— Вот так быстро, — сказал он безмолвному, истекающему кровью из разбитого носа

Марлину Грозозмею, распростершемуся на полу.

Ночью королевский дворец Сюзейла всегда был тише, чем днем. Не потому, что слуги спали — только не с Советом на носу — но в темные часы объединенными усилиями стражи, слуг и боевых магов из дворца по крайней мере удалялись все благородные лорды, и больше не являлись к воротам со своими требованиями.

Когда утро начинало переходить в полдень, на верхних этажах шумели работающие слуги — хотя с перестановками мебели и обыском винных погребов уже почти закончили, и большая часть помещений была убрана, подготовлена и закрыта до той поры, пока они не понадобятся. Только кухни по-прежнему работали на полную катушку. Там и без того уставшие горничные помогали убирать свежее испеченные продукты из печей на столы, освобождая место для новой партии.

Одинокая фигура в доспехах, незамеченной просочившаяся через всю эту суету в один из наиболее известных тайных ходов, тоже была уставшей. Он стащил целый поднос с пирожками — лучше сразу поднос, чем пирожок-другой, что могло привести к поискам воришки — и съел больше, чем стоило, хотя внутри доспехов могла поместиться дюжина подносов с несъеденными пирожками, если не волноваться о крошках.

Эльминстер потихоньку привык к весу и неудобству доспеха — без кожаной подкладки он смещался при каждом движении, и, казалось, обладал широким ассортиментом острых граней — и пришел к выводу, что король Дуар Обарскир был могучим быком, а не простым человеком.

Чувствуя тяжесть после своей трапезы и пытаясь избежать неприятных столкновений с пурпурными драконами или назойливыми волшебниками, он потащил свое переполненное брюхо, обильно испускающее газы, на нижние этажи дворца. Там он выбрал путь по сырым, холодным проходам, справедливо посчитав, что в них его не заметят и не станут допрашивать.

— Гончие не станут меня выслеживать, — пробормотал он, прикрывая ладонью отрыжку.

— Проснись и *обрати внимание* на мои слова!

Такой рев означал, что Холлоудант разозлился по-настоящему. Да сохраняют нас всех пурпурные драконы...

Человек, называвший себя Лотрэ, когда он сидел в маске перед стеклянным шаром, разговаривая с глупым молодым Грозозмеем, подавил вздох и надел на лицо приятную улыбку.

— Да, господин старший сенешаль?

Рорстил Холлоудант заметно подобрел. Он любил, когда кто-то называл его полным титулом с подобающей толикой почтительного восхищения.

Лотрэ хотелось бы позабавиться с этим шутком, но все-таки он занимал старшую

должность, и... *великие боги на небесах!*

Очень неожиданно — холодок пробежал вниз по позвоночнику, и Лотрэ почувствовал, как на коже выступает холодный пот — он захотел оказаться в любом другом месте дворца.

Кольцо на безымянном пальце его левой руки когда-то принадлежало легендарному Ласпире, и оно только что пробудилось. Впервые за все те долгие годы, что он носил это кольцо.

Лотрэ попытался не смотреть на его тревожное мерцание — бесшумное, но такое яркое и такое *внезапное* — затем повернул кольцо на пальце, чтобы спрятать его свет в кулаке, и выругался про себя. Этот сигнал значил, что кто-то открыл королевский склеп снаружи — но он не отважился проверить, кто, прямо сейчас, когда сенешаль буквально в лицо кричал ему приказ за приказом.

А Холлоудант был в прекрасной форме для столь раннего утра. Обычно в это время его нигде не было видно. Лотрэ пытался подбодрить себя мыслью, что кто-то из королевской семьи устроил сенешалю выволочку, раз тот оказался так рано на ногах... но эта мысль ни капли ни улучшила его настроения.

— *И еще* одно! Свечи на канделябрах на балконе в великом зале Англонда почти сгорели и нуждаются в замене! С этим Советом на носу мы слишком заняты, чтобы вспомнить о них, но их свет не должен угаснуть!

— А, ну конечно, господин сенешаль, — быстро согласился он, заторопившись по коридору. — Если вы меня извините, я займусь этим прямо сейчас, а потом обращусь к вам за новыми указаниями...

— *Ни шагу дальше!* — закричал сенешаль. — Стой на месте, вот здесь, и слушай. Я еще *не закончил!*

— Господин Холлоудант, *пожалуйста*, — снова попытался Лотрэ. — Мне правда нужно прямо сейчас облегчиться...

Дворцовый сенешаль Рорстил Холлоудант умел излучать надменное отвращение не хуже лучших знатных матриархов; это был один из его главных талантов. Молча он указал Лотрэ через плечо.

На дверь в нужник, которая была буквально в четырех шагах.

Этот был не из тех, где в задней стене скрывался тайный ход, будь оно все проклято.

Лотрэ вздохнул, смирился с мыслью никогда не узнать, кто открыл склеп, и пошел справлять выдуманную нужду облегчить свой мочевого пузырь.

Когда за ним закрылась дверь, кольцо на пальце задрожало и засияло еще ярче, и неожиданно он обнаружил, что действительно должен облегчиться.

В одном из своих любимых помещений дворца — теплице с большим круглым окном, в которое она всегда любила смотреть на луну — то, что осталось от принцессы Алусейр, ощутило активацию руны девятью или около того этажами ниже.

Не говоря уже о шевелении того, кто давным-давно был неподвижен.

— Одна из старых запирающих рун Ванги! — прошипела она, встревоженная и взволнованная — и понеслась через дворец призрачным ветром, торопясь на место происшествия.

Короткий синий свет кольца угас, оставив Шторм Среброрукую моргать в холодной тьме.

Ах, королевские гробницы всегда такие милые. Сюзейл не был исключением. Но это было единственным местом во дворце, в остальном напоминавшем потревоженный муравейник, где ей можно было не беспокоиться о нежелательных встречах...

Примерно в четырех шагах впереди раздалось тихое клацанье и скрежет сдвигаемого металла, а затем — звук погромче, открывшаяся каменная дверь. В прямоугольнике блеклого света из дверного проема Шторм увидела угрожающую фигуру в полном доспехе.

Фигура споткнулась, запутавшись в доспехах, и приглушенно выругалась.

К счастью, голос Шторм узнала.

— Здравствуй, Эл, — радостно поприветствовала девушка своего бронированного гостя, поспешно отступив в сторону на случай, если она его напугала. Архимаги — ха, любые маги — были опасны. Как бритвенно-острый нож без ножен, забытый в темном ящике, они могли представлять угрозу любому, кто подобрался слишком близко.

— Что? Шторм? — Мудрец Долины Теней казался удивленным. — Когда ты вернулась?

— Только что, — просто ответила Шторм, обходя его, чтобы закрыть дверь. — Откуда это неожиданное пристрастие к доспехам?

— Заставляет боевых магов сначала спросить, кто я такой, прежде чем начать кидаться заклятьями, — раздался приглушенный ответ. Эльминстер достал что-то из-под брони и протянул ей. — Вот, поддержи — и, хм, угощайся. Надо снять этот распроклятый шлем.

— Соленые пирожки? — спросила Шторм, когда ее живот неожиданно забурчал. Когда она в последний раз вообще что-нибудь е...

Мир взорвался раскаленно-белым ревом.

Наколдованная сцена взорвалась прямо в его лицо, но Мэншун даже не моргнул. Улыбаясь, он позволил слезам течь.

Лотрэ и Мрелдрейк могут на протяжении нескольких дней оставаться слюнявыми идиотами, но он справился.

Да.

Нанеси удар быстро и с достаточной силой, и даже могучий враг падет. Среброрукая Шторм должна была превратиться в сломанное нечто, разбрызганное по стене склепа, а Эльминстер — получить серьезные раны.

Эти доспехи спасли ему жизнь, но боль должна быть чудовищной. И он снова остался один, как и хотел Мэншун.

Да, так было намного лучше. Он занялся сотворением нового прорицающего заклятия, чтобы как можно быстрее снова заглянуть внутрь склепа. В конце концов, дни, потраченные на искажение волшебных печатей, чтобы он мог проникнуть внутрь, стоили каждого раздражающего мгновения.

— Шторм? — спросил он, когда снова вспомнил, что он Эльминстер. Он лежал, распростершись на камне, и все тело горело от боли.

Единственным ответом, что предложила ему тьма, было безмолвие.

— Ох, подруга, — прошептал он. — О нет. Только не так.

Да пребудет со мной Мистра.

Или... это я отправлюсь к ней?

Эльминстер снова пришел в сознание. В этот раз боль была еще хуже.

Уцелевшие части доспеха были смяты и покорежены. Там, где доспехов не осталось, на теле были ожоги. Эльминстера била дрожь. Он лежал на гладкой холодной поверхности, чувствуя, как вытекает из него жизнь... медленно, неторопливо и неостановимо.

Блеклый свет гробниц угас... или это его взор помутился перед смертью?

Нет, зажегся новый свет.

Ведьмин огонь.

Прибыла Алусейр, принеся с собой призрачное сияние.

— Привет тебе, прекрасная принцесса, — пробормотал он, пытаясь улыбнуться.

Металл лязгнул и загремел — Алусейр пыталась снять обломки разбитого доспеха Дуара, которые все время падали у нее сквозь пальцы.

— Проклятая магия, — зашипела она. — Когда-то я приказывала всему этому дворцу — а теперь не могу взять растреклятый *кусок брони!*

— Так... погибают... великие, — захлебываясь кровью, выдавил Эльминстер.

— Ну-ну, спокойно, Старый Маг, — нежно ответила призрачная принцесса, чье лицо парило примерно на расстоянии вытянутой руки от его лица, — лежи спокойно. Если тебе суждено умереть здесь, по крайней мере ты умрешь, изображая из себя шута в украденной броне — а если мы поцелуемся и обнимем друг друга, насколько я это сумею, ты уйдешь в объятиях девушки, пытающейся заняться с тобой любовью. Разве не этого хотят большинство мужчин?

— Еще... не... умер, — смог произнести Эльминстер. — Но... такой... слабый...

И тогда из открытой двери перед ними раздался неясный шепот, и в поле зрения скользнуло нечто темное. Призрак, темное облако, едва способное оторвать себя от пола, чтобы подползти к ним, будто дым.

— А как я себя по-вашему чувствую? — спросило облако.

Голос был им обоим знаком. Вандердагаст.

Шепот раздавался из того, что от него осталось. Он больше не был прежним Драконом.

И едва оставался живым — или, точнее, неживым.

— Эльминстер, — настойчиво сказала Алусейр, — используй гульфик! Исцели себя, пока не поздно!

Эльминстер моргнул, почти отсутствующе кивнул ей, подчинился — по нему тут же прокатилось сияние, облегчившее боль — и снова перевел взгляд на темное призрачное

нечто на полу. Оно глядело на него в ответ с тем, что казалось кривой усмешкой.

— Еще раз, — приказала принцесса, и Эльминстер подчинился. Боль отступила еще дальше.

— Вандердагаст? — недоверчиво спросил он, пристально всматриваясь.

— Да, — раздался глухой ответ. — От меня осталось бы куда меньше, если бы Мирмин не любила меня настолько, чтобы отдать мне последние останки своей жизни. Но она это сделала, и вот — это все, что осталось от Вандердагаста, некогда королевского мага и придворного волшебника Кормира. В последние несколько лет я был правителем темного и пустого склепа. С тех пор, как змея, укравшая мое кольцо, заточила меня внутри.

— Кто? — слабо спросил Эльминстер. — Кто это сделал?

— Его имени, — прошипел Вандердагаст, — я не знаю. И лица его не видел. Но он работает здесь, во дворце — я слишком часто чувствую, что кольцо где-то неподалеку — и замышляет свергнуть Обарскиров, и ведет разговоры с сембийцами, которые шлют ему деньги и отдают приказы, и заставляет глупых молодых лордов устраивать резню. Что и произойдет на скором Совете, судя по последнему его разговору.

Алусейр и Эльминстер переглянулись.

— Что еще ты подслушал?

— Ничего полезного. Я слушаю только через кольцо, и слышу лишь несколько мгновений, иначе рассыпаюсь в пыль, истощенный, и агонизирующе долго должен потом снова собираться воедино.

— Есть... — Эльминстер осознал, каким беспомощным себя чувствует. — Можем ли мы как-то тебе помочь?

— Оставь мне гульфик. Я смогу питаться им и собраться достаточно, чтобы нести его. Напугаю нескольких стражников, когда они увидят одинокий гульфик, летающий по коридорам.

Алусейр хихикнула.

— Я могу недолго удерживать мелкие вещи. Могу понести твой гульфик.

— Тогда давайте выступать, — слабо сказал Вандердагаст. — Когда этот Совет?

— Завтра в полдень, — мрачным хором отозвались Эльминстер с Алусейр.

Темное, невесомое облако, которое было Вандердагастом, как-то ухитрилось выглядеть угрюмым.

— Всегда появляешься в самый последний момент, да? — спросил он. — Не мог бы ты хоть раз отбросить эту драматичность, когда дело касается моего Кормира? Хотя бы раз?

Глава 34

Рун, Рун, уходи

Алусейр никогда раньше не думала, что дворцовые погреба на самом деле такие *большие*. У нее осталось слишком мало сил и консистентности, чтобы помогать ползущему, серьезно раненному Эльминстеру.

Холод ее прикосновения причинял ему заметную боль; он начинал дрожать и задыхаться, лицо бледнело. Казалось, что они уже давно оставили Вандердагаста, но на самом деле это было лишь... сколько?... три коридора тому назад.

Когда они свернули в четвертый, Алусейр вздохнула при мысли о том, как мало осталось от них всех.

— Ты дотянешь до того места, где хранится целебная магия?

— Должен... — прохрипел Эльминстер, опуская голову и содрогаясь.

— Не смей умирать у меня на руках, Эльминстер! Не смей!

— Умереть, когда внутри меня находятся пальцы горячей девушки? Не бойся! Ааа, проклятье, это больно! Я... я слишком стар для этого!

— Ха! Чтоб у меня сердце замерло!

Эльминстер улыбнулся немного грустно.

— Уже замерло, помнишь?

Алусейр воспользовалась преимуществами своей призрачной формы, чтобы стать длинной и тонкой, чтобы вытянуться вперед, повернув к нему лицо и наградив мрачным взглядом.

— Ну спасибо, что напомнил мне об этом, Старый Маг.

Эльминстер моргнул.

— Ты играешь с выпущенными когтями.

— Как всегда, — тихо сказала она. — И сделаю это снова. Люди уважают выпущенные когти и смеются над теми, кто мил и кроток. Хотела бы я, чтобы все было иначе, но... нет. Будьте прокляты, боги.

— Видите ли, — сказал Арклет нахмуренному магу, — я встречался с леди Глатрой и самим королем, и...

— Ни капли не сомневаюсь, — ответил волшебник. — Но леди Глатра покинула дворец по... секретным делам Короны, а мои приказы предельно ясны. Вся знать должна покинуть дворец, пока их не пригласят на Совет. *Никаких* исключений, никаких оправданий. У вас есть собственный дом, и я уверен, что вы сможете найти туда дорогу, лорд Делькасл. И ваше путешествие туда началось.

Его рука настойчиво указала на ведущую наружу дверь, которую распахнули перед Арклетом два стражника — не слишком-то скрывающие свои ухмылки. Арклет окинул взглядом шеренгу пурпурных драконов позади боевого мага, склонил голову, вежливо признавая свое поражение, и повернулся к двери.

— Не забудьте проинформировать Глатру или короля, как только увидите кого-то из

них, о том, что выпроводили меня из дворца и что меня можно найти в особняке Делькаслов, — сказал он волшебнику, развернувшись на каблуках в дверном проеме. — Если вы потерпите неудачу, добром это не закончится — и на вашем месте я бы еще рискнул вызывать неудовольствие короля, но вот гнев леди Глатры...

По меньшей мере один из пурпурных драконов хмыкнул.

И в этот момент позади Арклета началось какое-то движение, и он обернулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как один из охраняющих проход драконов поднимает копье, чтобы преградить путь потрепанному старику в еще более потрепанной одежде из кожи — а старик хватается за копье, притягивает к себе стражника, берет его в захват, и поворачивает, чтобы сделать из него живой щит от копья второго стражника.

— Вот так, значит, вы приветствуете лордов Глубоководья? — угрюмо поинтересовался старик.

Боевой маг шагнул вперед, потянувшись к волшебному жезлу на поясе — и Арклет с огромным удовольствием схватил его за запястье и прошипел:

— *Попытайтесь* избежать дипломатической катастрофы, сэр маг!

— стирж! — неожиданно крикнул один из драконов позади разозленного мага, указывая в дверной проем.

Старик резко развернулся, схваченный дракон попытался бороться, но старик потащил его с собой, рубанув кинжалом, который неожиданно оказался в его волосатой свободной руке.

Разрубленный стирж с пострадавшим крылом упал на землю, и старик опустил сапог на его голову.

— стиржи? При свете дня, прямо у дворцовых дверей? — воскликнул боевой маг, пытаясь вырвать руку из хватки Арклета.

— Это домашнее животное лорда Марлина Грозозмея, — проинформировал его тот. — Или было таковым.

— И что это домашнее животное здесь делало? — прорычал дракон. — Хозяин послал? Арклет нахмурился.

— Мы можем лишь гадать.

Он посмотрел волшебнику прямо в глаза — они стояли нос к носу — и добавил:

— Разве что вы хотите сослужить Короне *настоящую* службу — пойти и спросить у него?

Эльминстер вытряхнул свои флаконы из сапог, потом решил, что они ему не понадобятся, и положил обратно. Лечебных зелий, которые Алусейр влила в него, было достаточно. Он вернулся к своему нормальному состоянию, каким оно было в эти дни.

— Шторм, — грустно спросил он призрачную принцессу. — Что от нее осталось?

— Ничего, — ответила Алусейр. — Ты не почувствовал, как сработало ее кольцо? Оно унесло ее куда-то прямо из самого сердца взрыва. Нет, от нее в гробнице не осталось ни следа — ни капли.

Она смотрела, как Эльминстер отдирает последний кусок разбитой брони.

— Теперь моя очередь спрашивать, Эл. Кто бросил в тебя это заклинание?

Мудрец Долины Теней пожал плечами.

— Волшебник? — дал он содержательный ответ. — Я не знаю, подруга. Правда.

— Один из боевых магов, которого ты еще не успел убить? — довольно холодно спросила Алусейр.

Эльминстер снова пожал плечами.

— Сто лет назад жизнь не была простой, но я, по крайней мере, хоть немного знал о том, что происходит вокруг. Немного.

Мэншун нахмурился. Кто этот старик, который бесстрашно швыряет вокруг пурпурных драконов и зовет себя лордом Глубоководья? Который прямо сейчас расхаживает по променаду качающейся походкой моряка... может ли это быть одним из облиций Эльминстера?

Разумеется, нет. И все же старик казался ему знакомым. Давным-давно, да, в Глубоководье...

Ох, ну конечно нет. Мирт? Этого не может быть.

Или может?

Мэншун покачал головой.

Бэйн свидетель, так и есть; Мирт Ростовщик. Когда-то его звали Мирт Безжалостный, и ни одному человеку по-прежнему не стоило поворачиваться к нему спиной. Мэншун вгляделся в сцену получше...

Мирт стоял посреди оживленной сюзейльской улицы и горько ругался.

Сегодня таверны и клубы кормирской столицы превратились в оглушающе шумные, многолюдные бастионы разгула, полные взволнованных лордов и их слуг, развлекающихся накануне какого-то великого Совета.

Каждый из тех, от кого он смог добиться ответа, был абсолютно уверен, что сейчас — год Извечного. А значит, прошел почти целый век, и Аспер, и Дюрнан, и почти все, кого он знал, давно были мертвы.

Дерьмо.

Ну что ж, кошельки этих двух лордов опустеют задолго до рассвета, обеспечив ему то, в чем он нуждался — крепко, очень крепко напиться.

Двумя этажами выше тайника с целебными зельями, в дальнем конце другого крыла огромного, величественно раскинувшегося дворца, была палата, столь удаленная от других кабинетов, что ее практически не использовали.

Но у тех, кому по нраву были багровые занавески и мягкие, пышные кровати с бельем в

тон, комната Огненного Вирма была любимой. На самом деле, среди дворцовых слуг она стала столь популярным выбором для любовных свиданий, что почти сорок лет тому назад боевые маги завладели ключами от нее и с тех пор держали комнату закрытой, за исключением случаев, когда там присутствовал один из них.

И сейчас один из них находился там. Войдя внутрь, она заперла за собой двери, и в комнате она была не одна.

Ее звали Раэрин, и в настоящий момент на ней было лишь голодное выражение лица и длинный, блестящий водопад иссиня-черных волос. Оседлавший ее дворцовый слуга, Креан, задыхаясь, повторял ее имя, пока они утоляли свою страсть.

Этот жар мог бы мгновенно остынуть, знай они, кто наблюдает за ними через глаза на портрете улыбавшегося короля Дуара, висевшего на противоположной стене, напротив большой, уставленной лампами статуи огненного вирма, в честь которой и называли это помещение.

В свое время принцесса Алусейр сделала сама и ее седлали множество задыхающихся мужчин, и сейчас ее глаза были двумя призрачными огнями голода и жажды, пока Эльминстер не догнал ее в тайном проходе.

Без единого слова он положил руку туда, где находилось бы ее плечо, будь она материальна, и наклонился посмотреть через глаза королевы Дуара, нарисованной счастливо прильнувшей к его плечу.

— Боги, — тихо прорычала Алусейр. — Мне этого не хватает.

— Как и мне, — пробормотал Эльминстер. — Как и мне. Радуйся воспоминаниям, подруга; разве не за этим ты ими обзаводилась? Мм?

Алусейр наградила его гневным взглядом.

— *Волшебники могут решать «обзавестись» воспоминаниями.* Нормальные люди так не делают, — прошипела она.

Эльминстер пожал плечами.

— Неудивительно, что эти «нормальные люди» столь забывчивы, и что из-за этого происходит столько зла и непонимания.

Он опустил голову, глядя сквозь глаза портрета и наслаждаясь видом любовников.

— Ты не собираешься спуститься туда? — подразнила его Алусейр, проводя ладонью сквозь него.

Эльминстер моргнул, и это превратилось в непроизвольную дрожь; холод ее прикосновения чуть ли не остановил ему сердце.

— И напугать их так, чтоб весь дворец услышал испуганные крики? Чтобы они никогда потом не стали нам помогать, что бы ни произошло? Я изображал озабоченного старого козла сто лет назад, а до того — тысячу лет назад, и это завело меня неожиданно далеко; но я устал от этого. И больше не так хорош. Посмотри, что от меня осталось! Кого можно этим очаровать?

— Слепую женщину с онемелыми пальцами, — ответила Алусейр.

После моментальной общей борьбы с весельем они оба захихикали.

— Насмотрелся? — игриво спросила Алусейр какое-то время спустя.

— Нет, подруга — но прости, ты слишком холодная, чтобы я мог и дальше стоять рядом. Мои старые кости...

— Знаю, — печально ответила призрачная принцесса. — Знаю. Поэтому я и подсматриваю за любовниками: они заставляют меня почувствовать тепло. Иди же, старый

друг, и удачи тебе. Сейчас уже должны были зажечь огонь на кухнях для выпечки. Пройди тоннелем возле печей, и ты очень быстро согреешься.

— Спасибо, — прошептал Эльминстер, похлопав по плечу, которое его ладонь прошла насквозь, а пальцы чуть не превратились в сосульки.

Скривившись от боли, он развернулся и зашагал по тоннелю.

Азут и Мистра, если бы он только мог переложить свои дела и задачи на таких, как Алусейр! Стальной принцессы, какой она была при жизни, а не призрака, которым стала...

Если только... нет. Этот путь ведет к безумию и напрасной трате времени и мыслей. У него была одна наследница, и почти ничего помимо этого.

Ему нужно работать с Амарун Белой Волной — она молода, сильна, здорова, и... должна справиться.

Но сперва Амарун должна прекратить считать его сумасшедшим старым дураком, вождедеющим ее или слишком безумным, чтобы он мог направлять девушку к принятию собственного наследия.

— Я больше не могу доверять никому, — сказал он вслух. — Любой другой закончит тем, что станет спасать Королевства, чтобы править ими.

Лениво он надавил на участок стены, где спрятал бы тайную дверь, если бы возводил этот участок дворца — и старая дверь открылась с покорным стоном, открывая проход с утыканной шипами ловушкой. Ловушкой, в которую попался... боевой маг, судя по его виду. Запертый здесь на протяжении сотен лет и превратившийся в высохшую куколку в своей мантии.

В глубине этой мантии что-то сверкнуло. Свисающий со сморщенного остатка шеи амулет — наверняка зачарованный; вот откуда был этот блеск.

— Ах, — сказал Эльминстер, приободрившись. — Это пригодится. Алассра снова сможет стать собой. На какое-то время.

Был ранний вечер, и казалось, что Тресс разбудила Амарун и приказала ей готовиться к выходу на сцену совсем недавно.

Торговец змеиной кожей был скуп на монеты. Его взгляды впивались в ее плоть, хоть он и не осмеливался на что-то большее. Но он был хорошим клиентом вот уже три года и казался достаточно честным. Звали его Раориндар или Риндлар, или как-то так.

Так что когда он рассказал остальным за столиком, над которым она танцевала, про трех лордов, рыскающих по городу и угрожающих подряд всем своими мечами, приказывая отдать им любые топоры, она в это поверила — и быстро ушла со сцены, торопливо натянула свою одежду и поспешила в особняк Делькаслов.

Арклет рассказывал ей про эту троицу после потасовки в клубе... он должен узнать об этом как можно быстрее, должен...

Амарун обнаружила, что оказалась у ворот особняка куда быстрее, чем рассчитывала.

— Л-лорд? — позвала она в отверстие рядом с колотушкой. — Могу я поговорить с Аркл... лордом Делькаслом?

Привратник открыл свою смотровую щель, и она заметила подошедших поглазеть на нее через прутья стражников.

— Госпожа Амарун, — формально поприветствовал ее привратник. — Добро пожаловать, если вы, как подобает, примете наш эскорт до дверей дома. Лорд Делькасл здесь и отдал приказ впустить вас, если вы придете одна.

— Я одна, — заверила его Амарун, облегченно вздохнув. Ворота уже были открыты и распахнуты настолько, чтобы мог проскользнуть один человек, и самый высокий из стражников — в этот раз их было четверо — стоял в этом проеме, подзывая ее. Амарун последовала за ним, улыбнувшись остальным так приветливо, будто они не сжимали арбалеты, *почти* не нацеленные на нее, по убранной дорожке, которая вела к нависшему над двором зданию. Стражник пропустил Амарун, затем взял фонарь и догнал ее, пошел сбоку, опустив фонарь и направив его на дорогу, освещая девушке путь.

Либо у привратника были средства подать сигнал, либо охрана особняка следила за приближающимися огнями фонарей, но двери дома были открыты, а по сторонам стояли бдительные стражи, а также камердинер и два пажа, пытающихся помешать насекомым залететь внутрь.

Без единого слова камердинер улыбнулся Амарун и согнулся в поклоне, затем поманил ее за собой и повел внутрь, а один из пажей ловко подхватил плащ с плеч девушки, когда она проходила мимо.

Амарун услышала, как позади закрываются двери, когда камердинер повел ее через высокую прихожую, свернув налево и обойдя большую изогнутую лестницу, ведущую большие комнаты наверху.

Они прошли через дверь в темный кабинет, и там камердинер впервые заговорил.

— Госпожа, вы здесь, чтобы увидеться с лордом Делькаслом? Старшим или младшим Делькаслом?

— Торольд, — произнес хриплый, надломленный женский голос из темноты впереди, — она здесь определенно не за тем, чтобы увидеть *меня*. По крайней мере, не по моему приглашению. Что, Арклет стал водить своих девок через парадную дверь? Как будто они...

— Я... ах, прошу прощения... — колеблясь, начала Амарун в тот самый момент, когда камердинер повернулся к ней, низко поклонился и провозгласил: «Леди Марантин Делькасл!»

— Свет зажги, идиот! — рявкнула незримая леди Делькасл, и слуга снял с ламп занавес, чтобы осветить ее, стоящую в широком дверном проеме в сопровождении двух хмурых телохранителей в доспехах, разглядывающих Амарун и камердинера.

В этот же миг распахнулась дверь в другой стене, впуская свет и юного наследника дома Делькаслов.

— Арклет, — крикнула Амарун. — Срочные новости!

— Амарун! — радостно воскликнул он, подходя к ней и протягивая руку для приветствия.

Его мать нахмурилась.

— Арклет? Ты знаешь эту девку? Кажется, она простолюдинка — *хммм*, или даже хуже, воровка или шлюха — а может и то, и другое сразу.

Арклет широко ей улыбнулся и почти радостно ответил:

— Я уверен, что для придворных слуг это *мы* кажемся странными!

Он решительно взял Амарун за руку и повел ее к еще одной двери, пробормотав камердинеру:

— Торольд, зажги нам лампы в приемной.

— Если твоя девка из дворца, то я — королева Агларонда! — презрительно заявила леди Делькасл. — Я буду следить за всем, что вы будете делать!

— Не стесняйся, мать, — сказал Арклет через плечо, которым в это время пожимал.

Приемная была создана для приветствия куда большей семьей Делькаслов такой же большой семьи гостей; стоя на ее блестящем мраморном полу, под пристальным взглядом матери Арклета Амарун чувствовала себя так, будто она находится в каком-то зале испытаний. Арклет поспешил к буфету — боги, неужели у дворян в каждой комнате стоят ряды графинов? — и не спрашивая, наполнил ей бокал, пока Амарун молча краснела.

— Прежде чем ты выпалишь самое важное, — сказал он, пытаясь заставить девушку расслабиться, пока мать Арклета сверлила ее глазами, похожими на острия двух обнаженных кинжалов, — сделай глоток и скажи мне, что еще у тебя на уме.

Немного колеблясь, Амарун начала:

— Ах... ну... много новостей из таверн и харчевен о старших представителях знати, прибывших в Сюзейл.

Она пригубила вино, заморгала от крепости напитка, проглотила его и добавила:

— Драки, погоня и убийство мечами живой свиньи, выкинутые из верхних окон слуги, подожжённая карета...

Ее голос утих под сердитым взглядом леди Делькасл, но Арклет хихикнул и махнул рукой.

— Как всегда. Старшие лорды предаются своим порокам и вспоминают давние свары, большинство которых кажется странными или даже подозрительными всем остальным жителям королевства. Что ж, давай тогда перейдем к главному; причине, по которой ты так торопилась меня увидеть.

— Деньгам, которые ты предложил ей, чтобы удовлетворить свою животную страсть прямо здесь в нашем доме, конечно же, — сказала потолку леди Делькасл. — Наверное, в посудомоечной или на кушетке в *моей* гостиной.

Ее каменнолицые стражники, казалось, *вытянулись* в сторону Амарун, как будто им не терпелось свалить ее и раздавить.

Амарун, не отводящая глаз от Арклета, тяжело сглотнула, вздохнула, зная, что будет сейчас мямлить, как ребенок, но не зная, как еще это сказать.

— Трое знакомых тебе лордов, приблизительно твоих лет, — начала она. — Виндстаг, Донтард и Сорнстерн. Новости по всему городу; прошлую ночь они *повсюду* искали некий топор. Угрожали людям оружием, переворачивали комнаты вверх дном, предлагали деньги...

— *Что?* — в унисон воскликнули Арклет и его мать.

Арклет шагнул к Амарун, яростно замахав на брызгающую слюной мать, разразившуюся тирадой про «эгоистичных, дурно воспитанных молодых дворянах», чтобы та замолчала. Неожиданно она послушалась.

И Арклет тут же нарушил тишину, принявшись размышлять вслух.

— Виндстаг, конечно. Всегда готов устроить беспорядок, а Сорнстерн — просто его подхалим, но у Донтарда всегда хватало мозгов, чтобы заставить остальных двоих делать так, как он захочет. И эти трое крутятся вокруг четырех куда более внушительных лордов: Марлина Грозозмея, Мелласта Ормблейда, Ирлина Стонстейбла и Сакраста Хандрагона.

— Как я и сказала! — огрызнулась леди Делькасл. — Молодые дурни, безрассудные, ни

на что не годные идиоты, которые весь Кормир поднимут на мечи...

— Именно! — прорычал Арклет, крутанувшись на каблуках рядом с непроизвольно отстранившейся Амарун, чтобы зашагать по комнате, гневно размахивая руками.

— Что они вообще делают? — зарычал он. — Боевые маги сварят суп из их кишок, если этого не сделает король! Поставить весь город на уши прямо накануне Совета!

— Именно, — согласилась Амарун, осмелившись вставить слово, когда момент показался подходящим. — О чем они думали?

Арклет повернулся к ней, его глаза горели.

— Это мы и должны разузнать, пока все не стало еще хуже.

— Как? — спросила Амарун.

— Пойдем и спросим у них! — яростно ответил он.

Его мать расхохоталась.

— И ты думаешь, они так просто возьмут и скажут? Потому что ты их брат-дворянин?

Арклет резко повернулся к ней.

— Нет, — зарычал он, — потому что я буду держать меч у горла того, кого буду спрашивать. Люди обычно предпочитают заговорить и выжить, вместо того, чтоб смолчать и умереть!

Он бросился за дверь, почти сразу же вернулся с плащом и мечом в руках, торопясь к двери, через которую привел Амарун.

Оставив ее и леди Делькасл обмениваться испуганными взглядами и спешить вслед за ним.

Они обнаружили парадные двери особняка распахнутыми, а Арклета — отсутствующим.

— Да, лорд отбыл, — сказал один из стражников, когда Амарун стала бешено озираться вокруг. Она без единого слова поспешила к двери, лишь в последний момент обернувшись и поклонившись на прощание леди Делькасл.

Обернувшись, девушка увидела пажа, видимо, торопящегося подать ей плащ — и мать Арклета, которая поглядела сначала на пажа, затем на Амарун. Помешкав какой-то миг, леди Делькасл выхватила собственный плащ из рук другого пажа и бросила его Амарун. Та поймала плащ просто по рожденной сценой привычке и удивленно посмотрела на знатную даму.

На лице леди Делькасл было странное выражение.

— Оставь себе, — буркнула она. — И... присмотри за ним!

— Госпожа, — с угрюмой благодарностью ответила Амарун, снова склонившись в поклоне. Затем девушка выпрямилась и бросилась в ночь, плащ вздымался вокруг нее.

Глава 35

Убийственная магия

Мирт последовал за своей второй подругой за деньги за этот вечер по не слишком чистым ступеням, в одной руке — бутылка и две металлических чарки, в другой — дымящаяся и немного пожеванная нога барашка.

— Как я за этим скучал, — счастливо сказал Мирт ее фигуристу задю. — Как скучал...

Мэншун нахмурился, глядя, как в его наколдованном видении Мирт поднимается по лестнице, по-прежнему размышляя, как можно использовать знаменитого лорда Глубоководья.

— Ну, — пробормотал он, — сейчас он никуда не денется. У меня хватает более важных целей.

Марлин Грозозмей был в дурном расположении духа. Они вместе с таким же угрюмым Брорином Виндстагом мучились головной болью и были обмотаны бинтами; оба ворчливо отклоняли расспросы, как они получили такие раны.

Марлин наклонился вперед над столом для совещаний и сказал заговорщикам:

— Мы — все, кто остались. Деласко и Каскот прикованы к кроватям и будут выздоравливать еще много дней. Во время Совета мы должны быть *предельно* осторожны; кто-то нас преследует.

Прежде чем начались взволнованные разговоры, он мрачно добавил:

— И это не боевые маги. Кто-то достаточно могущественный, чтобы нанять волшебников не слабее Ларака Дардулкина.

— Виндстаг жив, — указал Сакраст Хандрагон, — значит, охота за топором увенчалась успехом?

— Его нашли, — сухо ответил Марлин, — но все обернулось полной неудачей. Мы не получили убийцы, который бы подчинялся нам, вместо этого освободив какого-то толстого старого ворюгу или лорда Глубоководья, который подчиняется лишь себе — и он сбежал от нас!

Он встал из кресла и мрачно сказал собравшимся:

— Так что придется оставить замысел подстроить на Совете, где соберется множество лордов, которых можно будет обвинить, «несчастный случай», от которого пострадают король или кронпринц.

Никто не казался удивленным. Хандрагон и Орнблейд снова подтвердили, что посетят Совет, представляя свои семьи, и Грозозмей попросил их следить и слушать любые разговоры о нем, а также любом другом из заговорщиков, и их действиях — таких, как охота

за топором — или любые обвинения в адрес юных лордов. Если Краунсильверы, Илланы или любые другие семьи старой крови попытаются захватить еще больше власти, необходимо будет им помешать.

— Остальным, — посоветовал Марлин, — будет лучше держаться от Совета подальше. Прежде чем все снова разъедутся из Сюзейла, когда с формальностями Совета будет покончено, мы сможем быстро достичь нелояльных лордов, если возникнет такая необходимость.

Хандрагон улыбнулся.

— И она возникнет.

— Ты же знаешь, это будет опасно, — строго сказал Амарун Арклет. — Ты не должна...

Голос Арклета затих под жаром ее яростного взгляда, и он смог лишь добавить «Извини...»

— Извинения принимаются, — сказала девушка, вынимая руку из-под плаща его матери, чтобы коснуться его руки.

Затем вцепиться в нее, будто когтями, и потащить его назад, указав на что-то другой рукой еще прежде, чем Арклет выругался.

Старик в коже и разношенных морских сапогах торопился вдоль по улице с обнаженным мечом в руках, покачиваясь и тяжело дыша.

Следом за ним, быстро сокращая расстояние, спешили две фигуры, укутанные в ползущее синее пламя.

Старик, не останавливаясь, бросил быстрый взгляд через плечо на преследователей.

— Арклет Делькасл, — яростно прошипела Амарун, изо всех сил цеплявшаяся за ведущую руку лорда, — даже не смей разбрасываться своей жизнью, сражаясь с *этими*...

Прозвучал патрульный горн, и неожиданно улица наполнилась пурпурными драконами — и яркой вспышкой заклинания, расцветшей вокруг двух пылающих людей, прозвучав странной какофонией в попытке сковать их, пока обе цели пытались освободиться от волшебства.

Старик продолжал бежать, если его шатающуюся походку можно было назвать бегом.

— Пойдем, — настойчиво сказал Арклет, ныряя в переулок, который вел в том же направлении, куда бежал старик. — Мне — нам — нужны ответы.

— Как и всем, — ответила Амарун.

Его подельники ушли, оставив Марлина Грозозмея расхаживать по комнате, слишком взволнованным — и испытывающим слишком много боли — чтобы уснуть. Он подумывал, не заставить ли одну из горничных возлечь вместе с ним, но ни одна из них Марлину не нравилась; те несколько, которых он уже брал, были знакомым товаром и уже совсем не так возбуждали, как в первый раз. Нет, пришло время нанять девочку со стороны.

Он позвонил в колокольчик, призывая одного из своих доверенных слуг, и Веландрин

явился на зов. Марлин послал этого немолодого, равнодушного мужчину на улицы — найти «высокую, смуглую, полногрудую девку — с сохранившимися зубами и лицом, не похожим на подошву моего сапога — из «Дома Рыси», или «Дама шепчет да», или «Черного занавеса». Дай ей десять львов и пообещай вдвое больше за то, что я буду делать с ней до утра все, чего пожелаю; но не изуродую и пороть не стану».

Сохраняя ничего не выражающее лицо, Веландрин поклонился и отправился выполнять это поручение.

С рычанием старик обернулся, у горла Арклета блеснул его клинок — но наследник дома Делькаслов уже отступил за пределы досягаемости оружия.

— Держись подальше! — предупреждающе проревел мужчина, повернувшись обратно, чтобы сделать еще несколько шагов — только чтобы наткнуться на Амарун, в руке которой сверкал кинжал.

— Мы не хотим кровопролития, — твердо сказал Аркет. — Просто поговорить. Я лорд Делькасл, а это... леди Амарун.

— А я по-прежнему Мирт, — прогремел мужчина. — Лорд Глубоководья. Так что говори.

Клинок его меча указывал то на одного из них, то на другого, перемещаясь со скоростью, свойственной опытным мечникам.

— Куда ты направляешься?

— В поместье Грозозмеев, — ответил Мирт. — Убить бычьей задницей, которая натравила на меня этих двух пылающих убийц, чтобы я смог управлять ими сам. Или заставить его их отозвать.

— Эта бычья задница случайно не Марлин Грозозмей?

— Не знаю, Марлин он или нет, но речь о молодом лорде в поместье Грозозмеев.

— Позволь нам о нем позаботиться, — мрачно сказал Аркет. — Если ты придешь во дворец и расскажешь любому боевому магу...

— Ха. Они хотят, чтобы мы все убрались, помнишь?

— Их заклинания — все еще твой лучший шанс на защиту. Если ты будешь спорить с боевыми магами, когда за тобой придут эти, волшебники испепелят их из страха за свои шкуры.

Мирт ответил Аркету задумчивой гримасой, затем отступил.

— Кажется неправильным заставлять кого-то сражаться вместо себя, но да, твои слова мудры. Так и сделаю. Да вкусишь ты победу!

Там, где задержали пылающих призраков, снова проревел патрульный горн, и старик отправился в направлении дворца, несколько раз оглянувшись.

Амарун и Аркет переглянулись.

— Ты начинаешь мне нравиться, лорд Делькасл, — сказала Амарун. — Не надо портить это впечатление, предложив мне остаться в сторонке.

Аркет широко улыбнулся и развел руками.

— Да я об этом даже не мечтал!

Алусейр услышала торопливое шарканье сапог позади и обернулась.

Эльминстер казался мрачным.

— Юный Делькасл — знаешь его?

— Да. Ты наложил на него следящее заклинание?

— Использовал одну из магических безделиц Обарскиров, чтобы проследить за ним. Он только что прошел через двор поместья Грозозмеев. Молодая Рун с ним.

— Ты хочешь оказаться там, — мягко сказал призрак. — Прямо сейчас. Почему бы не наколдовать телепорт?

— Потому что я схожу с ума, когда использую магию, вот почему, — зарычал Эльминстер.

Алусейр издала похожий на хихиканье звук.

— И как же всем остальным заметить разницу?

Эльминстер наградил ее испепеляющим взглядом.

— Подожди секунду, — прошептала она, скользнув мимо, будто морозный ветер.

Алусейр вернулась несколько мгновений спустя, приведя с собой смущенную, полуодетую Раэрин и испуганного Креана.

— Телепортируй этого человека в аванзал поместья Грозозмеев, — приказала призрачный регент. — Как можно аккуратнее.

Раэрин нахмурилась.

— Чт...

— Разве боевые маги больше не подчиняются королевским приказам? — прошипела Алусейр, ее глаза вдруг стали двумя холодными огнями.

— Или моим? — продребезжал тонкий голос снизу.

Раэрин глянула вниз — и отпрянула.

— Что с тобой такое? — спросило темное, похожее на паука существо на полу. — Никогда раньше не видела королевского мага?

Веландрин молча провел высокую, смуглую и полногрудую девушку в личные покои Марлина Грозозмея. Поверх сапог и шелкового платья на ней был ночной плащ, и...

Марлин нахмурился. Рядом с ней стояла еще одна фигура, выше, темнее, в плаще и глубоком капюшоне, которая что-то сунула Веландрину; Марлин увидел блеск золота, прежде чем его слуга исчез.

— Кто ты такой? — требовательно спросил он, одной рукой отодвинув девушку, второй взявшись за меч и взмахнув им, чтобы пригрозить таинственному посетителю.

Тот отбросил капюшон, обнажая свою сардоническую улыбку. Улыбка принадлежала лорду Арклету Делькаслу, который сделал быстрый шаг в сторону, чтобы сзади у него оказалась каменная стена.

— Добрый день, — вежливо поприветствовал он Марлина. — Здесь, на свету, ты кажешься гораздо красивее, чем рыская в тенях королевского дворца по ночам.

Грозозмей напрягся.

— О чем ты говоришь?

— Я говорю о некой чаше, — ответил Арклет. — К сожалению, отсутствующей в своем старом тайнике. По которой, к сожалению, кое-кто сучает.

— Боевые маги?

— Аа, я знал, что Марлин Грозозмей не тугодум. Я был уверен, что он сразу же поймет, о чем я говорю, даже в такой час.

— Что ты здесь делаешь? — прорычал Марлин, выразительно подняв меч и шагнув вперед.

Арклет легкомысленно отмахнулся.

— Я не ищу поединка, только ответ-другой. И поэтому пришел, защищенный магией, которая прекратит любой поединок еще до его начала. Так что без драк на мечах — всего несколько слов, и я оставлю тебя заниматься своими делами.

Он покосился на девушку, которая боязливо прислушивалась к их разговору.

— Несколько *осторожных* слов, — посоветовал Арклет.

— Ну? — коротко спросил Марлин.

— Зачем? Зачем эти тайные встречи, охота за топорами, пылающие люди?

— Я... я стремлюсь к лучшему Кормиру. Я *заслуживаю* лучшего Кормира.

Арклет кивнул.

— Как и я. К несчастью для дружеского согласия между нами, это не значит, что мы согласны в том, каким этот «лучший» должен быть. Ты хочешь, чтобы Кормир был лучше *для тебя*. Но тебе не хватает перспективы — и честности — чтобы это признать.

Марлин Грозозмей взмахнул мечом, прорычав оскорбление.

Арклет вздохнул.

— Ох уж эта постоянная беда знати — вспышки гнева всякий раз, когда с ними кто-то не согласен. Просто блестящие лидеры королевства.

— И ты считаешь, что дом Делькаслов лучше дома Грозозмеев, я полагаю? — усмехнулся Марлин.

— Ничего подобного. Я знаю, что я прожигатель жизни, и охотно это признаю. Разве подобная откровенность так дорого тебе обойдется? Ох, подожди, я ведь забыл. Откровенность — твой величайший враг, учитывая законы нашего королевства и присутствие в нем боевых магов.

— Как ты все это узнал? — прошипел Марлин.

Арклет принялся с ленивым видом рассматривать свои ногти и сказал им:

— В любом заговоре всегда кто-то проговорится.

— Ты не мог бы, — холодно сказал Марлин, — покинуть мой дом, чтобы я мог насладиться своей нанятой компанией?

— Конечно же, — с улыбкой ответил Арклет. — Я получил ответы, за которыми пришел. Не стоит бояться зари из-за меня.

— Прекрасно, — отрезал Марлин, звоня в колокольчик, чтобы вызвать Веландрина.

Арклет не стал ждать эскорта. Когда появился его слуга, Марлин приказал:

— Убедись, что человек, которого ты привел, покинул наш дом и земли, и за ним заперли ворота. Поторопись.

Веландрин поклонился и ушел. Марлин бросил взгляд на Чашу и меч, задумавшись, стоит ли послать за Арклетом пылающих убийц.

Нет. Только не в присутствии девки: никто не должен видеть, как он их вызывает. Пожав плечами, он занялся ее прелестями, выплеснув свой гнев в виде жестокости. — Раздевайся! — грубо приказал он.

Она быстро сбросила плащ и платье и принялась стаскивать сапоги, но Марлин ухватил ее за локоть железной хваткой и приказал:

— Оставь их и иди в кровать!

Она задохнулась от боли, но смогла прошептать:

— Милорд, нежнее!

В ответ он изо всей силы хлестнул ее тыльной стороной ладони по груди и зарычал:

— Ложись на кровать! Подумай о двадцати золотых львах и закрой свой рот!

— Да, милорд, — прохныкала она, подчиняясь.

— Один момент, парень, — произнес незнакомый мужской голос из дальнего конца комнаты.

Марлин резко повернулся.

— Кт...

— Отзови своих убийц, — сказал его худой, пожилой гость. — Прямо сейчас с ними сражаются половина драконов и боевых магов Сюзейла — и в процессе направляются сюда.

Вместо ответа Марлин оскалился и шагнул к столику, чтобы схватить Парящий Клинок.

— Убирайся! Кем бы ты ни был, уби...

— Меня зовут Эльминстер, — радостно представился гость, бросив несколько металлических пузырьков под ноги лорду.

Марлин поскользнулся, наступив на покотившийся круглый флакон. Он отчаянно потянулся к мечу, схватил его — и беспомощно рухнул, перевернув на себя столик.

Миг спустя ему на голову упала Виверноязыкая Чаша, и Кормир внезапно уплыл куда-то вдаль.

— Удивительно прочная, — одобрительно заметил Эльминстер, обращаясь к женщине на кровати. — Тебе стоит уйти сейчас, пока не...

— *Стало слишком поздно?* — сказал ему на ухо холодный злобный голос из возникшего неожиданно клубящегося сияния, прежде чем выплеснуть на него дикий рев высвобожденной магии.

— У меня есть дело внутри, — воинственно сказал немолодой мужчина в потертой кожаной одежде с мечом в руке. — Посторонитесь.

Пурпурные драконы перестали улыбаться и опустили копья, преграждая ему путь.

— Сэр волшебник? — позвал один из них, чтобы предупредить дежурного боевого мага позади них.

В ответ раздался вздох и глухой стук, как будто упало что-то тяжелое. Один из драконов начал поворачиваться.

Только чтобы самому вздохнуть и завалиться вперед. Его товарищу хватило времени только на то, чтобы перевести взгляд на напарника, прежде чем присоединиться к нему.

— Мирт, — радостно сказала Шторм Среброрукая позади стражника, которого только что оглушила. — Заходи и будь как дома! Сколько лет, сколько зим!

Эльминстер открыл глаза, чувствуя боль и слабость.

Он находился в королевском дворце, в маленькой каменной комнате, которую он уже видел раньше один или два раза. Палата с каменными скамьями вдоль двух стен, с закрытыми дверями в других двух стенах, и столом в центре помещения.

На столе лицом вверх лежала Шторм, мертвая или бесчувственная.

Эльминстер проковылял к ней, чтобы проверить.

Когда он нагнулся над Шторм, пробормотав «Подруга?», ее глаза открылись. Взгляд казался каким-то чужим.

Похожие на иголки клешни выстрелили из нее, чтобы пронзить Эльминстера.

Харкнув кровью, широко раскрыв глаза от изумления и ужаса, Эльминстер отшатнулся — и вверх сквозь тело женщины, с такой легкостью, как будто не было просто жидким кремом, разломав стол и пол под ним, взлетел гигантский созерцатель.

Он повис в воздухе, огромный и зловещий, поросший не только лесом длинных, изогнутых глазных отростков, но и щупальцами, что заканчивались острыми клешнями.

— Больше никакого вмешательства в чужие дела, Эльминстер, — промурлыкал он мокрым, злорадным голосом. — Больше ты не будешь направлять Лесное Королевство туда-сюда, ухмыляясь, пока ты двигаешь людей, как фигуры на шахматной доске. Все твои происки и замыслы кончатся здесь и сейчас.

Пара клешней схватила Эльминстера за руки — и перерезала запястья.

Хлынула кровь, и старик покачнулся.

— Да, миг моей мести наконец настал, Эльминстер из Долины Теней. Сейчас ты умрешь окончательной смертью — такой запоздалой смертью. Все твои волшебные защиты, охранные заклятья и запасы разрушены, истощились, закончились. Долгие годы я терпеливо следил, посылая тебя врагов, «несчастные случаи» и *неудачные* обстоятельства. Я *перехитрил* тебя, самоуверенный Омар. Других я оказалось больше, чем ты думал — так что этот последний я переживет тебя. Прими же забвение в подобающей агонии, зная, что это я, Мэншун, убил тебя!

Эльминстера хлестнула магия из глаз созерцателя, бросив его на колени. Задышавшись, он попытался собрать достаточно воздуха, чтоб закричать, обрубки рук прижглись, тело горело пламенем. И не смог.

— Сейчас я убью тебя во имя Симгархал, других моих я и лучших членов Братства. Умри, старый дурак!

Выстрелили еще несколько глаз, и человек на коленях превратился в пыль...

...скользнувшую в дыру в полу, пока созерцатель сотрясаясь от могучего хохота, а затем телепортировался прочь, оставив лишь катящееся эхо своего веселья.

— За всем этим стоит Грозозмей, — выдохнул Арклет, когда они вдвоем бежали по дворцу. — Пылающие люди, все это. Остается только надеяться, что Глатра где-то здесь — или хоть кто-то, кто прислушается ко мне!

— Интересно, где сейчас Эльминстер, — задыхаясь, ответила Амарун. — Он достаточно безумен, чтобы полезть туда, куда побоятся совать свой нос наши драгоценные боевые маги!

Алусейр неслась, как обезумевший водоворот. Шторм неслась следом, а за ней топотал Мирт. Они вбежали в маленькую комнату, где... повсюду была расплескана кровь и разбросаны человеческие внутренности.

И среди праха лежала небольшая горстка знакомых ей слабо сияющих волшебных предметов... Эльминстер.

То, что от него осталось.

Серебряные огоньки моргали и сияли, как светлячки, в завитках пыли на полу, и в ответ ее собственное тело замерцало и засветилось; она не сомневалась, что глядит на его останки.

— Нет, — прошептала Шторм дрожащими губами. — Нет. Будь ты проклят, Эл, только не так! Ты даже не оставил мне шанса попрощаться! *Я любила тебя, Эльминстер Омар!* Да проклянет меня Мистра, я так тебя любила!

Прах Эльминстера заструился по полу и поднялся, образовав шпиль, превратившийся в дрожащую колонну... и принявший отдаленно напоминающую человека форму.

— И я тоже тебя люблю, — глухо прошептала эта фигура. — Хотя наверное нужно сказать «то, что от меня осталось, тебя любит».

Он выжил! Как нежить или что-то подобное — но у Шторм из глаз хлынули слезы, и она бросилась к нему, чтобы обнять.

Заставив фигуру снова рассыпаться прахом, быстро заструившимся по ее корсажу и дальше вниз, вырвав у Шторм вздох удовольствия, когда пыль потекла по ее ноге на пол. Там пыль снова собралась в кучку, из которой выросла голова.

— Всегда хотел это сделать, — удовлетворенно сказал Эльминстер.

Позади них раздались звуки общего веселья — засмеялись Мирт Ростовщик и призрак Алусейр.

Глава 36

Новый клинок

— Кто-то убил этих стражников! — прохрипел Арклет. — Измена! Убийцы идут за королем! Я...

— Не сбивай дыхание, — пропыхтела Амарун. — Иначе мы...

— Наткнетесь прямо на нового правителя Кормира без хитрого плана наготове? — пробубльнул триумфальный, жидкий голос из темного дверного проема впереди.

Оттуда выплыло нечто круглое, с множеством щупалец, некоторые из которых оканчивались клешнями. Были там и глазные отростки, а в середине основного тела располагался большой одинокий глаз, прямо над широкой, криво усмехающейся клыкастой пастью.

— Во имя дракона! — изумленно выдохнул Арклет, останавливаясь и выбрасывая руку, чтобы остановить Амарун. — Это же созерцатель!

Коридор взорвался.

Амарун отбросило, она едва заметила, как мимо пролетел Арклет, и слышала яростный женский голос:

— Больше нет!

Затем она сильно ударилась обо что-то, и Кормир тут же исчез.

— Отлично сработано, Раэрин, — прошептала человекоподобная фигура из праха, когда они следили, как из раскуроченного тела глазного тирана с воем вылетает темное, похожее на призрака нечто, и Алусейр, оскалив зубы, бросается в погоню за ним.

Прекрасная юная боевая волшебница в этот раз сумела не отшатнуться. Она нацелила великий скипетр у себя в руках на новую угрозу — прежде чем твердые руки среброволосой женщины и старика в разношенных сапогах и потертой коже отобрали его у девушки.

— Это друг и защитник Кормира, — сказал ей старик. — Не смей его уничтожать.

Шторм обернулась.

— Эл, твоя девчонка! Она...?

— Всего лишь оглушена. А вот ее ухажер в полной отключке.

Кормир вернулся. Амарун заморгала, увидев улыбающееся лицо, обрамленное длинными серебряными волосами. Ее баюкали нежные руки.

— Т-ты же Шторм, да? Шторм Среброрукая?

— Да.

— И тебе несколько тысяч лет.

— Пока нет, Амарун. Но я чувствую себя такой старой большую часть из дней.

— А вот мне действительно несколько тысяч лет, — произнес зловещий шепот над

ухом Амарун. Она повернула голову и обнаружила себя нос к носу с отдаленно напоминающей человека фигурой из праха, глядевшей прямо на нее.

Она снова потеряла сознание.

— Ты *уверен*, что она готова? — с иронией спросила Шторм.

— Уверен, — ответил Эльминстер. — Используй заклинание.

— Какое зак... о нет, Эл, нет. Ты не можешь.

— Не могу, раз уж пыль — это все, что от меня осталось. Так что придется тебе это сделать.

— Нет, Эл. Я... нет.

— Ты знаешь кого-нибудь другого, кто захочет — и станет — спасти Королевства? И если знаешь, то стала бы им доверять? А?

Шторм беспомощно замотала головой, посмотрела на Амарун — и у нее хлынули слезы.

— Мы не можем, Эл. Мы *не должны*.

— Никаких «мы не должны», подруга, — сказал ей Эл. — Мы должны делать то, что должны, или эту юную девушку, которую ты пытаешься защитить от меня — и всех остальных дорогих нам людей — рано или поздно убьют, раздавят и смахнут в сторону...

— Не должны что? — раздался невнятный шепот. Амарун смотрела на них сквозь пелену в глазах. — Это... это ты, пра-прадед Эльминстер? Что-то превратило тебя... в нежить?

— Да, это я. Зови меня Эл; мы же семья, подруга, семья! И я пытаюсь убедить твою пра-пра-тетю — или кем там она тебе приходится, никогда не мог разобраться с этими обозначениями родства — использовать заклинание, которое я в нынешнем состоянии наколдовать не способен.

— Какое заклинание?

— Заклинание, которое позволит мне поселиться в твоём теле. Войти в твой разум и управлять твоими конечностями и голосом.

Амарун посмотрела на них — пугающую маску из праха и скорчившуюся от боли женщину с серебряными волосами. Когда их взгляды встретились, Шторм печально кивнула.

Амарун побледнела.

— Это больно? — нехотя спросила она.

— Только если я заставлю тебя упасть, — ответил Эл.

— Я... сойду с ума?

— Нет, — твердо сказал он. — Я не использую неуклюжие заклинания боевых магов, которые часто делают безумными и волшебника, и его цель. Обещаю тебе, подруга, я буду обращаться с тобой, как с величайшим сокровищем, самой прекрасной принцессой, самым любимым дитяем Королевств, если позволишь мне войти в твой разум.

— А... — Амарун посмотрела прямо в лицо парящего над ней праха и сглотнула. — Если у меня есть мысли, которые я не хочу ни с кем делить? Что тогда?

— Эти мысли будут только твоими. Я не стану их слушать, — торжественно заверил ее Эльминстер.

Шторм отвернулась, чтобы Амарун не видела, как она закатила свои мудрые и уставшие

глаза, но взгляд девушки все равно не отрывался от фигуры из праха перед ней.

— Откуда мне знать, что тебе можно верить? — прошептала она.

— Ниоткуда, подруга. Все, что ты можешь — это решить: примешь ты меня или станешь жертвой заклинаний боевых магов и сопутствующего безумия?

— А если я выберу тебя, какая жизнь останется мне?

— Вся, что я только смогу тебе отдать, — ответил Эльминстер. — У меня есть целые века, но не уверен, что ты захочешь прожить столько. Клянусь тебе могилой твоей матери, я не стану торопить час твоей смерти.

— Откуда ты знаешь про могилу матери?

— Я пришел слишком поздно, чтобы спасти ее, — ответил Эльминстер. — Но вовремя, чтобы наложить на могилу заклятье, которое помешает мародерам потревожить ее кости.

— Сделай это, — неожиданно сказала Амарун. — Я не хочу... я не хочу бояться боевых магов, или тех, кто желает смерти Арклета, или... кого-нибудь другого. *Сделай это!*

— Спасибо тебе, Амарун Омар. Спасибо, — ответил Эл.

Шторм нехотя призвала простое и быстрое заклинание, прошептав инкантацию, поцеловала свои пальцы, затем коснулась ими губ Амарун, ее сердца и чресел.

— Прости меня, — прошептала она. — Ох, Амарун, прости меня...

Заклинание окатило Амарун смазанным звенящим звуком и кратким белым сиянием, и исчезло.

— Наконец-то! — зарычал Эльминстер и бросился вперед.

Шторм схватила его за руку, но ее пальцы просто прошли сквозь прах, не задержав его ни на миг.

— Эл, нет! — яростно прошипела она. — Сколько еще ты будешь опускаться до такого зла? Это зло, которого мы не должны совершать! Да, положение отчаянное, но...

— Я вселюсь в нее ненадолго, сделаю, что необходимо, и затем покину это ее, — прошипел Эльминстер в ответ. — У тебя мое тело в заложниках.

— Две горсти праха? Как они могут быть заложником?

— Подруга, подруга, доверься мне. Сколько раз за все эти века я тебя подводил?

— Я уже потеряла счет, — горько ответила Шторм, но зловещая фигура из праха опала — и Амарун содрогнулась, взмахнула конечностями, встала на ноги и начала ходить по комнате неуверенной, дерганой походкой, руки неловко раскачивались... Походка становилась все более плавной по мере того, как Эльминстер осваивался с чужим телом.

Следующий круг по комнате движения Амарун казались естественными; она поворачивала голову, держала осанку и двигала руками как обычно, как это делала Амарун, а не старый архимаг, пытающийся решить, как именно шевелит руками юная грациозная девушка.

Шторм Среброрукая гневно произнесла:

— Ты должен брать контроль над ее телом только когда это *необходимо*, и никому об этом не рассказывать — и отплатить ей за это... неважно, насколько сильно Амарун нас возненавидит.

— Согласен, — торжественно ответил Эльминстер голосом Амарун, но в своей манере. — Теперь собери мой прах во что-нибудь, и будем убираться отсюда. Здесь швырялись такой магией, что даже боевые маги не могли не заметить.

Расгул часто думал, что он, может, и не единственный старый жулик в Сюзейле, но, боги свидетели, самый успешный из них.

Недавно он получил даже несколько законных деловых предложений. Одним из которых он в настоящий момент и занимался, проезжая по разным переулкам.

Его все больше изумляло увиденное на улицах Сюзейла. Повсюду были патрули пурпурных драконов, и его постоянно останавливали для досмотра. К счастью, в его фургоне не было ничего, кроме бочек с вином для различных таверн, и после обыска ему позволяли проехать дальше. Это повторялось несколько раз.

Вернувшись к фургону, когда тот, наконец, остался пуст, Расгул удивился снова.

Его ожидала Амарун Белая Волна вместе молодым и слегка испачкавшимся лордом, которого он узнал с первого взгляда: Арклет Делькасл. С ними была высокая и потрясающе красивая среброволосая женщина, которая держала в руках шкатулку.

— Мы хотим нанять твой фургон — и твою осторожность — чтобы спрятать нас и нашего друга среди этих бочек, пока ты не выедешь далеко за город, — решительно заявила Амарун.

Расгул нахмурился.

— Я... я бы с радостью помог тебе, подруга, но по правде говоря, я не собираюсь за город!

Лорд Делькасл шагнул вперед с улыбкой на лице.

— Расгул, по-видимому, леди не слишком ясно обозначила твои варианты.

Он поднял небольшой мешочек.

— Эти драгоценные камни могут стать твоими, если ты нас примешь. Или можешь отказаться, и принять вот это. Каждый палец его яркой и очень острой длины.

Он со значением приподнял кончик своего обнаженного меча, не прекращая улыбаться.

Расгул сглотнул, затем вспомнил, что ему *действительно* нужно покинуть город вместе с фургоном по срочному и очень важному делу.

Он наклонился вперед и добавил низким голосом:

— Но я опасюсь за свою жизнь и сохранность фургона. Что помешает вам убить меня, как только мы окажемся за городской стеной?

— Это, — ответила Амарун, протягивая ему самый прекрасный арбалет из всех, что он когда-либо видел, и три стрелы. — Взведешь, нацелишь на одного из нас, и, будем надеяться, мы сможем друг другу доверять. До тех пор, пока он не выстрелит по несчастной случайности. Это будет очень плохо, понимаешь?

Арклет и Амарун стояли в лучах солнечного света среди густой зелени и высоких, массивных деревьев на краю Королевского леса. Усталая Шторм обнимала их за плечи, глядя, как уезжает повозка Расгула.

— Как и обещали, — сказала Амарун Шторм. — Добро пожаловать назад.

Амарун кивнула немного потрясенно.

— Это было... к этому будет непросто привыкнуть. Когда...?

— Эл снова займет твой разум? Только когда это будет необходимо.

— Я должен быть в этом фургоне, — прорычал Арклет. — Совет...

— Прекрасно пройдет и без тебя. Мирт выступит за дом Делькаслов, Разрин будет бдиль, а за ней будет следить Алусейр.

Арклет вздохнул.

— Я очень хочу знать, что вы двое вообще делаете в Кормире.

Шторм кивнула.

— Пытаемся добиться трех вещей: первая — спасти Кормир от его сегодняшних проблем, начиная с заговора Грозозмея, но еще и тех, кто стоит за ним. Плюс всего остального злодейства, которое собралось вокруг Совета и ожидает удачного момента, чтобы нанести удар.

Она со значением посмотрела на Амарун.

— Вторая — найти преемника, который возьмет на себя спасение Кормира и остальных Королевств.

Амарун побледнела.

— Я... не уверена, что готова... или достойна.

— Хорошо, — ответила Шторм с неожиданной улыбкой. — Это убеждает меня, что ты справишься. Третья — собрать столько магических артефактов, сколько сможем, чтобы осуществить одно доброе и нужное дело.

— Какое?

— Позднее, Арклет. Сначала мне нужно несколько ответов. За что стоит Арклет Делькасл? Что для тебя значит Амарун, на самом деле? И кому ты служишь в первую очередь — себе, семье Делькаслов, Короне Кормира или...?

Арклет мгновение смотрел на Шторм, потом заговорил:

— Я читаю Амарун *другом*. Иметь которого для меня большая честь. Не смазливой девочкой или, хм, той, которую можно использовать. Моей госпожой, если она на это согласится. И да, после службы ей я в первую очередь служу Кормиру.

Шторм снова улыбнулась.

— А ты, Рун, что тебя волнует прямо сейчас?

Амарун покраснела, опустила взгляд и сказала носкам своих сапог:

— Внимание Арклета. После этого — утрата той жизни, что я вела. Если боевые маги знают, что Тихая Тень — это я...

— А стать любовницей лорда, чья фамилия может быть, а может и не быть Делькасл, кажется не такой уж привлекательной идеей?

— Госпожа Шторм, — резко сказал Арклет, — эти слова испытывают и мою честь, и честь этой леди!

— Без сомнения, — спокойно ответила Шторм. — Но не меньше тебя заботясь о ее защите, лорд Делькасл, я спрашиваю: что делать Амарун, если власти знают о ее прошлом?

Лорд отмахнулся.

— Если она пожелает, я в течение нескольких часов могу устроить ее на службу в любую из дюжины благородных семей.

Лицо Амарун красноречиво сказало всему Королевскому лесу вокруг, что она думает об этом предложении, и Арклет торопливо добавил:

— Кроме того, у меня есть влияние — на нескольких очень высокопоставленных

личностей — и я могу устроить ее во дворец.

Амарун искоса посмотрела на него.

— Вот как? Боевые маги и дворцовая стража любят смотреть на танцующих обнаженных девушек?

Арклет кивнул и покраснел.

— Да, и... хм, на другие вещи.

Взгляд Амарун стал острее.

— И как во дворце называется девушка, которая занимается этими «другими вещами»? Согревательница постелей? Постельная горничная? Или как-то грубее?

Арклет моргнул и осторожно сказал:

— Леди, я не имел ввиду ничего предосудительного... ох, разрази меня гром, я не очень в этом хорош...

— Ну, я бы так не сказала, — спокойно ответила Амарун. — Так ты собираешься быть моим постоянным клиентом? Или каждую ночь мне придется встречать длинную очередь надменных придворных?

Спустя несколько часов ходьбы, Шторм устало спросила Арклета:

— Ты ведешь нас к старому королевскому охотничьему домику?

Тот помотал головой.

— Я знаю место получше. Мы же хотим устроиться поудобнее на случай, если в ближайший месяц в Кормире разразится война.

Амарун резко развернулась к нему, чуть не столкнув Шторм в болото.

— Если в ближайший месяц в Кормире разразится война?

Арклет криво усмехнулся.

— Поживем-увидим, подруга. Поживем-увидим.

Он потянулся погладить ее волосы.

— Тем временем, это мое сильное и благородное тело...

— Проголодалось и хочет поест до наступления темноты, — твердо заявила Шторм. — Даже охваченным страстью юным лордам нужно есть. И хотя я уверена, что в твоём «месте получше» есть кровать, в которую вы двое немедленно запрыгните, я также надеюсь, что там найдется очаг, поленья и хороший котел-другой. И поварешка: мне надоело помешивать обваренным пальцем.

— Боги, — пробормотал Арклет, — это слишком похоже на путешествие с моей старой кормилицей.

Амарун покосилась на Шторм, затем грустно ему улыбнулась:

— Ты себе даже не представляешь.

— Ты жалеешь о том, на что согласилась? — прошептала Шторм. — Мне стоит попытаться отыскать того, кто сможет отменить мое заклинание и освободить тебя от его разума?

Она вытащила шкатулку из-за пазухи и со значением взвесила ее на ладони.

— Да, — настойчиво сказал Арклет.

Амарун погрозила ему пальцем и гневно произнесла:

— Это мое дело и решать тоже мне, лорд Делькасл. Не тебе.

Она поглядела на Шторм.

— Нет. Я... я видела кое-что в его сознании, во время той вечности, что мы... соединялись. Я... боги, нужно столько еще сделать! Давайте не будем откладывать!

Шторм улыбнулась ей — и беззвучно заплакала, ее глаза сияли сквозь слезы.

— Хорошо, Амарун, — прошептала она. — Хорошо.

Они обнялись.

Из-за плеча Шторм Амарун увидела лицо Арклета. Он казался таким встревоженным, что она фыркнула и сухо добавила:

— Арклет, я думаю, сначала мы сможем провести какое-то время вместе. Просто найди нам постель.

Эльминстер?

Шторм проснулась и неподвижно лежала почти в полной темноте. В очаге неподалеку вспыхивали слабые огоньки, и как всегда, ей пекло с того боку, и было холодно с другой стороны.

Эльминстер?

Вот опять. У нее в голове.

Голос, который был ей знаком.

Голос, который она не слышала вот уже почти сто лет.

Голос, который она уже никогда не ожидала услышать.

Она собрала всю свою волю, обнаружив, что чуть не плачет.

Мистра? Богиня Мать, это ты?

Шторм! Дочь моя, Эльминстер с тобой?

Это была ее мать, но ослабевшая, синий огонь уменьшился. Другая.

Ну конечно же. Пряжа исчезла; как могла Мистра остаться той же самой?

И да, и нет. Шторм послала слова в знакомое синее тепло и почувствовала, как их забирают внутрь, как это всегда и бывало. *Его убили, но он может вселиться в согласного носителя.*

Отправь его ко мне. С тобой мы поговорим позже.

Это действительно была Мистра! Действительно!

Вся дрожа, почти задыхаясь, Шторм подобралась к кровати и открыла шкатулку.

Арклет мгновенно проснулся, схватившись за меч. Она бросилась на него и впилась в его губы, чтобы заглушить все вопросы, изо всех сил удерживая его, пока прах Эльминстера просачивался в тело юной танцовщицы.

И Амарун молча встала, улыбнулась им глазами Эльминстера — глазами, светившимися от радости — и ушла в ночь.

Больше книг на сайте - Knigolub.net